

Китайские паломники в Индии

Китайские паломники в Индии

漫那 指是

人纔至其像亦來卽此供
釋迦法盡像入龍宮今曷燃
君王異方豪右多欲發掘取
暴發煙雲四合道路迷失婉時
餘里至尼壤城周三四里在大

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт востоковедения

Н.В.Александрова

Путь и текст

**Китайские
паломники
в Индии**

МОСКВА
Издательская фирма
«Восточная литература» РАН
2008

УДК 94(5)
ББК 63.3(5)
А46

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
согласно проекту № 06-01-16165д*

Ответственный редактор
В.В. Вертоградова

Александрова Н.В.

Путь и текст : китайские паломники в Индии / Н.В. Александрова ; Ин-т востоковедения РАН. — М. : Вост. лит., 2008. — 366 с. : ил. — ISBN 978-5-02-018408-4 (в пер.)

В книге исследуются сочинения китайских буддистов-паломников Фа-сяня и Сюань-цзана, побывавших в Индии и странах Центральной Азии в V и VII вв. и оставивших «записки», которые представляют собой важнейший источник по истории, древней географии и культуре этих регионов. Автор анализирует структуру текста «записок», рассматривает приводимый в них мифологический материал, обращая внимание на проблему восприятия китайцами индийской традиции и демонстрируя возможности использования китайских источников для анализа буддийской мифологии и выявления ее архаических корней. Важную часть книги составляют переводы с китайского сочинения Фа-сяня и отдельных цзюаней сочинения Сюань-цзана, снабженные комментарием, в первую очередь терминологического и историко-географического характера.

Научное издание

Александрова Наталья Владимировна

Путь и текст Китайские паломники в Индии

Утверждено к печати Институтом востоковедения РАН

Редактор *О.В. Мажидова*. Художник *Э.Л. Эрман*. Технический редактор *О.В. Волкова*
Корректор *Е.И. Крошкина*. Компьютерная верстка *Н.А. Важенкова*

Подписано к печати 10.06.08. Формат 60×90^{1/16}. Печать офсетная. Усл. п. л. 21,0
Усл. кр.-отт. 21,3. Уч.-изд. л. 19,4. Тираж 800 экз. Изд. № 8123. Зак. № 1198

Издательская фирма «Восточная литература» РАН
127051, Москва К-51, Цветной бульвар, 21
www.vostlit.ru

ППП «Типография "Наука"»
121099, Москва Г-99, Шубинский пер., 6

© Александрова Н.В., 2008
© Институт востоковедения РАН, 2008
© Редакционно-издательское оформление.
Издательская фирма
«Восточная литература» РАН, 2008

ISBN 978-5-02-018408-4

Введение¹

События истории не столь часто суждено было оставить явственно читаемые следы. Сохраняющий их представитель книжной культуры, создающий текст, делает ушедшую эпоху достигаемой, однако именно приверженность автора книжной учености, старинной текстовой традиции и литературным канонам обеспечивает глубоко опосредованное отношение текста к действительности. Восприятие создателя текста, отягощенное веками складывав-

шейся системой ценностей и представлений, определяет наполняющее текст содержание, формируемое свойственными данной культуре ассоциациями. Так, сохраняя в себе следы времени и будучи порождением исторически обусловленной культурной среды, древний текст ставит перед исследователем сложную и притягательную задачу выявления колеблющегося соотношения между фактом текста и просматривающимся за ним фактом истории.

Время китайских паломнических странствий в Индию (III–VIII вв.) запечатлено в объемных, основательных текстах записок паломников, содержащих необозримое множество кропотливо собранных свидетельств о посещенных странах. Сохраненные в китайском буддийском каноне, это в первую очередь «Записки о буддийских странах» («Фо го цзи» 佛國記, 1 цз.) — сочинение Фа-сяня, ходившего в Индию в начале V в., и в особенности «Записки о западных странах, [составленные в правление] великой династии Тан» («Дай Тан си юй цзи» 大唐西域記, 12 цз.) — обстоятельный труд Сюань-цзана, совершившего паломничество в 629–645 гг. Со времени появления первых переводов этих текстов они способствовали росту интереса к истории Индии и стран Шелкового пути: проблемам исторической географии, истории буддизма, истории архитектуры, литературы, социальных отношений, торговых и дипломатических связей, служа, как кажется, неисчерпаемым источником данных по самым разным темам; начиная с середины XIX в. практически в любом номере «азиатских» журналов можно обнаружить исследовательские статьи со ссылками на китайских паломников.

Увлечение китайскими паломническими текстами вылилось в создание целой серии переводов Фа-сяня, следовавших друг за другом на протяжении XIX — начала XX в., и развернувшуюся вокруг них по-

¹ Работа подготовлена при финансовой поддержке РГНФ по проекту № 04-01-00156а.

лемику. Первый, выполненный Ж.П. Абель-Ремюза перевод «Фо го цзи» (на французский язык) был издан в 1836 г.² Эта работа вскоре устарела, однако именно она вызвала живейший интерес к тексту и послужила началом всей цепочки полемики друг с другом переводов. В этом издании Ю. Клапрот установил удобное деление текста на сорок частей (используемое и нами для ссылок). В 1869 г. появился английский перевод С. Била, пересмотренный вариант которого был опубликован в 1884 г. в первом томе двухтомного издания вместе с переводом Сюань-цзана (двухтомник выдержал множество переизданий, и к нему постоянно обращались исследователи в течение всего XX века)³. В 1877 г. Г. Джайлз предложил свой вариант перевода⁴, который отличался высокой грамматической точностью, но вызвал нарекания Била по поводу интерпретации в этой работе индологического и буддологического материала. Полемика приобрела наиболее острый характер в 1879–1880 гг., когда Т. Уоттерс подверг резкой критике оба перевода в большой серии продолжающих друг друга статей в «China Reviews». Читателя может смутить весьма напряженная интонация и постоянно выражаемое недовольство, даже выпады в адрес коллег, однако эта работа имеет большую ценность благодаря пристальному вниманию к тексту, множеству наблюдений и истолкований трудных мест, стремлению к точности в передаче китайского слова и буддийской терминологии. К сожалению, Уоттерс не оставил своей версии перевода «Фо го цзи», но его исследование, выказывающее совершенное владение индологической и синологической сторонами проблемы, дополнило необходимыми поправками существовавшие переводы⁵.

Итогом этой переводческой деятельности, пожалуй, стал перевод Джеймса Легга⁶, отразивший и профессионализм китаиста-переводчика, и опыт предшественников. Его книга и поныне сохраняет свое значение как основа для работы обращающихся к тексту исследователей, хотя недостаточность комментария вынуждает постоянно возвращаться к пояснениям Уоттерса.

² Foë kouë ki, ou Relation des royaumes bouddhiques: voyage dans la Tartarie, dans l'Afghanistan et dans l'Inde, exécuté à la fin du IV-e siècle, par Chi Fă Hian. Traduit du chinois et commenté par M. Abel Rémusat. Ouvrage posthume, revu, complété et augmenté d'élucidations nouveaux par M.M. Klaproth et Landresse. P., 1836.

³ Si-yu-ki. Buddhist Records of the Western World. Transl. by S. Beal. Vol. I–II. L., 1884–1886.

⁴ Fa-hsien. The Travels of Fa-hsien (399–414) or Record of the Buddhistic Kingdoms. Re-transl. by H.A. Giles. L., 1956.

⁵ Watters T. Fa-Hsien and his English Translators. — China Reviews. 1879–1880, vol. 8, p. 107–116, 131–140, 217–230, 277–284, 323–341.

⁶ A Record of Buddhistic Kingdoms. Being an Account by the Chinese Monk Fa-Hien of his Travels in India and Ceylon (A.D. 399–414) in Search of the Buddhist Books of Discipline. Transl., annot. and with a Corean Recension of the Chinese Text by James Legge. N.Y., 1965 (1st ed. Oxf., 1886).

Один за другим появились и два перевода сочинения Сюань-цзана — французский и английский. Первый перевод принадлежал С. Жюльену (1857)⁷, и в этой работе впервые был пройден путь интерпретации сложного текста, насыщенного буддийской терминологией, китайскими транскрипциями санскритских слов, — достаточно сказать, что в большой степени на основе этого перевода был составлен вышедший позднее китайско-санскритский словарь Эйтеля (1870)⁸. Сам процесс перевода «Си юй цзи» с его описаниями путей, ведущих через Центральную Азию и Индию, неизбежно вывел на историко-географическую тему, в первую очередь получившую воплощение в очерке исторической географии В. Сен-Мартена, помещенном в той же книге. В английской версии перевода, предложенной Билом (1884–1886)⁹, была продолжена работа с оригинальным текстом: внесены новые уточнения, отмечены случаи иной интерпретации отдельных фраз или названий по сравнению с французской версией Жюльена. На переводах Жюльена и Била до сих пор основано использование свидетельств Сюань-цзана в индологических работах. Проблема перевода имеет особый смысл в отношении текстов Фа-сяня и Сюань-цзана, поскольку исследователи-индологи, будучи заинтересованы в этих источниках, обычно имеют возможность обращаться лишь к «старым» переводам на европейские языки, имеющим свою специфику, — они выполнены в довольно архаичной манере, при которой расширяется содержание текста, как будто одновременно поясняемого, что ведет к несколько расплывчатой его передаче.

В период вхождения текста «Записок» Сюань-цзана в научный оборот работа органически соединяла в себе и проблемы перевода, и исследование фактологической стороны содержания его сочинения, без чего, конечно, был невозможен и сам перевод текста, изобилующего географическими названиями, названиями древних текстов, малоизвестными сюжетами или просто намеками, в которых звучат отголоски разветвленной литературной традиции буддизма. Такой всесторонний подход, безусловно, был проявлен в скрупулезнейшем исследовании Томаса Уоттерса¹⁰, посвященном теперь уже Сюань-цзану. Эта книга Уоттерса по существу представляет собой подробный последовательный комментарий к тексту, переключающийся на самые разные темы,

⁷ *Hiouen-thsang. Mémoires sur les contrées occidentales*, traduit du sanskrit en chinoise, en l'an 648 par Hiouen-thsang et du chinois en français par S. Julien. Vol. I–II. P., 1857.

⁸ *Eitel E.J. Handbook for the Student of Chinese Buddhism*. Honkong–Shanghai, 1870.

⁹ *Si-yu-ki. Buddhist Records of the Western World*.

¹⁰ *Watters T. On Yuan Chwang's Travels in India (629–645 A.D.)*. Vol. I–II. L., 1904–1905 (Oriental Translation Fund, New Series. Vol. XIV–XV).

главным образом те же: историческая география, история буддизма, трудности перевода. Комментарий перемежается здесь с фрагментами перевода и пересказа (к сожалению, автор зачастую не обозначает границы между тем и другим). Любитель точного факта, Уоттерс сосредоточен лишь на сугубо рационалистических выкладках Сюань-цзана и не склонен вдаваться в подробности пространных легенд и рассказов о чудесах, столь характерных для фактуры этого текста. По поводу мифологического материала «Записок» рационально настроенный исследователь обронил даже пренебрежительное «глупые рассказы», — возможно, по этой причине мы не имеем полного перевода «Записок» в исполнении Уоттерса, досадливо «сминающего» свой пересказ текста в этих «затянутых» пассажах. Книга Уоттерса имеет первостепенное значение при работе с текстом «Си юй цзи». В ее издании также приняли участие Т. Рис-Дэвидс (автор предисловия и инициатор издания книги после смерти Уоттерса) и В. Смит (составитель карты).

Наиболее очевидные возможности источников, описывающих путешествия по обширному региону Азии, через центры древних цивилизаций, немедленно были использованы в небольших научных изысканиях, следовавших друг за другом на страницах востоковедных журналов. Несомненно, сразу же возникло желание сопоставить наблюдения путешественников V–VII вв., своими глазами видевших древние буддийские монастыри и ступы, с известными археологическими находками. В таком ключе излагали свои соображения М. Спехт («Центральноазиатские этюды по китайским источникам»), А. Фуше («Заметки по древней географии Гандхары»), У. Вост («Отождествление местонахождения Капилавасту») ¹¹ и др.; центральноазиатские исследования А. Стейна и Э. Шаванна в значительной степени также имели своим ориентиром путевые записи паломников ¹². Своего рода «испытанию» на соответствие памятникам археологии подверг текст Сюань-цзана А. фон Сталь-Гольштейн ¹³. «Подставляя» на пути паломника известные объекты (колонны с эдиктами Ашоки, ступы и монастыри), автор сверяет их местонахождение с данными текста и приходит к вы-

¹¹ *Specht M.E.* Études sur l'Asie Centrale d'après les historiens chinois. — JA. 1879, sér. 6, t. 12; *Foucher A.* Notes sur la géographie ancienne du Gandhara. Hanoi, 1902; *Vost W.* Identifications in the Region of Kapilavastu. — JRAS. 1906, p. 553–586; *idem.* The Lineal Measures of Fa-hian and Yuan Chwang. — JRAS. 1903; *Fleet J.F.* The Yojana and the Li. — JRAS. 1906.

¹² См., например: *Stein A.* Ancient Khotan. Vol. I–II. Oxf., 1907; *idem.* From Svat to the Gorges of the Indus. — Geographical Journal. J. 1942, t. 200; *Chavannes E.* Documents sur les Tou-kiue (Turks) Occidentaux. St. Pétersbourg, 1903; *idem.* Voyage de Song Yun dans l'Udyana et le Gandhara. — BEFEO. 1903, t. III.

¹³ *Сталь-Гольштейн А.* Сюань Цзан и результаты современных археологических исследований. — ЗВОРАО. 1910, т. XX.

воду о большой точности его сведений, считая возможным «по Сюань-цзану» делать прогнозы археологических открытий и именно на этом основании предсказав будущее открытие буддийских памятников в Тохаристане. Археологическое исследование, полностью основанное на свидетельствах Сюань-цзана, было предпринято в 1908–1909 гг. в окрестностях Пешавара Д. Спунером, проводившим здесь раскопки «ступы Канишки». В отчете о своей полевой работе Спунер постоянно апеллирует к тексту Сюань-цзана: так, благодаря сообщению паломника была совершена находка известного реликвария с надписью, упоминающей имя Канишки. Читая Сюань-цзана — здесь же по вечерам, после рабочего дня на раскопе, — археолог делал предположения о расположении культовых сооружений, что позволяло ему вести раскопки в нужном направлении¹⁴.

Пример наиболее деятельного отношения к сочинению Сюань-цзана явил, несомненно, Александр Каннингхэм, руководствовавшийся описаниями и маршрутами паломника в своих исследовательских путешествиях по Индии, итогом которых стала его обстоятельная «*The Ancient Geography of India*»¹⁵. Проверив данные Сюань-цзана непосредственно на местности, Каннингхэм имел возможность оценить, в частности, точность цифр, определяющих расстояния от места до места и буквально на каждом шагу приводимых паломником, и обоснованно выразить сомнение в их непогрешимости. Очень ценные наблюдения по центральноазиатскому маршруту Сюань-цзана были высказаны также в небольшой, но очень содержательной работе Х. Юла¹⁶.

Другое направление интереса к китайцам-странникам было обращено к сюжетам буддийского предания, вплетенным в повествование о паломничестве. Место проведения собора или монастырь, в котором жил Васубандху, и, конечно, места, связанные с присутствием Будды, вызывают в памяти паломника известные ему версии исторических повествований и легенд. Начиная с конца XIX в., с исследований И.П. Минаева и Т. Рис-Дэвидс («Ашока и реликвии Будды»), буддийская традиция в передаче Сюань-цзана вычленяется, оценивается, подвергается сопоставлениям с палийскими и санскритскими текстами¹⁷. Паломнические версии преданий теперь неотъемлемо присутст-

¹⁴ Spooner D.B. Excavations at Shāh-jī-kī-dhērī. — ASI. 1908–1909.

¹⁵ Cunningham A. Verification of the Itinerary of Hwan Thsang through Afghanistan and India. — JASB. 1848, t. XVII; *idem*. The Ancient Geography of India. Delhi, 1996 (1st ed. Calcutta, 1871).

¹⁶ Yule H. Notes on Hwen Thsang's Account of the Principalities of Tokharistan. — JRAS. 1873, t. VI.

¹⁷ Минаев И.П. Буддизм. Материалы и исследования. Вып. 1. СПб., 1887; Rhys Davids T.W. Aśoka and the Buddha-relics. — JRAS. 1901; *eadem*. Hiouen Thsang and the Four Vedas. — JRAS. 1890; Fleet J.F. The Tradition about the Corporeal Relics of Buddha. —

вуют в любом исследовании, посвященном этой теме; в качестве примера можно назвать работы Дж. Пшылуски («Собор в Раджагрихе») или А. Баро («Буддийские секты „Малой Колесницы“»)¹⁸. Факты светской истории, не столь многочисленные у Сюань-цзана, но тем не менее проливающие свет по крайней мере на эпоху Харши, постоянно фигурируют в обобщающих исторических трудах со времен «Ранней» или «Оксфордской истории Индии» В. Смита. Предпринятый им разбор отрывка из Фа-сяня¹⁹ по поводу правления Гупт стал обычаем в исследованиях, посвященных Гуптской Индии. Наконец, «буддийский фольклор», который занимает значительный объем текста Сюань-цзана, также стал предметом исследования. Сопоставление джатак в передаче Сюань-цзана с палийскими и санскритскими версиями провел еще М. Феер в своем докладе на конгрессе ориенталистов в 1897 г.²⁰. Персонажи низшей мифологии, в таком изобилии «населяющие» текст «Записок», заняли свое место в книге Фогеля о змеях-нагах²¹. Тема буддийской семантики с постоянным использованием материала, почерпнутого у Фа-сяня и Сюань-цзана, получила свое развитие во французских исследованиях Ж. Обуайе и О. Вьенно²².

В истории исследования китайских паломнических текстов наиболее интересен начальный ее период, отражающий вхождение этих источников в научный оборот. В трудах второй половины XIX — начала XX в., в соответствии с духом времени, была проведена скрупулезная работа по интерпретации текста, совершенствованию переводов, составлению словарей и карт, что создало фундаментальную основу для любой последующей работы с этими источниками. Дальнейшая судьба текстов паломников, неизменно пользовавшихся «спросом» в исследованиях по обозначенной проблематике, состояла почти исключительно в эпизодическом использовании отдельно взятых свидетельств текста применительно к трактуемой теме²³. При всей закономерности

JRAS. 1906–1907; *Przyluski J.* La Légende de l'Empereur Açoka dans les textes indiens et chinois. P., 1923.

¹⁸ *Przyluski J.* Le Concile de Rajagrha. Introduction à l'histoire des canons et des sectes bouddhiques. P., 1926; *Bareau A.* Les sectes Bouddhiques du Petit Véhicule. Saigon, 1955.

¹⁹ *Smith V.A.* The Early History of India from 600 B.C. to the Muhammedan Conquest. Oxf., 1964, p. 311–315.

²⁰ *Feer M.R.* Les Jātakas dans les mémoires de Hiouen-Thsang. — Congrès international des orientalistes. Sect. I. P., 1897.

²¹ *Vogel J.* Indian Serpent-lore or the Nagas in Hindu Legend and Art. L., 1926.

²² *Auboyer J.* Le Trône et son symbolisme dans l'Inde ancienne. P., 1949; *Viennot O.* Le Culte de l'arbre dans l'Inde ancienne. Textes et monuments brahmaniques et bouddhiques. P., 1954 (Annales du Musée Guimet. Bibliothèque d'études. T. LIX).

²³ *Mitra R.S.* The Decline of Buddhism in India. Calcutta, 1954; *Dutt S.* Buddhist Monks and Monasteries of India. L., 1963; *Joshi L.* Studies in the Buddhistic Culture of India (during the 7th and 8th Centuries A.D.). Delhi, 1967; *Devahuti D.* Harsha: A Political Study. Delhi,

такой ситуации необходимо тем не менее обратить внимание на сложившееся представление о тексте китайского паломника, в особенности Сюань-цзана, как исключительно точного и рационалистичного в передаче информации, чему, впрочем, способствовали не только прагматично настроенные исследователи первоначального периода работы с этим источником, но и само внешнее впечатление от текста с его характерным систематизирующим изложением и многочисленными статистическими выкладками. Однако вряд ли можно считать безболезненным изъятие отдельных сообщений у автора, принадлежащего к отдаленной эпохе и приверженного своему узкоконфессиональному кругу представлений. Возвращаясь к мысли о том, что выраженное в древнем тексте восприятие действительности и передача сведений о ней имеют глубоко опосредованный характер, вспомним и о поставленной нами задаче выявления соотношения между фактом текста и фактом истории. На этом пути в качестве первого шага необходимо составить объемное представление о структуре текста, формирующих его традициях и мировоззрении; в таком случае целостная система взаимозависимых составляющих текста определит место отдельного сообщения и его смысловые отношения с окружающим материалом.

Предлагаемое в этой книге исследование охватывает три взаимосвязанные темы, рассмотрение которых, как хочется надеяться, позволит найти новые подходы к китайскому паломническому тексту. Проблеме формирования этих сочинений, выявлению структуры текста и повлиявших на него традиций посвящена первая глава. Вторая глава, в центре внимания которой находится тема буддийской мифологии в передаче паломников, выводит на проблему восприятия индийской традиции в китайской паломнической литературе и, далее, демонстрирует возможности китайских источников для анализа индийской буддийской мифологии и выявления ее архаических корней. Паломничество и текстовая деятельность паломника как явление буддийской культуры — тема третьей главы; такая попытка дать картину образной системы «паломнического буддизма» подводит к возможности «подобрать ключи» к этим текстам, адекватно осмыслить их содержание и полнее оценить как памятники своей эпохи. Таким образом, исследование ориентировано в значительной мере на анализ мифологического материала текстов паломников, что определило и характер его методологии.

1983. В качестве примера работы, целиком посвященной сведениям паломников, можно привести книгу: *Hazra K.L. Buddhism in India as Described by the Chinese Pilgrims A.D. 399–689. New Delhi, 1983*, — построенную как систематизированный по темам пересказ текстов паломников.

Перевод «Фо го цзи» Фа-сяня сделан по китайскому тексту, опубликованному Джеймсом Леггом в кн.: A Record of Buddhistic Kingdoms. Being an Account by the Chinese Monk Fa-Hien of his Travels in India and Ceylon (A.D. 399–414) in Search of the Buddhist Books of Discipline. Transl., annot. and with a Corean Recension of the Chinese Text by James Legge. N.Y., 1965. Перевод отдельных цзюаней из «Дай Тан си юй цзи» Сюань-цзана, отражающих путь паломника от Китая до Ганга (цз. I–IV) и обратный путь через страны Центральной Азии (цз. XII), выполнен по изданию: *Сюань-цзан. Дай Тан си юй цзи*. Пекин: Вэнь-сюэ гуцзи каньсин шэ бяньцзибу, 1955. Вступительная часть цз. I в переводе опущена, что в тексте отражено многоточием в квадратных скобках. Далее ссылки на указанные издания приводятся в следующей форме: текст Фа-сяня — название сочинения и номер части (согласно делению Ю. Клапрота), текст Сюань-цзана — имя автора и страница.

В работе над переводом мы стремились, корректно передавая смысл оригинала, выдержать тот литературный стиль, который, как нам кажется, соответствовал бы этим памятникам словесности, обладающим исключительным обаянием для читателя. Обилие китайских транскрипций индийских географических названий (а также имен персонажей и названий текстов) ставит вопрос об их форме в переводе. В тех случаях, когда это возможно, мы даем восстановленные и переведенные (индийские и др.) имена и названия. В комментарии приводятся санскритские и китайские эквиваленты, причем китайские — только те, что присутствуют в оригинале. Нумерация в комментарии сквозная для обоих текстов.

Комментарий имеет терминологический, историко-географический характер, поясняет встречающиеся намеки на сюжеты буддийской литературы и ссылки на другие тексты, что, как можно надеяться, послужит необходимой основой для исследовательского использования и вообще прочтения сочинений паломников.

Выражаю особенную благодарность моему учителю-китаисту Э.М. Яншиной, индологам А.А. Вигасину и В.В. Вертоградовой, а также всем коллегам, советы и замечания которых неоценимы в научной работе.

**Предварительные
замечания:
карта
путешествий
китайских
паломников**

Сочинения китайских паломников предоставляют широкие возможности для исследования в рамках самых разных подходов. Поставив перед собой свои цели, в первую очередь анализ текста в его культурной обусловленности, отметим, однако, важнейшие вехи истории путешествий паломников, в прямом соответствии с которой выстраивался и текст.

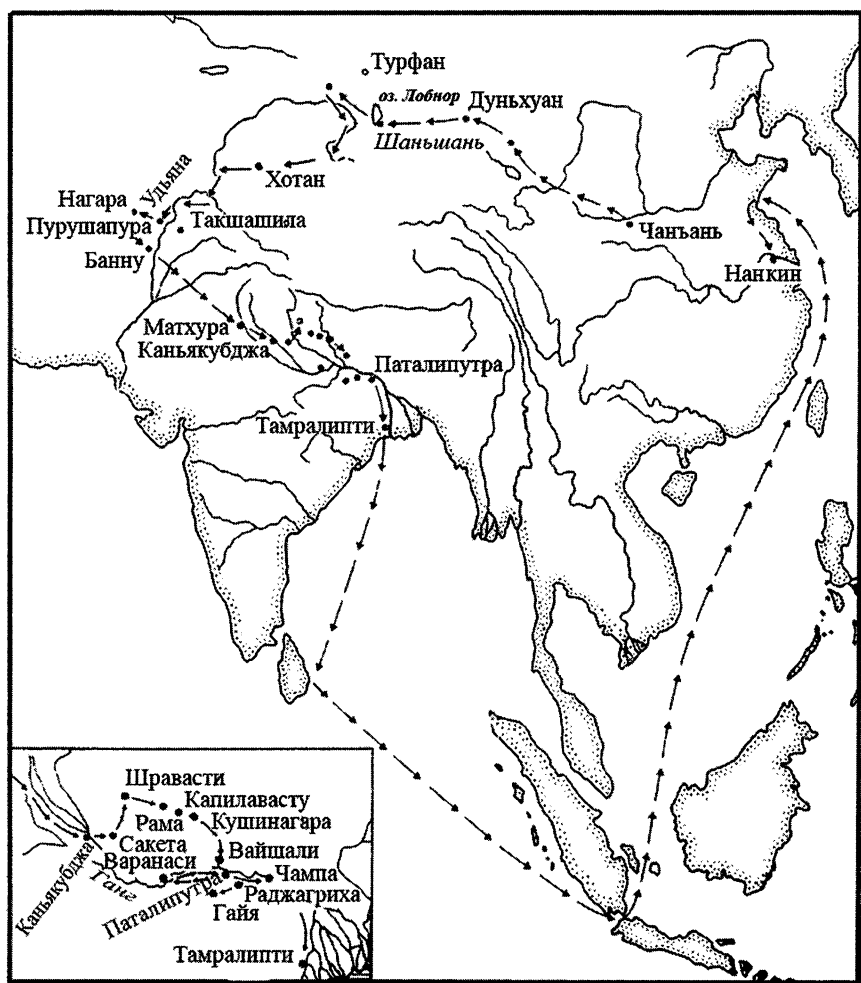
Уже при первом взгляде на карту с обозначением пути Фа-сяня или Сюань-

цзана, сложной извивающейся линией протянувшегося на тысячи километров от Восточного Китая до Индии, трудно поверить в осуществимость походов на такие расстояния. Главная сложность этих путешествий, конечно, заключалась в преодолении огромных массивов гор, которые разделяют Восточную и Южную Азию. Открывались лишь две возможности: либо далекого обхода, либо тяжелых и рискованных переходов через горную страну.

Кратчайшим путем пересекает горы Фа-сянь в самом начале своего путешествия: выйдя из Чанъани и совершив обычный путь через Дуньхуан и далее до дорогам Кашгарии до Хотана, он идет через горы Каракорума в юго-западном направлении и — если подсчитать только время переходов — через 3 месяца и 10 дней оказывается в «стране Удяне» в Северо-Западной Индии, выйдя к Инду в его верхнем течении. Этот отрезок пути Фа-сяня через Цунлин (Луковые Горы) не удастся с определенностью положить на карту, и все исследователи затруднялись предложить отождествления перечисляемых автором стран¹ (Цзыхэ-Юймо-Цзеча-Толи). Так, Шаванн отождествлял Цзеча с Кашгаром², что уводит паломника весьма далеко от его маршрута. Однако, если исходить из того, что он попадает на переправу через Инд напротив Удяны, долины Свата, и приходит сюда, двигаясь на юго-запад, то естественно предположить, что он прежде пересек Каракорум, следуя через Хунджераб и Гилгит, — здесь идущая вдоль долины Хунзы дорога действительно связывает Юго-Западный Синьцзян и указанное место на Инде. Обозначенный в тексте маршрут (на юг — на запад — на юго-запад) как раз соответствует этому пути, да и, глядя на карту, трудно себе представить иной переход через горы, приводящий к Удяне с северо-востока. Завершающая этот переход

¹ Название «страны» (國) в текстах паломников, как и в других китайских географических сочинениях, часто соответствует названию главного города.

² *Chavannes E. Voyage de Song Yun dans l'Udyana et le Gandhara. — BEFEO. 1903, t. III, p. 432.*

Путешествие Фа-сяня

переправа через Инд в рассказе Фа-сяня вызывает головокружение: «Путь здесь труден и опасен, скалы обрывисты. Горы стоят, как каменные стены высотой в тысячу *жэней*. Приблизись к ним — кружится голова, хочешь поставить ногу — и нет места. А внизу — река, называемая Синьтоу. В древности люди высекли в скалах коридор и сделали лестницу — в ней 700 ступеней. Спустившись по лестнице, переходишь реку по висячему мосту. Берега реки отстоят друг от друга на 80 бу. У „деяти комментаторов“ [эти места] упоминаются, но никто — ни Чжан Цянь, ни Гань Ин — не дошел досюда». Интересно, что Сюань-цзан описывает те же места, следуя в противоположном направлении — из Удяны: «От города Мэнхэли шел на северо-восток. Миновал горы, перешел долины. Вверх по реке Синьду дороги становятся опасны, а горы и долины мрачны и дики. То ступаешь по канатам, то хватаешься за острые выступы. Пробиты узкие тропы, идущие [по краю] над пустотой, и наведены висячие мосты, весьма опасные; выбитые [в скале] ступени взбираются ввысь. Шел около 1000 ли. Прибыл к реке Далило...».

Название «Далило» обычно отождествляют как раз с упомянутым выше «Толи» у Фа-сяня, что и не может быть иначе, поскольку именно здесь оба автора видят статую Майтрейи, о которой рассказывают одну и ту же легенду — о вознесении создавшего ее ваятеля на небеса Тушита, где он созерцал самого Майтрею. Другое дело, что при отождествлении этой страны Толи/Далило с долиной Дарела — как было предложено Каннингхэмом, которому следует и Уоттерс³, — возникает несоответствие описанию маршрута. Это противоречие отметил Легг⁴: Дарел находится на правом, западном берегу Инда, а Толи — на левом. Действительно, отсюда до переправы через Инд Фа-сянь шел еще 15 дней. Кстати, по описанию Сюань-цзана можно понять, что он, следуя встречным маршрутом, все-таки переправился через Инд, если после «висячих мостов» он упоминает ступени, которые «взбираются ввысь». Фа-сянь же по тем самым ступеням спускался: «Спустившись по лестнице, переходишь реку по висячему мосту». Таким образом, и Далило Сюань-цзана возможно располагать только на левом берегу Инда. Если следовать этой логике и принять во внимание указанные авторами расстояния, страна Толи/Далило находилась примерно в районе Чиласа.

³ *Cunningham A. The Ancient Geography of India. Delhi, 1996 (1st ed. Calcutta, 1871), p. 69–70; Watters T. On Yuan Chwang's Travels in India (629–645 A.D.). Vol. I–II. L., 1904–1905 (Oriental Translation Fund, New Series. Vol. XIV–XV), vol. I, p. 239.*

⁴ *A Record of Buddhistic Kingdoms. Being an Account by the Chinese Monk Fa-Hien of his Travels in India and Ceylon (A.D. 399–414) in Search of the Buddhist Books of Discipline. Transl., annot. and with a Korean Recension of the Chinese Text by James Legge. N.Y., 1965 (1st ed. Oxf., 1886), p. 24.*

В Удьяне, где «учение Будды процветает» и можно встретить следы пребывания Будды, Фа-сянь проводит сезон дождей и затем направляется в Гандхару, посетив Пурушапуру (совр. Пешавар) и повидав ступу Канишки, которая «превосходит своей красотой все, что ни есть в Джамбудвипе». Попутно он рассказывает о Такшашиле, в которой он явно не был, поскольку при описании пути из Удьяны о переправе через Инд сообщается уже после рассказа о Такшашиле, и эта переправа значительно ниже по течению, чем требовалось бы, чтобы туда попасть. Желая посетить «буддийскую страну» Нагару с ее святынями — вихарой, где хранилась ушниша Будды, и «пещерой Тени Будды», — он совершает поход на запад, а потом поворачивает на юг и переходит южную ветвь Гиндукуша через Хайберский проход, который сулил ему большие тяготы и утраты: «Прожив здесь три зимних месяца, Фа-сянь со спутниками — троим — отправились на юг и перешли Малые Снежные Горы. На Снежных Горах зимой и летом много снега, с северной стороны гор свирепствуют холодные ветры. Все путники умолкли и впали в уныние. Один же их них — Хуй-цзин — не мог дальше идти. Из рта у него пошла белая пена. И сказал он Фа-сяню: „Мне долее не жить, вы же идите, пока не поздно, чтобы всем нам здесь не пропасть“, — и тут скончался. Похоронил его Фа-сянь и плакал, восклицая скорбно: „Не сбудутся замыслы Хуй-цзина! Как же так!“» Лишь затем он окончательно поворачивает к главной своей цели — на восток, в сторону Ганга; он переправляется через Инд, затем идет до Матхуры (отрезок пути от Инда до Матхуры совершенно не отражен в «Записках»).

Далее он следует через Каннаудж, где пересекает Ганг, и обходит самые для него желанные места, связанные с жизнью Будды — Кошалу, где Будда жил в монастыре Джетавана, затем — Капилавасту, где видит ступу, возведенную на месте дворца Шуддходаны, в котором вырос царевич — будущий Будда Шакьямуни, Рамаграму, где дракон охраняет ступу с мощами Будды, Кушинагару — место паринирваны. Потом его путь идет через Магадху, где он видит дворец Ашоки в Паталипутре: «Искусная резьба, которой украшены стены дворца... такая, какой нигде более не создано на свете», — и рассказывает легенды об Ашоке. Пройдя через Наланду, Раджагриху, он приходит в Гайю — место просветления Будды, и в этой части текста описывает буквально каждый шаг, как бы продвигаясь по следам Будды: «Здесь повсюду рощи. Отсюда шли на запад 3 *ли* и прибыли к тому месту, где дэва подал ветвь дерева Будде, вошедшему в воду для омовения, и помог ему выбраться из озера. Далее шли на север 2 *ли* и достигли места, где женщина [по имени] Грамика поднесла Будде рисовой каши на молоке. Отсюда шли на север 2 *ли* — здесь Будда вкушал рис, сидя на кам-

не под большим деревом и обратив лицо на восток. И дерево, и камень — все сохранилось донныне». Затем он идет в Варанаси, чтобы увидеть место первой проповеди, и возвращается в Паталипутру, где «прожил три года, изучая санскритские тексты и санскритский язык» и приобрел нужные тексты: винаю махасангхиков, винаю сарвастивадинов, «Паринирванасутру» и др.

Здесь он расстаётся со своим последним спутником Дао-чжэном, который решил остаться в Индии: «Отныне и до тех пор, пока не достигну состояния Будды, не желаю получать перерождение в окраинных землях; потому остаюсь здесь и не пойду обратно». И теперь Фа-сянь «в стремлении донести [индийские] правила винаи до Ханьской земли» отправляется в долгий обратный путь — вниз по Гангу через Чампу до Тамралипти, где «прожил два года, переписывая сутры и копируя изображения, а затем сел на торговое судно и поплыл по морю на юго-запад». В конце концов он отправляется в «страну Симхалу», на Ланку, где становится свидетелем буддийских празднеств, наблюдает обряд погребения архата и слушает поразившую его проповедь о патре Будды, которую полностью изложил в «записках». Здесь он прожил еще два года, приобрел новые тексты и сел на торговое судно, которое шло на Яву. Во время этого плавания разыгралась непогода, и, когда судно дало течь, купцы побросали за борт свои товары и Фа-сянь боялся, что его заставят выбросить книги. Все-таки они добрались до берегов Явы, хотя и потеряли направление: «Это огромное море настолько беспредельно и безбрежно, что не знаешь, где восток, а где запад — и, лишь наблюдая солнце, луну и созвездия, можно определить направление. Когда же темно и дождь — судно движется по ветру, и невозможно определить, где оно находится. Во мраке ночном видны лишь огромные волны, которые сталкиваются друг с другом и сияют огненным свечением, да большие водяные черепахи диковинной породы». На Яве он сел на другое судно, направлявшееся в Гуанчжоу, но снова случился шторм. По словам Фа-сяня, «брахманы», подозревая причиной бедствия присутствие буддиста, хотели посадить монаха на пустынный остров, однако на корабле нашелся человек, который взял его под свою защиту.

Прибыв наконец в «Ханьскую страну», он прежде всего отправился в Нанкин, где «представил учителям сутры и „Винаяпитаку“». Фа-сянь провел в странствиях 15 лет (399–414). Время его пребывания в Индии пришлось на период Гуптской империи; впрочем, его текст полностью сосредоточен на монастырской жизни или впечатлениях о посещении святынь и никак не касается темы государственного правления, границ владений и т.п. — к этой стороне бытия он был просто не причастен. В его сочинении есть лишь один пассаж, имеющий отноше-

ние к мирской жизни, однако, как мы увидим (гл. I), он очень лаконичен и звучит несколько отстраненно; в нем более всего просматривается желание отдать дань традиции китайских сочинений о дальних странах, где всегда есть сведения о местных обычаях, а заодно стремление восхвалить главную из «буддийских стран», где «великая добродетель монашеских общин и спасительная сила Учения так прекрасны, что нельзя этого выразить словами».

Маршрут путешествия Сюань-цзана из Китая в Индию дальним путем огибает горную страну, тянется через Среднюю Азию до Термеза и лишь затем поворачивает на юг и потом на восток — через территорию современного Афганистана и Пакистана к Северной Индии.

Описание своего путешествия Сюань-цзан начинает с Синьцзяна как начала Западного Края. Намереваясь обогнуть с севера лежащие на его пути горные массивы, он движется через северные области Синьцзяна: Карашар (Ацини) — Куча (Цюйчжи) — Аксу (Балуцзя) — и далее поворачивает через перевалы Тянь-Шаня на север. Свой первый переход через горы путешественник описывает с явственно слышной тревогой: «Это северные отроги Цунлина... Дороги опасны. Свиристствуют холодные ветры. Много неприятностей доставляют злые драконы, которые нападают на путников. Идущий по этой дороге не должен носить красной одежды, брать с собой тыкву-горлянку или кричать. Если нарушишь эти запреты — быть беде». Преодолевая горный путь, он направляется к Большому Чистому Озеру (оз. Иссык-Куль): «Накатывают огромные валы, грозно плещутся волны. Здесь обитают драконы, рыбы, появляются и диковинные существа». Обойдя озеро, он держится теперь западного направления — вдоль северного склона Киргизского хребта, проходит через край «тысячи родников» (южная сторона Чуйской долины, пересеченная множеством рек и речек), следует через Талас (Далосы) и Белые Воды (Байшуй), поворачивает на юг и, обогнув горы, заходит в Ферганскую долину, а затем снова продолжает путь на запад до Самарканда.

Теперь он имеет возможность стабильно держаться южного направления и, пройдя через Железные Ворота, попадает в пределы древней Бактрии, где, продолжая движение на юг, посещает Термез, Балх, Бамиан. После описания долгого пути через Среднюю Азию, представленного в тексте лишь в виде сухого и краткого отчета, его рассказы о Балхе и Бамиане выглядят довольно пространственными и полны древних преданий; это объяснимо, ведь здесь он попадает уже в «буддийские страны» с их монастырями и святыми местами, напоминающими о событиях прошлого. От Бамиана Сюань-цзан наконец берет направление на юго-восток, в сторону Индии, и, продолжая путь по территории современного Афганистана, пересекает Капишу и Нангархар. Следуя да-

лее по долине Кабула, Сюань-цзан добирается до Гандхары, откуда совершает поход в долину Свата, в Удьяну, по возвращении из которого он переправляется через Инд и, посетив Такшашилу, поворачивает на северо-восток, в Кашмир, после чего уже направляется к верховьям Ганга.

Начиная с Капиши описания и пересказы преданий у Сюань-цзана становятся особенно подробными и остаются таковыми на протяжении всего текста, отражающего путь через Северную Индию — главную цель его паломничества. Здесь он посещает все «страны», связанные с основным буддийским преданием: идет через Тханесар, Каннаудж, Айодхью, Каушамби, Шравасту, к месту рождения Будды в Капилавасту, затем к месту паринирваны в Кушинагаре и месту первой проповеди в Варанаси. Дальнейший путь лежит через Вайшали, Вриджи и Магадху, которой в «записках» Сюань-цзана отведено особенно много места — два цзюаня (VIII и IX): здесь и посещение множества святых мест, и легенды о Паталипутре, и предания об Ашоке. Сюань-цзан провел здесь несколько лет в Наландских монастырях.

Дальнейшее описание уводит читателя к низовьям Ганга (Чампа, Тамралипти) и вдоль восточной стороны Индостана — через Калингу и Чолу; рассказ о Цейлоне он ведет, не побывав на острове, но тем не менее довольно пространно. Повернув на север и пройдя через Махараштру, Гуджарат и переправившись через Инд, Сюань-цзан покидает Индию и направляется в обратный путь, приближаясь к тем местам, которые он уже посетил несколько лет назад, на пути в Индию. Его трудный путь возвращения в Китай описан в последнем цзюане (XII). Теперь он не совершит такого далекого обхода горной страны, а пройдет прямо через высокогорные перевалы Памира. Сюань-цзан движется через восточные территории современного Афганистана, пересекая его в направлении с юга на север. Пройдя через район Газни и Кабула, паломник подходит к хребту Гиндукуша; он называет это место «хребет Полосина» и поражается суровым высотам этих гор: «Соколы в полете не могут преодолеть хребет, а садятся и пешком переходят его и только потом летят вниз». Преодолев этот переход, видимо, через перевал Саланг (вряд ли через перевал Хавак, как предполагал Уоттерс, поскольку это не соответствует указанному в тексте пути, уводит в сторону), Сюань-цзан попадает в Андараб (Аньдалофо) и все последующие страны непременно отмечает как владения страны Духоло.

Далее через Хост (Косидо) он проходит в Кундуз (Хо) и тогда уже поворачивает на восток и идет через Кишим в сторону Кокчи в ее верхнем течении, описывая в этом отрезке текста страны, расположенные по северную сторону его маршрута. Здесь автор уделяет осо-

бое внимание маленькой «стране Сымодало», и не без оснований: прежде, сообщает паломник, в этой стране правил выходец из племени шакьев (сородичей Будды Шакьямуни), изгнанный из родной страны. Двигаясь далее на восток, он попадает в горный Бадахшан (Бодочуанна) в районе слияния рек Кокчи и Вардуджа и отмечает, что жители в этих местах «с виду дикие», «не знают учености и искусств». Теперь его путь идет на юго-восток (если проследить по карте, вдоль долины Вардуджа) через страны Иньбоцзянь и Цюйланна и поворачивает на северо-восток, следуя теперь вдоль долины Пянджа (р. Фочу). Здесь располагается горная страна Дамоситеди, узкой полосой протянувшаяся между Пянджем и хребтом Гиндукуша; в этой стране паломник посещает монастырь и подробно пересказывает легенду о его основании. Это последнее упоминание о «владениях страны Духоло».

Описываемая далее суровая «страна Шицини» (за Пянджем, в направлении к р. Гунт) явно находилась в стороне от маршрута и описана по расспросам (далее путь продолжается снова от Дамоситеди). Паломник следует вдоль Пянджа на восток и попадает в «страну Шанми» в районе Вахана, где «горные духи, жестокие и злобные, постоянно насылают бедствия. Когда люди приходят сюда, то приносят им жертвы. Если же им не помолиться, то поднимется ветер и пойдет град».

Дальнейший путь — наверное, самый трудный момент путешествия Сюань-цзана: «Преодолевая грозные кручи и ступая по опасной высоте, прошел около 700 *ли* и прибыл в долину Бомило». Бомило — это река Памир, протекающая в высокогорном районе между Ваханским и Южно-Аличурским хребтами: «Долина расположена между двумя грядями Снежных гор, и потому здесь дуют сильные и холодные ветры, весной и летом падает снег, днем и ночью бывают ураганы. Все покрыто мелким камнем, где посевы не могут давать урожай, а травы и деревья редки — оттого эта местность выглядит пустынно, и совершенно нет человеческого жилья». В верховьях Памира он добрался до «драконьего озера» (оз. Зоркуль), которое описано как место, полное чудес: «Во всей Джамбудвипе это место самое высокое. Воды озера ясные и прозрачные, как чистое зеркало. Никак не измерить его глубины. Цвет воды темно-синий, вкус весьма сладкий. В глубине его водятся водяные чудовища, рыбы-драконы, крокодилы и черепахи...»

Не совсем понятно, почему Сюань-цзан выбрал путь вдоль Памира, а не по Вахандарье, ведущей к более хоженным перевалам; также не вполне ясен его путь от Зоркуля до следующей отмеченной в тексте «страны Цепаньто» (район Ташкурмана), уже на территории Синьцзяна, посреди Цунлина. Здесь он попадает в зону иного культурного влияния («В письменности и языке большое сходство со страной Цюйша (Кашгар)»), в страны развитого буддизма, что вновь побужда-

ет его к рассказу преданий. Далее его путь пролегал уже через районы Синьцзяна — «страну Уша», которую отождествляли с районом Янгисара, хотя это явно не совпадает с указанными автором направлениями и расстояниями, которые скорее соответствуют северному берегу Яркенда, тем более что речь идет о реке, протекающей с южной стороны от города. В таком случае и последующее движение на Кашгар — 500 *ли* в северном направлении — становится объяснимым. Из Кашгара паломник шел на юго-восток, снова, очевидно, попал на р. Яркенд и прибыл в страну Чжоцзюйцзя на половине пути от Кашгара до Хотана. Хотан (Цюйсаданьна) — последняя страна, описываемая в сочинении Сюань-цзана и привлекавшая его внимание как именно «буддийская страна»; несомненно, что резкий поворот на юго-восток из Кашгара, откуда можно было идти уже освоенным путем через Кучу, объяснялся желанием посетить Хотан.

Отследить по тексту передвижение паломников не всегда легко, главным образом из-за неопределенности некоторых формулировок, выражающих эти передвижения. Так, в тексте Сюань-цзана одно и то же слово *чжи* 至 («достиг», «дошел», «прибыл») присутствует и в том случае, когда он реально переходит от одного места к другому, и при описании стран, лежащих в стороне от маршрута (в таком случае глагол можно переводить «дойдешь», «попадешь»). В таком же значении в тексте Фа-сяня употребляется слово *дао* 到. Понять, что автор описывает места, которые он реально не посещал, можно лишь найдя далее в тексте упоминание исходного пункта, от которого автор начал отклоняться в сторону: перечислив окрестные страны, он, видимо, мысленно возвращается к месту своего нахождения и дает последующее расстояние и направление пути от того города, через который идет. Кроме того, возможны и простые ошибки.

Целая дискуссия произошла по вопросу о расположении «страны Симхапуры» на пути Сюань-цзана из Гандхары в Кашмир. Этот отрезок пути паломника привлекал внимание исследователей с самого начала изучения текста и маршрута Сюань-цзана. Среди многих таких исследований можно упомянуть экспедицию Каннингхэма, прошедшего здесь значительное расстояние по пути Сюань-цзана⁵, Фуше, обошедшего все примечательные места Гандхары, отмеченные паломником⁶, а также археологические работы 1908–1909 гг. (Спунер) — раскопки ступы Канишки, начатые в значительной мере под впечатле-

⁵ *Cunningham A.* The Ancient Geography of India.

⁶ *Foucher A.* Note sur l'itinéraire de Hiuen-Tsang du Gandhara. Congrès international des orientalistes. P., 1897; *idem.* Notes sur la géographie ancienne du Gandhara. Hanoi, 1902.

нием обследований Фуше и проводимые при постоянном обращении к тексту Сюань-цзана⁷.

Так, известный реликварий с рельефным изображением и надписью, обнаруженный в этой ступе, также был найден «по наводке» Сюань-цзана; место закладки шурфа было определено буквально по тексту «Записок»⁸. Однако столь ясный «адрес» памятника в записках Сюань-цзана выявляется далеко не всегда; Фуше, передвигавшемуся по Гандхаре по следам Сюань-цзана, приходилось постоянно решать запутанную проблему расстояний и направлений пути, что ставило под сомнение большинство его отождествлений. Более того, именно на этом участке пути проблематично само восстановление по карте маршрута следования паломника от одной страны к другой.

По тексту, Сюань-цзан передвигался в последовательности: Гандхара—Удьяна—Далило—Болуло, затем возвратился на юг к восточной границе Гандхары, переправился через Инд и направился в Такшашилу; дальнейший маршрут — Симхапура—Ураса—Кашмир. Описание маршрута на участке после Такшашилы вызывает недоумение. После Такшашилы движение происходит в направлении на юго-восток (700 *ли*), и паломник попадает в «страну Симхапуру», затем он движется опять на юго-восток (200 *ли* и 500 *ли*), прибывает в «страну Улаши» и оттуда продолжает следовать на юго-восток (1000 *ли*) «до Кашмира». Понятно, что, идя от Такшашилы на юго-восток, никак не попасть в Кашмир, и, преодолев в этом направлении указанное расстояние — около 400 км, путник будет удаляться от Кашмира и придет в Пенджаб. Таким образом, возникает и проблема расположения «страны Симхапуры», и пути паломника, приведшего в Кашмир.

Держась текста Сюань-цзана, Каннингхэм искал эту страну на юго-востоке от Такшашилы — таким образом, отсчитав соответствующее расстояние и имея в виду, что «столица» стоит в горах, он поместил ее у Соляного хребта, к югу от Чаквала⁹. Для того же, чтобы дальнейший путь привел тем не менее в Кашмир, автор предположил, что в тексте здесь имеется ошибка — «юго-восток» вместо «северо-восток». Однако при таком предположении неувязок не становится меньше — чтобы попасть от указанного места до «страны Улаши», которая вполне удачно отождествляется с *Varsa* Птолемея¹⁰, необходимо идти, во-первых, на север, во-вторых, гораздо дальше по расстоянию; кроме того, настораживает «холодный» образ «страны Симхапуры» у Сюань-цзана («климат холодный, жители нрава сурового»), а также окружающие

⁷ *Spooner D.B.* Excavations at Shāh-jī-kī-dhērī. — ASI. 1908–1909.

⁸ *Ibid.*, p. 48–49.

⁹ *Cunningham A.* The Ancient Geography of India, p. 105–106.

¹⁰ *Ibid.*, p. 87.

город высокие горы («обрывистые горы, как стены, защищают ее»)¹¹. Совершенно бессмысленным становится и рассказ о дальнейшем пути из Симхапуры «по направлению к северной границе» Такшашилы (когда путник находится к юго-востоку от Такшашилы), кроме того, он (по тексту) переправляется через Инд (подойдя к нему с юго-востока) и следует далее на юго-восток 200 *ли*¹², что уже совершенно невозможно.

Возможно следовать иной логике и «отсчитывать» Симхапуру в обратном направлении — от Кашмира, тем более что расположение «Кашмира» у него вполне определено: если оттуда, идя на юго-запад 700 *ли*, он попадает в Пунч (Баньнуцо)¹³, то, действительно, пребывая в Кашмире, он находился в районе Сринагагара, с чем согласуется и рассказ об озере, в котором живет нага¹⁴. Если рассуждать таким образом, то Улаши находится на северо-западе от Кашмира, в районе Мансехры, как ее изначально и располагали¹⁵, а Симхапуру надо искать к северо-западу от Мансехры. Таким образом, при отсчете (по тексту) от Такшашилы Симхапура помещается далеко не там, где ее следует искать при отсчете (также по тексту) в обратном направлении, от Кашмира. Причем, если принять второй вариант, то путешественник оказывается именно вблизи тех мест (та самая долина Далило), откуда, нарушив направление своего маршрута, он возвращается — по тексту — в Удакабханду, для того чтобы перейти Инд и пойти в Такшашилу.

В таком случае путешествие в Такшашилу выбивается из логичной последовательности маршрута. Объяснить эту ситуацию можно по-разному. Или при составлении окончательного текста была нарушена последовательность прохождения стран (путешествие длилось долго — 16 лет), и Сюань-цзан ходил в Такшашилу при первом посещении Удакабханды, или возможно другое, более простое объяснение (которого мы придерживались, составляя приведенную здесь карту): все становится на свои места — и расстояния, и приход в результате в Кашмир, если уже от Такшашилы (а не от Симхапуры, как предлагал Каннингхэм) до «страны Улаши» поменять «юго-восток» на «северо-восток», и тогда он движется от Такшашилы через район Мансехры.

Подробный анализ данного отрезка пути имеет значение не столько для того, чтобы подвергнуть сомнению историко-географические выводы, которые делаются по тексту Сюань-цзана, сколько подчеркнуть

¹¹ Сюань-цзан, с. 131.

¹² Там же, с. 132.

¹³ Там же, с. 149.

¹⁴ Там же, с. 135.

¹⁵ *Cunningham A. The Ancient Geography of India, p. 87–88.*

необходимость прежде всего аналитического подхода к тексту, учитывающего свойственные ему тенденции, даже когда необходимо почерпнуть из него сведения самого конкретного характера. Мы увидим, насколько обусловлены разными — неочевидными для современного читателя — обстоятельствами данные Сюань-цзана о конкретных вещах: о природе посещенных стран, климате, числе монастырей и т.п. Эта обусловленность в первую очередь связана с общей парадигмой этого текста — как текста, выражающего пространственные представления буддиста-паломника; конкретные «сведения» здесь вписаны в целостную картину географического пространства «буддийского мира», должны служить подтверждением его законов и составлять непротиворечивое единство. Не случайно обращающийся к тексту Сюань-цзана исследователь обычно выражает неудовлетворение его сведениями, в основном этнографического характера, которые у этого автора, обошедшего столько стран и задавшегося целью составить путевые записки, тем не менее крайне скудны и предвзяты. Это обстоятельство также побуждает в первую очередь оценить подход автора к тексту в целом, и в результате такого рассмотрения вырисовывается образ автора-книжника, ориентирующего свое сочинение главным образом на текстовую традицию — и в манере повествования, и в композиции, и в системе выражаемых в тексте представлений.

Глава I

Создание паломнического текста

«Фа-сянь из Чанъани, будучи обеспокоен ущербным состоянием книг винаи [в Китае], во второй год правления Хун-ши, в год *цзи-хай*, в сообществе с Хуй-цзином, Дао-чжэном, Хуй-ином и Хуй-вэем отправился в Индию для изучения установлений винаи...» Путь китайского паломника, протянувшийся по разветвлениям дорог через горы и пустыни, был направлен к цели, предельно далекой для вышедшего из «Ханьской земли» пешего странника, —

долине Ганга, месту возникновения буддийского учения и средоточию монашеской учености, монастырских традиций и рукописей канонических книг. Задача отыскания недостающих частей канонических текстов соединилась с намерением пройти обучение в индийских монастырях: «Фа-сянь прожил здесь (в Паталипутре. — *Н.А.*) три года, изучая санскритские тексты и санскритский язык, переписывая винаю», а Сюань-цзан провел несколько лет в Наланде, процветавшей в VII в. как центр буддийского образования. В этой сфере интересы, которые руководили паломниками, принадлежавшими к той или иной школе и имевшими определенную специализацию (по разделам канона), приобретали разное направление: Фа-сянь разыскивал тексты «Винаи» — дисциплинарного раздела буддийского канона, Сюань-цзан — абхидхармические, философские сочинения. Фа-сянь принадлежал к хинаянскому направлению буддизма и в первую очередь стремился найти тексты «малой колесницы» (*сяошэн* 小乘); Сюань-цзан же, как последователь индийской махаянской (*дашэн* 大乘 — «большая колесница») школы йогачара, изучал тексты в Наланде под руководством йогачарина Шилабхадры; впоследствии Сюань-цзан стал основателем йогачаринской школы *фа-сян* 法相 в Китае, переводчиком основополагающих махаянских сутр. Однако общее поле их деятельности составляло само странничество, предпринятое ради разыскания текстов и ученического опыта в монастырях Индии; само совершение пути стало действием, которое нашло свое выражение в особом рода текстах, признанных каноническими в китайском буддизме. Авторы паломнических записок заново вырабатывали традиции их построения и приемов изложения, применяя, сознательно или непроизвольно, сложившиеся в рамках предшествующей литературы стереотипы.

Путь явился тем стержнем, на котором строилось повествование паломнических записок. В то же время предшествующая история са-

мого пути, освоенного паломниками, оказывала свое влияние на текст. Формирование пути, связавшего Китай и Индию, складывалось из двух встречных движений. В ханскую эпоху по направлению из Китая в Западный Край под пристальным вниманием властей происходило постепенное освоение территорий, осуществляемое императорскими посланниками (среди них более всего известен Чжан Цянь); редкостные фрукты, пряности, ценные породы лошадей создавали особую привлекательность Западного Края, способствуя и все более глубокому проникновению западного пути и, как следствие, сложению соответствующих текстов, постоянно включавшихся в состав «династийных историй», шаг за шагом описывавших расположение и богатства земель, протянувшихся вдоль пути на запад. Во встречном направлении развитие связующих путей между Индией и Центральной Азией особенно активно происходило в эпоху сложения Кушанского царства, объединившего Северо-Западную Индию с центральноазиатскими территориями. Покровительствуя буддизму, кушанские властители создали благоприятные условия для его распространения за пределы собственно индийских территорий. Волна миссионерского движения, начавшаяся на рубеже нашей эры, увлекла людей, которые несли в новые страны устную проповедь, традиции культа и монашества, а затем и канонические буддийские тексты. Держась двух разветвлений Шелкового пути — более близкого через Хотан и более далекого через Балх и Бамиан, — они достигли пределов Китая, куда индийские проповедники приходили, «неся книги и уставы», создавая монашеские общины. В эпоху Кумарадживы, в ранний период переводческой деятельности, произошел переход от устной передачи буддийской традиции к доскональному изучению подлинных текстов; это сформировало потребность в приобретении все новых рукописей ради заполнения лакун в собрании канонических сочинений и в дальнейшем совершенствовании знания санскрита, что означало необходимость и новых «хожений» на родину буддизма.

Ответная волна паломнического движения воспроизводила пути предшественников, и это воспроизведение пути нашло свое отражение в воспроизведении текстовой традиции. Так, выходя из Ханьских земель на запад, паломник вставал на путь первооткрывателей Западного Края и, «превращая» свой путь в текст, он естественным образом вторил тексту трактата о Западном Крае. Однако иной, чем в конфуцианском географическом трактате, смысл его странствования, повторяющего — в обратном направлении — путь проповедников буддизма, создавал иное смысловое наполнение текста и иные ценностные ориентации, побуждавшие к выработке новой текстовой структуры, становлению жанра собственно паломнических *цзи* (записок).

Такая двойственность в подходе к построению текста особенно свойственна Сюань-цзану. Его пространное (12 цзюаней) сочинение, так же как и известные географические трактаты, строится из главков — «стран» (20 國), словно нанизанных на ведущую ось маршрута, и внутри каждой такой главки имеется отчетливая граница, разделяющая текст на две стилистически разнородные части.

Первая — предельно формализована, четко определяет характерные признаки «страны» по заданной схеме:

Страна Цзечжи с востока на запад 500 *ли*, с юга на север 300 *ли*. Столица в окружности 4–5 *ли*. Земли каменисты и бесплодны, всюду холмы. Мало цветов и фруктов. Много бобов и зерна. Климат очень холодный, нравы упрямые и жестокие. Монастырей около 10, монахов около 100 человек, все исповедуют Учение «малой колесницы» школы сарvasti-вада.

Вторая часть — повествовательна и по объему обычно намного превышает первую; каждая встречающаяся на пути святыня или просто приметное место вызывают рассказы о чудесах, особых поверьях и обычаях, пересказы легенд и священных преданий:

В 30–40 *ли* к северо-западу, спустившись с горы от монастыря Махавана, прибыл в монастырь Моюй. Здесь ступа высотой 100 *чи*. Рядом — большой квадратный камень. На нем — следы ног Татхагаты. Будда ступил на этот камень в то время, когда, излучая бесчисленные лучи света, осветившие и монастырь Махавана, он рассказывал всем людям и богам историю своих прежних рождений. В основание этой ступы положен камень, цвета желто-белого, который часто источает чистое масло.

Именно первая часть главки-«страны», выстроенная строго по шаблону, в наибольшей мере напоминает географические *чжуани* (главы) «династийных историй». Так же как в *чжуанях*, Сюань-цзан начинает с указания размеров страны и размеров столицы; по тому же образцу дает сведения о естественных границах страны, отмечает случаи подчиненности ее соседнему владению.

Сам набор следующих друг за другом характеристик близок к используемым в «историях», заимствована для них и терминология: «ландшафт» — *туди* 土地, выражение *ту и* 土宜 («произведения земли»), которое вводит перечисление земледельческих культур; сходен и перечень домашних животных, вводимый словом *чу* 出 («выводят», «вывозят»). Автор целиком заимствует фразу «выводят хороших коней» (*чу шань ма* 出善馬), теми же терминами обозначает выращиваемые полевые злаки, фрукты, цветные металлы (обычно золото, серебро и медь), одежду людей (*ифу* 衣服), язык (*юйянь* 語言). «Климат» у Сюань-цзана — *цисюй* 氣序, в «Цянь Хань шу» («Истории Ранней

Хань») — *фэньци* 風氣, в «Хоу Хань шу» («Истории Поздней Хань») — *туци* 土氣 или, как в более поздних «историях», — просто *ци* 氣, а его «благоприятность» также часто обозначена словами «теплый, умеренный».

Употребление слов, обозначающих «нравы, обычаи населения», в тексте Сюань-цзана наиболее близко к «Суй шу» и «Бэй ши» — *фэнсу* 風俗 или *су* 俗, в других «историях» — обычно *су* 俗. Так же как в «Сань го чжи», он различает (*фэн*)*су* (風)俗 — «нравы, обычаи», *жэньсин* 人性 — «характер людей» и *жэньмао* 人貌 — «облик людей». Явно заимствованы им и шаблоны для характеристики этих «нравов»: *чжичжи* 直質 — «простые, безыскусственные» («Хоу Хань шу», «Сань го чжи»), *ганъэ* 剛惡 — «грубые и злобные» («Хань шу»), *юньмэн* 勇猛 «воинственные и жестокие» («Хоу Хань шу»). Совершенно сходно с «историями» использование слова *тун* 同 в том случае, когда автор приравнивает приметы одной страны и другой. Внешнему сходству с трактатами способствует и присутствующая здесь статистика, с которой, впрочем, у Сюань-цзана происходят особые метаморфозы, о чем мы еще будем говорить ниже.

Эти узнаваемые элементы выстроены в последовательность, имеющую аналогии с географическими трактатами о Западном Крае, однако есть и отличия. Заимствуя сам принцип краткого «отчета» по заранее определенным единообразным признакам, Сюань-цзан развивает его, пожалуй, до логического предела, выстраивая еще более строгую и продуманную последовательность «примет», модифицируя вкладываемые в них смыслы и, как мы увидим, явно подводя обоснования под эту схему в соответствии со своим видением географического пространства.

Схематичность этой части текста позволяет легко и удобно закодировать его, приняв следующие условные обозначения:

Т — территория (размеры по окружности или с востока на запад и с юга на север), иногда с указанием естественных границ;

Л — ландшафт (*туди* 土地): чаще всего — «чередование гор и долин»;

З — земли и их богатства: плодородие почв, выращиваемые культуры, много ли «цветов и фруктов», руды благородных металлов или железа, ценные животные;

С — столица (*го да дучэн* 國大都城): обязательно — размеры, иногда отмечается, много или мало в ней населения, богаты ли жители; название города дается редко;

К — климат (*цисюй* 氣序), обычно характеризуется двумя словами: «ветреный, холодный», «теплый, мягкий» и т.п.;

Н — нравы жителей (*фэнсу* 風俗) также весьма формально обозначены двумя словами, однако этот «пункт» часто дополняется следующей за ним цепочкой подробностей, опять же строго определенных:

вн — внешний облик людей (*жэньмао* 人貌);

о — одежда (*и* 衣, *ифу* 衣服): из какого материала — шерсти, шелка, кожи, хлопка или войлока;

я — язык (*яньюй* 言語): чаще всего лишь отмечается, схож или не схож язык с «индийским», развернутая характеристика встречается редко;

п — письменность (*вэньцзы* 文字): «по образцу индийской» или нет; более детальное замечание дано только о письменности «страны Духоло» (Тохаристан), с которой также сопоставляется письменность соседних областей;

у — «ученость»: «склонны к учению», «образованны» или нет;

в — верования: привержены ли «закону Будды» (*фо-фа* 佛法) или «внешнему пути» (*вай-дао* 外道);

Ц — царская или иная власть: характер царя («храбр и горяч»), иногда указывается происхождение его из кшатриев или иной варны, его отношение к буддизму;

Б — буддизм: обычно — статистика, т.е. количество монастырей (*изялань* 伽藍) и монахов (*сэн-ту* 僧徒); редко указываются школы (в Удьяне) или знаменитые «авторы шастр», жившие в этой стране (в Гандхаре);

И — «иные верования» (*и дао* 異道): также в виде статистики — количество «храмов дэвов» (*тянь цы* 天祠) и самих «иноверцев» (*и дао* 異道), редко говорится об определенных религиях или сектах (Капиша).

Такая разработанность и кажущаяся подробность описания отнюдь не означают его пространности, поскольку каждый «пункт» включает не более нескольких слов, иногда двух-трех, и развернутые замечания даются только при особо достойных внимания обстоятельствах.

Такова наиболее полная последовательность географического описания Сюань-цзана, которое напоминает «анкету». Примерная схема соответствующего текста в «историях» — ТСЛЗ, далее порядок нестабилен, в конце — статистика. «Анкеты» Сюань-цзана более единообразны и различаются только в полноте набора «пунктов»:

Цзюань II

Ланьпо	ТСцЗКНюБИ
Нагара	ТСцЗКНюБИ
Гандхара	ТСцЗКНвБИ

Цзюань III

Удьяна	ТЛЗКНояпуБ
Болуло	ТЛЗКНояБ
Такшашила	ТСцЗКНвБ

Симхапура	ТСЗКНц
Улаши	ТСцЗКНв
Кашмир	ТСЗКНувБ
Баньнуцо	ТЛЗКНовБц
Хэлошэбуло	ТЛЗКНцБИ
Цзюань IV	
Чжэцзя	ТСЗКНовБИ
Чжинапуди	ТСЗКНвБИ
Джаландхара	ТСЗКНБИ
Цзюйлудо	ТСЗКНвБИ
Шэдотулу	ТСЗКНвБ
Болиедало	ТСЗКНвЦБИ
Матхура	ТСЛЗКНБИ
Стханешвара	ТСЛЗКНтрБИ
Сулуцинъна	ТСЛЗКНвуБИ
Мочжибуло	ТСЗКНувЦБИ
Полосимобуло	ТСЛЗКНИ
Цюйпишуанна	ТСЗКНвБИ
Эсичидало	ТСЗКНубИ
Пилошанъна	ТСКЗНувБИ
Цзебита	ТСКЗНубИ
Цзюань V	
Каньякубджа	ТСЗКНоувБИ
Айодхья	ТСЗКНубИ
Хаямукха	ТСКЗНБИ
Праяга	ТСЗКНубИ
Каушамби	ТСЗКНубИ
Вайшакха	ТСЗКНубИ
Цзюань VI	
Шравасты	ТСЗКНБИ
Капилавасту	ТСцКНБИ
Рама	—
Кушинагара	—
Цзюань VII	
Варанасы	ТСНувКЗБИ
Гхасипура	ТСЛЗКНвБИ
Вайшали	ТЛЗКНувБИ
Вриджи	ТЛЗКНвБИ
Непал	ТЛСЗКНувБИ
Цзюани VIII–IX	
Магадха	ТСЗТНКувБИ

Цзюань Х

Хираньяпарвата	ТСЗКНБИ
Чампа	ТСЛЗКНБИ
Цзечжувачжило	ТЛЗКНУБИ
Пундравардхана	ТСЗЛКНБИ
Камарупа	ТСЛЗКНвнУвБИ
Саматата	ТЛСЗКНвнУвБИ
Тамралипти	ТСЛЗКНвБИ
Карнасуварна	ТСЛЗКНУвБИ
Одра	ТСЛЗКНвняУвБИ
Гуньюйто	ТСЛЗКНвнвпяВИ
Калинга	ТСЗКНявБИ
Кошала	ТЛСЗвнНвуЦБИ
Андхра	ТСЛЗКНяпБИ
Дханакатака	ТСЛЗКвнНУБИ
Чола	ТСКНвБИ
Дравида	ТСЛЗКНБИ
Малакута	ТСЗКвнНвБИ

Для цзюаня I, отражающего центральноазиатский маршрут, более обычны сокращенные варианты «анкет»:

Термез	ТСБ
Вахш	ТС
Балх	ТСЗБ

Подобного рода «анкеты», выстроенные по столь разработанной и устойчивой схеме, характерны исключительно для Сюань-цзана. Такая педантичная приверженность своей системе описания предполагает лежащие в ее основе обоснования и, по-видимому, определенную «концепцию страны». Однако попытка проследить ту внутреннюю логику изложения, которая подспудно управляет строением текста, обнаруживает необходимость иметь в виду неочевидные на первый взгляд соотношения. Так, устойчивая последовательность КН явно имеет особый смысл в своей внутренней взаимосвязи, поскольку бросается в глаза соотнесенность между тем и другим:

«Климат мягкий, приятный, нравы бесхитростные и прямые» (Ацини);

«Климат мягкий, нравы бесхитростные» (Куча);

«Климат ветренный, холодный, нравы грубые и воинственные» (Ташканд);

«Климат ветренный, холодный, нравы жестокие и дикие» (Капиша);

«Климат очень жаркий, часты ураганы, нравы грубые и неуравновешенные» (Чжэцзя);

«Климат мягкий, приятный, нравы добрые, покладистые» (Айодхья);

«Климат очень жаркий, нравы грубые и свирепые» (Каушамби).

Само ритмическое построение этих двух высказываний звучит согласованно, как две строки стихов. Такая взаимозависимость КН, очевидно, отражает свойственные автору представления о непрерывной связи между тем и другим. Сам диапазон значений слова *ци* 氣 (с одной стороны — «воздух», «атмосфера», «сезон», с другой — «дыхание», «настроение», «нрав», «темперамент», «характер», а также «манера», «стиль») допускает такое сопоставление. «Дыхание» самого воздуха страны — холодное или жаркое, мягкое или суровое — в таком восприятии не может не находиться в гармоничном соотношении с нравом населяющих ее людей, суровым или мягким, спокойным или неуравновешенным¹. Высказанная самим автором мысль (в заключительном слове к своему сочинению) действительно подтверждает это предположение: «[Итак, здесь] представлены горы и долины, собраны сведения о почвах окраинных земель и для разных стран ясно определены нравы, которые бывают суровые или мягкие, в зависимости от воздействия стихий воды и земли».

Можно наблюдать и дальнейшую согласованность «примет», составляющих текст «анкеты». Каждая такая «примета» имеет у Сюань-цзана смысл оценки, что и создает основу для их согласованности и создания в конечном счете устойчивого образа каждой страны как «благоприятной» или «неблагоприятной». За простыми сообщениями, которые в отдельно взятом фрагменте текста могут восприниматься как бытовые подробности, просматривается именно смысл оценки, причем выставляемой по определенной шкале, что ясно видно при сопоставлении большого числа параллельных описаний. Так, сообщение об одежде жителей, также достаточно шаблонное у Сюань-цзана (он выбирает из трех-четырех вариантов), явно служит знаком «цивилизованности» (шелк) или «варварства» (кожа или войлок). Письменность и язык, обычно характеризующиеся как «схожие с индийскими» или «несхожие», также создают «положительный» или «отрицательный» перевес в «достоинствах» страны. Таким образом, дополняя общие слова о «нравах», эти подробности закрепляют за населением страны свою степень «добродетельности», отмеченную определенными «приметами», как некими читаемыми знаками.

Описание природной стороны также «раскладывается» на шаблонные замечания, которые зачастую несут в себе смысл оценки. И если в таких высказываниях, как «земли плодородны» или «много цветов и плодов», оценочный смысл замечаний достаточно ясен, то в иных случаях оценочная подоплека может быть неочевидна, поскольку основана на ассоциациях, свойственных данному автору и представ-

¹ Лисевич И.С. Литературная мысль Китая на рубеже древности и средних веков. М., 1979, с. 32–41.

ляемой им культуре. Так, в «графе о животных» для Индии повсеместно отмечены исключительно слоны, но никак не коровы (коровы упомянуты только в описании Синдха и Парьятры²), а для Западного Края — кони, но не верблюды или иные животные. Автор как будто не замечает коров и верблюдов, говоря лишь о слонах и конях, что становится понятным при рассмотрении «примет» именно как знаковых. Несомненно, «слон» и «конь» должны были вызывать у буддиста благоприятные ассоциации как почитаемые в буддизме символы, принадлежащие к «семи драгоценностям» царя-чакравартина и часто встречаемые на изображениях. Их присутствие соответствовало образу «буддийской страны». Вместе с тем для танского читателя, независимо от его отношения к буддизму, слон был олицетворением южной экзотики, а конь представлялся ему особым существом, родственным чудесному дракону³ (корова же и овца воспринимались как низменные, нечистые существа⁴). В повествовании Сюань-цзана мотив «драконоконей» звучит в легенде, услышанной паломником в стране Цзюйчжи (Куча), — они объявлены родоначальниками местной породы лошадей⁵. «Распределение» по странам «слонов» и «коней» в тексте Сюань-цзана соответствует и тем его обобщениям, которые высказаны в предисловии к «Запискам» и выражают пространственные ориентиры китайского буддизма. Вокруг мирового центра — озера, дающего начало всем рекам, он располагает страны мира: на юге — «Страна Слонов» (Индия), на севере — «Страна Коней» (Центральная Азия). Постоянные замечания о конях согласуются и с фразой *чу шань ма* 出善馬 («выводят хороших лошадей»), повторяемой Сюань-цзаном именно в описаниях стран Центральной Азии. Примечательно, что «графа о конях», заимствованная из «историй», где она была важна с торговой и военной точки зрения, приобретает здесь иное смысловое наполнение. Характерное для *чжуаней* упоминание о фруктах (*до го* 多果 — «много плодов») преобразуется у Сюань-цзана в «много цветов и фруктов» (*до хуа го* 多花果), что также закономерно соотносится с буддийским культом, в котором особое значение имеет приношение цветов, и ролью цветов в буддийской мифологии.

Таким образом, прагматичное замечание ханьских географов о среднеазиатских фруктах, особо ценимых в Китае, становится у паломника элементом, обозначающим «благородность» страны, и обязательно соединяется с «цветами» — отсюда неизменное *до хуа го* 多花果 Сюань-цзана.

² Сюань-цзан, с. 164, 498–499.

³ Шефер Э. Золотые персики Самарканда. Книга о чужеземных диковинах в империи Тан. М., 1981, с. 81, 118.

⁴ Там же, с. 107–108, 110.

⁵ Сюань-цзан, с. 23–24.

Складывающаяся картина цветущей и плодородной страны, отмеченной присутствием благородных животных, благоприличным обликом людей и добропорядочными нравами, согласуется непременно и с последней, определяющей «приметой», оценивающей степень приверженности жителей буддийскому учению. Создавая образ страны из набора готовых «примет», автор как бы подводит к этому последнему фактору, стягивающему всю совокупность сведений в непротиворечивое единство. Так, в «анкете» Магадхи — важнейшей для паломника области Индии, где сосредоточены главные для него святыни, — все «приметы» сведены к единому положительному образу: земли необычайно плодородны, на них выращивается необыкновенный рис; жители по нраву «просты и добропорядочны»; климат «приятный, теплый»; народ глубоко почитает закон Будды. Завершающая статистика представляет соотношение культовых центров буддизма и «внешних учений» с очевидным неправдоподобием (для Магадхи VII в., в период упадка буддизма): 50 монастырей и 10 «храмов дэвов», а численное соотношение буддийских монахов и иноверцев выражено неопределенно: 10 000 первых и «множество» последних⁶. Справедливости ради надо сказать, что данная закономерность — согласование между преобладанием буддизма и общим «благополучием» страны — выдерживается не столь жестко, как согласование «климат — нравы». В областях долины Ганга, т.е. в «Срединной Индии», Сюань-цзан по большей части отмечает хороший климат и достойные нравы жителей, но ничего не говорит о преобладании носителей «истинной веры» над иноверцами, что совершенно противоречило бы действительности; однако именно по отношению к «Срединной Индии» и ее священным «странам» — Варанаси или Вайшали, связанным с былым присутствием Будды Шакьямуни и его ближайших последователей, естественно со стороны паломника «положительное» восприятие этих земель, несущих знак «благородности». Среди них именно «Магадха» — центр повествования Сюань-цзана — приведена к наибольшей согласованности, но, как мы видели, при явной некорректности статистики.

В описаниях периферийных стран этот «принцип согласованности» более выдержан. Так, в «Хотане» («Страна Цюйсаданьна») Сюань-цзана земли, несмотря на невыгодное соотношение плодородных и непригодных для обработки почв, приносят изобилие фруктов; здесь добывают нефрит, производят шелковые ткани; климат мягкий, умеренный, хотя случаются ураганы; жители привержены справедливости и добропорядочности, по характеру мягки и почтительны, склонны к учености и ремеслам, а также к музыке; они в основном носят шерстяную, а шелковую одежду и наделены благопристойной внеш-

⁶ Там же, с. 309.

ностью; их письменность — по образцу индийской, хотя есть и отличия; они глубоко чтут учение Будды, здесь 100 монастырей с 5000 монахов, и все монахи — приверженцы махаяны⁷. Имея в виду оценочный — положительный или отрицательный — смысл каждой «приметы», этот текст можно представить как

Т Л З К Н у о п я в Б
+ + + + + + + + все.

В качестве противоположного примера можно привести «страну Парьятру» — здесь выращиваются только злаки, «много коров и овец» (что, как мы уже наблюдали, неблагоприятно), «мало цветов и фруктов»; климат очень жаркий, жители «нрава грубого и свирепого», не признают учености и ремесел, в вере привержены «внешнему пути»; монастырей — восемь, но они лежат в развалинах, монахов совсем мало, «храмов дэвов» — десять, «иноверцев» — около тысячи:

Т С З К Н у в Ц Б И
- - - - - мало много.

Как видно, автор стремится привести свои «анкеты» к «согласованной» (и обусловленной степенью развития буддизма) последовательности:

Т С З К Н... Б>И или Т С З К Н... Б<И.
+ + + + - - - -

Последнее обстоятельство — преобладание *фо-фа* 佛法 над *и дао* 異道 (или наоборот) играет определяющую роль по отношению к остальным составляющим «анкеты». Характерно в связи с этим расхождение в оценке нравов Хотана между «Суй шу» и «Бэй ши», единогласно заявляющими об «отсутствии добропорядочности и справедливости» (*у ли-и* 無禮義) в этой стране, и Сюань-цзаном, отмечающим именно «добропорядочность и справедливость» (*ли-и* 禮義) жителей⁸, дословное совпадение *ли-и* 禮義 явно свидетельствует здесь о сознательном противопоставлении Сюань-цзаном своей точки зрения: «дурные нравы» и процветание буддийской веры для него несовместимы.

Сама манера, в какой представлен «буддизм» или «иные верования», также имеет заимствованный характер. Именно благодаря одинаковой рамке возникает внешнее сходство «анкет» Сюань-цзана и «историй»: те и другие начинаются с цифр (размеров территории и расстояний) и заканчиваются также цифрами (статистических данных). Только в «историях» это подсчет количества войск и численности населения, а у Сюань-цзана — количества монастырей и монахов,

⁷ Там же, с. 538–539.

⁸ Там же, с. 538.

«иноверцев» и их храмов. Копирование формы подчеркнуто и заимствованием терминологии: *цза цзюй 雜居* — «проживают смешанно» (в «историях» так обозначается население разное в этническом отношении, у Сюань-цзана — разное по верованиям население). Здесь перенос формы, выработанной для географического «отчета», выражающего политический и торговый интерес, в текст совершенно иной направленности, надо признать, несколько курьезен: Сюань-цзан, сохраняя для своей статистики ту же позицию в тексте, словно подсчитывает «войска» буддистов и «иноверцев». Вопрос о достоверности этих цифр также требует оговорок. С первого взгляда ясно, что при такой округленности — 10, 100, 1000, 10 000 — цифры тяготеют к символическому значению и лишь до определенной степени соотносены с реальностью. Кроме того, некоторые места в тексте дают понять, что автор включает в число монастырей и заброшенные, даже «лежащие в развалинах», что позволяет ему обращаться с цифрами с большой степенью произвольности. Как было видно на примере Магадхи, автор мог и принимать желаемое за действительное. По всей вероятности, в качестве основы для далеко идущих построений (на которых основана вся работа А. Баро⁹) эта статистика имеет слишком ненадежный и тенденциозный характер, тем более что зачастую цифры заменены на «много» или «мало», «больше» или «меньше» или же автор употребляет неопределенное *цза цзюй 雜居* («проживают смешанно»). Таким образом, присутствие числовых данных, невольно настраивающее исследователя на восприятие источника как сугубо рационального в его подходе к предмету описания, таит свои опасности. Помимо прочего, само отношение к цифрам, действительно рациональное у современного человека, не соотносимо со знаково-стью, характерной для подобного текста, — здесь она столь же выражена, как и в случае с другими знаками-«приметами», входящими в «анкеты» Сюань-цзана. «Пустота» цифры в нашем восприятии не совпадает со знаковым смыслом ее в сознании представителя традиционной культуры, этот знаковый смысл стоит и за предпочтением предельно круглых цифр у Сюань-цзана — десятков, сотен и тысяч. Каждая страна, таким образом, маркируется как обладающая «десятками», «сотнями», «тысячами» или «десятью тысячами» монастырей, что придает ее образу ту или иную значимость.

Как можно видеть, вводные «анкеты» в описаниях стран у Сюань-цзана строятся довольно искусственно благодаря небольшому и заранее определенному количеству вариантов для характеристики каждого ее признака («плодородие», «нравы», «верования» и т.д.), а также принципу согласованности этих характеристик. Таким образом, в каж-

⁹ Bareau A. Les sectes Bouddhiques du Petit Véhicule. Saigon, 1955.

дом случае складывается искусственная мозаичная картина, составленная из перечня готовых элементов. Хотя их подбор, конечно, происходит в некоем согласовании с действительностью, отражение этой действительности сковано рамками заданной формы и стремлением избежать нежелательных ассоциаций. Каждое сообщение подобрано и вписано в общую картину населенного людьми буддийского мира в соответствии с теми понятиями, которые были свойственны китайскому паломнику-буддисту, и с характерным систематизирующим подходом к описываемому материалу. «Описания стран» становятся таким образом не только собранием разнообразных сведений о посещенных странах, но и выражением определенных представлений об устройстве мира в целом; отдельные сведения являются здесь необходимыми элементами этой картины мира и служат, видимо, аргументами для доказательства ее истинности. В поиске гармонии автор стремится к тому, чтобы каждое сообщение закономерно вписалось в общий облик страны. Образ такой «гармоничной страны» целостен и складывается из «согласованных» друг с другом отдельных ее примет; в такой стране действие стихий и плодоносящие силы земли соотношены с деяниями и наклонностями населяющих страну людей; их внешний облик, одежда и письма, «порождаемые землей» камни, растения и обитающие здесь животные, равно как и сверхъестественные существа, несут на себе добрый или недобрый знак, указывающий на «благоприятность» или «неблагоприятность» страны, а также на благую или неблагую веру. Эта картина вырисовывается в результате как намеренной систематизации явлений, так и невольно выраженных ассоциаций. Решающим фактором, организующим остальные сведения в непротиворечивое единство и создающим оценку «благоприятности» страны, становится приверженность ее буддизму, что определяет ее место в общем пространстве буддийского мира. С этой точки зрения «Записки о западных странах» выражают географические и космологические представления Сюань-цзана, сложившиеся на основе как конфуцианских, так и буддийских традиций и сведенные автором в детально разработанную картину.

Сочинение Сюань-цзана несет на себе печать высокой образованности, как конфуцианской, так и буддийской, что отразилось в проявленной здесь эрудиции, тяготении к традиционности в построении текста, в стиле изложения и богатстве языка. Возможно, имело значение и южное происхождение Сюань-цзана — он был уроженцем города Коуши (совр. Хунань) и при дворе Тай-цзуна оказался в результате монашеских странствий. Южная аристократия в начале VII в. отличалась более утонченной образованностью и была более привержена конфуцианской книжности, чем суровые и склонные к религии Будды

северяне¹⁰. Глубокое знание конфуцианской литературы, в том числе трудов историков, было естественно для Сюань-цзана, происходившего из аристократической среды. В отличие от Фа-сяня, отданного в монастырь ребенком, Сюань-цзан поступил в общину в 13 лет и к этому возрасту должен был получить основы конфуцианского образования. В монашеский период жизни у него еще сохранялся интерес к светской литературе и в особенности к «династийным историям»: в «Жизнеописании Сюань-цзана» есть упоминание о том, что он любил их перечитывать в зрелом возрасте¹¹. Согласно сообщению его биографа, Сюань-цзан составлял свои «Записки» с определенным замыслом — он намеревался представить их императору, что также должно было способствовать написанию этого труда в достаточно официальном духе, с сохранением традиций, выработанных в отчетах императорских посланников и в географических трактатах официальных «династийных историй». На стремление к подражанию этой традиции указывает также название, которое Сюань-цзан дал своему сочинению: «Записки о Западном Крае» (или «западных странах») («Си юй цзи» 西域記), подобно «Описаниям Западного Края» («Си юй чжуань» 西域傳) в «историях».

Напротив, записки его предшественника Фа-сяня были адресованы преимущественно монашеской среде, как следует уже из заявленной им цели своего странствия — найти тексты винаи, посвященные правилам монашеского поведения, а также собрать сведения о монастырских уставах. Сосредоточенность Фа-сяня на проблемах внутренней жизни общины понятна в связи с историей его жизни — как уже говорилось, он был отдан в монастырь в трехлетнем возрасте и вырос в монашестве. По сравнению с монументальным сочинением Сюань-цзана более скромному труду Фа-сяня свойственна довольно однообразная лексика, простота слога и безыскусственность повествования, однако именно это придает его запискам особое обаяние. В отличие от отстраненного изложения Сюань-цзана здесь явственно ощутимо авторское начало — в тексте Фа-сяня часто звучит непосредственный рассказ о событиях, происходивших во время путешествия, и о чувствах, переживаемых странниками: вспомним приведенный выше отрывок, передающий трудности горного перехода, когда погиб Хуй-цзин.

В «Записках» Сюань-цзана отражено только одно реальное событие его путешествия — встреча с Харшей. С этой точки зрения сочинение Фа-сяня выглядит именно как записки странника, а Сюань-цзана —

¹⁰ *Wright A.F.* T'ang T'ai-tung and Buddhism. — *Perspectives of the T'ang*. New Haven—London, 1983, p. 239–244.

¹¹ *The Life of Hiuen-Tsiang*. By the Shaman Hwui Li. With an Introduction containing Account of the Works of I-Tsing by Samuel Beal. L., 1911, p. 111.

как обстоятельный трактат о посещенных странах. Настрой повествования Фа-сяня определялся и его мировоззрением, в котором проявилось совершенно новое видение пространства мира. Согласно этим представлениям, его странничество совершалось в направлении от «окраинной страны» к «середине мира», и «Срединной Страной» (Чжунго 中國) он называет не Китай, как обычно, а Индию. Подразумевая под этим названием долину Ганга, родину Будды, он отталкивается от санскритского *Мадхьядеша*, тем не менее эта формулировка приобретает в его тексте усиленное звучание. «Серединой мира» в этом понимании становится место жизни Будды:

И вот Фа-сянь и Дао-чжэн подошли к вихарю Джетавана, размышляя: «В прежние времена Почитаемый в Мире прожил здесь 25 лет. Мы же сами, к несчастью, рождены в окраинной стране. Вместе мы отправились в странствия. Кто-то вернулся назад, иные [погибли в пути], не достигнув вечной жизни. И, наконец, сегодня видим опустевшее место, где жил Будда»¹².

Последний спутник Фа-сяня — Дао-чжэн — остался в Паталипутре: «Отныне и до тех пор, пока не достигну состояния Будды, не желаю получать перерождение в окраинных землях; потому остаюсь здесь и не пойду обратно»¹³. Фа-сянь, однако, стремился вернуться на родину, желая «донести правила винаи до Ханьской земли»; пройдя долгий путь от Паталипутры до Ланки, он с трогательной непосредственностью выражает свои горестные чувства, охватившие его при виде вещицы из Китая — шелкового веера:

Фа-сянь покинул Ханьскую землю много лет назад, и в их непрерывном течении сменялись города и люди, горы и реки, травы и деревья — и все было непривычно для глаз. С теми, кто вместе отправился в путь, разлучен: кто-то ушел, а кто-то погиб; остался лишь сам да собственная тень, и сердце беспрестанно разбито печалью. Вдруг у этой статуи увидел купца, приносящего в дар белый шелковый веер. Невольно нахлынула печаль, и глаза наполнились слезами¹⁴.

Разрыв между двумя стремлениями — к родине Будды и к родине своей — определяет и всю ситуацию его странничества, и поэтическую линию его повествования, удивительным образом сочетающуюся с рациональным собиранием сведений о посещенных странах. Сам выбор этих сведений, которые он счел необходимым включить в текст записок, имеет свою направленность. Большинство сообщений Фа-сяня сводится к описанию монашеских обычаев, особенностей уставов и соблюдаемых монахами правил поведения, празднеств, обрядов почитания реликвий. Сведения, не касающиеся монашеской общины,

¹² Фо го цзи XX.

¹³ Фо го цзи XXXVI.

¹⁴ Фо го цзи XXXVIII.

довольно скудны и неопределенны. Сходство с сочинением Сюань-цзана здесь проявляется главным образом в общем принципе построения текста — это движение от страны к стране, присутствие (далеко не всегда) статистических данных о количестве монастырей и монахов, а также — хотя и реже, чем у Сюань-цзана — употребление заимствованных из «географических трактатов» формулировок; таким образом, в записках Фа-сяня прослеживаются те же тенденции, однако далеко не в таком развитом виде.

На основании этого источника трудно делать наблюдения о каких-либо политических взаимоотношениях, и представления об этом слабо выражены в том «буддийском облике» Индии, который обрисовывает Фа-сянь. О власти правящей династии Гупт нет никакого упоминания в записках Фа-сяня. Сюань-цзан же дает подробный очерк правления Харши и часто отмечает подчиненность одного владения другому, создавая ясное представление о политической карте своего времени.

Единственная попытка Фа-сяня дать реальную картину современной ему Индии помещена в том месте текста, где происходит «вхождение в Индию». Прерывая свой рассказ о передвижении, Фа-сянь выражает свои общие впечатления о стране:

Все земли, что к западу от Песчаной Реки, — это индийские страны. Цари этих стран искренно веруют в учение Будды. Когда они приносят дары общине, снимают царскую шапку. Вместе с родственниками и сановниками собственноручно несут они угощение. Расстилают ковер на земле, рассаживаясь напротив монашеской общины, и не смеют сидеть на ложах. С того времени, как Будда пребывал в мире, цари приносят дары по этому обычаю, который соблюдается доньше.

Все земли, что отсюда к югу, называют Срединной Страной. В Срединной Стране чередование холода и тепла благоприятно и не бывает снега. Население благоденствует, и нет такого, чтобы дворы были отданы в подчинение чиновникам. Возделывающие царскую землю выплачивают с земли ренту. Если нужно уйти — уходят, если нужно жить [на данном месте] — живут. Царь правит, не применяя казней. А если есть нарушители законности, то облагаются штрафом, в зависимости от вины легким или тяжелым; зачинщику смуты всего лишь отсекают правую руку. Царские охранники и помощники получают жалованье.

Жители этой страны не убивают живых существ, не пьют вина, не едят лука и чеснока — все, кроме чандалов... После нирваны Будды цари разных стран, старшие домохозяева строили вихары для монашеских общин, приносили в дар поля, поселения, сады, скот и [дары эти] записывали на железных таблицах. С тех пор многие цари передавали от одного к другому этот обычай, не смея его отменять, и так продолжается по сей день без перерыва.

Кельи, в которых живут монахи, ложа и циновки, питье и еда, одежда — во всем этом нет недостатка, и так повсюду. Монахи же постоянно заняты: читают сутры и проводят время в созерцании...¹⁵.

Само «обрамление» данного отрывка требует идеализирующего подхода в описании. Общая его схема: почитание буддизма царями — хороший климат — добродетель царей и благоприятные законы — добропорядочность жителей — дарения общине, добродетель монашеских общин. Автор начинает с «буддийской темы» и заканчивает ей же. Таким образом, характеристика индийского общества находится внутри рассказа о буддизме в Индии, подчинена этой теме и потому не может не быть проникнута таким же духом одобрения, отражая, по существу, тот же принцип «согласованности» в «приметах» «благоприятной страны», который мы отмечали у Сюань-цзана. Очевиден и назидательный пафос этого отрывка, где в качестве идеального примера выступают правители, покровительствующие буддизму, совершающие дары общине и т.п.

Особая тема исследования — разнообразные легенды и предания, в изобилии включаемые в паломнический текст. Они сопровождают описания святынь во второй части главки-«страны» у Сюань-цзана, которая следует после «анкеты» и обычно намного превышает ее по объему. В записках Фа-сяня нет такого отчетливого деления, его текст выглядит более слитным, как неторопливое повествование, ведущее читателя от одного места к другому и сообщаемое ему о легендарных событиях, которые происходили здесь в далеком прошлом, — впрочем, текст явственно передает, насколько эти события казались паломнику непосредственно близкими, как будто все это происходило вчера:

Здесь повсюду рощи. Отсюда шли на запад 3 *ли* и прибыли к тому месту, где дэва подал ветвь дерева Будде, вошедшему в воду для омовения, и помог ему выбраться из озера. Далее шли на север 2 *ли* и достигли места, где женщина [по имени] Грамика поднесла Будде рисовой каши на молоке. Отсюда шли на север 2 *ли* — здесь Будда вкушал рис, сидя на камне под большим деревом и обратив лицо на восток. И дерево, и камень — все сохранилось донныне¹⁶.

Предания занимают большую часть текста Фа-сяня и составляют главный пласт его содержания; собирание (скорее даже — припоминание) и «расстановка на местности» буддийских легенд были важной задачей, которую ставили перед собой авторы «записок» в первую очередь. Сам характер текста как паломнического определял такую цель — «положить на карту» священной «буддийской страны» ту совокупность буддийских преданий, которая сложилась в памяти адеп-

¹⁵ Фо го цзи XVI.

¹⁶ Фо го цзи XXXI.

тов-китайцев, получивших знание этой традиции из литературы и устной проповеди.

Отличительная черта в обычной манере записи легенд у Фа-сяня — предельная лаконичность. В большинстве случаев он дает лишь намек на эпизоды из буддийских легенд, видимо, по его мнению, достаточно известных: «В 4 *ли* к юго-востоку от города Шравасты Почитаемый в Мире стоял у дороги, когда царь Вирудхака шел войной на шакьев. На том месте, где он стоял, построена ступа»¹⁷ (Сюань-цзан, посетив то же самое место, обстоятельно пересказывает этот эпизод). Фа-сянь полагается на безусловное знакомство своего читателя с подобными сюжетами и именами персонажей, упоминая их мимоходом и без объяснений: «Здесь в древности была вихара Махапраджапати, колодец почтенного Судатты, а также место, где обрел просветление Ангули-малья и где было сожжено его тело после паринирваны». Его записки адресованы исключительно читателю-буддисту, причем читателю достаточно эрудированному, и упоминание какого-либо события означает лишь, что им найдено само место действия предания.

Сюань-цзан более склонен к развернутому пересказу легенд, в том числе самых хрестоматийных сюжетов, так что подробное объяснение большинства из упомянутых Фа-сянем эпизодов можно найти, раскрыв сочинение Сюань-цзана. В этом одно из проявлений проповеднического характера записок Сюань-цзана, рассчитанных на широкий круг образованных читателей; идея проповеди согласуется и с его расчетом на прочтение «Записок» танским императором, покровительствовавшим автору. Свои записки Сюань-цзан замыслил как всеобъемлющий энциклопедический труд об Индии, построенный в форме географического трактата; он также включает развернутую картину буддийского предания, расположенного, соответственно, в географическом порядке.

В вопросе об истоках содержания легенд кажется очевидным, что в большинстве случаев это не были записи собранных в пути рассказов: авторы излагают их — в особенности центральные эпизоды священного предания — так, как держат их в памяти, как знают их из литературы и проповеди. Таким образом, главным источником передаваемой традиции была сама эрудиция паломников, сложившаяся в результате широкого освоения буддийской литературы. Именно поэтому, по-видимому, Сюань-цзан особо оговаривает случаи обращения к местной традиции («местные предания гласят...»), и совершенно единичны случаи, когда он ссылается на письменные источники, причем весьма неопределенно: один раз он говорит о неких «буддийских записях» и один раз — об «индийских записях»¹⁸. Изредка он упоми-

¹⁷ Фо го цзи XX.

¹⁸ Сюань-цзан, с. 158–159, 474.

нает и надписи — так, в Гандхаре он видел надпись, текст которой гласит, что в данном монастыре создал свой труд Васубандху¹⁹.

Возвращаясь к тексту Фа-сяня, надо отметить, что некоторые предания представлены здесь в виде более или менее развернутого повествования. Отчасти это малоизвестные, видимо, местные предания, именно по этой причине пересказываемые более обстоятельно, — о покушении на местную святыню, об основании монастыря. В то же время несколько эпизодов предания о Будде, несомненно, известных и автору, и читателю, Фа-сянь тем не менее пересказывает. Это шесть важнейших эпизодов: рождение (Лумбини), обретение просветления (Гайя), первая проповедь и обращение первых учеников (Варанаси), состязание в споре с иноверцами (Шравасти), нисхождение с небес (Санкашья), паринирвана (Кушинагара). Можно заметить, однако, что этот список в точности соответствует шести святым местам, обязательным для посещения во время паломничества, перечисление которых дает сам Фа-сянь. Это «четыре святых места» и «четыре великие ступы» (шесть мест, поскольку два в этих двух списках совпадают):

Для всех будд известно по четыре [святых] места: одно — где обрели просветление, второе — где повернули Колесо Учения, третье — где проповедовали и одолели в споре иноверцев, четвертое — где спустились на землю после вознесения на «небеса тридцати трех» для проповеди своим матерям...

...отмечены места «четырех великих ступ»... «Четыре великие ступы»... в том месте, где Будда родился; в том месте, где Будда обрел просветление; где начал вращение Колеса Учения, а также на месте паринирваны²⁰.

Шесть повествований о Будде, включенные в текст Фа-сяня, отражают главные события буддийского предания. Понятно, что присутствие этих событий в паломническом тексте имело принципиальное значение, поскольку таким образом выстраивалась основная тема, которой были посвящены и текст, и паломничество.

Однако наиболее развернуто представлена легенда, соответствующая «Памшупраднавадане» («Авадана о дарении земли» — часть «Дивьяваданы»), также, безусловно, хорошо известной автору, поскольку переводы этого текста²¹ пользовались в Китае особой популярностью. Рассказ настолько необычно длинен для Фа-сяня, что выделен Клапротом в особый раздел. Такое внимание Фа-сяня к «Памшупраднавадане» имело определенные причины и было вызвано той значимостью, которая придавалась ей в буддийских кругах Китая. Со-

¹⁹ Там же, с. 96.

²⁰ Фо го цзи XXII, XXXI.

²¹ Hobogirin. 1978, № 2042.

гласно «Памшупраданавадане», маурийский царь Ашока вскрыл ступы с мощами Будды, для того чтобы поделить мощи на множество частей и построить ступы «по всей Джамбудвипе»; рассматривая Китай как часть Джамбудвипы, китайские буддисты на основании этого предания относили начало распространения буддизма в своей стране ко времени Ашоки (III в. до н.э.), «удревняя» эти события по крайней мере на три века. Эта идея имела широкое хождение в Китае²². Несомненно, поставив пересказ этого предания на «почетное место» в своем сочинении, Фа-сянь по традиции придавал ему основополагающее значение для истории продвижения буддизма «на восток», для начала проповедническо-паломнического движения.

Помимо подробного пересказа основного предания в тексте Сюань-цзана основательно представлена буддийская агиография, которой он уделяет особое внимание. В «Записках» много преданий об авторах известных текстов, первых проповедниках и учениках Будды, диспутах. Обилие этого материала в «записках» обнаруживает характерный для Сюань-цзана интерес к «теме текста» и полемическим сочинениям.

Обращает на себя внимание явно выраженная соотнесенность между определенным типом легенд и различными видами объектов, по поводу посещения которых они рассказываются. Так, предания о диспутах, как правило, объясняют происхождение монастырей; обычай связывать происхождение монастыря с победой буддиста в диспуте, видимо, был распространен: в Сулущиньна, по рассказам Сюань-цзана, было пять монастырей, основанных в честь победы ученых буддистов в споре с «иноверцами»; в Магадхе один монастырь связывал свое происхождение с диспутом между Гунамати и учителем санкхьи, другой — с диспутом Шилабхадры²³. Предания о Будде и святых чаще всего объединены с рассказами о ступах, отмечающих места их бывшего присутствия; джатаки также всегда в повествовании увязываются со ступами.

Наибольшее количество джатак (8) Сюань-цзан рассказывает в описании Удяны — видимо, здесь они были особенно популярны (у него есть и легенда о том, что именно в Удяне Будда рассказал историю своих перерождений); на втором месте — Гандхара и Варанаси. Большинство джатак, записанных в этих местах, соответствуют «Джатакамале» и тибетскому «Дзанлундо». Что касается текста Фа-сяня, то из четырех рассказанных им джатак две также отнесены к областям в долине р. Сват, где располагалась «страна Удяна» Сюань-цзана, и две — к расположенной неподалеку Такшашиле; из них три также соответствуют «Джатакамале». Джатакам в передаче Сюань-цзана был посвя-

²² Zürcher E. The Buddhist Conquest of China. Leiden, 1959, p. 277.

²³ Сюань-цзан, с. 172, 330–331, 336–337.

шен доклад М. Феера на конгрессе ориенталистов в 1897 г.²⁴; автор подсчитал их и нашел соответствия в санскритской и палийской литературе. Однако надо обратить внимание на некоторую «размытость» границ этого жанра в сочинении Сюань-цзана. Так, если Феер причисляет сюжет к джатакам на основании аналогии, находимой среди джатак палийского канона, то в данном тексте он может и не иметь формального вида джатаки: в легенде о купцах, для которых Будда находит воду в пустыне, он действует не в облике бодхисаттвы, о чем свидетельствует эпитет «Владыка Мира», который может относиться только к Будде. Возможны и противоположные случаи: легенда о прошлом рождении Будды в облике риши и убийении его царем — небольшой, едва намеченный сюжет — явно по форме является джатакой, однако не учитывается Феером из-за того, что такой сюжет отсутствует в джатаках индийских текстов. В связи с этим можно вспомнить, как автор поздней интерполяции в «записках» Сюань-цзана (введенной в текст после экспедиции Чин-хо на Цейлон) разрешает все противоречия цейлонской традиции об основании государства и «покорении якш» (совершенном, по «Махавамсе», то Буддой, то Виджаей, а по Сюань-цзану — Симхалой) с помощью превращения всех этих преданий в одну джатаку: Симхала объявляется перерождением Будды и т.д. Эти примеры свидетельствуют об изменчивости формы, которую может принимать один и тот же сюжет, и отсутствии жестких границ между различными жанрами буддийских повествований. Здесь — одно из проявлений ценности сочинения Сюань-цзана: он записывал в данном случае традицию в ее «сыром» виде, имевшую хождение в виде устных преданий, которые затем попадали в тексты канонической литературы.

«Привязанность» определенного типа повествований к определенного рода месту проявилась и в отношении легенд о хтонических божествах, рассказываемых по случаю посещения паломником мест их «обитания» — озер, пещер или родников. Представляя устойчивый тип буддийского повествования со своим стереотипным построением, эти легенды, несомненно, должны иметь свои генетические корни внутри индийской традиции. Имея в виду, что целостный обзор буддийского предания в передаче паломников представляет собой необозримую задачу, мы остановим свое внимание в следующей главе именно на «легендах о нагах», отслеживая значение этого мотива, рассматриваемого с точки зрения проблем буддийской культуры и истории текста.

²⁴ *Feer M.R.* Les Jātakas dans les mémoires de Hiouen-Thsang. — Congrès international des orientalistes. Sect. I. P., 1897, p. 151–169.

Глава II Легенды о нагах и буддийская историография

Вопрос о буддийских преданиях в сочинениях паломников, об их месте в тексте, о способе их включения в текст и той роли, которую они играют в целостной ткани повествования — это лишь часть обширного круга проблем, возникающих в связи с темой сюжетных повествований в паломническом тексте. Передача предания в тексте китайца-паломника является прежде всего воспроизведением инокультурной традиции, несущей в себе

отягощенность многовековым наследием, свои отношения внутри индийской культуры и свои генетические связи с более древними пластами этой культуры. Это явление не только интересно само по себе, но и предоставляет большие возможности с точки зрения рассмотрения внутренних проблем индийской традиции, сохраненной паломниками в виде многочисленных преданий самого разного рода, собранных ими и расположенных в «географическом порядке». Подобный «географический» подход в передаче буддийского предания восполняет слабость такого рода попыток в собственно индийских текстах; кроме того, свойственная последним «неисторичность» — во всяком случае, неразвитость исторической темы в индийской традиции — также побуждает искать восполнения и, возможно, объяснения этой особенности в том богатом собрании преданий — местных или почерпнутых из литературных источников, которое представлено в паломнических сочинениях. Присутствие здесь повествований, представляющих непосредственно устную традицию, служившую тем фоном, на котором возникали литературные версии буддийских легенд, позволяет проследить переменчивость версий отдельных сюжетов, в разной степени подверженных буддийскому переосмыслению; все это дает нам возможность, обратившись к паломническому тексту и сопоставив его с санскритской и палийской литературой, поднять вопросы, связанные с проблемами формирования буддийской исторической традиции.

Говоря об «историописании», необходимо сделать некоторые предварительные замечания. Формирование представлений об истории глубоко связано с общекультурным контекстом, спецификой сложившегося в данной культуре восприятия времени и соответствующей семантикой. Для характера древней исторической традиции первостепенное значение имеют и особенности представлений о царской власти, воцарении, царствовании, поскольку именно царствование являлось тем стержнем, на котором строилось историческое повествова-

ние. В рамках буддизма «царская тема» связана с концепцией чакравартина — «идеального» царя-буддиста. Образ чакравартина («вращающего колеса») — один из центральных образов «паломнического предания», что закономерно ввиду общей настроенности паломнического текста на осмысление пространства «буддийского мира», стремления охватить его единство, поскольку, согласно представлениям буддизма, царь-чакравартин — творец этого пространства, неустанно расширяющий территорию, подвластную буддийской дхарме. Предание разрабатывает, с одной стороны, идеальный образ чакравартина, наделяя его подобающей атрибутикой и выражая его царствование через символические действия — «вращение колеса-дхармы» (*dharmasakka*, *dhammasakka*), направляемого царем в разные стороны света и «завоевывающего» земли для беспредельного владычества буддийского учения («Лалитавистара», «Чаккаваттисиханада-суттанта»). С другой стороны, буддийская традиция выделяет реальных «чакравартинов», действовавших в историческом прошлом, — в первую очередь это маурийский Ашока и кушанский Канишка, которые предстают исключительно как персонажи легенд, построенных по стереотипу, исходящему из образа чакравартина. Сочинения паломников предоставляют полный набор такого рода сюжетов, и среди них выделяются определенные типические варианты. Один из характерных вариантов сюжета, разрабатывающего образ чакравартина, — покорение хтонического божества, властвующего над какими-либо землями и затем отдающего их победителю-царю. При всей видимой незамысловатости этих легенд и обыкновенности подобного сюжета в мифологиях разных культур в данном случае в них просматриваются значимые детали, которые позволяют проследить генетические связи образа буддийского чакравартина.

«Покорение демонического божества» — один из излюбленных сюжетов Сюань-цзана, связанный обычно с посещением «обиталищ» духов земли — пещеры, родника или озера. «Хозяина» такого места китайский паломник называет словом *лун* 龍 — «дракон» (или *лун-ван* 龍王 — «царь драконов»), что применительно к Индии можно понимать как *нага* или *нагараджа* — ведь известные в индийской литературе наги Мучилинда или Элапатра у Сюань-цзана также фигурируют под термином *лун-ван*. Почитание нагов и мест их «обитания» было достаточно распространено в Индии и в то же время явно находило отклик в поверьях китайца-странника и его литературных ассоциациях; описания такого рода мест у Сюань-цзана отличаются особой изысканностью и явно обусловлены литературным опытом:

К юго-западу от монастыря глубокий горный ручей обрывается вниз и плещет водопадом. [По сторонам] стеной стоят грозные скалы. На вос-

точном его берегу, в скале — огромная пещера. В ней — жилище дракона Гопалы. Вход в нее узок и тесен, [а внутри] — глубокий мрак, по каменным стенам струится влага и затем течет по внутренним проходам. В древности здесь была оставлена тень Будды, столь же прекрасная, как и его истинный облик, с его настоящими знаками. В нынешний век люди не часто видят ее, а если и видят, то слабое подобие. Только пред тем человеком, чьи молитвы искренни и чувства глубоки, вдруг вспыхнет на мгновение, долго же нельзя [ее наблюдать].

Дальнейшее повествование воспроизводит сюжет о наге-луне, губителе людей. Имя нага — Гопала, «пастух», — по-видимому, дало повод для создания начальной части легенды: неудачливый пастух в досаде молится о том, чтобы «стать злобным драконом, разорить страну и погубить царя», и затем возрождается «в этой пещере в облике Великого Царя Драконов». Лишь вмешательство Будды Татхагаты спасает страну от разорения:

Скорбя о том, что эта страна и народ будут погублены драконом, он с помощью чудесных сил перелетел из Срединной Индии к месту, где жил дракон. Дракон увидел Татхагату, и злой дух в нем умирился. Он дал обет не убивать и загорелся желанием защищать и утверждать Учение.

В напоминание о своей власти Будда оставляет Гопале свою тень: «Когда в тебе разыграет злой дух и станет разгораться гнев — гляди на тень, что я оставил». Здесь паломник имел возможность почтить это место, как сохранившее знаки пребывания Будды:

У входа в пещеру лежат два квадратных камня. На первом камне — следы ног Татхагаты. Знак колеса заметен и ныне. Временами он светится... К западу от Пещеры Тени лежит большой камень — на нем Татхагата растливал свою одежду после стирки. Отпечаток ее еще виден¹.

«Пещеру Гопалы» Сюань-цзан видел в Нагарахаре; дальнейший путь вскоре приводит его в Удяну, где он посещает «родник дракона Апалалы» и рассказывает совершенно сходную легенду:

Вступил в пределы Великих Гор. Прибыл к роднику дракона Апалалы. Именно этот родник является источником реки Субхавасту, которая далее течет на юго-запад. И весной, и летом в ней замерзает вода, и с утра до вечера идет снег. Снег сыплет густо — разноцветный, сверкающий блестками.

Апалала, живший первоначально в образе человека — заклинателя драконов, так же как и предыдущий персонаж, в обиде на людей «затаил гнев и замыслил сам стать недобрым драконом, чтобы, насылая губительные ветры и дожди, вредить посевам... Овладев истоком реки

¹ Сюань-цзан, с. 84–86.

Байшуй, он стал наносить ущерб плодоносящим силам земли». Дальнейшее развитие событий уже можно предвидеть: «Шакья Татхагата, в своем великом милосердии правивший миром, пожалел жителей этой страны, сам отправился навстречу опасности и снизошел на это место, желая обратить свирепого дракона», однотипно и завершение: «Выслушав проповедь Будды, он в сердце своем обрел покой и проникся верой». В напоминание о происшедшем раз в двенадцать лет на реке Байшуй бывают наводнения — когда дракон выходит из повиновения. Паломник опять же видит у родника «следы Будды»².

Очевидна общая основа этих сюжетов: оба божества злонамеренны и наделены вредоносной силой, связанной с владычеством над стихиями: Гопала грозит уничтожить царя и его страну, Апалала не в сезон насылает дожди и губит урожаи. Затем является Будда и силой своей проповеди обращает в истинную веру нагов, которые становятся защитниками его учения. Хорошо известны по литературным источникам и изображениям сходные легенды о Мучилинде и Элапатре как нагах-охранителях Будды.

Паломниками записаны более или менее подробно и другие легенды того же типа: покорение-обращение нагов-драконов (лун 龍) в Капише, Кашмире, Ахичхатре, Варанаси, Каушамби и «огненного дракона» (холун 火龍) в Магадхе, демонов (гуй 鬼) в Каньякубдже, Чжаньчжу (около Варанаси), «матери демонов» (гуйцзы му 鬼子母) в Гандхаре, якши (яоча 藥叉) Бакулы в Хираньяпарвате, «злого духа» по имени «Большой холм» (Да Фэнь 大墳) в Санкашье³. В роли «покорителя» выступают также «заместители» (пользуясь терминологией В.Я. Проппа⁴) Будды — архат (в Кашмире), «буддийский царь» Канишка (в Капише).

Эти и подобные им сюжеты привлекались в исследованиях главным образом при анализе восприятия буддизма на уровне народных верований, а также при интерпретации изображений⁵. «Покорению нагов Буддой» посвящена статья Л.У. Блосса⁶, построенная в основном на материале легенд из «Записок» Сюань-цзана и палийских джатак. Справедливо отмечая, что мотив «покорения древних божеств» — «довольно известный феномен в истории религий», автор в то же время

² Там же, с. 111–112.

³ Там же, с. 52–56, 100–101, 135–137, 184, 206, 221, 260, 276, 290–291, 420; Фо го цзи XVII.

⁴ Пропп В.Я. Морфология сказки. М., 1969.

⁵ Vogel J. Indian Serpent-lore or the Nagas in Hindu Legend and Art. L., 1926; Sinha B.Ch. Serpent Worship in Ancient India. New Delhi, 1979.

⁶ Bloss L.W. The Buddha and the Naga. A Study in Buddhist Folk Religiosity. — History of Religions. 1973, vol. 13, No. 1, p. 37–43.

делает некоторые наблюдения о развитии этого явления в рамках индийского буддизма. Блосс подчеркивает связь культа нагов как божеств-покровителей территории, земли и ее плодоносящих сил с представлениями о царстве и царе, обладающем теми же сакральными полномочиями: с местом проживания царя связаны «жилища» якш и нагов — чайтья, дерево; божество чайтья поучает царя, помогает ему; наконец, распространено представление о «получении» им царства от нага или якши. При этом царь «играет роль посредника, через которого повелители сил природы передают благополучие и плодородие данной территории». Аналогичную связь Блосс усматривает во взаимоотношении «божество чайтья — Будда»: «Будда... становится верховным управителем миропорядка благодаря обращению им нага, который затем превращается в последователя и охранителя Будды и его дхармы». В данной работе внимание акцентируется на взаимоотношениях «Будда — хтоническое существо» именно в контексте *folk religiosity*, на овладении Буддой территориальными полномочиями местного божества и его покровительстве силам природы. Однако для наших целей имеет значение не только смысл этих сюжетов, представляющих часть буддийской мифологии, но и их структура, которая позволит выявить их архаические корни.

Стоящий в том же ряду сюжет о покорении кашмирского нага дает, пожалуй, наиболее значимые детали. «Земли эти первоначально были драконовым озером» — весь Кашмир занят «обиталищем нага». Согласно предсказанию Будды, сюда прибывает архат Мадхьянтика для того, чтобы «создать государство на здешних землях, облагородить людей, распространить закон Будды». Увидев святого на вершине горы,

дракон глубоко уверовал и стал просить архата — мол, возьми у меня, что пожелаешь. Архат же говорит: «Хочу вступить в озеро. Удели [мне участок такого размера], чтобы поместились колени». Царь драконов и вправду отвел воду и подарил [землю]. Архат же чудесным образом увеличил свое тело. Царь драконов торопливо, изо всех сил стал отводить воду — и озеро высохло, вода иссякла. Дракон, барахтаясь [в воздухе], стал молить архата о месте [для жилья]. [Архат ответил]: «К северо-западу отсюда осталось еще озеро около 100 *ли* в окружности. Ты сам и твои родственники можете жить в том маленьком озере». Говорит тогда Царь драконов: «Все земли из-под озера я дарю тебе...»

Подчеркнем характерные детали этого рассказа, которые будут иметь значение для аналогий: Мадхьянтика появляется у владений нага и требует от него места посреди озера — такой величины, чтобы он мог стоять. Хозяин озера отводит воду, оставив участок суши нужного размера; архат занимает его, но затем начинает увеличиваться в раз-

*Наги, охраняющие ступу.
Рельеф из Бхархута*

мерах до тех пор, пока наг не освобождает для него всю страну. Архат предоставляет ему для жилья небольшое озеро на северо-востоке Кашмира. После этого на полученной территории архат «основал царство» (*цзянь го* 建國) и построил 500 монастырей, закупив в окрестных странах «людей для услужения» монахам⁷.

Об устойчивости многих деталей этого сюжета свидетельствует совпадение их с вариантом «покорения», который дает одна из «цейлонских хроник» — «Дипавамса» (и этот сюжет, что немаловажно заметить, является «начальным» в ее историческом повествовании). Будда принимает решение об обращении якш, населяющих остров, появляется посреди сборища якш и творит чудеса, наводя на них страх. Затем он требует места такого размера, чтобы он мог сесть, и расстилает на этом месте свою накидку-шкуру; шкура начинает расти и занимает весь остров. Будда предоставляет якшам для жилья другой небольшой остров, а на месте сборища якш сооружается ступа (Дипавамса [далее — Дпв] I, 45–81; Махавамса [далее — Мхв] I, 17–33). Общая схема действия сходна: обладание страной божеством чай-ти, явление Будды или его «заместителя» и устрашение этого божества, овладение Буддой территорией страны путем увеличения своего тела или одежды-шкуры, на которой он сидит; наконец, строительство монастырей или ступ на месте обитания божества.

Важным обстоятельством в данном случае является «замещение» Будда/царь. Такой вариант сюжета предлагает Сюань-цзан в рассказе о «стране Капише»: в роли «покорителя» здесь выступает царь-чакравартин Канишка. Рассказ строится по обычному шаблону: дракон «насылал губительные ветры и дожди, вырывал деревья и вознамерился разрушить монастырь»; царь же «основал монастырь у подножья горы и построил ступу высотой 100 *чи*. Чем более царь проявлял величие духа, тем более дракон приходил в ярость и принимался разрушать монастырь и ступу. Шесть раз он ломал ступу. На седьмой раз царь, увидев тщетность своих усилий и возмущившись, решил засыпать озеро дракона и лишить его жилища. Двинул войско к подножию Снежных Гор...»

В «цейлонских хрониках» это «замещение» выражено еще более определенно: начальный сюжет покорения якш Буддой дублируется действиями «первого царя» Виджаи. Вариант этой легенды есть и у Сюань-цзана. Согласно Сюань-цзану⁸, «покорение» происходит еще дважды: остров завоевывает юноша — сын льва (аналог Сихабаху в «Махавамсе» и сына якши в одной из палийских джатак), затем его отни-

⁷ Сюань-цзан, с. 135–137.

⁸ Там же, с. 466–473.

мает у ракшасов (*лоча* 羅刹) Симхала (аналог Виджайи в «Махавамсе» — Мхв VI, 1, 38; VII, 1–58; Джатаки III, 432). В этом «царском варианте» Виджая-Симхала появляется на острове, покоряет якшини-волчицу, которая соединяется с ним под деревом (обычное «жилище» якш) и обещает ему царство; она помогает Виджае одержать победу над остальными якшами, затем он надевает регалии царя якш, основывает город и другие поселения, привозит сюда людей (ср. с «заселением» кашмирских монастырей). «Царский вариант» представляет и легенда Сюань-цзана о царе Удяны, получившем царство от нагини — дочери «хозяина» озера, на которой он женился, и легенда об основателе Паталипутры, взявшем в жены дерево⁹. Во всех этих случаях царь покоряет хтоническое существо; если предположить данный вариант первичным (напомним выводы Блосса: царь получает царство и власть над территорией от божества чайты), то при подстановке «царя» на место «Будды» вырисовывается следующая схема: первоначально страна не заселена, над ней властвует могущественное и вредоносное божество; является царь, побеждает его и занимает его территорию, при этом он стоит (сидит) на одежде-шкуре, которая увеличивается до размеров страны; на полученной таким образом земле царь строит города и заселяет их людьми.

«Замещение» Буддой царя в роли «покорителя хтонического божества, а также архаический характер этих реконструируемых по буддийским легендам представлений подтверждается существованием соответствующих обрядовых действий, совершавшихся в ходе древнеиндийских ритуалов царского посвящения (раджасуя, ваджапея). Одним из моментов раджасуи было стояние посвящаемого на шкуре тигра; при этом на ней помещался кусок свинца, на который посвящаемый должен был наступить — этим жестом он изображал Индру, ногой повергающего асура Намучи. Далее посвящаемый бил свинцовым диском ракшаса, «появлявшегося» из головы асура: «Как тот (Индра) прогоняет ракшасов, так и этот (царь) прогоняет ракшасов» (Шатапатха-брахмана V, 4, 1, 9–10)¹⁰. В завершающем обряде ритуала ваджапея при восхождении посвящаемого на трон также расстилают шкуру (в этом случае — шкура козла, отождествляемого с Праджапати) и произносят: «Это царство — твое» (*iyam te raditi* — Шатапатха-брахмана V, 2; 1, 24–25).

⁹ Там же, с. 117–121, 310–312.

¹⁰ *śārdūlacarmano jaghanārdhe | sīsaṁ nihitam bhavati tatapadā pratyasyati pratyastam Namuceḥ śira Namucirha vai nāmāsura āsa tamindro nivivṛyādha tasya padā śiro 'bhitaṣṭhau sa yadabhiṣṭhita udabādhata sa uchvaṅkastasya padā śiraḥ pracicheda tato rakṣaḥ sasabhavattaddvasmenamanubhāṣate kva gamiṣyati kva me mokṣyasa iti || tatsīsenāpajaghāna... tad-vai sa tannāṣṭra rakṣaḥ syapaghāna tatho 'evaīsa stannāṣṭra rakṣaḥ syato 'pahanti...*

Схема этих обрядовых действий и используемые атрибуты совпадают с тем, что мы наблюдаем в рассматриваемых сюжетах: стояние/сидение на шкуре (в обряде способствующей отождествлению посвящаемого с царством, в легендарном повествовании увеличивающейся до размеров царства), повержение демона; совпадает также и общий смысл «приобретения царства». Таким образом, буддийские сюжеты «покорения Буддой нага (якши, ракшаса)» имеют глубокие корни и по своему построению восходят к архаическим представлениям о царе и воцарении, выраженным в ведийских обрядах царского посвящения. Прообраз Будды, стоящего на одежде-шкуре и побеждающего демоническое божество, — царь, посвящаемый на царство.

«Царское происхождение» Будды как образа буддийских легенд и изображений неоднократно отмечалось с различных точек зрения, преимущественно в работах по иконографии¹¹. Отождествление царя и Будды отразилось и в буддийской обрядности, описанной Фа-сянем (в Нагаре): царь, совершая поклонение мощам Будды, помещает их себе на голову, прежде чем вернуть в реликварий ступы; при этом он проходит сначала через восточные, затем через западные ворота ступы¹², видимо таким образом воспроизводя «путь Будды» (к мотиву «хождения Будды в стороны света» мы обратимся в главе III). Подобные же обряды описаны в «Махавамсе»: мощи Будды чудесным образом поднимаются в воздух и опускаются на голову царя, который затем помещает их в ступу (Мхв XVII, 54–55); или же царь «посвящает на царство» реликвии, держа сосуд с мощами на голове (Мхв XXXI, 93–110).

Сходство этой практики с обрядами, которые наблюдал Фа-сянь, свидетельствует о том, что они существовали не только на Цейлоне при сложившихся здесь особых отношениях между царской властью и сангхой, но и в Северной Индии. В связи с этим надо упомянуть обычай «пожертвования царства» буддийской общине, отмеченный Сюань-цзаном (в Бамиане; известны также заявления Ашоки о «пожертвовании царства» общине)¹³, а также «посвящения на царство» дерева бодхи, мощей Будды (Мхв XVIII, 35–36; XIX, 8–13; XXXI, 89–92). Употребление такой терминологии в буддийской ритуальной практике свидетельствует о ее генетической связи с «царской» темой при известной трансформации смыслов.

Здесь мы подходим к концепции чакравартина, «вращающего колеса» царя-буддиста: включение этого «царского» образа в буддийское

¹¹ Auboyer J. Le Trône et son symbolisme dans l'Inde ancienne. P., 1949, p. 154–159, 164–165; Coomaraswamy A.K. The Origin of the Buddha Image. New Delhi, 1972, p. 13, 26.

¹² Фо го цзи XIII.

¹³ Сюань-цзан, с. 45–46.

предание должно было иметь свои основания. Образ чакравартина-царя как бы дублирует образ Будды-чакравартина, что создавало, видимо, противоречие, которое пытается разрешить буддийская концепция махапуруши (*пал.* mahāpurisa) — обладателя тридцати двух телесных признаков-лаккхан (*пал.* lakkhana), данных от рождения. Так, канонический текст «Лаккхана-суттанта» рассматривает Будду и царя-чакравартина как два «варианта» махапуруши — два «пути» для того, кто родился в облике махапуруши: «два пути открыты [ему], и никакие иные. Если остается жить в доме, становится царем-чакравартином; если же из дома уходит в отшельничество, становится архатом, Буддой Совершенным» (Дигха-никая XXX, 1, 2)¹⁴. Объединяющую роль в данном случае играет и образ самого «вращения колеса» (*санскр.* cakrapravartana, *пал.* cakkarāvattana), которое представлено разным образом: Будда становится чакравартином потому, что приводит в движение «колесо учения» (*санскр.* dharmasakṛa, *пал.* dhammasakka) силою первой проповеди в Варанаси, а царь-чакравартин — потому, что владеет «колесом-драгоценностью» (*санскр.* cakraratna, *пал.* cakkaratana) — первой и наиболее значимой из «семи драгоценностей», составляющих его неотъемлемые атрибуты; «вращение» же колеса передается через иной образ — как движение колеса, «запускаемого» царем, в стороны света.

Образ царя-чакравартина разрабатывается исключительно в буддийской литературе, однако сам мотив «вращения колеса царем» прослеживается и в более ранних текстах, начиная с «Ригведы»¹⁵. Семантика «колеса» древнеиндийской литературы связана с солнцем, конем, колесницей (общеиндоевропейские эквиваленты), царством, а также с периодической повторяемостью — годом и соответственно течением времени, жизни. Для нас имеет значение прежде всего связь «колеса» с представлениями о царстве и воцарении, на которой основан образ царя-чакравартина. Буддийский чакравартин, согласно «Махасудассана-суттанте», «Чаккаваттисиханада-суттанте» и параллельному отрывку «Лалитавистары», обретает «колесо-драгоценность» при символическом «завоевании» своих будущих владений: колесо (подобно коню в ритуале ашвамедха) передает во владение царю все земли, по которым оно прокатилось. Оно поочередно направляется в разные стороны света: «Колесо-драгоценность катится в восточную сторону... погрузившись в восточный океан и вернувшись назад, катится

¹⁴ mahāpūrisassa dve gatiyo honti anañña. Sace agāram ajjhāvasati, rājā hoti cakkavatti... sace kho pana agarasmā anagāriyam pabbati, araham hoti sammāsāmbuddho...

¹⁵ Senart M.E. Essai sur la légende du Buddha, son caractère et origine. — JA. 1875, ser. 7, t. VI, n. 5, p. 116; Gonda J. Ancient Indian Kingship from the Religious Point of View. Leiden, 1966, p. 123–125.

в южную сторону... погрузившись в южный океан и вернувшись назад, катится в западную сторону... погрузившись в западный океан и вернувшись назад, катится в северную сторону — и повсюду за ним следует царь Махасудассана с войском четырех видов. В том месте, Ананда, где колесо-драгоценность остановится, там царь Махасудассана, сопровождаемый войском четырех видов, обретает свое владение» (Дигха-никая XVII, 8–10; XXVI, 6–7; Лалитавистара III, 16–17).

Эти «действия» царя-чакравартина возвращают нас к одному из обрядов ритуала раджасуя — «завоеванию стран света» (Шатапатха-брахмана V, 4, 1, 3–10). В описании ритуала не присутствует колесо, однако сам порядок ритуального «завоевания» идентичен: посвящаемый «достигает» (делает шаг в сторону) последовательно востока (prācīmāroha), юга (dakṣīnamāroha), запада (pratīcīmāroha), севера (udīcīmāroha), верха (ūrdhvamāroha) (Шатапатха-брахмана V, 4, 1, 3–7). Колесо «участвует» в «завоевании верха» в ритуале ваджапея (при символическом «завоевании верха» вращается некое колесо), а также изображается после бега колесниц, осмысляемого как «завоевание» земной территории, и сам бег колесниц иногда сопровождается изобразительным вращением колеса (Шатапатха-брахмана V, 1, 5, 1)¹⁶. В свете этих сравнений становится очевидным восхождение буддийского мотива движения «колеса-драгоценности» чакравартина, «покоряющего» стороны света, к представлениям, выраженным в ведийских ритуалах посвящения на царство.

К этим же архаичным представлениям мы возводили буддийский сюжет «покорения демона Буддой-царем». Примечательно, что в ритуале раджасуя, включающем множество обрядовых действий, оба обряда — «завоевание стран света» и «повержение ракшаса, стоя на шкуре» — непосредственно следуют друг за другом (Шатапатха-брахмана V, 4, 1, 3–10). Такова же последовательность ритуала ваджапея: сидение на троне, покрытом шкурой, следует за бегом колесницы, благодаря которому покоряются «этот мир» и «верхний мир». Таким образом, оба буддийских мотива — «движение колеса чакравартина в стороны света» и «покорение демонов Буддой (архатом, царем), стоящим на шкуре» — имеют общие истоки в архаической парадигме «царства», разрабатываемой в двух последовательных частях ритуала, дублирующих смысл отождествления посвящаемого с царством. Буддийские сюжеты строятся по схеме ведийского ритуала; при этом архаический смысл «присвоения», «завоевания» территории земли при воцарении трансформируется в идею распространения буддизма, рассматриваемого как приобщение к дхарме и символически выражаемо-

¹⁶ Heesterman J.S. The Ancient Indian Royal Consecration. Mouton, 1957, p. 134.

го теперь в «завоевательном» движении «дхармачакры» или «растущей шкуры», вытесняющей хтоническое «население». Своеобразно объединяет оба мотива «Дипавамса»: изгоняемые Буддой якши бегут «в стороны света» (*yakkhāsu patisaṇaṃ gavesayurū puratthimaṃ pacchimadakkhinuttaraṃ uddhaṃ adho disā imāyo*). В царском ритуале также просматривается это объединение: впряженного в колесницу коня («колесо») призывают одновременно с «завоевательным» бегом «поглотить дракона, волка, ракшаса» (*jambhayanto 'him vṛkaḥ rākṣaḥ sanemyasmadyuavannamiva* — Шатапатха-брахмана V, 1, 5, 22).

На пути преобразования смысла архаическая схема позволила выстроить внешнюю форму и сюжетный ход для выражения буддийских представлений, оформляемых в сюжетных повествованиях с помощью готовых шаблонов; таким образом, прослеживается один из путей сложения образной системы буддийской мифологии.

Эта «смысловая переплавка» имеет особое значение для одной из основополагающих тем буддийской культуры — темы «обращения в буддизм». С одной стороны, «завоевательное» вращение колеса буддийским чакравartiном в четырех направлениях имеет смысл распространения буддизма и сопровождается обращением подчиняемых царей, дающих буддийские обеты (Дигха-никая XVII, 15–17; XXVI, 6; Лалитавистара III, 16–17). С другой стороны, важнейший эпизод «первого обращения» (первой проповеди Будды) представляется как «начало вращения колеса». Каноническое описание этого события («Дхаммачаккапаваттана-сутта») трактует его как «вращение колеса царской колесницы» и дает восхваление в тех же словах, что сопровождают в «Махабхарате» «вращение колеса» при совершении ашвамедхи¹⁷. В связи с этим вполне удачен предложенный Т. Рис-Дэвидс перевод названия сутты: «Основание царства (foundation, inauguration of kingship) праведности». Такое понимание словосочетания имеет более глубокий смысл, чем простое «сравнение Будды с могущественным царем» (как объясняет Рис-Дэвидс), а именно соотносится с генезисом мотива «обращения».

С обращением в буддизм связан и мотив «стояния на шкуре»/«покорения нагов»: буддийский персонаж покоряет их ради обращения их самих и занимаемой ими страны. В эпизоде обращения Ланки Махиндой просматривается узнаваемая архаическая деталь: увидев прибывших из Индии тхер, царь расстилает перед ними ковры, а присутствующие, указывая на ковры, восклицают: «Земля занята ими, они станут владыками острова!» (Мхв XIV, 51–53); ср.: при совершении ваджапей, когда перед будущим царем расстилают шкуру, произносят слова: «Это царство — твое» (*iyam te raditi*).

¹⁷ Sharma B. Cakra: the Symbol of Dharma. Bangalore, 1980, p. 12–13.

Однако подобная преемственность несла в себе и возможность нежелательных затруднений. Так, буддийское «обращение» и связанные с ним (по обрядам и легендам) действия и атрибуты вместе с обозначенной древней семантикой унаследовали связанный с ней мотив «завоевания», неизбежно сопровождающий «царскую» тему. «Обращение в буддизм» нередко оформляется «завоевательными» терминами и эпизодами — в связи с этим можно вспомнить, как вслед за колесом, несущим дхарму-учение во все стороны света, движется «царь Махасудассана, сопровождаемый войском четырех видов», а также царя Канишку, который, сопротивляясь дракону, «двинул войско к подножию Снежных Гор». Как для царя важнейшей характеристикой является «завоеватель» — *jetṛ, vijigīṣu*¹⁸, так и для Будды «завоеватель» (*jaṇa*) — обычный эпитет, однако за ним стоит новый смысл «обращения».

При таком понимании происхождения формул, с помощью которых выражается «обращение в буддизм», становится ясным настойчивое подчеркивание в буддийских текстах разницы между «завоеванием мечом» и «завоеванием дхармой» (например, Дигхникая XXVI, 24), обыгрывающейся и в рассказах о «раскаянии царей», перешедших от первого «способа» завоевания ко второму — «раскаяние Ашоки», царя Дуттхагамани; поскольку новый смысл вкладывается в старую формулировку (создавая переход от «завоевания» к «обращению»), он должен утверждаться через отмежевание от неподходящих значений этой формулировки.

Имеет значение еще одна «сквозная» деталь сюжетов «основания царства» в «царском» и «буддийском» вариантах, а именно завершающий их момент. «Царский» вариант: Сихабаху покоряет льва (якши в варианте джатаки — III, 432) и строит столицу на месте его обитания (Мхв VI, 34–38); Виджая покоряет якш и на месте их обитания строит город (Мхв VII, 39). «Буддийский» вариант: покорив якш, Будда строит ступу на месте их сборищ (Мхв I, 33–43). Более детальный параллелизм дает сравнение «царского варианта» «Махавамсы» и «буддийского варианта» Сюань-цзана: Виджая, отняв остров у якш, строит «на пустой земле» города и заселяет их привезенными со стороны людьми, а у Сюань-цзана архат, занявший владения кашмирского нага, на этой «пустой земле» строит 500 монастырей, «заселяя» их купленной на стороне прислугой для монахов. Итак, если в «царском варианте» «завоевание царства» завершается основанием города (городов), то «буддийское завоевание» (равнозначное «обращению») — основанием ступы (ступ, монастырей); второй вариант копирует первый, переосмысляя его.

¹⁸ Gonda J. Ancient Indian Kingship, p. 100–105.

В сюжетах «покорения» постройка ступ и монастырей играет роль финала; такова же последовательность мотивов и в историях об основании реальных монастырей и ступ, которые связываются с «местом обитания нага». Наиболее хорошо это прослеживается по запискам паломников, старавшихся при посещении каждой ступы привести легендарную историю ее основания. Часто монастырь или ступа строится на месте «жилища нага» (чайтй?) — например, монастырь в Наланде в описании Сюань-цзана или монастырь «Жилище белоухого дракона» в Санкашье, посещенный Фа-сянем. «Охранительная» роль нагов по отношению к ступе, известная по легендам, прослеживается и «на местах» — тот же «белоухий дракон» покровительствует монастырю и окружен даже определенным культом, отправляемым членами общины: «Там, где они живут, есть белоухий дракон, который вместе с монашеской общиной выполняет обязанности данапати (приносящего дары. — *Н.А.*), посылая стране богатые урожаи, орошая ее вовремя дождями, отвращая бедствия и даруя монахам благополучие... Ежедневно монахи выбирают из своей общины трех человек, которые идут в „жилище дракона“ к трапезе»¹⁹.

Основание ступ и монастырей считалось одной из функций буддийского царя. Эти выражавшиеся в реальном культе ритуальные «полномочия» также имели определенное отношение к происхождению образа царя-буддиста. Как мы могли наблюдать, эпизод «строительства» включался в сюжетные схемы, восходящие к представлениям о царстве. Однако эти сюжеты распадаются на два параллельных варианта: «строительство городов», заимствованное буддийской традицией из «царской», и «строительство ступ-монастырей», как переосмысление этого первоначального варианта. Параллелизм двух мотивов — «строительства городов» и «строительства монастырей, ступ» — прослеживается и в разработке буддийской идеи чакравартина: по «Чаккаваттисиханада-суттанте», в его «идеальном» царстве (равном всей Джамбудвипе) 84 тысячи городов (причем со столицей Катумати, отождествляемой с Варанаси, местом первого обращения); согласно довольно распространенной легенде об Ашоке, этот классический чакравартин, распространяя буддийское учение «по всей Джамбудвипе», строит 84 тысячи ступ²⁰ или, по цейлонской версии, 84 тысячи городов и в них — 84 тысячи монастырей (Мхв V, 78–80; Дпв VI, 95–99). Особый интерес в этом смысле представляют упомянутые выше парал-

¹⁹ Фо го цзи XVII.

²⁰ Дивьявадана XXVI (The Divyāvadāna. A Collection of Early Buddhist Legends. Transl. by E.B. Cowell and R.A. Neil. Cambridge, 1886, p. 380–383); Таранатха VI, 27–29 (см.: *Васильев В.П.* Буддизм, его догматы, история и литература. Т. 3. История буддизма в Индии. СПб., 1869); Фо го цзи XXXI; Сюань-цзан, с. 314.

лельные версии с «заселением» городов и аналогичным «заселением» монастырей. Таким образом, если в царском «воцарении-завоевании» присутствует идея «учреждения» царства, как бы «создания» царем царства (с городами и населением) самим фактом его воцарения, то буддийское «завоевание-обращение» означает «основание царства праведности» (с его ступами и монастырями).

Царь является участником и других сторон буддийского культа, в том числе совершает обряд вложения мощей, что отмечено и у Фасяня при описании наблюдавшейся им обрядности, и в «Махавамсе», и в предании о «первоначальном» положении мощей Будды восемью царями («Махапариниббана-суттанта»), и в легенде об Ашоке, разошлавшем мощи в 84 тысячи ступ. В завершение темы «царского участия» в буддийских культовых мотивах обратимся к обряду приношения даров общине.

В обрядах, описанных Сюань-цзаном, царское дарение осуществляется сложным путем: сначала царь отдает целиком свое царство (в том числе имущество, семью и самого себя), а затем «выкупает» все это, за исключением действительного дара²¹. Обычай символического «дарения царства», «посвящения на царство» при передаче царского имущества общине, по-видимому, был достаточно распространен. Ашока в своей надписи сообщает, что троекратно «дарит Джамбудвипу» Будде, дхарме и сангхе одновременно с троекратным дарением драгоценностей²². Деванампиятисса одаривает дерево бодхи, предварительно трижды «посвятив его на царство»; при этом он держит дерево на голове (Мхв XIX, 8, 13, 30–43). Царь на семь дней «передает» мощам Будды «владычество над царством», и эта передача царства сопровождается семидневным подношением даров общине (Мхв XXXI, 111–118). Складывается впечатление, что, для того чтобы передать часть царского имущества, необходимо сначала полностью передать получателю «царские права», и лишь при помощи отождествления с царем он получает «возможность» овладеть царским имуществом — отсюда предварительное «посвящение на царство» общины. При этом само основание для такого хода было заложено в «родственности» семантики.

Нами были прослежены отголоски архаических мотивов «воцарения» в буддийских сюжетах, имеющих смысл «распространения буддизма» («покорение нага-якши», «колесо чакравартина») и воспроизводящих в своем построении схему ритуалов царского посвящения; прослежена и роль этих мотивов в представлениях о буддийском «об-

²¹ Сюань-цзан, с. 45–46.

²² Там же, с. 317.

ращении», традиции основания ступ и монастырей царем, царских дарений общине.

Высказанные наблюдения имеют принципиальное значение для выявления приемов описания истории в буддийской традиции. Но прежде чем перейти к этой теме, остановимся на одном аспекте представлений о воцарении, связанном с восприятием «времени», «истории».

Согласно «Шатапатха-брахмане», при ритуальном «завоевании» стран света, т.е. собственно территории, пространства, посвящаемый «завоевывает» четыре сезона, год (Шатапатха-брахмана V, 4, 1, 8). Следовательно, царство как территория отождествляется с царствованием во времени, и идея царства приобретает пространственно-временное единство. Сам текст обозначает совершение ритуала как «овладение годом» (Шатапатха-брахмана V, 2, 1, 1–2). Я. Хейстерман отмечает связь ритуала с годом, сезонными обрядами, сравнивает его с ежегодными празднествами и видит смысл ритуала в «обновлении царства с началом года»²³.

Согласно мифологической логике, совершая обряд, царь «движет время», одновременно «завоевывает» царство, посвящается на царство, царствует; царь способствует смене сезонов и течению лет своим царствованием, выраженным в обрядах. Следовательно, и буддийский чакравартин, приводя в движение «колесо-драгоценность», также не только «завоевывает» и «обращает» страны света, но и «запускает» время своего «праведного» царствования. Еще более ясно временной аспект выражен в образе «вращения колеса Буддой»: «начало вращения колеса учения» считается началом «времени учения» — согласно буддийским представлениям, пока «вращается колесо», продолжается «время дхармы»; при этом, как мы видели, сохраняется и привязка к архаическим истокам этой семантики — в понимании этих действий как «основания царства» учения-дхармы. Таким образом, и исходные представления о воцарении как «завоевании», «основании» царства, и соответствующие буддийские варианты, разрабатывающие образные формы для темы «обращения», имели связь с семантикой «времени», «движения времени», что создавало возможности для выражения «истории».

Прослеженные нами сюжеты, как это ни покажется парадоксальным, играют первостепенную формообразующую роль в складывании исторической традиции, которое происходило в рамках буддийской литературы. Видимо, из-за отсутствия должной предыстории в развитии исторического повествования архаическое наследие в выстраива-

²³ Heesterman J.S. The Ancient Indian Royal Consecration, p. 6–7, 133.

нии «временной» темы столь явственно сохраняло свое влияние. Так, повторение мотива «завоевания-основания» царства заметно в построении «цейлонских хроник»; собственно, на этом повторении и основана их композиция, особенно в изложении начальных царствований. В ряде исследовательских работ отмечен параллелизм «явления Будды на Ланку» и повествований о царствовании Виджайи (повторяющего «покорение якш»), Деванампиятиссы, Дуттхагамани и о «явлении Махинды», «обратившего» остров²⁴. Будда посещает «пустой» остров, захваченный якшами, и прогоняет их — сюжет, к которому мы уже обращались; затем те же действия воспроизводит первый царь Виджая. Тамилы, покоряемые Дуттхагамани, «типологически эквивалентны» якшам, побеждаемым Буддой²⁵. Эта повторяемость основного мотива «цейлонских хроник» вызвала такой взгляд на формирование текста, согласно которому «явление Будды» становится прототипом действий царей и «биография Будды задает парадигму для царей»²⁶. Однако это наблюдение справедливо лишь с точки зрения синтагматики данных текстов; в свете же приведенного выше анализа структурное сходство легенды о Будде и легенд о царях свидетельствует об обратной связи: повествование о Будде, который стоит на одежде-шкуре и покоряет якш («Дипавамса», «Махавамса» и другие «хроники»), однотипно подобным же индийским сюжетам (имеющимся, например, у Сюань-цзана), и его построение восходит к архаичной схеме «воцарения». Легенда о Будде и легенды о царях равным образом имеют свои корни в буддийском мотиве «воцарения-завоевания».

Развитая литература буддийских «хроник» на Цейлоне — исключительное явление; как считают ее исследователи, например Х. Бехерт, в Индии отсутствовала «историческая литература в подлинном смысле слова вплоть до периода вторжений мусульман»²⁷. Однако надо было бы признать, что рассматриваемые автором «цейлонские хроники» также не могут быть названы хрониками в собственном смысле слова, поскольку имеют архаичный облик, разрабатывают в описании царствований мифологическую схему «воцарения» и не содержат изложения событий в хронологическом порядке — лишь последовательность смены царей. Внутреннее содержание каждого «царствования» строится по принципу актуализации семантики, заложенной в сакральной стороне царской власти. Подобные же попытки «историописания» существовали и в Индии — в более ограниченном виде; позднее

²⁴ Religion and Legitimation of Power in Sri Lanka. Cambersberg, 1978, p. 21–23, 37, 42–43, 75, 97, 99–100.

²⁵ Ibid., p. 23.

²⁶ Ibid., p. 23, 37, 39.

²⁷ Ibid., p. 1, 3–4.

(VIII в.) появляется и индийский вариант «буддийской хроники» («Манджушримулакальпа»), которая не могла бы возникнуть без определенной основы.

Пример «цейлонских хроник» убеждает в потенциальной плодотворности архаических формул посвящения на царство для построения исторического повествования, в котором мотив «завоевания и основания царства», разрабатывающийся по схемам обрядов, становится «сквозным». Однако сами эти мотивы, как мы имели возможность убедиться, имели широкое хождение в Индии — как в устной традиции, так и в буддийской литературе. Что касается реализации этой возможности для «историописания», то в «истории» царствования Ашоки или Канишки можно наблюдать проявление тех же закономерностей. Однако здесь мы не имеем непрерывной последовательности истории, и такая выборочность описания царствований в буддийской литературе Индии объясняется, вероятно, применимостью данного подхода, таящего в себе возможности «исторического» мышления, именно к царю-чакравартину как носителю соответствующей символики. Если «типичный царь» «цейлонских хроник» — чакравартин, то в Индии буддийская традиция таковым считает в первую очередь Ашоку, а затем также и Канишку.

Предания об Ашоке наиболее полно сосредоточены в аваданах — «Дивьявадане», ее китайских переводах, позднейшей «Ашокаваданамале», пересказе авадан у Таранатхи. Особый интерес представляет версия авадан, сохранившаяся у Таранатхи. Его «история» царствования Ашоки большей частью последовательно воспроизводит те же мотивы, имеющие параллельный смысл «воцарения»: после рассказа о достижении трона (Таранатха VI, 20–22) следует «обращение» царя, причем сам Ашока как «почитатель нагов» уподобляется дракону-нагу (Таранатха VI, 22–24), затем идет «покорение нагов» царем (Таранатха VI, 25–27), «завоевание мира с помощью колеса» (Таранатха VI, 27), в результате которого «под владычеством его находились на севере Хималая и Снежные Горы... а на востоке, юге и западе все земли Джамбудвипы вплоть до океана». «Завоевание Джамбудвипы» завершается основанием 84 тысяч ступ (Таранатха VI, 28–29) и приношением даров общине (Таранатха VI, 30–31). Архаическая структура и ее соотношение с буддийским смыслом в таких сюжетах были нами уже показаны. В данном случае имеет значение разработка «истории царствования» именно по этим направлениям; причем здесь дублирующие друг друга мотивы «воцарения» представлены наиболее полно и в закономерной последовательности; немногочисленные реальные события, сведения о которых возможно извлечь из этих преданий, занимают подчиненное место в данной «логике» изложения.

В «биографиях» царей-чакравартинов Ашоки и Канишки, как и вообще в буддийской «истории», важное место занимает проведение буддийских соборов. Третий собор при Ашоке описан, в частности, в «Махавамсе», где событиям, непосредственно связанным с собором, предшествует «история царствования», состоящая из генеалогии царя — покровителя собора, признания в нем махапуруши, посвящения на царство, обращения, строительства 84 тысяч вихар, принесения даров общине (Мхв V, 14–94). Повествование о соборе при Канишке, содержащееся у Сюань-цзана (см. ниже), включено в такой же контекст.

Наряду с реализацией мотивов «воцарения» в качестве приемов «исторического» повествования имело значение и наличие царской генеалогической традиции. О ее развитии в Индии упоминает в своем исследовании пуранических текстов Ф. Парджитер²⁸; ведение летописей при дворе индийских царей отмечено Сюань-цзаном, об этом же свидетельствует возникновение буддийской «Манджушримулакаल्पы» (охватывающей период до середины VI в.), очевидно, на основе существовавшей традиции царских генеалогий²⁹. Последний текст показывает слияние этой кшатрийской традиции с буддийской; с нашей точки зрения, важен тот факт, что кшатрийская традиция реализовалась в качестве исторической литературы именно в рамках буддизма (как и на Цейлоне); пронизанность буддизма царской символикой, дающей возможность формировать «историческое» повествование, по-видимому, должна была способствовать такому соединению.

Особенности буддийского «историописания» своеобразно проявились в передаче индийской традиции Сюань-цзаном. Напомним, что, если для его географических описаний (вводные пассажи перед каждой главой-«страной») характерны ориентиры на китайскую литературную традицию, то при передаче индийских преданий автор, по существу, выступает лишь в роли проводника индийской традиции, отражающей представления, свойственные индийской культуре. Отражение «исторического прошлого» (по отношению к эпохе его паломничества) Индии в «Записках» подчинено восприятию этого прошлого индийской традицией и имеет мало общего с выраженным «историзмом» китайских повествований. «Китайская педантичность», свойственная его географическим описаниям, не распространяется здесь на изложение «истории».

В этом отношении представляет интерес «история Кашмира», которая является единственной попыткой написания «целостной» истории

²⁸ *Pargiter F.E.* Ancient Indian Historical Tradition. Oxf., 1922, p. 15–29.

²⁹ *Jayaswal K.P.* An Imperial History of India in a Sanskrit Text (700 B.C. — 770 A.D.). Lahore, 1934, p. 7–8.

страны у Сюань-цзана (для остальных стран эта часть отсутствует, предания рассказываются в связи с посещением отдельных святынь). Благодаря хронологическому (хотя предлагаемые даты более чем условны) построению этого описания и расположению после географической части повествование о Кашмире приобретает сходство с текстами-«странами» в географических разделах «династийных историй», имеющих такую же схему: географическая «анкета», затем изложение истории в хронологическом порядке. Придерживаясь похожего порядка, Сюань-цзан делает попытку объединения преданий о Кашмире для написания последовательной истории страны. Однако эта систематизированная картина составлена из готовых индийских преданий, для которых характерны те же самые приемы повествования о царствованиях, что были показаны выше. «История Кашмира» у Сюань-цзана состоит из четырех «датированных» преданий: «обращение страны» архатом Мадхьянтикой (50-й год от нирваны Будды), поселение 500 архатов в стране в царствование Ашоки (100-й год), проведение собора при Канишке (400-й год), история завоевания страны «буддийским» царем Токхары (600-й год).

«Начальная» легенда об усмирении кашмирского нага Мадхьянтикой уже разбиралась нами; ее общая схема и отдельные детали (увеличение «покорителя» или шкуры, на которой он сидит, и т.п.) совпадают с «начальным» преданием «Махавамсы» о покорении якш Буддой. В обоих случаях «история» начинается с «пустой страны» и строится по схеме «завоевания и основания царства» — Мадхьянтика дословно «создал», «основал царство» (*цзянь го* 建國) на земле, принадлежавшей нагу, и построил 500 монастырей (замещающих «города» царского варианта), «заселив» их купленными на стороне людьми — слугами для монахов (мы сравнивали это с «заселением» Ланки Виджаей).

В следующих трех преданиях многие характерные черты этой схемы повторяются. «Сквозным» мотивом становится покорение так называемых критьев (*санскр.* *kṛtya*, *кит.* *цзидо* 訖利多 — духов, по облику близких якшам), «купленных» Мадхьянтикой. «Изгнание критьев» копирует «изгнание нага» (ср. в «Махавамсе»: «изгнание якш» — «изгнание тамиллов»); в связи с этим интересно существование понятия *yakṣakṛtya*³⁰. Из четырех преданий наиболее близки между собой первое и последнее (Мадхьянтика — токхарский царь). В последнем предании царь-буддист, потомок шакьев, узнает о возобладавших в стране критьях, собирает армию и направляется в Кашмир. Приблизившись к трону «царя критьев», он обезглавливает царя, «умиротворяет» (*пин* 平) царство, строит (опять) монастыри и поселяет в них монахов.

³⁰ *Eitel E.J.* Handbook for the Student of Chinese Buddhism. Honkong-Shanghai, 1870, p. 173.

Затем царь покидает страну «через западные ворота» и, обратив лицо на восток, «одаривает общину», по-видимому, царством, поскольку в случае с Ашокой и Канишкой эта формулировка звучит полнее: «покинув страну через западные ворота и обратив лицо на восток, преподнес в дар общине это царство»³¹.

«Дарением царства» завершаются и другие два предания, которые во многих чертах имеют сходство. Ашока дублирует основание 500 монастырей (то, что «уже сделал» Мадхьянтика) и «поселение» в них 500 архатов; завершает он свою миссию «дарением царства общине». Проведение собора Канишкой предваряется появлением его в стране с армией (судя по тому, что после ухода Канишки критьи «опять возобладали», они были им покорены) и завершается «основанием царства», «дарением царства общине», строительством ступы. Как видно, постоянно воспроизводится формула «завоевания» (по типу «отвоевания у нага»), «основания царства», «дарения царства общине». Необходимо отметить, что здесь выдержан и принцип соотнесенности этой схемы с образом чакравартина: после «начальной» легенды (архат) следуют два буддийских чакравартина, Ашока и Канишка; третий царь — буддист, автор подчеркивает его принадлежность к шакьям.

Вывод из этих наблюдений над изложением «истории» можно сделать такой же, как в случае «Махавамсы»: происходит актуализация семантики сакральной стороны «царствования». При этом передатчик индийской традиции — будь то Сюань-цзан или Таранатха — целиком находится в ее власти и подчинен ее способу выражения происходящего во времени.

Подводя итоги этой главы, воспроизведем ход проведенного рассуждения. Наблюдая глубоко мифологический характер буддийских преданий «о царях» и частую встречаемость сюжета «покорения хтонического существа» в «исторических» повествованиях, мы провели анализ этих сюжетов, рассматриваемых под углом зрения представлений о царстве и царствовании, которые играют первостепенную роль в формировании исторической традиции.

В ходе исследования было установлено, что соотношение буддийского мотива «покорения» и «царской» темы имеет глубокий смысл: выявляемая из сравнения различных версий буддийского сюжета «покорения нагов, якшей, ракшасов и обращения страны» общая схема совпадает со схемой архаического мотива воцарения, выраженного в ритуалах царского посвящения — ваджапей и особенно раджасуи. При «отвоевании» страны у хтонического божества буддийский персонаж воспроизводит аналогичные действия, облеченные в форму легендар-

³¹ Сюань-цзан, с. 137–143.

ного повествования: стояние на шкуре — одеянии Будды (архаическое отождествление «шкуры» с самой «страной» передается через «увеличение» ее до размеров страны), повержение демона, основание буддийского царства.

Данный мотив буддийского нарратива имеет исходный смысл «завоевания» царства при воцарении. Такой же смысл содержится в представлениях о «колесе-драгоценности» (*sakraratna*) буддийского царя-чакравартина, которое при получении им этого звания «передает» ему владычество над Джамбудвипой посредством своего движения поочередно в разные стороны света. Эти представления также связаны с элементами ритуалов царского посвящения, в первую очередь с обрядом «завоевания стран света» в ритуале раджасуя (а также вариантами обрядами — «бега колесницы» и «завоевания верха» в ритуале ваджапея или «бега коня», семантически равнозначного «колесу», при совершении ашвамедхи). «Завоевание стран света» непосредственно предшествует в данном ритуале обряду, который исполняют, стоя на шкуре, и с которым мы связываем мотив «покорения».

Оба мотива, имевшие в архаическом варианте смысл «завоевания», в рамках буддизма приобретают смысл «обращения в буддизм». Покоряя хтоническое божество, Будда, архат или буддийский царь обращают его в буддизм и таким образом распространяют буддизм на полученной от него и олицетворяемой им территории; чакравартин «подчиняет мир» ради установления в нем торжества буддийского учения, «покоренные» цари дают при этом буддийские обеты; последний мотив имеет очевидную связь с идеей буддийского обращения также благодаря близкой символике «вращения колеса» Буддой-чакравartiном при «первом обращении». Архаические формулы «посвящения на царство» прослеживаются и в представлениях о буддийском «обращении»: описание «явления Махинды» (Мхв) напоминает обряды расстилания шкуры перед будущим царем; такое же происхождение имеет «царский» эпитет Будды — «завоеватель» (*jaṇa*), получающий в данном случае новый смысл «обращения».

Основные функции царя в его отношении к буддизму также выполняются по схеме «царского посвящения». Так, в некоторых буддийских обрядах дарения, описанных у китайских паломников, царь прежде «посвящает на царство» буддийскую общину, передавая ей свое имущество, царство, и затем «выкупает» все, кроме имущества действительно даримого. Царская функция «строительства монастырей, ступ» замещает функцию «строительства городов» в буддийских вариантах архаического мотива «основания царства царем».

Таким образом, построение целого ряда взаимосвязанных буддийских сюжетов сохранило следы представлений о воцарении, отражен-

ных в ритуалах царского посвящения: это схема сюжета «покорения и обращения хтонического божества», представления о чакравартине, о буддийском обращении, о царских дарениях общине и об основании им монастырей и ступ. Если в царских ритуалах эти формулы выражены в обрядах, имевших мифологическое обоснование и осмыслявшихся как отождествление посвящаемого с царством, то, находя здесь свой отголосок, они дают способ описания, форму существования новых по смыслу представлений. Потребность в отчленении нового смысла от связывающего его старого («завоевание» дает «обращение») выразилась, в частности, в постоянном подчеркивании разницы между «завоеванием мечом» и «завоеванием дхармой», звучащем как в повторяющихся формулировках буддийских текстов, так и в сюжетах «раскаяния царей», в которых отражено буддийское, довольно противоречивое осмысление «царских завоеваний».

В то же время рассматриваемые мотивы играют первостепенную роль в структуре буддийского исторического нарратива: описание царствования дается в виде легенд о «воцарении», развертывающихся по схеме обряда царского посвящения. Если это отчетливо прослеживается в «цейлонских хрониках», где в повествовании преобладает постоянно воспроизводимая формула «воцарения», то для Индии мы имеем подобную картину на примере описания правления отдельных исторических царей.

Значения, которые выражены в обрядовых действиях царского посвящения, подразумевают осмысление времени через царствование. Обряд отождествляет царя не только с царством как территорией, но и со временем царствования; совершение ритуала означает год и время царствования вообще. Усиленное звучание царской символики в буддийском культе дает этой смысловой потенции возможность именно в рамках буддизма развиться в принцип построения «истории», используя при этом прежнюю семантику. Если существовавшие и ранее представления о «вращающем колесо» царе, «завоевывающем мир», в буддизме стали более явными и развились в образ чакравартина (поскольку при переносе смысла с «завоевания» на «обращение» данная символика стала актуальной), то и потенциальные возможности, содержащиеся в идее «движения времени» путем совершения царского ритуала, приобрели здесь свою реализацию. Приложение к определенному царю обозначения «чакравартин» влечет за собой и возможность осуществления в связи с ним как носителем соответствующей символики «исторического» принципа в повествовании. Вероятно, этим объясняется «выборочность» индийского (буддийского) историописания по сравнению с целостной картиной последовательных царствований, отраженной «цейлонскими хрониками», поскольку в отличие от

цейлонских царей (мыслившихся в цейлонской традиции чакравартинами) традиция индийского буддизма таковыми считает в основном Ашоку и Канишку. Показательно, например, что повествование Таранатхи об Ашоке, сохранившее версию авада об этом царе, состоит из «интриги воцарения», «покорения нагов», «завоевания мира с помощью колеса», «строительства ступ по всей Джамбудвипе», «дарений общине», т.е. дублирующих друг друга формул «воцарения». Аналогичным образом «история царствования» Канишки, отраженная в преданиях, записанных паломниками, содержит «покорение нага» (легенда в записи Сюань-цзана), «строительство ступы» (легенда в записи Фа-сяня и Сюань-цзана)³². В сочинении Сюань-цзана, выступающего в данном случае в качестве проводника индийской традиции, прослеживаются те же тенденции в его попытках выстраивания последовательности «событий прошлого» («история Кашмира»), сохраняющей структуру индийских преданий.

³² Сюань-цзан, с. 52–56, 94–95; Фо го цзи XII.

Глава III

Семантика пространства в культуре буддизма и текст паломника

Записки китайских паломников, с их необычайно широким охватом картины «буддийского мира», предоставляют возможность и широкого обзора проблем буддийской культуры данной эпохи. Эти сочинения богаты материалом, который позволяет воссоздать представления, выраженные в обрядовой практике, в предании, архитектуре или вещных атрибутах культа и монашеского обихода, обнаруживающих взаимопроникновение семантики. Не-

обходимость в обращении к этой теме в связи с источниковедческим анализом паломнических текстов возникает ввиду поиска истоков их специфики, заданной системой стоящих за ними представлений и особенностей мировосприятия, что, как было нами показано, не допускает исследовательского использования этих текстов «напрямую». «Мифологизм» сочинений паломников, дающих во многом непроницаемую для современного исследователя картину природы и культуры посещенных стран, создает своеобразие этих текстов, которое коренится в самом восприятии «земного пространства», свойственном авторам этих сочинений как носителям определенной культурной традиции. Несомненно, это восприятие «географической реальности» обуславливает построение паломнического текста и характер присутствующих в нем описаний стран, отдельных местностей, городов, встречаемых на пути буддийских святынь. Выявление той системы представлений о земном пространстве, которая стоит за этими описаниями, возможно на материале самих сочинений паломников. Претворяя свое путешествие в текст, паломник не только фиксировал расположение буддийских святынь и состояние вероучения в той или иной воспринявшей его «стране», но и неизбежно воспроизводил семантику буддийской культуры, выявляемую и в тех мифологических представлениях, которые формируют его текст, определяя отбор и освещение сведений, составляющих его содержание, и в том многообразном материале литературной и устной традиции, культа, обычаев и поверий, которые были собраны паломником для его обширного сочинения. Мифологическое «богатство» текста, при столь значимой роли паломничества в пространственной деятельности буддизма, позволяет построить анализ буддийской семантики на материале паломнического сочинения, рассматриваемого в контексте связанной с ним литературы.

Один из центральных образов, который задает алгоритм передвижения паломника и который многообразно представлен в тексте, —

буддийская ступа, окруженная своим культом и преданием. Ориентация паломнического текста, как и самого пути паломника, в первую очередь на образ ступы, аккумулирующий пространственные и ценностные представления буддийской культуры, позволяет использовать его как исходный шаг в рассуждении и проследить связанную с ним семантику и пути порождения культурных стереотипов.

Последовательность рассмотрения буддийской семантики пространства может быть заимствована из предложенной самим Сюань-цзаном версии предания «о первой ступе», услышанной им в окрестностях Балха:

Пройдя от столицы к северу 50 *ли*, пришли к городу Тивэй; от этого города в 40 *ли* — город Боли. В каждом городе — по ступе высотой 3 *чжана*. В древности, когда Татхагата обрел плод Будды у дерева бодхи и направился в Оленью Рошу, два старца восприняли сияние от его величия и вручную, полученной в дальнем пути, совершили ему подношение. Владыка Мира произнес для них проповедь о заслугах богов и людей. Они были первыми, кто услышал о «пяти заповедях» и «десяти добродетелях», и таким образом получили наставление в Учении, а после стали просить предмет для поклонения. Тогда Татхагата вручил им свои волосы и ногти. Когда старцы собирались уже возвращаться на далекую родину, то просили его объяснить церемонии поклонения. Татхагата, расстелив на земле сангхати, сначала положил на него уттарасангу, затем санкакшику. Затем поставил [опрокинутую] чашу, а над ней водрузил посох — подобно тому порядку, как сооружается ступа. Те два человека приняли указания. Каждый вернулся в свой город и, согласно тому обряду, который был им священным образом показан, с почтением построил ступу. Таким образом, это первые ступы в истории шакийского закона¹.

Будучи записано при посещении Балха, открывавшего на пути пилигрима череду собственно «буддийских стран» (здесь путник поворачивал в сторону Индии после долгого перехода через Западный Край), это предание содержит и узловые для буддиста-паломника смысловые ассоциации, связанные с важнейшими для него объектами внимания: ступа, реликвии, путь странника.

Буддист-паломник совершал свой путь, устремляясь к ступе как к ближайшему притягательному средоточию его мира, которое, однако, воплощало для него и далекую цель. Передвижение паломника в реальном пространстве и соответственное «движение» его текста происходило по отрезкам пути от ступы к ступе, составляя ломаную линию его маршрута — «на северо-восток», «на юго-восток» — где ступы располагались по вершинам углов; слово «ступа», передаваемое Сюань-цзаном в транскрипции (*судуто* 窣堵波), наиболее повторяемо

¹ Сюань-цзан, с. 42–43.

в его «Записках». Членение текста в описаниях стран вторит этому передвижению, «пустоты» между посещенными святынями лишь обозначены указанием расстояний и направления движения, вокруг же самих святынь строится все содержательное повествование — с передачей преданий, почерпнутых как из местной традиции, так и из наполненной литературными текстами памяти паломника, с рассказом о связанных с данным местом обычаях, культе и т.п. Таким образом, ступа (монастырь, реже другие святые места — озеро, «где Будда покорил нага», или памятный камень, часто также маркированные ступами) как основной объект повествования в «записках» позволяет паломнику не только определенным образом организовать текст, но и задает его содержание. Эта вполне понятная роль основной святыни буддизма естественна в паломническом сочинении, но возможно отметить и другие основания, согласно которым образ «ступы» занимает особое место в мировоззрении паломника, в первую очередь — ассоциативные связи с идеей «пути».

В свое время Фа-сянь — в уже цитированном нами высказывании — дал ясные формулировки основных пространственно-ценностных ориентиров буддиста, направившегося к истокам учения:

С тех пор как свершилась нирвана Будды, отмечены места «четырех великих ступ», почитание их не прекращается. «Четыре великие ступы» — это следующие: в том месте, где Будда родился; в том месте, где Будда обрел просветление; где начал вращение Колеса Учения, а также на месте паринирваны².

Очерченное этими точками пространство (Лумбини–Гайя–Варанаси–Капилавасту) включает в себе жизненный путь первоучителя в его важнейших сакральных поворотах и представляет главную цель паломника. Следующий круг — и в пространстве, и в сакральном времени буддийского предания — образуют «восемь ступ», возникшие в результате деления мощей непосредственно после паринирваны (по «Махапаринирванасутре»), а затем — «84 000 ступ», построенные, согласно легенде, по велению Ашоки «по всей Джамбудвипе», что соответствует уже всему мыслимому ареалу «буддийского мира». Сюжету о «84 000 ступ» в тексте Фа-сяня, обычно склонного к лаконичности, не случайно столь щедро выделено место для подробного изложения³ (см. также выше, гл. I), поскольку именно здесь раскрывается происхождение и смысл этого последнего, наиболее «широкого круга» распространения ступ с мощами Будды, представляющих категорию «ступы, построенные царем Ашокой» и сопровождающих

² Фо го цзи XXXI.

³ Фо го цзи XXXII.

паломника начиная с наиболее удаленных от конечной цели территорий.

Согласно преданию, наиболее полная версия которого содержится в «Дивьявадане», при Ашоке на 84 000 частей были поделены мощи, извлеченные из семи (одна, в Рамаграме, осталась нетронутой) первоначальных ступ, с тем чтобы соответствующее число ступ было размещено по всей обширной территории «буддийского мира». На тексте «Дивьяваданы» в значительной степени строится ориентация паломника и во времени, и в пространстве:

О великий царь! О тебе Бхагаван пророчествовал: «Через сотню лет после моей нирваны в городе Паталипутре будет править царь по имени Ашока — владыка четырех сторон света, царь закона, и он совершит разделение моих мощей и построит восемьдесят четыре тысячи ступ...» Царь подумал: «Разделю мощи Бхагавана». Во главе войска четырех видов двинулся он к ступе, воздвигнутой [царем] Аджаташатру над Сосудом, взошел в нее и взял мощи. Здесь же он со старанием разделил их и над одной долей реликвий приказал строить ступу, затем [над другой долей] — вторую ступу, и так в ревностном своем почтении забрал реликвии уже из седьмого сосуда и воздвиг еще ступы... Царь приказал изготовить восемьдесят четыре тысячи сосудов — из золота, серебра, кварца и ляпис-лазури — и поместить в них реликвии; затем эти сосуды с ярлыками дал в руки яшам и разослал их по морю, по суше — в большие, малые и средние города... и в один день, в одно мгновение были воздвигнуты восемьдесят четыре тысячи ступ. И об этом будет сказано:

Семь ступ воздвигли в древности, из них
изъял Маурья мощи Риши

И восемьдесят тысяч ступ, как облака осенние блистающих,
он приказал построить в мире в один и тот же день⁴.

В развиваемой преданием картине событий все более расширяющаяся территория охватывается строительством ступ, каждая из которых включает в себе частицу мощей Будды. В свою очередь, вхождение паломника в сферу их распространения означало вступление его в пределы пространства, освященного присутствием первоучителя, и постепенное вовлечение в поле притяжения сакрального центра, обозначенного «четырьмя великими ступами». Подобная «неоднородность пространства» в мирозерцании буддиста собственно и создавала ситуацию активного паломничества, которая объясняется отнюдь не только нехваткой текстов в первые века китайского буддизма и стремлением к обучению в старых индийских монастырях; созревшее осознание своей принадлежности к «буддийскому миру» и в то же время пребывания в его периферийных областях вызывало настоятель-

⁴ Дивьявадана XXVI (The Divyāvadāna. A Collection of Early Buddhist Legends. Transl. by E.B. Cowell and R.A. Neil. Cambridge, 1886).

ную потребность в передвижении к центру этого пространства, к истокам. Насколько остро переживалась эта «оторванность», «удаленность» от места рождения учения, можно судить на примере Фа-сяня, испытывавшего чувство своего рода тоски и неизменно называвшего «Ханьские земли» «окраинными землями». Его противопоставление этих «окраинных земель» и «Срединной страны» (Чжунго 中國) — Индии⁵ ясно обрисовывает пространство «буддийского мира» в его ценностных характеристиках. Едва переправившись через «реку Синьду» (Инд), Фа-сянь отмечает это событие диалогом, выразившим самую сущность преодоленного рубежа:

За рекой — страна, называемая Биту. Здесь Учение Будды процветает, есть последователи и «большой», и «малой колесницы». Когда [монахи] увидели, что пришли циньские последователи Пути, то очень сочувствовали им и говорили: «Как же смогли эти люди из окраинных земель, избравшие своим Путем отречение от мира, отправиться в такую даль [к истокам] Учения Будды?»⁶.

Качественное изменение «свойств пространства» по мере преодоления его движущимся приверженцем буддийского учения с определенностью, но по-разному проявляется в текстах паломников. В записках Фа-сяня все большее приближение к священным землям сказывается в нагнетающей напряженности манеры повествования, возрастающем внимании к окружающему и детализации описаний, построенных в основном на ассоциациях, связанных со знанием предания: каждая встреча со ступой или монастырем предстает как «узнавание» хорошо известного эпизода предания. В сущности, разработанная Сюань-цзаном система характеристики «стран», «качество» которых во всех отношениях определяется степенью приверженности к буддизму, также обнаруживает оценочное отношение к географическому пространству. Написанный в иную эпоху и с иных позиций, чем сочинение Фа-сяня, труд Сюань-цзана долженствовал стать всеобъемлющим отображением пространства «буддийского мира», построенным в виде адекватной ему системы, уложенной в достаточно строго продуманную схему, но в то же время заключающей в себе все его многообразие. Эта структурированность большого текста Сюань-цзана, таким образом, находится в соответствии с объектом его описания — населенным географическим пространством, воспринимаемым в пределах охвата его «колесом учения» и постигаемым по мере обхода его паломником, который двигался от ступы к ступе, следуя некогда происходившему, по преданию, развитию событий.

⁵ Фо го цзи XXXVI.

⁶ Фо го цзи XV.

*Буддийская ступа.
Рельеф из Бхархута*

Возвращаясь к приведенной нами легенде о «первых ступах» (которая в своей событийной части, конечно, не может иметь отношения к реальности по причине несоотнесенности времени распространения буддизма до пределов Балха и времени жизни Будды), обратимся к выразительно представленной здесь символике ступы. Будда «строит ступу» из принадлежащих ему предметов (одежда, чаша-патра, посох), обозначая таким образом основное трехчленное ее строение: цоколь, купол, шпиль. Каждый такой предмет, вещный атрибут Будды — для паломника одновременно и «участник» предания, и предмет почитания, реликвия, с которой связан определенный культ и свой, вторичный круг преданий; вещная реликвия сохраняется в ступе, является поводом для ее сооружения и в ритуальном смысле означает присутствие первоучителя наравне с шарирадхату (*śarīradhātu*) — «телесными реликвиями» Будды; к ступе с реликвиями, наконец, стремится паломник как к единому образу, окруженному единым культом. В то же время в нашей легенде вещные реликвии сопоставляются по отдельности с основными частями ступы. За этими сопоставлениями, помимо внешнего сходства, стоит широкое поле закономерных смысловых ассоциаций — благодаря той богатой семантике, которую несут в себе столь важные в буддийском культе реликвии-вещи. Выражая пространственные и в то же время ценностные категории, эти смысловые соотношения неизбежно находят отклики в расстановке смыслов «паломнического мира», что позволит нам постоянно обращаться к текстам «записок», поскольку сам ход «продвижения» по соответствующей семантике будет «рикошетом» возвращать к этому источнику.

В основание изображаемой ступы кладется одежда Будды, расстеленная на земле, — мотив распространенный в буддийской мифологии. Так, в цейлонском предании («Дипавамса») Будда использует свою одежду, как магический предмет, при покорении Ланки, целиком занятой демоническими силами: положив на землю свою накидку, встанет на нее, и тогда, объятая пламенем, она растет, охватывая все больше земли и прогоняя демонов-якш, пока не занимает остров целиком⁷. В данном случае «одежда Будды» метафорически выражает охват территории, завоеванной буддийской верой, что эквивалентно «цивилизованности», «заселенности людьми». Мы возводили подобные мотивы к архаическим представлениям, выраженным в ведийской царской обрядности и связанным с «воцарением», «завоеванием страны»: помазующийся на царство совершал шаги по расстеленной шкуре, отождествляемой с пространством подвластных земель (гл. II). Почитание

⁷ Дипавамса I, 45–81; Махавамса I, 17–33.

мест, «где Татхагата расстилал свою одежду», неоднократно отмечается паломниками («подошел к камню... Отпечаток кашаи вдавлен [в камень], как будто выгравирован»⁸), что, видимо, отражает культ, связанный с мифологическим мотивом «расстилая одежды», хотя в тексте обычно он предстает уже в каузализованном варианте («здесь расстилал после полоскания свою одежду»). Местонахождение самой реликвии сангхати (монашеской одежды) Будды паломники отмечают в Нагаре⁹.

Мотив «расстилая одежды» и в буддийских сюжетах «завоевания», и в ведийском ритуале объединяется с совершением шага. Образ стоящего Будды, охватившего одним шагом остров, Фа-сянь связывает с основанием одной из главнейших ступ Ланки, ставя это событие в отношение с сюжетом «захвата»:

Некогда эту страну посетил Будда, желая обратить злых драконов. Благодаря чудесной силе своих ног он поставил одну ногу к северу от царского города, а другой наступил на вершину горы. Расстояние между ногами было 15 йоджан. Над следом, который находится к северу от города, царь построил большую ступу, позолоченную, посеребренную и украшенную множеством драгоценностей¹⁰.

Цейлонское предание, как мы помним, имеет аналогии среди местных сюжетов Северной Индии — в кашмирском предании «увеличением тела Мадхьянтики» достигается покорение нага и превращение «драконова озера» в обитаемые земли, вошедшие в сферу влияния истинного учения¹¹. Таким образом, мифологема «охвата земли учением Будды», связанная с образом расстилаемой одежды, ставит акценты на следующих оппозициях: «буддийский мир» — «внешний, не обращенный в истинную веру мир», «цивилизованный» — «дикий, варварский», «Будда» — «хтонические силы», «построенная ступа» — «варварские культовые места», равнозначные пространственной пустоте.

Актуальность подобных ориентиров для мирозерцания паломника и сам жанр — географический — его сочинения располагают автора к осмыслению этих противопоставлений непосредственно «на местности». Паломник как бы не видел реальности вне той схемы, которая задана этими оппозициями, определяющими параметры для должным образом выстроенного описания и оценки той или иной «земли», что характерно в особенности для Сюань-цзана. Автор словно выверяет действие фактора принадлежности/не-принадлежности данной территории к «буддийскому миру», выводя положительную или отрица-

⁸ Сюань-цзан, с. 112.

⁹ Фо го цзи XIII; Сюань-цзан, с. 87.

¹⁰ Фо го цзи XXXVIII.

¹¹ Сюань-цзан, с. 135–137.

тельную оценку и плодородию земли, и местным обычаям, и «нраву» климата в зависимости от степени развития буддизма или распространения «иной веры» (*и дао* 異道), «внешней веры» (*вай-дао* 外道). Иной, хотя и продиктованный теми же основаниями, подход у Фасяня, который, как явствует из текста, не видит действительности вне пределов «буддийского мира» и не делает ее предметом описания, назвав свое сочинение «Записками о буддийских странах» (*Фо го цзи* 佛國記) и очертив таким образом сферу своего внимания: «внешняя вера» равносильна «внешнему миру» в пространственном отношении. Внутри этой сферы — область деятельности паломника и предмет его описания.

Обозначенные метафорой «расстеленной одежды Будды» пространственные представления, выраженные в легендарной традиции, соответствуют и той смысловой системе, которая связана с «основанием ступы». В основании ступы лежит геометрическая фигура с выделенными «четырьмя сторонами света»; в его «расстеленности» на земле ясно выражено метафорическое обозначение земной поверхности с ее неотъемлемыми ценностными качествами — как населенного мира, охваченного распространением буддизма. Характерно, что в этом образе легенда «Дивьяваданы» словно подчеркивает его «чисто пространственные» свойства, снимая фактор времени: Ашока, возводя ступы «по всему миру», делает это «в один день, в одно мгновение», более того — выстраивается отдельный эпизод, обыгрывающий это обстоятельство:

...Затем царь отправился в обитель Куркута, подошел к старцу Яше и говорит ему: «Таково мое желание: воздвигнуть восемьдесят четыре тысячи ступ в один день, в одно мгновение». Старец ему отвечал: «Пусть будет так. Я в тот миг ладонью заслоню диск солнца». И в тот самый день старец ладонью заслонил диск солнца, и в один день, в одно мгновение были воздвигнуты восемьдесят четыре тысячи ступ¹².

Мгновенность одновременного возникновения ступ означала «уничтожение» не только длительности времени, но и растянутости пространства, теряющего таким образом свою непреодолимую протяженность, как будто легко обозримого, одновременно видимого во все концы вместе с явившимся в одночасье множеством ступ:

Чайтьями Владыки джинов украшу землю, подобными
Блеском своим стае гусей, и ракушкам морским, и луне¹³.

¹² Дивьявадана XXVI (The Divyāvadāna. A Collection of Early Buddhist Legends, p. 381).

¹³ Там же, с. 380.

Видимый как на ладони «буддийский мир», который охватывается одним взглядом Будды, знаменует мыслимое «стягивание пространства» до образа-лоскута, воплощаемого в геометрической фигуре, положенной в основание ступы.

В сведенном до символической формы горизонтальном «пространстве» основания ступы ясная отграниченность (ограда) сочетается с открытостью на четыре стороны света, отмеченные четырьмя воротами, что соответствует одной из главных черт, изначально заложенных в буддийском учении, — обращенности вовне, метафорически выраженной в «движении колеса учения» (*санскр.* дхармачакра, *пал.* дхаммачакка) в четыре стороны света (согласно тексту «Дхаммачакка-паваттаны»; см. выше, с. 54–55) и реально осуществляемой в освоении новых территорий и неустанной проповеднической деятельности, начатой, по преданию, «вращением колеса» (первая проповедь Будды в Варанаси). Положенная в основу горизонтального плана ступы радиально-кольцевая структура создает динамику плоскостного пространства, подчиненную заданной централизованной схеме и согласующуюся с пространственной динамикой предания. Образ движущейся дхармачакры объединяет то и другое: мифическое колесо поочередно катится в стороны света, окунаясь в «восточный океан», «западный», «южный», «северный», достигая краев буддийской ойкумены; оно движется, отталкиваясь от центра, отождествляемого с чакравartiном-царем, идеальным вселенским правителем, идущим во главе своего войска вслед за «колесом» и покоряющим мир до крайних пределов, за которыми плещется океан.

Пространственная структура мыслимого мира ставится в необходимые отношения с происходящим в его пределах: колесо-учение обходит земли, царь-чакравartin воплощает его в земном образе и как «чакра-вartin» («вращающий колесо») осуществляет его движение; эта мифологема лежит в основе действий реального чакравartина — Ашоки, строящего ступы «по всей Джамбудвипе» и удостоившегося эпитета «владыка четырех сторон света» — и одновременно эпитета «царь дхармы» (*Pāṭaliputre nagare 'śoko nama rājā bhaviṣyati caturbhāga-sakravartī dharma-rājo...*)¹⁴, а земным прообразом его действий в свое время явился Будда-чакравartin, «начавший вращение колеса». Продолжая проповедь первоучителя, его последователи — как превратившиеся в легенду «чакравartины», так и реальные монахи-проповедники — способствовали дальнейшему продвижению учения — «дхармачакры», покоряющей мир.

Как «действующее лицо» предания «колесо» олицетворяет «учение» (*dharma*), «проповедь учения», «завоевание мира», как основа го-

¹⁴ Там же, с. 379.

ризонтального плана ступы (с его четырьмя направлениями) — «пространство мира», завоеванное дхармой; пространственная структура отображает таким образом действие, воспроизводимое в сакральном времени предания исходя из «перводействия», преподанного первоучителем. «Действующая» чакра словно ложится на поверхность земли, отождествленную с чакрой вместе с окружающими ее смыслами, так же как в приравнении эпитетов Ашоки «владыка четырех сторон света» и «царь дхармы» совмещены пространственные понятия и развертывающееся во времени действие.

«Чакра» — наиболее обобщенный в ряду дублирующих друг друга образов «чакравартина», «дхармы», «ступы», «пространства дхармы». Как изобразительный элемент дхармачакра чаще всего предстает: в виде знака на ступнях Будды, части символической конструкции (навершие колонны, соединение с лотосом и т.п.), а также в качестве самостоятельного композиционного центра — в роли образа-знака, замещающего Будду. Генезису изображения дхармачакры и выраженных в нем значений было уделено достаточное внимание в литературе, однако следует признать, что столь многозначный и имеющий длительную историю символ предполагает возможность поистине безграничного ряда ассоциаций, в то время как интерпретация его в пределах определенной, в данном случае буддийской культуры ограничена именно рамками этой культуры и сложившейся в ней специфической семантики, хотя и неизбежно имеющей свою предысторию.

Само соотношение функций «колеса дхармы» в изображениях демонстрирует постоянное совмещение понятий, в первую очередь чакры/Будды: фигура первоучителя как первоисточника учения-дхармы, начавшего «вращение колеса», замещена изобразительным образом дхармы — самим «колесом», которое может покоиться на троне Будды или служить отдельным объектом поклонения. Наряду с этим чакра замещает изображение ступы, как это можно проследить на рельефах Санчи, где в одной и той же композиции в роли центрального элемента выступают либо ступа, либо чакра, и сами композиции стоят в одной «строке». Совмещение Будды-дхармы с горизонтальным пространством наиболее ясно выражено в образе чакры-ступни, почитании следа Будды с обозначенным на нем знаком колеса: оставляя на поверхности земли свои следы, он тем самым постоянно отмечает ее знаками дхармы. Чакра-след, в свою очередь, увязывается со ступой — в приведенном выше тексте Фа-сяня ступа воздвигается над следом Будды, шагнувшего на Ланке.

След Будды на камне «с ясно различимой чакрой» — одна из наиболее часто описываемых паломниками святынь, в их представлении

шагающий по земле Будда-дхарма совершал сакральный обход мира, так же как «колесо дхармы»; отмеченное чакрами-следами пространство было освящено его непосредственным присутствием, а чакрами-ступами — широкая периферия «буддийского мира», который должно по возможности обойти, следуя, опять же, перводействию, оставившему почитаемые следы.

Образ «колеса дхармы» играет и объединяющую роль в двойственной концепции чакравартина (чакравартин-Будда и чакравартин-царь). При очевидной общности происхождения того и другого культа из представлений о «царстве», восходящих к глубокой архаике, эта двойственность создавала противоречивость, разрешение которой пыталась дать «Лаккхана-суттанта», разрабатывающая объединенный образ махапуруши («Два пути открыты [ему], и никакие иные...» — см. выше, гл. II). В ходе сакрального «времени дхармы» оба образа чакравартина преемственно «осуществляют его продолжение»: Будда — как первоначало, источник дхармы и времени ее бытия — с момента первой проповеди начинает «вращение колеса», царь-чакравартин «продлевает его движение», т.е. обеспечивает развитие учения. В деятельности того и другого особое значение имеет пространственный аспект, но отображаемый в различной образной форме: в предании о Будде это архаический мотив «расстилания одежды», или увеличение тела, или пронизывающее миры зрение и перемещение по воздуху, в легендарных деяниях чакравартинов — «продвижение дхарма-чакры в четыре стороны света», воплощавшееся в распространении учения, обозначенном строительством ступ. Деятельность такого правителя реально не могла не быть связана с завоевательной политикой и мирской властью над обширными территориями, что тоже составляло одно из противоречий, коренившихся и в реальной ситуации, и в воинственном прошлом царского образа, в своей обрядности, эпитетах и т.п. неизменно связанного с завоеваниями. Реальное противоречие переживалось, как явствует из известной Калингской надписи, историческим Ашокой, а унаследованная «завоевательная» атрибутика чакравартина преодолевалась «переплавкой» терминологии («завоевание мечом» — «завоевание дхармой») и в то же время включалась в буддийский сюжет («Во главе войска четырех видов двинулся он к ступе, воздвигнутой [царем] Аджаташатру над Сосудом, взошел на нее и взял мощи»; «...повсюду за ним следует царь Махасудассана с войском четырех видов. В том месте, Ананда, где колесо-драгоценность остановится, там царь Махасудассана, сопровождаемый войском четырех видов, обретает свое владение»). Попытки захвата реликвий воинственным царем — один из самых обычных «местных» сюжетов,

пересказываемых паломником¹⁵, хотя в предании об Ашоке эти действия представлены как позитивные.

Цари-завоеватели Ашока и Канишка занимают особое место в повествовании паломника как наделенные эпитетом «чакравартин»; их реальная деятельность, направленная на покровительство буддизму, практически не отражена в паломническом тексте, однако легендарные сюжеты, развивающие символику образа чакравартина, составляют основное содержание этих рассказов, где доминирующая тема — строительство ступ. Сюжет о возведении ступ Ашокой звучит постоянно; Канишка в одной из легенд предстает в образе строителя, причем этому строительству сопутствует чудо — чудесное возникновение ступы, что подчеркивает сакральность этой функции чакравартина:

...Некогда Будда странствовал вместе с учениками и, проходя по этой стране (Гандхаре. — *Н.А.*), сказал Ананде: «После моей нирваны в стране появится царь по имени Канишка и построит на этом месте ступу». Впоследствии царь Канишка пришел в мир. Однажды, когда царь пошел на прогулку, Шакра, владыка дэвов, желая прояснить его разум, превратился в мальчика-пастушка, который стал строить ступу прямо на пути [царя]. Царь спросил: «Что ты делаешь?» А тот отвечал: «Строю ступу». Царь сказал: «Очень хорошо», — и поверх ступы мальчика построил еще ступу, высотой 40 *чжанов*, украшенную множеством драгоценностей. Кто странствовал и видел разные храмы и ступы — прекрасные и величественные, [все говорят, что те ступы] не могут с ней сравниться. Рассказывают, что эта ступа превосходит своей красотой все, что ни есть в Джамбудвипе. Когда царь закончил строить большую ступу, малая сразу вышла из нее и встала к югу от большой, сама высотой 3 *чжана*¹⁶.

Пространственная активность чакравартина — строителя ступ — выражена и в начальном эпизоде «Памшупраданы» (давшем и ее название — «Дарение земли»), который предваряет рассказ об Ашоке, создающем 84 000 ступ. Фа-сянь не мог избежать пересказа этого эпизода:

В прошлые времена царь Ашока в облике маленького мальчика играл на дороге, и встретился ему Будда Кашьяпа, просивший подаяния. Возрадовавшись, мальчик подал Будде горсть земли. Будда принял дар и вернул горсть грязи на землю, по которой брел. За это [мальчику в будущем рождении] последовало воздаяние, и он сделался царем Железного Колеса, царем Джамбудвипы¹⁷.

Совершив некогда символический жест дарения горсти земли, Ашока в облике чакравартина совершает уже дарение «всей Земли»,

¹⁵ Сюань-цзан, с. 87–88.

¹⁶ Фо го цзи XII.

¹⁷ Фо го цзи XXXII.

*Почитание «колеса».
Рельеф из Бхархута*

поскольку, следуя за «Железным Колесом», покорил четыре стороны света и передал завоеванный мир дхарме, воплощенной в многочисленных ступах.

Характерно, что в обоих преданиях завязка действия происходит на дороге. Встреченный Канишкой мальчик — воплощение Шакры — лепит ступу из земли посреди дороги, также и некогда Буддой было завещано возводить ступы для хранения мощей «на скрещении дорог», что соответствует и перекрещению направлений в основе горизонтального плана ступы.

Выразительный пространственный образ в соединении с образом чакравартина дает предание, услышанное Сюань-цзаном в Магадхе:

Малая ступа стоит на том месте, где бхикшу из далекой страны встретился с Буддой. Некогда жил бхикшу, который пришел сюда из далекой страны и повстречал Татхагату в окружении святых. В порыве искреннего благоговения он распростерся ниц на земле, в тот же миг преисполнившись желания стать царем-чакравartiном. Татхагата, видя его, сказал своим ученикам: «Этот бхикшу в высшей степени достоин сочувствия. Его прошлые заслуги уходят далеко в глубь времен, и его вера тверда. Если бы он желал „плода Будды“, то в недалеком времени обрел бы его. Но ныне он преисполнен желания сделаться царем-чакравartiном и, несомненно, в грядущем мире получит эту награду; сколь много пылинок от места, где он распростерт на земле, до Золотого Колеса — столь много раз он будет награжден [рождением в облике] чакравартина»¹⁸.

Объединяя близкие по семантике мотивы «земли», «далекого пространства» и «чакравартина», этот рассказ выстраивает их смысловые взаимоотношения. Распростертый на земле («пятью конечностями припавший к земле») будущий чакравартин тем самым овладевает обширным протяжением пространства с центром, обозначенным «золотым колесом», а также длительностью времени предстоящего правления. Пространственные и временные длительности «эхом» отзываются в этом построении: бхикшу «пришел издалека» (*цзы юаньфанлай* 自遠方來) — и простер свою власть предельно далеко в пространстве; его заслуги уходят далеко (*юань* 遠) в глубь времен — и столь же далеко уходит в будущие времена должное воздаяние.

Сакральные взаимоотношения чакравартина с пространством земли, пределы которого «раздвигаются» его усилиями, отражены и в постоянно варьируемом мотиве владычества над хтоническими силами, также объединяющем два образа чакравартина. В своих рассказах об Ашоке «Дивьявадана» и вслед за ней Сюань-цзан неизменными исполнителями его воли представляют якш и нагов, способствующих мгновенной передаче его повелений на обширные территории подвла-

¹⁸ Сюань-цзан, с. 402.

стных земель: Ашока-строитель «...сосуды с ярлыками дал в руки якшам и разослал их по морю, по суше, в большие, малые и средние города...»¹⁹. Духи земли изначально содействовали правлению Ашоки, олицетворяя территориальный охват его власти: «Ашока стал царем — и возвестили [об этом] якши на йоджану вширь и наги — на йоджану вглубь [земли]». С готовностью откликаясь на любой призыв Ашоки, они возводят и каменную гору — жилище его благочестивого брата-отшельника. Мы уже сталкивались с нарративами о «покорении нагов», владеющих землей и стихийными силами, — развитие действия здесь также приводит чакравартина (царя или Будду) к овладению территорией. Построение этих нарративов, на которые мы обратили особое внимание при выявлении генетических корней буддийского сюжета, имеет типические черты: сначала обозначается сакральное место, связанное с «обитанием» хтонической силы (озеро, исток реки), затем следует рассказ о «покорении через проповедь» и в завершение говорится о почитании следа Будды, оставленного в память событий предания, — такие композиции мы наблюдали в повествованиях о наге Гопале или наге Апалале. Конец рассказа, увязывающий события предания с памятными знаками, которые видит перед собой паломник, нередко описывает именно «камень со следами Будды»:

В 30 ли к юго-западу от родника дракона Апалалы, на северном берегу реки, лежит большая каменная глыба. На ней — следы ног Татхагаты. В зависимости от того, какова добродетель [пришедшего сюда поклониться] человека, они становятся короче или длиннее. Татхагата оставил их, когда, покорив этого дракона, покидал [страну]. Впоследствии люди возвели над ними сооружение из камней. Сюда приходят из дальних и ближних мест, чтобы совершить подношение цветами и благовониями²⁰.

«Получение владычества над пространством земли» через власть над хтоническими существами приобретает знак-«след». Возвращаясь к связанным со следом-чакрой образам, в данном случае можно проследить его смыслопреобразующую роль именно как необходимого знака, закрепляющего за архаическим сюжетом тот смысл, который определяет его место в контексте буддийской культуры: покоряя «дикие», «пустые» земли, олицетворяемые хтоническими существами, чакравартин приобщает эти земли к дхарме и оставляет знаки-дхарма-чакры — следы своих ступней. Встречаемые во множестве паломником «следы» покрывают собой пространство буддийского мира; зачастую паломник отмечает их просто как места, где «четыре бывших в мире Будды ходили вперед и назад».

¹⁹ Дивьявадана XXVI, с. 381.

²⁰ Сюань-цзан, с. 111–112.

Мотив «хождения Будды» явственно звучит в предании начиная с центрального эпизода — пребывания Будды под деревом бодхи. Согласно Сюань-цзану, рассказывающему этот эпизод в описании посещения им Гайи, по достижении просветления Будда в течение семи дней оставался в неподвижности у дерева, следующие семь дней ходил в северную сторону, затем в другие стороны света; место «хождения» Будды заключено в круг, обнесенный каменной стеной²¹. Несомненно, справедливо сопоставление этих сакральных действий с «хождением» дхармачакры в стороны света; оба мотива возводимы к ведийской ритуальной практике — действиям царя, совершающего шаги в стороны света во время ритуала раджасуя. В то же время «хождение Будды» приобретает смысл совмещения пространственного и ценностного образа («пространство земли» — «дхарма»); дхармачакра с каждым шагом Будды соотносится с поверхностью земли, и этот мотив ведет к тому же смысловому сопоставлению, что заложено в четырехлучевой структуре горизонтального плана ступы. При этом каждый шаг Будды несет в себе дублирующий смысл всего его «хождения», совершаемого в течение всего его сакрального пути, направленного «в четыре стороны» и предначертанного в символическом начальном действе «хождения» у дерева бодхи. Развитие этого основного действия буддийской культуры и в дальнейшем происходит через воспроизведение «перводействия»: Будда совершает обряд своей жизни по образу обрядового хождения у древа; преемствующие ему проповедники и паломники вторят «хождению Будды». «Хождение» — как обрядовое действо или реальный образ жизни монаха-странника — совмещается таким образом со смыслом «проповедь» («пространство земли» = «дхарма», «хождение по земле» = «распространение дхармы, проповедь»); иными словами, буддийскому понятию проповеди, окруженному своими смысловыми отношениями, изначально присущ пространственный аспект.

Формирование «сангхи четырех стран света» (вселенской буддийской общины) явилось результатом этой продолжающейся проповеди, расширения «буддийских земель»; само ее название свидетельствует об осмыслении горизонтального пространства в образах, связанных с преданием о «колесе учения», движущемся в четыре стороны, и с представлениями, выраженными в структуре ступы, а именно в ее горизонтальном плане с четырехлучевой ориентацией. Паломник, принадлежа вселенской сангхе и осуществляя в ней наиболее подвижную роль, особенно чувствителен к ее целостному «чувству пространства» и активен в осмыслении «пространства сангхи», будучи участником

²¹ Там же, с. 350.

его движения — расширительного и в то же время стягивающегося к центру. Паломническое движение, подобно кровотоку, питало жизнь сангхи в эпоху ее наибольшей пространственной активности, в своем неуклонном стремлении к центру обеспечивая раздвижение границ «окраинного мира».

Постоянно дублирующие друг друга образы, выражающие мифологическое представление о «земном пространстве», свойственное буддийской культуре, свидетельствуют о его ключевом смыслообразующем значении. Будучи генетически связаны с архаическими мотивами, эти образы в контексте буддийской культуры выстраивают свой ряд взаимоотношений, ориентированный на представление о «пространстве дхармы», стремящемся к расширению и в то же время сводимому к мыслимому центру.

Таким образом, «первый ход» символического построения ступы в балхском предании — расстиланье одежды Будды — имеет такого рода семантические соответствия: 1) горизонтально-плоскостное пространство, мыслимое непременно в связи с ценностным наполнением «земной поверхности»; 2) географическое пространство, объётое распространением буддизма («пространство» = «дхарма»), стремящееся к расширению; 3) цивилизованный, благоустроенный мир людей; 4) проповедь дхармы, как длящееся во времени освоение пространства мира, выражаемая через образы «хождения», «движения колеса» и сооружения ступ; 5) ареал распространения «сангхи четырех стран света», в пределах которого происходит передвижение паломника, «постигающего пространство», стремящегося стать сопричастным ему.

Следующая «деталь» ступы, соответствующая куполу (*kumbha* — букв. «сосуд»), согласно тому же преданию, — патра, монашеская чаша для сбора подаяния, установленная Буддой поверх одежды, надо полагать, в опрокинутом положении.

Богатая семантика «сосуда», связанная с его ролью в погребальном обряде и с неизбежным в таком случае его антропоморфизмом, в данном случае, в контексте сопоставления «патра» = «купол ступы», находит свое соответствие в самом изначальном предназначении куполообразной части ступы как хранилища мощей. Ступа-чаша (*kumbha*), сакрализованная помещенными в ней «телесными реликвиями» (*кит. шэли* 舍利, *санскр.* śāṭīra), становится воплощением тела Будды, что, собственно, и является основой ее культа и делает ее объектом паломничества. В то же время сам выбранный (в данном нарративе) путь обозначения основного «тела» — объема ступы — через «патру Будды» апеллирует к образу чаши-реликвии. Наложения образов чаша-ступы и реликвия-ступы здесь составляют «замкнутый круг».

Фа-сянь описывает культ патры Будды, которая сохранялась в Пу-рушапуре:

Когда наступает полдень, монахи выносят патру, после чего монахи и «белые одежды» (простой народ, миряне. — *Н.А.*) вместе преподносят ей множество даров. Затем, после обеда и до вечера, сжигают благовония и повторяют все снова. Она вмещает около 2 *доу*, пестрая, но более всего черного цвета. Четыре части ее ясно различимы, толщина стенок — около 2 *фэней*, сияет ослепительным блеском.

Поклонение этой реликвии, видимо, имело столь высокий статус, что спутники Фа-сяня сочли возможным считать это место конечным пунктом своего паломничества и в удовлетворении отправились в обратный путь: «Бао-юнь и Сэн-цзин принесли дары патре Будды и пошли назад... Хуй-цзин же в монастыре Патры Будды скончался. Оттуда Фа-сянь в одиночестве отправился к [реликвии] ушниши»²².

Образ «сосуда» с его обычными мифологическими ассоциациями, характерными для многих культур, дает, конечно, весьма широкий простор для возможных сопоставлений. «Чаша», употребленная здесь, судя по расположению предметов, в качестве обозначения «надземного» пространственного уровня, закономерно выглядит в этой роли в контексте типичного осмысления формы сосуда, выражавшейся уже в его орнаментации, для которой, начиная с эпохи неолита, характерно горизонтальное, чаще трехчастное членение с выделенной ролью «среднего мира». Сосуд (горшок, чаша) как элементарная модель объемного пространства, в архаических культурах приобрел в своей орнаментации символику «вырастающего над землей» мира, соединяющего земной и небесный уровни; средняя часть тулова сосуда несет на себе отображение — в изобразительном или условном решении — наземной жизни в ее сакральном видении: движущиеся по кругу вереницы живых существ, устремленные вверх побеги растительности, ниспадающие им навстречу водяные потоки. «Соединительный» мотив в семантике сосуда по отношению к «верхнему» и «нижнему» мирам звучит и в буддийской традиции, мифологизирующей образ патры как сакрального атрибута, сконцентрированный в первообразе «патры Будды»: изначальная патра — дар четырех небесных богов. По преданию, Будда отвергает предлагаемые ему сосуды из золота и из драгоценных камней, а принимает лишь от каждого из четырех божеств по чаше из темного камня и вкладывает их одна в другую²³. Образ множественности, воплощенной в единстве, выражаемый здесь через

²² Фо го цзи XII.

²³ Сюань-цзан, с. 358–359.

вложение чаш, постоянно сопутствует и ступе, олицетворяющей множественность миров и множественность ступ, так же как образ единого Будды приобретает множественность «четырех» или «тысячи будд» (ср. у Фа-сяня в приведенном ниже фрагменте (с. 95–96) — «все тысяча будд бхадракальпы будут владеть одной патрой»). Единое тело Будды воплощено во множестве его частиц, сохраняемых в ступах, и само дробление их освящено традицией.

Наполняемость патры благами земли — другая сторона ее образа, тесно связанная с широко распространенными архаическими ассоциациями, характерными для семантики «сосуда». Функциональная предназначенность сосуда как вместилища пищи, плодов земли согласуется с образом «среднего мира», наполненного земными благами. Развитие семантики «сосуда» в этом направлении породило соответствующую обрядность, в позднейшем фольклоре — известные сюжеты о «неиссякаемых» горшках и т.п. Подобный мотив звучит и в рассказе Фа-сяня о местных буддийских поверьях: «Если бедный человек положит в нее (патру. — *Н.А.*) немного цветов, она сразу наполнится [цветами]. А если богач принесет множество цветов, то, положи он хоть тысячу ху — все равно не сможет наполнить»²⁴. Приносимые к буддийской ступе цветы также адресованы главным образом ее центральной, куполовидной части, хранящей в себе реликвии. «Чаша» ступы несет на себе и основные изображения, связанные с темой «плодоношения» — главным образом разнообразные растительные мотивы; обвивающие купол ступы тела змеев-нагов также олицетворяют плодоносящие силы земли.

Роль «наполняемой» патры в буддийском культе согласуется с повседневной жизнью монаха — как неперменной его принадлежности, источника пропитания и вместилища для подаяния — и сопряжена с функцией посредничества между общиной и миром. Питание монаха едой, подаваемой в патру, как и другие стороны его неотделимого от обряда бытового поведения, освящено перводейством, совершенным Буддой в Гайе: «За оградой дерева бодхи, с юго-западной стороны, — ступа на месте, где было жилище девушки-пастушки, подавшей рисовую кашу на молоке. Рядом — другая ступа; здесь пастушка варила рис. На месте этой ступы Татхагата принял молочную кашу»²⁵.

Эпизод вкушения пищи Буддой ясно указывает на семантическую взаимосвязь «пищи», принимаемой из патры, и «дхармы», о чем говорит сама последовательность событий предания: длительный пост не приносит просветления; затем дэвы преподносят будущему Будде че-

²⁴ Фо го цзи XII.

²⁵ Сюань-цзан, с. 355.

тыре патры, объединяемые в одну; дочери пастуха подают ему в патру пищу, после вкушения которой, наконец, следует просветление. Конфликт между ищущим просветления бодхисаттвой и его товарищами по посту (обвинившими его в нарушении обета) строится на проблеме принятия пищи. Текст Сюань-цзана подчеркивает связь между «вкушением» и «просветлением»: «Царевич шесть лет предавался аскезе — и не обрел *бодхи* (санскр. *bodhi*, кит. *пути* 菩提). Желая свидетельствовать о том, что путь аскезы не истинен, принял молочную кашу — и обрел „плод“ (го 果)»²⁶. Символика плодородия в различных вариациях сопровождает этот рассказ: пища — молоко и рис, подательница ее — молодая девушка, непременно дочь пастуха. Сам термин «плод» (санскр. *phala*, кит. *го* 果) в значении «результат деяний», «воздаяние», имевший широкое хождение в различных религиозных системах Индии, в данном случае сближается с буквальным значением, приобретая особую окраску в связи с семантикой «плодородия». Питание монаха из патры получает, таким образом, обрядовый смысл, дублирующий «обретение плода», а приобретение сопричастности «среднему миру», плоды которого сакрализуются помещением в чашу, становится в сопоставление с приобретением сопричастности дхарме.

Выраженная в обиходно-обрядовом назначении патры, наполняемой подаванием, роль посредничества между общиной и миром предстает в качестве наиболее емкого образа, за которым стоит широкая тема «дарений», приносимых буддийской общине. Обряды дарений монастырям и ступам достаточно освещены в сочинениях паломников как сторонних наблюдателей, что в особенности касается Фа-сяня, «отправившегося в Индию для изучения установлений Винаи» и ставившего своей целью собрать наблюдения об индийских монастырских уставах, обычаях, обрядах. Мы уже обращались к тем своеобразным «царским дарам», которые соотносят «дар» и «целое царство» у Фа-сяня:

... царь со свитою, как подобает согласно Учению, приносит дары, и так делают в первый, второй и третий месяц, всегда весною. Когда царь закончит проводить собор, велит своим приближенным приносить дары — или один, или два, или три, или пять дней, и так до семи дней. Когда приношения даров подходят к концу, царь вместе с сановниками преподносит в дар общине самим царем оседланного и взнузданного коня, на которого садится верхом самый главный в стране вельможа, а также белые ткани, всяческие драгоценности и нужные для монахов вещи. А затем, преподнеся в дар, все это у монахов выкупают обратно²⁷.

²⁶ Там же, с. 280.

²⁷ Фо го цзи V.

Напомним и аналогичный обряд в бамианских заметках Сюань-цзана:

Здесь царь всякий раз, как устраивается мокшамахапарисад (собр. — Н.А.), жертвует все, начиная со своей жены и кончая сокровищами казны. Казну истощает совершенно и, наконец, жертвует свое тело. После же все придворные чины шествуют к монахам и все выкупают. И в том состоит их служба²⁸.

Если в первом случае обычные дары (одежды и т.п.) сопровождаются преподнесением всего самого лучшего, чем располагает царь, — коня, первого вельможи, то во втором жертвенность царского дара доведена до своего логического предела — пожертвования царского тела; при этом оба варианта обряда предполагают выкуп символической части дарения. Передача «всей казны», царя, царства означает принятие в дар общине всего наполненного изобильными благами «среднего мира» вместе с живущими существами. Со стороны же царя-чакравартина как вселенского владыки сангха получает во владение все мировое пространство-царство, заключенное между четырьмя сторонами света, как в той надписи Ашоки, которую видел Фа-сянь в окрестностях Паталипутры («Царь Ашока пожертвовал Джамбудвипу общине четырех стран света и снова выкупил — и так сделал трижды»²⁹). Совершаемый вселенским царем обряд «дарения всего» вселенской сангхе имеет тот же смысл, что и наполнение чаши странствующего бхикшу скромными плодами земли, подобно первому наполнению патры рисом и молоком, поданными Будде.

Чаша-ступа окружается культом плодородия в бесчисленных образах растений и животных, присутствующих как в изображениях, так и в событиях буддийских легенд. В образах животных, приносящих дары ступе, с очевидностью выражено совмещение в приношении и приносящем качества «дара плодов земли». Слоны, совершающие пуджу плодами, сами по себе являются воплощением телесного дара; тело слона может и перевоплотиться в образ ступы («Ступа Каменный Слон» в Капише)³⁰. Мотив «поглощения» ступой тела подателя даров, впрочем, может относиться и к человеку:

Рахула... поспешил к монастырю и взошел на ступу. И так велика была искренность его чувств, что купол, покрытый камнями, сам раскрылся. Рахула поместил в нем мощи и стал постепенно выходить, но ему защемило край одежды. Царь же послал за ним в погоню, однако камни спрятали Рахулу. Потому-то между камнями сочится черное ароматное масло³¹.

²⁸ Сюань-цзан, с. 45–46.

²⁹ Фо го цзи XXVII.

³⁰ Сюань-цзан, с. 57–58.

³¹ Там же, с. 50–51.

Тема жертвования телом, невозможная, естественно, в буддийском культе, звучит тем не менее в джатаках, хотя и в «обращенном» виде — как жертвование телом Будды ради мира. В сочинениях паломников сюжеты джатак с особенной частотой встречаемы на отрезке пути Такшашила — Удьяна; Фа-сянь даже предлагает свою интерпретацию названия Такшашила (Чжушашило 竺刹尸羅) как «отсечение головы», видимо, не слыша разницы между *la* и *ra* (одинаково транскрибируемых им как *ло* 羅) и предполагая здесь *śiras* («голова»): «...прибыли в страну, называемую Такшашила, что на китайском языке означает „отсечение головы“. Здесь Будда, когда еще жил в облике бодхисаттвы, подарил человеку свою голову, и потому такое название»³². Сюань-цзан указывает на одну из ступ Удьяны как воздвигнутую на том самом месте, где Будда рассказал историю своих прежних рождений (джатаки), что, видимо, должно было объяснить обилие сюжетов джатак в повествовании об этих областях Индии:

Здесь ступа высотой 100 *чи*. Рядом — большой квадратный камень. На нем — следы ног Татхагаты. Будда ступил на этот камень в то время, когда, излучая бесчисленные лучи света, осветившие и монастырь Махавана, он рассказывал всем людям и богам историю своих прежних рождений. В основание этой ступы положен камень, цвета желто-белого, который часто источает чистое масло. Здесь Татхагата еще в облике бодхисаттвы, слушая истинное Учение, расколол свою кость и записал ею слова канона³³.

В изложении паломников джатаки приобретают предельно сжатую форму, передающую лишь самое ядро их содержания — обычно сам момент расчленения тела: «Когда Татхагата пребывал в облике бодхисаттвы под именем царя Шибики — стремясь обрести плод Будды, отрезал кусок тела, чтобы дать его орлу взамен голубя». При пересказе джатаки пожертвование телом бодхисаттвы непременно увязывается со ступой («Ступа Замены Голубя»)³⁴.

Постоянный мотив «расчленения тела», присутствующий в джатаках, тем более тела животного, что вызывает ассоциации с «жертвенным животным», требовал, видимо, размежевания с подобными ассоциациями, и отсюда — джатака «О жертве» (Джатакамала X), задающая этот центральный вопрос: «Какая ж связь есть между причинением страданий жертвенным животным и святым законом, пребыванием в мире небожителей иль ублажением божеств?» — и намекающая на возможность разрешения его через перенесение свойства «жертвенности» на самого совершающего жертвоприношение: «Когда б животное, убитое при принесенье жертвы, могло попасть на небеса,

³² Фо го цзи XI.

³³ Сюань-цзан, с. 113–114.

³⁴ Там же, с. 114.

то разве сами брахманы не захотели бы собою заменить животных жертвенных?»³⁵. Как бы отвечая на этот последний вопрос, бодхисаттва принимает на себя такую роль, соединяя в одном лице жертвователя и жертву.

Выступая в облике животного, отдающего свое тело на расчленение или сожжение, бодхисаттва может представиться и царем, отдающим все свое имущество. При совершении обряда дарения царь передает имущество общине, сакрализуя передачу символическим «пожертвованием тела и царства» (как в упомянутом обряде царского дарения у Сюань-цзана: «Казну истощает совершенно и, наконец, жертвует свое тело»). Это наблюдение возвращает нас и к теме «плодородия земли» в буддийском осмыслении. Так, в джатаке «О жертве» раздавший свои богатства царь способствует тем самым необыкновенному расцвету плодоносящих сил своей страны и благоприятному действию стихий: «Все сезоны года приятны стали, наступая регулярно, как новые цари вступают [на престол], придерживаясь строгого порядка; земля богатые там жатвы стала приносить... народ же соблюдал святой закон и верен был своим обетам...»³⁶, — царь достиг того, чего ему предлагали добиться посредством обычного заклятия животного («А боги, удовлетворенные твоею жертвой, свершенною, как надлежит, дождь ниспосллют на землю...»³⁷).

Оба мотива — «жертвование телом» и «жертвование имуществом» — в композиции джатак присутствуют в рассказе о прошлом рождении (atītavatthu); во времени же, пришедшем с последним рождением Будды (rassurānavatthu), они соответствуют также двум мотивам: с одной стороны, царскому (или иному) дарению и, с другой — теме паринирваны и разделения мощей.

Рассмотрение основного мотива джатак под таким углом зрения приводит к выводу о том, что древняя парадигма «жертвоприношения», претерпевая переосмысление, реализуется в буддизме двояко. На этом пути преобразования смыслов через разведение образов «царь» — «Будда» направление «передачи дара» претерпевает обращение: Будда-жертва приносит себя в дар миру, царь адресует мирские дары сангхе (Будде/дхарме/сангхе/ступе), «наполняя чашу» благами. При таких преобразованиях замещение образов «Будда» — «царь» — «жертвенное животное», проявившееся в джатаках, создало ситуацию, заключающую в себе способность к порождению новых смысловых отношений, на которых строятся стереотипные сюжеты.

³⁵ Джатакамала X, 10–13 (см.: *Арья Шура*. Гирлянда джатак, или Сказания о подвигах бодхисаттвы. Пер. с санскр. А.П. Баранникова и О.Ф. Волковой. М., 2000).

³⁶ Джатакамала X, 28–30.

³⁷ Джатакамала X, 8.

Отдельного внимания, несомненно, требует мотив «самопожертвования», нашедший свое выражение в представлениях о паринирване, неразрывно связанных с идеей разделения мощей и построения ступ. Характерно выглядит рассказ паломника о самосожжении Ананды ради разделения мощей:

...Ананда во время переправы из страны Магадхи в Вайшали вознамерился достичь паринирваны. Дэвы сообщили об этом царю Аджаташатру. Тогда царь собрался со всей торжественностью и во главе большого войска устремился вслед [за Анандой] к реке. И вайшалийские личчхавы, как прослышали, что приближается Ананда, тоже пошли навстречу. И те и другие подошли к реке. Ананда понял: если продолжать путь вперед — огорчится царь Аджаташатру, если вернуться — будут недовольны личчхавы. И тогда прямо на середине реки он вошел в состояние «огненного самадхи» и после сожжения тела достиг паринирваны. Мощи его поделили на две части: на каждом берегу осталась одна часть; таким образом оба царя получили по половине мощей и, вернувшись домой, построили ступы³⁸.

Соответствующая «наполненной чаше» роль ступы связана с предназначенностью ее быть хранилищем реликвий, в первую очередь телесных, мощей Будды. Сосуды с мощами, которые унесли якши во все концы мира, превратились в ступы, возведенные по слову Ашоки. Ступа — гарбха (*garbha* — «чрево»), освященная мощами — шарирадхату (дословно «вложение тела»), становится воплощением тела Будды³⁹, долженствующего присутствовать во всех областях «буддийского мира». Эта тема поглощает внимание паломника в период странствия по Кушинагаре, избранной Буддой для паринирваны, и, соответственно, обращает его память к тексту «Махапаринирванасутры». Посетив место паринирваны «меж двух деревьев-сала», Сюань-цзан детально прослеживает историю последнего дня первоучителя и первоначального деления мощей «на три части: одна — для дэвов, вторая — для нагов, третья — для людей восьми стран»⁴⁰. Таким образом, первым делением мощей «тело Будды» «охватывает три мира» по вертикали: мир небожителей, хтонических существ, а также населяющих «средний мир» людей; второе деление, совершенное Ашокой, расширило пределы охвата «человеческого мира». Заполнив собой весь объем мыслимого пространства, «тело Будды», воплощенное в каждой частице мощей, создает целостное пространство мира в образе каждой ступы с ее куполом-чашей, идеальной моделью объемного поднебесного пространства.

³⁸ Фо го цзи XXVI.

³⁹ Snodgrass A. The Symbolism of the Stupa. N.Y., 1985, p. 361–363; Bareau A. La construction et le culte des stupa d'après les Vinayapitaka. — BEFEO. 1962, p. 252–257.

⁴⁰ Сюань-цзан, с. 267.

Помещаемые в ступе реликвии, не относящиеся к категории шарирадхату — вещные (одежда-сангхати и трость хранились в ступах в Нагаре, патра — в Пурушапуре) — расширяют ассоциативный ряд, связанный со ступой-гарбхой, о чем свидетельствует и вся рассматриваемая последовательность реликвий-вещей балхской легенды. Все три предмета составляют «вещный облик» Будды и неотъемлемы от его монашеского образа: прибывшая в Кушинагару Майя, оплакивая Будду, узнала его, «увидев сангхати, патру и посох»⁴¹. Однако особенный интерес представляют реликвии категории дхармашарира, описываемой, в частности, Сюань-цзаном:

В Индии есть благочестивый обычай: готовят из ароматного порошка пасту, лепят из нее маленькие ступы, высотой 5–6 цуней, и внутрь кладут рукописи сутр. Называют их дхармашарира (*фа-шэли* 法舍利). Когда скопится много [дхармашарир], строят большую ступу и все помещают в нее, должным порядком совершая приношения. Таково было занятие Джаясены: устами он проповедовал сокровенное Учение, привлекая к нему последователей, а руками лепил ступы и тем достиг высокой и полной добродетели. Даже ночью он ходил, декламируя, или смиренно сидел в размышлении. Ни для сна, ни для еды он не оставлял праздного времени, днем и ночью пребывая в бодрости, а когда ему исполнилось сто лет, в разумении и делах не проявлял немощи. За тридцать лет он изготовил семь коти дхармашарир, и для каждого коти выстроил по большой ступе, вкладывая их внутрь и совершая обильные приношения, и пригласил общину монахов, которые в собрании для слушания закона вознесли ему хвалу; в то время засиял чудесный свет и были явлены знамения. С тех пор [ступы] иногда излучают свет⁴².

Употребление в качестве реликвии, приравненной к мощам, рукописного слова учения, помимо сопоставления Будда-дхарма, выраженного уже в самом термине «дхармашарира» («учение-тело»), показательно и для пространственных представлений в их соотношении с понятиями «дхармы» как «слова». Будучи применен к предмету, изготовленному в форме ступы, термин «шарира» выявляет отождествление «ступа = тело Будды», в то время как «дхарма — ступа» = «дхарма — слово, проповедь». Руки Джаясены в вещной форме создают то же, что и вся его остальная деятельность; необыкновенная трудоспособность закономерно сопоставляется с необыкновенной поглощенностью проповеднической ролью, в чем и состоит внутренняя логика этой легенды и выверенное равновесие ее смыслового построения, основанного на дублировании смысла через ряд равноправных означений. В тот же ряд становится и «хождение» Джаясе-

⁴¹ Там же, с. 264.

⁴² Там же, с. 375.

ны из стороны в сторону, охарактеризованное выше как означение проповеди.

Равнозначность «дхарма = тело Будды» («дхармашарира») передает свойство «заполнения мира» телу Будды, что находится в соответствии с махаянскими представлениями о дхармакайе — одном из «трех тел» Будды, отождествленном с дхармой и наполняющем мир вместе с населяющими его существами. Идея преобразования «тела Будды» в «тело дхармы» (*фа шэнь* 法身) в тексте Сюань-цзана выражена устами Будды в сцене паринирваны, рассказанной при посещении ступы в Кушинагаре:

В тот миг, когда Татхагата вошел в «тишину угасания», повсюду засиял яркий свет. И собрались люди и дэвы, и не было никого, кто бы не скорбел, и говорили они друг другу: «Великий Будда, Владыка Мира ныне вошел в „тишину угасания“. Исчерпано счастье всех рожденных, и нет убежища в мире». Татхагата же, возлежавший на правом боку на «ложе льва», возвестил всем собравшимся: «Не говорите, что Татхагата безвозвратно ушел в „тишину угасания“. Тело дхармы (*фа шэнь* 法身, подчеркнуто нами. — *Н.А.*) будет жить длительно и не подвержено переменам»⁴³.

Охват «телом дхармы-Будды» длительности времени обычно выражается в представлении о «времени учения», имеющем определенные границы; паломник постоянно осознает свое нахождение во времени, берущем начало из точки отсчета — первой проповеди в Варанаси, и постоянно отмечает признаки близости «конца», связывая с ним вид разрушенных ступ и опустевших монастырей. Один из образов, через которые выражено «время учения», — образ патры Будды. Патра, как залог вечности, стоит в центре внимания одного из завершающих пассажей в сочинении Фа-сяня:

В этой стране (Ланке. — *Н.А.*) Фа-сянь слушал, как некий индийский монах, восседая на высоком сиденье, произносил сутру, которая гласила: «Первоначально патра Будды пребывала в Вайшали, ныне пребывает в Гандхаре. Через много сотен лет — когда Фа-сянь слушал проповедь, число лет было точно указано, но теперь он его не помнит — перейдет в страну западных *юэчжи*, еще через много сотен лет — в страну Хотан, еще через много сотен лет — в Ханьскую землю, еще через много сотен лет — в страну Симхала, еще через много сотен лет — вернется в Индию. Затем она вознесется на небеса Тушита. Бодхисаттва Майтрея увидит патру и произнесет в восхищении: „Явилась патра почтенного Будды Шакьямуни!“ Дэвы соберутся и семь дней будут приносить дары цветами и благовониями. По истечении же семи дней она возвратится в Джамбудвипу, и царь морских драконов внесет ее в драконий дворец. Ко времени, когда Майтрейе суждено обрести просветление, патра вновь разделится на

⁴³ Там же, с. 263.

четыре части и вернется к изначальному своему месту — на гору Аньна. Когда Майтрейя достигнет просветления, четыре царя дэвов вновь обратят свои помыслы к Будде, как это было во времена прежнего Учения Будды. Все 1000 будд бхадракальпы будут владеть одной патрой.

Когда исчезнет патра, иссякнет [время] Учения Будды»⁴⁴.

«Обход» патрой времени и пространства земного мира, знаменующий длящееся бытие дхармы, равнозначное самому времени, объединяет пространственно-временное поле буддизма в едином образе, предельно емко отражающем соответствующий смысловой ряд. «Чаша» ступы, поставленная на горизонталь земного пространства, как бы охватывает его в целом, воплощая «обход» мира, заполненного ступами — шагами; чаша монаха-странника вместе с ним обходит земные пространства, ее принадлежность странничеству — главная составляющая ее роли в жизни-обряде члена сангхи; как атрибут странствующего монаха, проповедующего или совершающего паломничество, она участвует в его трудах, направленных на достижение сопричастности «вращению колеса дхармы», начатого первоучителем.

Итак, для средней части ступы в ее сопоставлении с патрой мы можем выделить следующий ряд значений: 1) объемное пространство «надземного» мира, неотделимого от наполняющих его образов; 2) «средний мир» в его связующей роли между земным и небесным уровнями; 3) «средний мир» в его роли плодоносящего источника жизненных благ, отождествляемый с «дхармой-пищей»; блага, передаваемые в обряде дарения общине; 4) «тело Будды» как один из примеров антропоморфизма образа сосуда и одновременно ступы; 5) «учение», буддийская дхарма в ее временном существовании; само время, воспринимаемое в пределах существования учения, «вращения колеса дхармы».

«Верхняя часть ступы» в предании о двух старцах обозначена посохом Будды. В данном случае при очевидности ассоциаций, связанных с самим обозначаемым шпилем ступы как изобразительным эквивалентом «верхнего мира», представленным в виде вертикали (= «мировое древо», «мировая гора») ⁴⁵, достаточно просты и отношения обозначающего предмета (посоха, жезла) с тем же смысловым рядом — «вертикаль», «древо» ⁴⁶ и т.п. Однако возможно проследить и контекст, актуальный для паломника, для которого «посох Будды —

⁴⁴ Фо го цзи XXXIX.

⁴⁵ Franz H. *Buddhistische Kunst Indiens*. Lpz., 1965, S. 60.

⁴⁶ Viennot O. *Le Culte de l'arbre dans l'Inde ancienne. Textes et monuments brahmaniques et bouddhiques*. P., 1954 (Annales du Musée Guimet. Bibliothèque d'études. T. LIX), p. 196–199.

одна из реликвий, а символизируемый шпилем ступы «верхний мир» — постоянно осознаваемая реальность.

Если в своей архаической ритуальной роли «жезл» был связан с идеей «овладения верхом» и выражал активную и властную позицию своего обладателя, то, казалось бы, напротив, посох как атрибут монаха-странника — образ смирения и немощи. Однако посох Будды, в качестве реликвии сохранявшийся в одном из монастырей Нагары, где его видел Фа-сянь, создает именно образ могущества некогда владевшего им Будды:

...прибыли в столицу Нагары... На расстоянии одной йоджаны к северу от города, у входа в ущелье, хранится посох Будды с оловянными кольцами — здесь также построена вихара и совершаются приношения даров. Посох сделан из сандала гоширша, длиной 6–7 *чжанов*. Хранится он в деревянном цилиндре, и соберись хоть сто тысяч человек — не смогут его сдвинуть⁴⁷.

«Посох Будды» не стал значительным образом буддийской мифологии, представлявшей то направление буддизма, в контексте которого осознавал себя Фа-сянь. Видимо, присущее образу Будды-чакравартина сохранение архаической царской «завоевательной» символики дало лишь отголосок в его владении этим атрибутом (посох-жезл) как выражении всемогущества; это представление здесь лишь намечается как деталь образа чакравартина, восходящего к «царской» мифологии и обрядности. Мы уже говорили о том, что важнейший связующий с архаическими представлениями мотив, на котором собственно и строится образ чакравартина, — движение «колеса дхармы» в стороны света — восходит к древнему обряду совершения шагов в четыре стороны света при помазании на царство в ходе ритуала раджасуя; однако ритуал включал и пятый «шаг», означавший «завоевание верха». Нацеленность пяти основных «лучей», выраженных в архитектуре ступы, как исходящих из ее центра — выходы в четыре стороны и устремленный вверх шпиль — соответствует этой древней «завоевательной» символике. Если четырехсторонняя ориентация ступы сопоставима с древними «четырьмя шагами в стороны света», то шпиль ступы воплощает собой «шаг вверх». Этот последний образ также неминуемо должен был найти отражение в мифологии Будды: «восхождение Будды на небеса», трактуемое преданием как проповедь, обращенная к матери, Майе, — один из центральных эпизодов, место которого непременно посещалось паломником в Санкашье:

...прибыли в страну, называемую Сэнцзяши. Когда Будда поднимался на «небеса тридцати трех», где три месяца проповедовал для своей матери,

⁴⁷ Фо го цзи XIII.

*Нисхождение Будды с небес.
Рельеф из Бхархута*

то спустился именно здесь... Когда Будда стал спускаться с «небес тридцати трех» — тотчас явились три лестницы с драгоценными ступенями. Будда спускался по средней лестнице; ступени ее — из «семи драгоценностей». Брахма, царь дэвов, сотворил ступени из светлого серебра и спускался справа [от Будды], держа белое опахало. Шакра, владыка дэвов, сотворил ступени из светлого золота и спускался слева, держа зонтик из «семи драгоценностей». Бесчисленные дэвы сопровождали Будду в его нисхождении. Как только нисхождение Будды окончилось — все три лестницы исчезли в глубине земли, и остались видны лишь семь ступеней. Царь Ашока захотел узнать, куда делся нижний конец лестницы, и послал людей, чтобы откопать его; однако, даже углубившись до желтых родников, так и не достигли конца [лестницы]. Тогда царь еще более преисполнился благоговением и верой и построил над лестницей вихару; на самой лестнице поставил изваяние Будды высотой 6 *чжанов*, а позади вихары установил каменный столб высотой 30 *чжоу*, увенчанный изображением льва. На столбе с четырех сторон — изображения Будды, сияющие изнутри и излучающие свет⁴⁸.

Колодец со ступенями, который, по преданию, был выкопан по приказу Ашоки и в который, надо полагать, заглядывал Фа-сянь, отмечал для буддиста одно из мест «буддийской вертикали», связывающей земной мир с «верхним», обитаемом дэвами. «Нисхождение Будды» неизбежно сопровождается нисхождением высших божеств, олицетворяющих «верхний мир»; «нисхождение Будды», таким образом, происходит как «нисхождение небес» по вертикальной оси — «лестнице», место которой благоговейно созерцал паломник. Один из рельефов Бхархута представляет этот эпизод предания так, как его передает паломник: три «лестницы» протянулись от неба до земли, средняя отмечена ступнями Будды, у правой и левой — изображения двух парящих небесных божеств; характерно, что полоса «лестниц» совмещена с изображением дерева бодхи, связанного с теми же мифологическими смыслами. Представленные на данном рельефе фигуры двух божеств, олицетворяющих небеса, обычно встречаются в таком положении и в двух других случаях: по обе стороны верхушки дерева бодхи или шпиля ступы, словно отмечая общность их семантики (Бхархут, Амаравати, Нагарджуниконда, аналогичное изображение описывает Сюань-цзан — цз. IV, «Страна Цзебита»).

Связь образа «дерева» с «посохом» постоянно обыгрывается в эпизодах превращения в деревья воткнутых в землю посохов. Посох, сопровождающий монаха, — постоянное напоминание об эпизоде просветления, поскольку, так же как еда из патры, через свой ассоциативный ряд воспроизводит «обретение плода бодхи», — становится отго-

⁴⁸ Фо го цзи XVII.

лоском образа «древа бодхи», основного воплощения «буддийской вертикали».

Обобщить сказанное относительно семантики верхней детали ступы, представленной в нашем предании, — посоха-шпиля — можно следующим образом:

1) вертикаль пространства; 2) «верхний мир» как обиталище дэвов; связь «верхнего мира» с «земным» («лестница»); 3) «владение верхом», присущее Будде и обеспечивающее его могущество чакравартина, потенциально заложенное в образе «посоха», «древа бодхи» и выраженное в архитектуре ступы в виде ее шпиля.

Наблюдая семантику «трех реликвий», соотнесенных с тремя частями ступы, можно отметить ее частичное совмещение, что касается главным образом значения «дхарма», которое сводит воедино все три ряда значений. Образ ступы в целом тяготеет к этому смыслу («ступа» — «дхармашарира»), обнаруживая его в семантике каждой из своих основных частей, обозначающих разные пространственные «миры», и таким образом выражая всеобъемлющее присутствие дхармы (Будды). Таким же свойством обладает и каждая из обозначающих эти части вещей-реликвий. Так, приведенный выше рассказ-пророчество о патре, приравнивающий время ее бытия ко времени бытия учения («Когда исчезнет патра, иссякнет [время] учения Будды»), имеет отчетливые параллели с рассказом Сюань-цзана об «одежде Шанакавасы»:

Есть еще сангхати архата Шанакавасы, сшитое из девяти лоскутов, багрового цвета, сплетено из травы шанака. Шанакаваса — ученик Ананды, в прежнем своем рождении в день окончания «отрешенной жизни» одарил общину монахов одеждами из травы шанака. Этим обрел он заслугу и в течение пятисот перерождений, одно за другим следующих, неизменно носил эту одежду. В последнем же рождении появился из материнского чрева с нею вместе. Как тело его росло, так и одежда становилась шире. Когда Ананда совершил над ним обряд ухода от мира, это одеяние превратилось в монашеское, а когда он принял полный постриг — превратилось в сангхати. Накануне «тихого угасания» он вошел в состояние «предельного самадхи». Силою мудрости и желания завещал миру эту кашаю — чтобы она сохранялась до гибели Учения Шакьи Будды, а с концом Учения и она исчезнет. Ныне же совсем мала, и это знак для верующих⁴⁹.

Являясь также примером идентификации атрибутики Будды и позднейших святых вместе с присущими ей ассоциациями, что еще раз свидетельствует о воспроизведении образа Будды в облике его святых

⁴⁹ Сюань-цзан, с. 46–47.

последователей и в их жизненном пути⁵⁰, этот рассказ выстраивает свой ряд обозначений «дхармы»: «одежда» — «тело святого» (он рожден вместе с одеждой) — «время его жизни, отмеченное сакральными событиями» (одежда меняется при каждом событии) — «учение и время его бытия», также постоянно отображаемое в своих качественных изменениях. «Сжимающаяся одежда» Шанакавасы в очередной раз создает образ подвижности, нестабильности пространства, сама протяженность которого зависит от «качества дхармы», — пространства, обладающего способностью возникновения и исчезновения, расширения и свертывания, что в равной мере характерно и для круга представлений, связанных со ступой. Все три части ступы и соотносимые с ними реликвии обладают взаимопроникающей семантикой, вариации которой позволяют выявить систему образных взаимосвязей буддийской культуры.

Проследив круг смысловых взаимосвязей, которые заданы в своеобразном эпизоде «построения ступы» в балхской легенде, необходимо еще раз подчеркнуть, что таковая возможность определена закономерностями, внутренне присущими рассматриваемой культуре. Обозначение основных архитектурных частей ступы через вещные атрибуты монаха (Будды), почитаемые, соответственно, и в качестве реликвий — предметов культа, обосновано определенным параллелизмом семантики, неизбежным при общей культурной основе, формирующей выражаемые в культе представления. Эта хотя и естественная для любой религиозной культуры ситуация, дает возможность проследить конкретные проявления подобного изоморфизма различных структур. И если семантика основных частей ступы в данном случае изоморфна культу реликвий, то же можно сказать о паломническом тексте, рассматриваемом в парадигматическом аспекте.

Если культовая архитектура — храм, ступа — выражает осмысляемую определенным образом структуру мироздания, то и последнее мыслится именно как «миро-здание», воспринимаемое и описываемое в категориях, эквивалентных «архитектурным». Текст паломнического сочинения, каковой сформировался в традиции китайского паломничества, несомненно, ставит своей целью описание «всего мира», мыслимого как охваченного вероучением — и в пространстве, и во времени. Само построение паломнического текста выражает постоянно воплощаемое намерение соотнести «продвижение учения» во времени (продолжающееся «вращение колеса дхармы») с пространством «буд-

⁵⁰ Ray R.A. *Buddhist Saints in India. A Study in Buddhist Values and Orientations*. N.Y.—Oxf., 1994, p. 324.

дийского мира»: ведь паломник перемещается (реально и в тексте) в соответствии с преданием, соотнося каждый эпизод истории учения с определенным местом. Постоянное сопоставление «времени дхармы» и «пространства дхармы», собственно, и составляет основу деятельности паломника: он отыскивает одно за другим места действия отдельных событий предания. «Время дхармы» — деятельность первоучителя, царей-чакравартинов, архатов и авторов текстов, проведение соборов — ставится в ясные отношения с пространством благодаря подробнейшему тексту паломнических записок, и в этом соединении образ события-места предстает в окружении чудес, обычаев и поверий, благоговейно описываемых паломником. Это «время» не ограничено направленностью в прошлое: будущее время — до «конца дхармы» — включается в повествование через пророчества, как мы видели на примере текста Фа-сяня, который завершает свое сочинение «пророчеством о патре» (характерно, что патра при этом претерпевает неперенные перемещения, как бы «обходя» «буддийские земли»). Паломник чувствует свое бытие и свои труды во времени, протяженном и в прошлое, и в будущее, — времени, ограниченном периодом «от начала до конца учения». Это явственное чувство «начала и конца», своего места на этой как бы натянутой нити времени создает для него драматизм переживания времени, его необратимости, непреодолимой оторванности «от начала»: «И вот Фа-сянь и Дао-чжэн подошли к вихарю Джетавана, размышляя: „В прежние времена Почитаемый в Мире прожил здесь 25 лет... И, наконец, сегодня видим опустевшее место, где жил Будда“. Печаль охватила сердца странников»⁵¹. Такое же чувство остро переживал Фа-сянь, когда в одиночестве посетил гору Гридхракуту: «Фа-сянь... отправился на гору Гридхракута. Приносил в дар цветы и благовония, с наступлением темноты зажигал светильники и предавался печальным размышлениям. Сдерживая слезы, он проговорил: „Некогда Будда изрек здесь ‘Шурангамасутру’. Фа-сянь не родился вблизи Будды и может видеть лишь его следы“»⁵². Прообраз такого переживания паломник видит и в самой жизни первоучителя: «Перед своей паринирваной Будда вместе с учениками вышел из города Вайшали через западные ворота и, повернувшись вправо, оглянулся на город и сказал ученикам: „Это место — последнее, по которому я прошел“. Впоследствии люди построили здесь ступу»⁵³.

Событие-место предстает перед паломником в зримом образе ступы, воплощающей в себе пространство-время дхармы:

⁵¹ Фо го цзи XX.

⁵² Фо го цзи XXIX.

⁵³ Фо го цзи XXV.

Отсюда прошли на восток менее одной йоджаны и прибыли в город Капилавасту. В городе нет ни правителя, ни подданных, одни опустевшие развалины; остались лишь дворы, принадлежащие монашеской общине, — всего 10 семей. Там, где в древности был дворец царя Шуддходаны, сделаны изваяния царевича и матери, изображающие, как царевич верхом на белом коне входит в чрево матери; на этом месте, а также там, где царевич, выехав из города через восточные ворота и увидев больного человека, повернул назад свою колесницу, построены ступы. Здесь Асита опознал царевича. Здесь [царевич] в присутствии Нанды и других подбросил слона. Здесь он выпустил стрелу, которая, пролетев 30 *ли* на юго-восток, вонзилась в землю, где тотчас забил родник... Здесь же Будда встретился с отцом, после того как обрел просветление... Здесь Будда проповедовал дэвам, и четыре царя дэвов охраняли двери, не разрешая войти царю — отцу [Будды]... На этих местах возведены ступы, существующие и ныне⁵⁴.

Присутствие на отмеченных ступами местах событий «начала учения» приближает паломника к ушедшему времени, одновременно вызывая болезненное чувство его невозвратимости. Обычные для текста паломника развалины ступы посреди «опустевшего места» — образ разрушительного времени, упадка учения, приближающегося «конца».

Чувство сопричастности событиям, восходящим к первоисточкам учения, у почитателя ступы, несомненно, был призван создавать также изобразительный ряд, сопровождавший его при совершении прадакшины, что позволяло последовательно считывать изображения, опоясывающие здание ступы⁵⁵. Тем не менее паломники в своих сочинениях практически не касаются темы изображений; внешнее убранство ступы описывается в лучшем случае как «каменная резьба редкого образца». Посещение ступы имело для паломника знаковый характер и описывалось через характеристики, соответствующие ее заданному образу и значимые для постоянного соотнесения места присутствия паломника и «времени дхармы», стягиваемых в единый образ события-места, обозначенного ступой. Чудесные явления, поверья, предания о происхождении ступы строятся на основе общей парадигмы, как будет прослежено в приводимой ниже последовательности описания ступ Нагарахара.

Таковая роль ступы в построении текста коренится именно в принадлежности его к паломнической традиции, создавшей свою смысловую систему на основе буддийской традиции. «Архитектура» паломнического текста в то же время не может быть рассматриваема вне связи с принадлежностью автора-паломника одновременно к двум культурным традициям. Происхождение создателей этих сочинений из

⁵⁴ Фо го цзи XXII.

⁵⁵ Benisti M. Études sur le stupa dans l'Inde ancienne. — BEFEO. 1960, p. 55–56.

иной культуры создало уникальную возможность появления текста географического характера, описывающего территорию «индийских стран», — возможность, не реализованную в индийской литературе соответствующего времени, которая не имела объектом своего внимания ни географическую, ни — практически — историческую реальность. Владея глубоким знанием санскритской буддийской литературы и таким образом будучи включен в индийскую текстовую традицию, китайский паломник не только воспроизводит последнюю, но и вносит свой вклад в ее развитие, создавая сюжетные тексты в соответствии с парадигматическими отношениями, свойственными индийской культуре; в то же время он встраивает эти сюжетные композиции в общую структуру своего сочинения, выросшую на инокультурной основе. Традиционный для китайской литературы «географический» жанр вбирает в себя, казалось бы, инородные формы; при этом, однако, претерпевает трансформации и общая композиция, смысловая основа которой приобретает новую окраску: географические характеристики тех или иных территорий становятся выражением приобретенной из индийской традиции буддийской культуры через приведение «географии» в соответствие с «буддийской семантикой» (у Сюань-цзана). Подобное взаимовлияние двух принципов построения текста создало семантическую цельность всего обширного сочинения, получившего новое качество. Анализ этой семантики, поводом для которого в данном случае послужила легенда о «строительстве ступы», имеет особое значение, поскольку, как мы не раз имели возможность убедиться в ходе нашего рассмотрения, она обладает свойствами текстопорождения. Механизм построения текстов буддийской мифологии, в изобилии представленных у паломников, а также принципы их отбора получают основания для интерпретации. Само движение текста, достаточно причудливое для читателя, воспринимающего эту культуру извне, становится закономерно мотивированным в свете порождающей его системы семантических взаимосвязей. Так, представив в качестве примера построения текста одну из «стран» Сюань-цзана (Нагарахара), можно наблюдать, что он выстроен исключительно из набора проанализированных нами мотивов в разных вариациях:

Общая характеристика страны по обычному шаблону

Описание святынь

• Ступа, построенная Ашокой

Предание: Здесь бодхисаттва Шакья повстречал Будду Дипанкару. Сбросив накидку из оленьей кожи и расстелив свои волосы, он закрыл таким образом грязную землю перед Буддой и получил предсказание, [что сам станет Буддой]. Нынешняя кальпа несет с собой разрушение, но следы этого события не исчезли: в дни поста с небес дождем сыплются цветы, простой народ собирает их и с искренними чувствами приносит в дар [ступе].

- Ступа, построенная Ашокой
- Развалины ступы, в которой некогда сохранялась реликвия зуба Будды

- Ступа

Ни народные предания, ни учителя не знают, откуда она взялась. Говорят только, что она упала с неба и вросла в это место, и что это не человеческое творение, а божественное знамение.

- Ступа

Предание: [Некогда] Татхагата среди бела дня летал по воздуху над Индией и обращал [людей]. Следы, где он опускался, остались и в этой стране. В порыве благодарности и восхищения люди построили эти священные стены.

- Ступа

Предание: Здесь бодхисаттва Шакья, встретивший Будду Дипанкару, купил цветы.

- Монастырь: «дворы и помещения пусты, монашеской братии совсем нет». В нем — ступа, построенная Ашокой.

- Пещера

Чудеса: В древности здесь была оставлена тень Будды, столь же прекрасная, как и его истинный облик, с его настоящими знаками. В нынешний век люди не часто видят ее, а если и видят, то слабое подобие. Только пред тем человеком, чьи молитвы искренни и чувства глубоки, вдруг вспыхнет на мгновение, долго же нельзя [ее наблюдать].

Предание (покорение Буддой нага Гопалы): Скорбя о том, что эта страна и народ будут погублены драконом, он с помощью чудесных сил перелетел из Срединной Индии к месту, где жил дракон. Дракон увидел Татхагату, и злой дух в нем усмирился. Он дал обет не убивать и загорелся желанием защищать и утверждать Учение.

- Камень

У входа в пещеру лежат два квадратных камня. На первом камне — следы ног Татхагаты. Знак колеса замечен и ныне. Временами он светится.

- Ступа

Предание: Здесь Татхагата возвестил миру «Скандхадхату[аятана-сутру]».

- Камень

...на нем Татхагата расстилал свою одежду после стирки. Отпечаток ее еще виден.

Город Сило

Укреплен и неприступен. [Кругом] — цветущие леса и озера с водой свежей и прозрачной. Люди, живущие в городе, нрава простого и бесхитростного, приверженцы истинной веры.

- Высокое здание в городе Сило «с пестрыми карнизами и красными колоннами». В нем — последующие «малые ступы».

- **Малая ступа из «семи драгоценностей»**

Реликвия: ...в ней — ушниша Татхагаты, в окружности 1 чи и 2 цуня. Следы волос еще видны, [кость] цвета желто-белого; помещена в драгоценный сосуд, поставленный в ступу.

Чудеса: Если кто желает узнать добрые и недобрые предзнаменования, то смешивает глину с ароматным порошком и оттискивает на ней кость. И насколько велики его заслуги и глубоки чувства, настолько яркое сияние излучают знаки.

- **Малая ступа из «семи драгоценностей»**

Реликвия: ...черепная кость Татхагаты, с виду подобная лепестку лотоса и цвета такого же, как ушниша. Также помещена в драгоценный сосуд и запечатана.

- **Малая ступа из «семи драгоценностей»**

Реликвия: Глаз Татхагаты.

Чудеса: Сияет изнутри и излучает свет.

Реликвия: Сангхати (одежда) Татхагаты.

Чудеса: Проходят годы и месяцы, а оно не ветшает.

Реликвия: Посох Татхагаты с кольцом из белого металла и сандаловым древком.

Предание (к пяти реликвиям): В давние времена жил царь, и прослышал он о том, что здесь сохраняются вещи, принадлежавшие самому Татхагате. Он посмел захватить их силой и, вернувшись в свою страну, поместил во дворце, где жил сам. Не прошло и двенадцати дней, как он захотел увидеть их, — а [реликвии] исчезли и после были обнаружены на прежнем своем месте.

Предание о плате за посещение реликвий: Царь Канишка приказал пятерым брахманам нести здесь службу, принося благовония и цветы. Наблюдая, как толпы почитателей тянутся сюда без перерыва, они решились ступить на греховный путь и ради наживы стали обманывать людей, установив непосильную плату.

- **Ступа**

Чудеса: ...стоит коснуться ее пальцем, как она начинает раскачиваться вся до основания, и звучит музыка⁵⁶.

Подобный ряд посещенных паломником святынь находится в постоянно осознаваемом автором соотношении с преданием, рассредоточенным в тексте всего сочинения, поэтому каждое отдельное сообщение можно воспринимать, лишь подразумевая весь контекст. Многочисленные ступы, относимые автором к деятельности Ашоки, являются видимым воплощением предания о последнем делении мощей

⁵⁶ Сюань-цзан, с. 83–88.

и широком строительстве ступ, совершенном «в единый миг». «Малые ступы», соотношенные с «семью драгоценностями», апеллируют к мифологическому образу царя-чакравартина с его семью необходимыми атрибутами (слон, конь и т.д.); чакравартин-цари присутствуют здесь в рассказах о Канишке и о строительстве ступ Ашокой. Сохраняемые в «малых ступах» телесные и вещные реликвии Будды создают для паломника особую притягательную ценность этой страны, связанной с непосредственным присутствием первоучителя через образ «полета» и «оставления тени» в пещере Гопалы. Состав реликвий, наиболее полно представленный именно в Нагарахаре, отражает основные пространственно-ценностные представления буддизма, скрытые в образах «одежды», «посоха», а также телесных реликвий, выражающих причастность «центру»; среди последних особое место занимают «глаз», излучающий свет-дхарму, и «ушниша», ассоциируемая с «куполом ступы». В увязываемых со ступами эпизодах предания («событие-место») разрабатываются дублирующие друг друга вариации темы «охвата пространства дхармой-Буддой»: «расстилание одежды» перед вступающим на нее Буддой — в эпизоде встречи бодхисаттвы с Дипанкарой, «покорение нага», захватившего землю, — в рассказе о Пещере Тени, та же тема стоит за образами «следов на камне» — ступней Будды и его расстеленной одежды.

Система смысловых взаимоотношений, заключенная в парадигматике этого текста на разных уровнях — и в построении сюжетов легенд, и в символике описываемых предметов, и в «чудесах», и в именах («Дипанкара» — «несущий свет»), — создает его согласованное звучание. Последовательное сцепление текста из главок-«стран», отражающее маршрут и формально восходящее к географическим трактатам китайских «династийных историй», также принимает на себя новые смыслы в соответствии с пространственными представлениями буддизма: как ритуальный путь монаха, воспроизводящего завоевательное продвижение дхармы-Будды в пространстве мира людей. В соответствии с той же системой смыслов перестраивается и введение к каждой главке, по форме также имеющее происхождение из китайских трактатов:

Страна Нагара с востока на запад около 600 *ли*, с юга на север 250–260 *ли*. С четырех сторон окружена горами, нависшие скалы и пропасти грозны и опасны.

Столица [в окружности] около 20 *ли*. Правителя нет, [страна] находится в подчинении у государства Цзябиши. Хлебов изобилие, цветов и фруктов множество. Климат очень теплый, [жители] нрава простого, бесхитростного, но жестоки и воинственны. Пренебрегают собственностью, уважают ученость, почитают Учение Будды, мало привержены иным учениям. Мо-

настырей много, а монахов совсем мало. Ступы запущены, лежат в развалинах. Храмов дэвов — 5, иноверцев примерно 100 человек⁵⁷.

Нам уже приходилось обращаться к анализу шаблонных «введений» Сюань-цзана в их соотношении с китайской традицией географических описаний (в гл. I). В данном контексте имеет особое значение трансформация текста в сторону семантического единства с основным материалом сочинения, в который встраиваются эти шаблоны. Напомним последовательность «параметров», составляющих описание-оценку той или иной страны: размеры территории, образ правления, продукты земледелия, климат, население, статистика. Однако статистика вместо численности войск отражает количество буддистов и приверженцев «внешнего пути» (*вай дао* 外道), характер населения оценивается в зависимости от его отношения к вере, а присутствие «благородных животных» — коня и слона — служит благоприятным знаком «буддийской страны». Такая согласованность смыслов внутри каждого «введения» приводит его в соответствие и с дальнейшим движением текста — от ступы к ступе. В ходе пересказа одного из преданий — о кашмирском соборе — высказывается суждение, обосновывающее подобный подход и явственно перекликающееся с шаблонным текстом «введения» (здесь речь идет о выборе места для собора):

Царь хотел отправиться в родную страну; здесь он страдал от жары и сырости, и еще он хотел бы остановиться вблизи Раджагрихи, в каменных кельях, где Махакашьяпа проводил собор. Почтенный Паршва и другие стали отговаривать его: «Не нужно. Там много приверженцев иных толков, которые посторонними рассуждениями вовлекут нас в споры. Из-за обрядов гостеприимства не останется свободного времени, как же мы будем дискутировать? Всем монахам по душе эта страна. Она надежно защищена горами, охраняется якшами. Земли здесь плодородны, продукты обильны. Здесь живут мудрецы. Здесь останавливаются в своих странствиях святые отшельники. Мы все рассудили, что лучше остаться здесь»⁵⁸.

«Благоприятность» местности для проведения собора, помимо понятных обстоятельств — отсутствия иноверцев или присутствия мудрецов, неожиданно ставится в зависимость от «плодородия земель», «окруженности горами» и «защищенности якшами», что создает целостный образ «страны», в рамках которого эти, казалось бы, нейтральные признаки «благоприятности» приобретают определенное ценностное отношение к вероучению. В свете приведенных выше наблюдений, касающихся восприятия географического пространства в буддийской культуре, такой подход к «выбору места для собора» имеет свое объяснение.

⁵⁷ Сюань-цзан, с. 82–83.

⁵⁸ Там же, с. 139–140.

При такой трансформации в «буддийскую сторону» краткие «введения», соединяя тексты, соответствующие внутренним маршрутам паломника по отдельным странам и посвященные внешне другой тематике — описанию святынь и передаче преданий, — создают неразрывную в смысловом отношении цепь повествования. Путь паломника в его текстовом выражении приобретает структуру, каждое звено которой, утверждая повторяющиеся смыслы через ряд вариантных образов, дублирует последующее, что свойственно тексту ритуального характера. Путь-текст становится в адекватное отношение к пути-действию, осмысляемому как совершение обряда.

Рассмотрение семантики вещных атрибутов монаха, самим текстом предания соотнесенных с «архитектурой» ступы, выводящей на широкое поле семантических сопоставлений, позволяет яснее осознать смысловые отношения, связанные с представлением о пути как обряде, о монашеском странничестве. Пересказывая предания об известных проповедниках, выходящих в путь, Сюань-цзан непременно употребит выражение «взяв посох и патру». В этом контексте становятся понятными и такие затруднительные для перевода места, как в уже упомянутом рассказе о кашмирском соборе, на который прибыл Васумитра: «...на пороге появился Почтенный Васумитра в одежде». Упоминания одежды, патры и посоха, с точки зрения автора текста, исчерпывающе обрисовывают облик монаха и имеют знаковый характер: это атрибуты обряда-пути, имеющие, как было показано, свои пространственные ассоциации: обладающий этими предметами как бы овладевает пространством во всей его широте, полноте и высоте, что позволяет ему совершать ритуал пути. Кроме того, обладание этими тремя предметами воспроизводит облик первоучителя, делает последователя учения причастным к начатому учителем ритуалу, обеспечивает непрерывность и преемственность его совершения, продолжение «вращения колеса дхармы», начатого в Варанаси; продолжатель обряда становится причастен и самому моменту «начала», первой проповеди, и таким образом преодолевает протяженность времени. Наконец, через образы «трех вещей» странствующий бхикшу приобщен к связанным с ними событиям жизни Будды, утверждающим ценности вероучения: «монашеская одежда» возвращает к образу расстеленной одежды Будды, объявшей весь населенный мир, «чаша» — к получению дара небожителей и первому вкушению плодов земли, «посох» — к «древу» и моменту просветления. Такое вещно-опосредованное обращение бхикшу к истокам учения и жизни Будды дублирует его непосредственное восприятие предания и канонических текстов, а также совершение ритуала посещения святынь, среди которых первую роль играет ступа с ее многозначным смысловым окружением.

В образе ступы воплощен весь мир паломника, который должно освоить, обойти, подвергнуть тщательному описанию, не упуская ни одной значимой подробности, — «буддийский мир» в его пространственной и временной протяженности. Именно поэтому, рассматривая структуру ступы — основного объекта буддийского культа — в соотношении с различными связанными с ней ассоциациями, мы необходимо обращаемся к паломническому тексту, предоставляющему возможность многостороннего обозрения этого материала. Подобный анализ семантики, выявляемой при сопоставлении частей ступы и вещей-реликвий, при проецировании результатов этого анализа в обратном направлении на паломнический текст с очевидностью обнаруживает ее текстопорождающие свойства и, в частности, выводит на проблему структуры паломнического текста; возникает также возможность соотнесения паломнического пути-действия и пути-текста через выявление их общей ритуальной основы: деятельность буддийского монаха-странника, паломника предстает в свете понимания ее как ритуала, мыслимого как часть продолжающегося ритуала «движения времени учения», начатого первоучителем, и основанного на дублировании темы «продвижения дхармы» через образное выражение в культе, атрибутике, в передаче предания, в построении текста.

Проведенный анализ семантики, связанной с «паломническим буддизмом», имеет значение и для общих проблем буддийской культуры, в особенности периода ее пространственной активности, внутренние механизмы которой, несомненно, требуют своей интерпретации. Расширительное продвижение буддизма, охватывавшего пространства, все более отдаленные от исходной территории, образывавшей все более «сужающийся» центр растущего буддийского мира, должно было иметь свои истоки в самой сердцевинной семантике буддийской культуры, создающей ситуацию множасьегося смыслопорождения, в котором заложены основания пространственной экспансии. Паломническое движение — своего рода итог этого процесса, вызвавшего настоящую потребность в восстановлении связей между оказавшейся в значительном удалении периферией и исходным «центром»; идущий паломник становился свидетелем картины «буддийского мира», сложившейся в результате движения той волны, которая достигла его «окраинной страны». Осуществляя самоотождествление сложившейся буддийской культуры в пространстве «буддийского мира», он создает «пространственный текст», выстроенный в соответствии с семантикой «паломнического буддизма».

Представленный в балхской легенде Сюань-цзана (взятой нами в качестве отправной точки в нашем рассуждении) образ буддийской

ступы, три части которой сопоставляются с реликвиями — вещами Будды, позволяет вычлениить семантические ряды, соотносимые с образами «пространства» в буддийской культуре. Так, сопоставление «основание ступы» (означение горизонтального земного пространства) — «одежда Будды», присутствующее в легенде как равноправное замещение, при рассмотрении в контексте близких образов предания, находимых у тех же паломников или в цейлонских хрониках, выводит за собой цепочку представлений, обнаруживающих свойство дублирования общего смысла; центральным, стягивающим в единое целое звеном здесь становится «проповедь», выражаемая через образы «вращения колеса», «хождения Будды/иногo проповедника», «расстилания его одежды», «покорения нага». Каждый из этих образов подразумевает и «охват пространства», подвластного проповеди, причем это мыслимое пространство непременно находится в состоянии расширения: «растет» расстеленная одежда или ступня проповедника — «занимая земли», «катится колесо» — покоряя стороны света, совершает обрядовое хождение праведник — направляясь «в четыре стороны», строятся ступы — радиально, по ходу предания, увеличивая круг охвата территории. Под таким углом зрения «хождение паломника» также становится в этот ряд, как обрядовое действие, воспроизводящее ту же парадигму; так же может быть рассмотрен и текст паломника — и как одна из форм словесной проповеди, и как «пространственный текст», путь-текст.

Неизменный пространственный аспект, объединяющий в общий ряд эти внешне различные образы, создает согласованное звучание семантики, постоянно дублирующей смысл «расширяющегося пространства». Это единство предполагает и генетическую общность, поскольку возможно показать восхождение данной семантики к архаической ведийской парадигме, пронизывающей царскую обрядность с присущей ей направленностью на территориальную экспансию и передавшей буддийской семантике свою, направленную вовне схему «пространственной напряженности», подвергаемую теперь переосмыслению. Преемствуя столь развитой многовековой традиции, семантика буддизма приобрела особые потенциальные возможности для создания образной системы, развиваемой в культе, предании, в изобразительном ряду, обладающей свойством целостности и единой направленности «вовне», что находилось в согласовании с успешным распространением буддизма на все более широкие территории.

Заключение

Будучи наследниками одновременно двух культурных традиций, аккумулируя глубокую образованность в сфере буддизма, китайские паломники в своих сочинениях дали возможность широкого обозрения буддийской культуры. В своем подходе к созданию текста они проявили одновременно качества и внешнего наблюдателя, предложив необычный для Индии жанр «географического» сочинения, и адепта вероучения, воспринимающего его

«изнутри» и чутко улавливающего общий строй буддийской традиции, сложившейся на основе индийской культуры. Новизна собственно паломнического жанра вызвала потребность выработки самих принципов составления текста, что позволяет выявить глубинные признаки культурной ориентации автора, демонстрирующей, как было показано, глубокое вживание в семантику индийского буддизма. Формальная несвязанность паломнического текста канонами, сложившимися в традиции индийского буддизма, располагает паломника к достаточно непосредственному пересказу предания, что создает возможность свободного обозрения внутреннего мира автора как представителя буддийской культуры, многообразно ее отображающего. В то же время это позволяет отследить действительно внутренне присущие его культуре мотивы, определяющие по-своему «связанный» характер текста и его закономерности. Особенно показательны в этом отношении сочинение Сюань-цзана, в замысле которого было создать всеобъемлющий труд, возможно более полно отражающий картину индийского буддизма в географическом, историческом, культовом аспектах.

Эти особенности паломнического текста позволили нам на его материале провести линию рассуждения, выявляющую семантические взаимосвязи основных образов и представлений «паломнического буддизма» с его целостной семантической системой, воспользовавшись построением ключевого образа ступы, аккумулирующего в себе представление о «буддийском мире» в его пространственных, временных, ценностных ориентациях.

Переводы

Фа-сянь
Записки
о буддийских
странах
(Фо го цзи)

І. Фа-сянь из Чанъани¹, будучи обеспокоен ущербным состоянием книг винаи² [в Китае], во второй год правления Хун-ши, в год *цзи-хай*³, в сообществе с Хуй-цзином, Дао-чжэном, Хуй-ином и Хуй-вэем⁴ отправился в Индию для изучения установлений винаи.

Вышли из Чанъани, миновали Лун и прибыли в страну Ганьгуя⁵, где остановились для «летнего сидения»⁶. Закончив «летнее сидение», направились

в страну Жу-таня⁷, перешли горы Янлоу⁸ и прибыли в селение Чжанъе⁹. В Чжанъе случилась большая смута, и дороги были перекрыты; правитель же Чжанъе оказался приветлив и приютил [путников], выполняя обязанности данапати¹⁰. Здесь присоединились Чжи-янь, Хуй-цзянь, Сэн-шао, Бао-юнь, Сэн-цзин и другие; все сообща в радости провели «летнее сидение». Закончив «летнее сидение», пошли в Дуньхуан¹¹ — область, простирающуюся с востока на запад на 80 *ли* и с юга на север на 40 *ли*. Затем Фа-сянь со спутниками — впятером — отправились далее, расставшись с Бао-юнем и его спутниками. Правитель Дуньхуана снарядил [путников] для перехода через Песчаную Реку¹². В Песчаной Реке обитают во множестве злые духи, дуют горячие ветры, и, кто бы ни встретился с [такими опасностями] — все гибнут, никто не уцелеет. Вверху — не пролетит птица, внизу — не пробежит зверь; и, как ни вглядывайся вдаль, желая разглядеть свой путь, — не увидишь ничего, кроме иссохших человеческих костей, обозначающих [дорогу].

II. Шли 17 дней, прошли 1500 *ли* и прибыли в страну Шаньшань¹³. Земли эти гористы и неплодородны. Жители одеваются в простую одежду, подобную той, что носят в Ханьской земле¹⁴, отличие состоит только в тонкой и грубой шерсти. Царь этой страны с почтением относится к Учению¹⁵. Здесь около 400 монахов¹⁶, и все приверженцы «малой колесницы»¹⁷. Жители страны, как и шраманы¹⁸, все исповедуют индийское учение, различие только в степени утонченности [его постижения].

Отсюда шли на запад, и все пройденные страны были схожи, а варварские их языки — что ни страна, то иные; лишь те, что ушли от мира, изучают индийские книги и индийский язык.

Пробыли здесь месяц, затем следовали на северо-запад 15 дней и пришли в страну Уи¹⁹. Монахов здесь — 4000 человек, все приверженцы «малой колесницы». Они держатся предписаний Учения так

ревностно, что циньские шраманы не были готовы к соблюдению их монашеских правил.

Фа-сянь остановился в страннических кельях²⁰ у Фу Гун-суня, пробыл здесь два месяца и несколько дней и тут снова встретился с Бао-юнем и его спутниками. Жители страны Уи, не заботясь о добродетели, неприветливо встречают гостей, и потому Чжи-янью, Хуй-цзяню, Хуй-вэю пришлось повернуть обратно в Гаочан²¹ за снаряжением, в то время как Фа-сянь со спутниками, облагодетельствованные Фу Гун-сунем, пошли дальше на запад. На пути лежали необжитые земли, переход был труден, и страдания, перенесенные [странниками], трудно с чем-либо сравнить.

В пути провели месяц и пять дней, прибыли в Хотан²².

III. Страна эта богатая и процветающая, население в ней многочисленно, все почитают Учение и в наслаждении Учением находят общую радость. Монахов — десятки тысяч человек, в большинстве приверженцы «большой колесницы»²³. Все [получают еду] из общих запасов.

В этой стране население разрознено и каждая семья перед воротами ставит небольшую ступу²⁴ — не более 2 *чжанов* высоты. Делают кельи для монахов «общины четырех стран света»²⁵, содержат монахов-странников и дают им все необходимое. Правитель страны устроил Фа-сяня с его спутниками в монастыре²⁶, называемом Гомати²⁷ и принадлежащем «большой колеснице». Здесь на звон гонга собираются к трапезе 3000 монахов. Входят в трапезную торжественно и чинно, рассаживаются все по порядку. Стоит полная тишина — не слышно даже звона посуды и чаш. А если кому из чистейших нужно подать пищу — то не говорит ничего, а лишь делает знак рукой.

Хуй-цзин, Дао-чжэн и Хуй-да отправились в страну Цзеча²⁸; Фа-сянь же со спутниками, желая поглядеть на «шествие статуи»²⁹, остался здесь на три месяца.

В стране есть четыре больших монастыря, не считая малых. Начиная с первого дня четвертого месяца подметают и моют городские улицы, украшают дороги. На верху городских ворот ставят большой шатер, пышно убранный, и царь с царицей и придворными дамами в нем поселяются. Монахов из Гомати как приверженцев «большой колесницы» царь особенно чтит, и они занимают наиболее почетное место в «шествии статуи». На расстоянии 3–4 *ли* от города сооружают четырехколесную повозку для статуи, высотой 3 *чжана*, видом схожую с храмом, который пришел в движение, и красотой сравнимую с «семью драгоценностями»³⁰, украшена она разноцветными хоругвями и зонтами. Статуя стоит посреди повозки, а с нею рядом два бодхисаттвы³¹. Их сопровождают дэвы³², изваяния которых отделаны

золотом, серебром и резным камнем, и они как бы парят в воздухе. Когда статуя приближается к городу на расстояние 100 бу, царь снимает шапку, облачается в новые одежды и босиком, держа в руках цветы и благовония, выходит из города навстречу статуе, склоняет голову к ее ногам, рассыпает цветы, и они падают вниз во множестве. Все обставляется чрезвычайно торжественно — ни одна повозка не похожа на другую. У каждого монастыря — свой день «шествия», и длится «шествие статуи» с первого по четырнадцатый день месяца. Когда «шествие статуи» заканчивается, царь с царицей возвращаются во дворец.

В 7–8 ли к западу есть монастырь, называемый «Новым царским монастырем»³³. Его строили 80 лет, и за это время сменилось три царя. [Его ступа] высотой 25 чжанов, украшена резьбой позолоченной и посеребренной, со множеством драгоценностей. Позади ступы устроен Зал Будды, величественный и пышный; балки и колонны, створки дверей, оконные рамы — все позолочено. Кельи для монахов тоже так богато украшены, что никакими словами невозможно все описать. И все ценности, какие есть у царей шести стран, что к востоку от гор, большую часть жертвуют сюда, для людей оставляя меньшую.

IV. Когда миновали четыре месяца «шествия статуи», Сэн-шао в сопровождении варвара — последователя [истинного] пути — направился в Цзибинь³⁴, а Фа-сянь со спутниками пошел в страну Цзы-хэ³⁵. Провели в пути 25 дней и прибыли в эту страну. Царь страны преуспевает, монахов здесь — около тысячи, большинство — приверженцы «большой колесницы». Пробыли здесь 15 дней, затем шли на юг 4 дня и вступили в горы Цунлин³⁶, после достигли страны Юймо³⁷ и провели здесь «отрешенную жизнь»³⁸. Закончив «отрешенную жизнь», шли горами 25 дней и пришли в страну Цзеча, где встретились с Хуй-цзином и его спутниками.

V. Царь этой страны как раз проводил панчапаришад³⁹, что на китайском языке означает: большой собор, устраиваемый раз в пять лет. Когда бывает такой собор, созывают шраманов четырех стран света и они собираются, подобно тучам. Места, где восседают монахи, пышно убраны хоругвями и пологам, а лотосы, изготовленные из золота и серебра, помещают позади особых сидений для монахов. Когда все чистые сиденья расстелены, царь со свитой, как подобает согласно Учению, приносит дары, и так делают в первый, второй и третий месяц, всегда весною. Когда царь закончит проводить собор, велит своим приближенным приносить дары — или один, или два, или три, или пять дней, и так до семи дней. Когда приношения даров подходят к концу, царь вместе с сановниками преподносит в дар общине самим царем оседланного и взнузданного коня, на которого садится верхом

самый главный в стране вельможа, а также белые ткани, всяческие драгоценности и нужные для монахов вещи. А затем, преподнеся в дар, все это у монахов выкупают обратно.

Страна эта гористая и холодная, и не родится здесь зерно, кроме пшеницы. После того как монахи получают годовой паек, наступают морозные утра, потому царь всякий раз приказывает монахам [молиться] о созревании пшеницы, а после позволяет получать годовой паек.

В стране хранится принадлежавшая Будде плевательница, сделанная из камня и цветом схожая с патрой⁴⁰ Будды; есть еще зуб Будды, и над этим зубом жители воздвигли ступу.

Монахов и послушников здесь около тысячи, все приверженцы «малой колесницы».

По восточную сторону гор люди носят простую одежду, подобную той, в какую одеваются в Циньской земле⁴¹, отличие состоит только в грубой или тонкой шерсти. Монашеские установления здесь особенные и примечательные, но нет возможности их все описать. Страна расположена посреди Цунлина, и за Цунлином растения и плоды все иные, чем в Ханьской земле, кроме бамбука, граната и сахарного тростника.

VI. Отсюда шли на запад, направляясь к Северной Индии. Провели месяц в пути, пока миновали Цунлин. На горах Цунлина зимой и летом лежит снег; здесь обитают злые драконы — если им не угодить, они насылают страшные ветры, дождь, снег, поднимают бурю с песком и камнями. И кто бы ни испытал эти ужасы — ни один из них не уцелеет. Местные жители называют Цунлин Снежными Горами.

Миновав горы, достигли Северной Индии. Как только вошли в эту страну, попали в небольшое государство, называемое Толи⁴², где также есть монахи, все приверженцы «малой колесницы».

В прежние времена в этой стране жил архат⁴³. С помощью чудесных сил он перенес на небеса Тушита⁴⁴ одного искусного мастера, чтобы тот поглядел на бодхисаттву Майтрею⁴⁵ и узнал его внешность. Вернувшись вниз, он вырезал деревянное изваяние. Трижды он возносился и глядел [на бодхисаттву] и, наконец, создал статую высотой 8 *чжанов* и шириной 8 *чи* у основания, где скрещены ноги. В дни поста она излучает сияние. Цари разных стран собираются здесь для приношения даров, и существует статуя с древних времен донныне.

VII. Отсюда следовали вдоль гор и шли на юго-запад в течение 15 дней. Путь здесь труден и опасен, скалы обрывисты. Горы стоят, как каменные стены высотой в тысячу *жэнь*. Приблизившись к ним — кружится голова, хочешь поставить ногу — и нет места. А внизу — река, называемая Синьтоу⁴⁶. В древние времена люди высекли в ска-

лах коридор и сделали лестницу — в ней 700 ступеней. Спустившись по лестнице, переходишь реку по висячему мосту. Берега реки отстоят друг от друга на 80 бу. У «девяти комментаторов»⁴⁷ [эти места] упоминаются, но никто — ни Чжан Цянь, ни Гань Ин⁴⁸ — не дошел до сюда.

Монахи спрашивали у Фа-сяня, известно ли о начале проникновения Учения Будды на восток. Сянь ответил, что расспрашивал жителей этих земель, и все они говорили, что есть старинные предания, в которых сказано, что, после того как было поставлено изваяние бодхисаттвы Майтрейи, появились индийские шраматы — они перешли эту реку, неся с собой сутры и уставы. Изваяние же было установлено через 300 с лишним лет после нирваны⁴⁹ Будды, и время это относится к правлению чжоуского Пин-вана⁵⁰. Оттого и говорят, что великое Учение стало распространяться начиная со времени установления этой статуи. Если бы не Майтрейя, великий учитель и последователь Шакьи⁵¹, то кто бы смог распространить «три сокровища»⁵², познакомить жителей окраинных стран с Учением?! Ведь известно, что начало столь священного предприятия не может быть делом людей. И подобного же происхождения сон ханьского Мин-ди⁵³.

VIII. Переправились через реку и пришли в страну Удяню⁵⁴. Страна Удяня — уже в Северной Индии, здесь говорят на языке Средней Индии и Среднюю Индию называют Срединной Страной⁵⁵. Одежда и пища местных жителей таковы же, как в Срединной Стране. Учение Будды здесь процветает. Места, где постоянно живут монахи или временно останавливаются, называются сангхарамами⁵⁶. Всего здесь 500 монастырей, и все принадлежат «малой колеснице». Если приходит странствующий бхикшу⁵⁷, его содержат в течение трех дней, а как пройдут три дня — велят самому идти дальше искать пристанища.

Согласно преданиям, Будда, пребывая в Северной Индии, посетил эту страну и оставил здесь свои следы — они становятся длинней или короче в зависимости от глубины чувств [поклоняющегося им] человека. Следы сохранились и доныне. Есть еще камень, на котором Будда сушил одежду. Здесь место, где был обращен злой дракон. Камень сохранился доныне, высотой 1 чжан и 4 чи, шириной 2 чжана с лишним; одна сторона его — гладкая.

Хуй-цзин, Хуй-да и Дао-чжэн втроем отправились к Тени Будды в Нагаре⁵⁸; Фа-сянь же с другими остался в этой стране для «летнего сидения»; по окончании «сидения» отправился в страну Сухэдо⁵⁹.

IX. В этой стране Учение Будды процветает. В древние времена Шакра, предводитель дэвов, сотворил ястреба и голубя, и [бодхисаттва от себя] отрезал мясо, чтобы выкупить голубя⁶⁰. После достижения просветления⁶¹ Будда, странствуя с учениками, сказал: «Именно здесь

я отрезал свое мясо, чтобы выкупить голубя». Так жители страны узнали об этом и воздвигли здесь ступу, украшенную золотом и серебром.

X. Отсюда шли на восток пять дней и прибыли в страну Гандхару⁶². В прежние времена здесь правил царь Дхармавивардхана, сын царя Ашоки⁶³. В этой стране Будда, когда жил еще в облике бодхисаттвы, даровал человеку свои глаза⁶⁴; на этом месте построена большая ступа, украшенная золотом и серебром. Жители страны — в большинстве приверженцы «малой колесницы».

XI. Отсюда шли на восток семь дней и прибыли в страну, называемую Такшашила⁶⁵, что на китайском языке означает «отсечение головы»⁶⁶. Здесь Будда, когда еще жил в облике бодхисаттвы, подарил человеку свою голову⁶⁷, и потому такое название.

Затем шли на восток два дня и пришли на то место, где [бодхисаттва] отдал свое тело, чтобы накормить голодного тигра⁶⁸. В этих двух местах построены большие ступы, украшенные множеством драгоценностей. Цари разных стран, сановники и народ — все здесь приносят дары, рассыпают цветы, зажигают светильники, сменяя друг друга беспрерывно. Вместе с теми двумя ступами, о которых говорилось выше, народ называет их «четыре великие ступы».

XII. Из страны Гандхары шли на юг четыре дня и прибыли в страну Пуруша⁶⁹. Некогда Будда странствовал вместе с учениками и, проходя по этой стране, сказал Ананде: «После моей нирваны в стране появится царь по имени Канишка и построит на этом месте ступу». Впоследствии царь Канишка пришел в мир. Однажды, когда царь пошел на прогулку, Шакра, владыка дэвов, желая прояснить его разум, превратился в мальчика-пастушка, который стал строить ступу прямо на пути [царя]. Царь спросил: «Что ты делаешь?» А тот отвечал: «Строю ступу». Царь сказал: «Очень хорошо», — и поверх ступы мальчика построил еще ступу, высотой 40 *чжанов*, украшенную множеством драгоценностей. Кто странствовал и видел разные храмы и ступы — прекрасные и величественные, [все говорят, что те ступы] не могут с ней сравниться. Рассказывают, что эта ступа превосходит своей красотой все, что ни есть в Джамбудвипе⁷⁰. Когда царь закончил строить большую ступу, малая сразу вышла из нее и встала к югу от большой, сама высотой 3 *чжана*⁷¹.

В этой стране хранится патра Будды. Некогда царь *юэчжи*⁷² собрал большое войско и пошел войной на эту страну, желая захватить патру. Закончив завоевание страны, царь *юэчжи* и его приближенные, движимые искренней верой в Учение Будды, намерились увезти патру. Они совершили большое приношение даров. Принесли дары «трем сокровищам», разукрасили белого слона и поставили на него патру. А слон лег на землю и не мог идти. Тогда сделали четырехколесную

повозку и поместили на нее патру. Впрягли восемь слонов — но так и не могли сдвинуться. Царь понял, что патра не принадлежит ему, был сильно пристыжен и построил на этом месте ступу и монастырь. Он оставил здесь охрану и принес множество даров.

[В монастыре] — около 700 монахов. Когда наступает полдень, монахи выносят патру, после чего монахи и «белые одежды»⁷³ вместе преподносят ей множество даров. Затем, после обеда и до вечера, сжигают благовония и повторяют все снова. Она вмещает около 2 *доу*, пестрая, но более всего черного цвета. Четыре части ее ясно различимы, толщина стенок — около 2 *фэней*, сияет ослепительным блеском. Если бедный человек положит в нее немного цветов, то патра сразу наполнится [цветами]. А если богач принесет много цветов, то положи он хоть сотню, тысячу, десять тысяч *ху* — все равно не сможет наполнить.

Бао-юнь, Сэн-цзин принесли дары патре Будды и пошли назад. Хуй-цзин, Хуй-да и Дао-чжэн направились было в страну Нагару почтить дарами тень Будды, зуб Будды и ушнишу⁷⁴, но Хуй-цзин заболел, а Дао-чжэн стал за ним ухаживать. Тогда Хуй-да один пошел обратно в страну Пурушу, где встретился с Бао-юнем и Сэн-цзином, и они вместе вернулись в циньские земли. Хуй-цзин же в монастыре Патры Будды скончался. Оттуда Фа-сянь в одиночестве отправился к ушнише.

XIII. Шел на запад 16 йоджан и прибыл в страну Нагару⁷⁵, в город Сило⁷⁶. В городе есть вихара⁷⁷, где сохраняется ушниша Будды. [Вихара] вся в позолоте и украшениях из «семи драгоценностей». Царь страны чтит ушнишу и беспокоится, как бы ее не украли. Потому он набрал в стране восемь человек из знатных родов и каждому дал печать — теми печатями запечатывается и так охраняется вход. На рассвете приходят все восемь человек, и каждый проверяет свою печать. Затем открывают двор и, открыв его, ароматной водой омывают руки, выносят ушнишу из вихары и помещают ее на высоком постаменте, на круглой подставке из «семи драгоценностей», покрывают хрустальным колпаком, который весь украшен жемчужинами. Ушниша — желто-белого цвета, размер ее — 7 *цуней* по окружности, вершина высоко выдается. Каждый день, когда выносят ушнишу, обитатели вихары поднимаются на высокую башню, бьют в барабаны, трубят в тыквы-горлянки, ударяют в медные чаши. Царь же, заслышав это, тотчас идет к вихаре и совершает приношение даров цветами и благовониями, а принеся дары, согласно установленному обычаю надевает ушнишу на голову, затем входит через восточные ворота и выходит через западные. Так каждый день царь совершает священнослужение с приношением даров и лишь затем слушает государственные дела. Стар-

шие домохозяева⁷⁸ также приносят дары и только потом занимаются домашними делами. И так происходит изо дня в день без небрежения. Закончив приношение даров, возвращают ушнису в вихару. В вихаре есть Ступа Вимокши⁷⁹ из «семи драгоценностей», которую то открывают, то закрывают, чтобы помещать ушнису. Высота ее 5 *чи*.

Перед воротами вихары каждый день продают цветы и благовония; всякий желающий принести дары может купить все это во множестве. Цари разных стран шлют постоянно гонцов, чтобы приносили от них дары. Вокруг вихары на расстоянии 30 *бу* земля не покачивается, даже если прогремит гром или случится землетрясение.

Отсюда прошли на север одну йоджану и прибыли в столицу Нагары. Здесь бодхисаттва на серебряные деньги купил пять цветков и принес их в дар Будде Дипанкаре⁸⁰. Также в городе есть ступа, где сохраняется зуб Будды. Ему приносят дары по тому же обычаю, что и ушнису.

На расстоянии одной йоджаны к северу от города, у входа в ущелье, хранится посох Будды с оловянными кольцами⁸¹ — здесь также построена вихара и совершаются приношения даров. Посох сделан из сандала гоширша⁸², длиной 6–7 *чжанов*. Хранится он в деревянном цилиндре, и соберись хоть сто тысяч человек — не смогут его сдвинуть.

Войдя в ущелье, шли на запад. Здесь место, где хранится сангхати⁸³ Будды и тоже построена вихара, где совершаются приношения даров. По здешнему обычаю, если случится засуха, то люди собираются, выносят эту одежду и совершают священнодействие с приношением даров — тогда небо пошлет обильный дождь.

К югу от города Нагары, на расстоянии пол-йоджаны, в большой горе, есть пещера, обращенная выходом на юго-запад, — в ней Будда оставил свою тень. Увидеть ее можно с расстояния 10 *бу*; она схожа с настоящим обликом Будды — золотистого цвета, со всеми знаками [Будды]⁸⁴ — и излучает ослепительное сияние. Она то приблизится, то исчезнет — и все это как будто кажется. Цари дальних стран присылали сюда мастеров, чтобы изготовили ее изображение, а они не смогли. В стране говорят, что все тысяча будд оставят здесь свои тени.

На запад от тени в 400 *бу* есть ступа, которую Будда, пребывавший в мире, построил сам вместе с учениками, отрезав волосы и ногти [для реликвий]. Высотой ступа 7–8 *чжанов*, она должна была служить образцом для всех последующих ступ. [Ступа] сохранилась и донныне.

Рядом стоит монастырь, в нем 700 монахов. Здесь же есть ступы архатов и пратьекабудд⁸⁵, числом около тысячи.

XIV. Прожив здесь три зимних месяца, Фа-сянь со спутниками — втроем — отправились на юг, совершая переход через Малые Снеж-

ные Горы⁸⁶. На Снежных Горах зимой и летом много снега, с северной стороны гор свирепствуют холодные ветры. Все путники умолкли и впали в уныние. Один же их них — Хуй-цзин — не мог дальше идти. Из рта у него пошла белая пена. И сказал он Фа-сяню: «Мне долее не жить, вы же идите, пока не поздно, чтобы всем нам здесь не пропасть», — и тут скончался. Похоронил его Фа-сянь и плакал, восклицая скорбно: «Не сбудутся замыслы Хуй-цзина! Как же так!»

После того, собравшись с силами, пошли на юг и прибыли в страну Лои⁸⁷. Здесь 3000 монахов, есть последователи и «большой», и «малой колесницы». Здесь провели «летнее сидение». Закончив же «летнее сидение», шли на юг 10 дней и прибыли в страну Бана⁸⁸. В ней тоже около 3000 монахов, все приверженцы «малой колесницы». Отсюда шли на восток 3 дня, переправились через реку Инд, по обоим берегам которой — равнинные земли.

XV. За рекой — страна, называемая Питу⁸⁹. Здесь Учение Будды процветает, есть последователи и «большой», и «малой колесницы». Когда [монахи] увидели, что пришли циньские последователи Пути, то очень сочувствовали им и говорили: «Как же смогли эти люди из окраинных земель, избравшие своим Путем отречение от мира, отправиться в такую даль [к истокам] Учения Будды?» — и одарили [странников] всем необходимым, заботясь о них, как подобает согласно Учению.

XVI. Отсюда шли на юго-восток, прошли 80 йоджан. Монастырей миновали множество, а монахов в них — десятки тысяч. Пройдя эти места, пришли в страну, называемую Матхура⁹⁰. Переправились через реку Пуна⁹¹, по берегам ее, справа и слева — два десятка монастырей, и в них около 3000 монахов. Учение Будды здесь процветает.

Все земли, что к западу от Песчаной Реки — это индийские страны. Цари этих стран искренно веруют в Учение Будды. Когда они приносят дары общине, то снимают царскую шапку. Вместе с родственниками и сановниками собственноручно несут они угощение. Расстилают ковер на земле, рассаживаясь напротив монашеской общины, и не смеют сидеть на ложах. С того времени, как Будда пребывал в мире, цари приносят дары по этому обычаю, который соблюдается доныне.

Все земли, что отсюда к югу, называют Срединной Страной. В Срединной Стране чередование холода и тепла благоприятно и не бывает снега. Население благоденствует, и нет такого, чтобы дворы были отданы в подчинение чиновникам. Возделывающие царскую землю выплачивают с земли ренту. Если нужно уйти — уходят, если нужно жить [на данном месте] — живут. Царь правит, не применяя казней. А если есть нарушители законности — то облагаются штрафом, в зависимости от вины легким или тяжелым; зачинщику смуты всего

лишь отсекают правую руку. Царские охранники и помощники получают жалованье.

Жители этой страны не убивают живых существ, не пьют вина, не едят лука и чеснока — все, кроме чандалов. Чандалами же называют людей недобрых; живут они от прочих отдельно и, если заходят в город, на базар, стучат по деревяшке, чтобы оповестить о себе; люди слышат и сторонятся их, и с ними не общаются. В стране не едят свиней и кур, не продают живности, а на базарах нет мясных лавок и пивных. Для торгового обмена используют раковины. Только чандалы⁹² ловят рыбу, охотятся и торгуют мясом.

После нирваны Будды цари разных стран, старшие домохозяева строили вихары для монашеских общин, приносили в дар поля, поселения, сады, скот и [дары эти] записывали на железных таблицах. С тех пор много царей передавали от одного к другому этот обычай, не смея его отменять, и так продолжается по сей день без перерыва.

Кельи, в которых живут монахи, лежа и циновки, питье и еда, одежда — во всем этом нет недостатка, и так повсюду. Монахи же постоянно заняты: читают сутры и проводят время в созерцании. Если приходит монах-странник, то встречают его с почетом, как старца: помогают нести одежду и чашу, подают воду для омовения ног, умащают ноги маслом и угощают питьем, которое подобает пить в необеденное время. Затем, после короткого отдыха, расспрашивают о числе лет, [проведенных в монашестве], и в соответствии с рангом предоставляют ему келью для сна. И делают все это, как подобает согласно Учению.

В монашеских кельях строят ступы: Шарипутры⁹³, Маудгальяны⁹⁴, Ананды⁹⁵, а также ступы абхидхармы, винаи и сутры⁹⁶.

В первый месяц после окончания «отрешенной жизни» все верующие, в надежде обрести заслуги, одаривают монахов и приносят им напиток, который подобает пить в необеденное время. А монахи устраивают большую сходку для чтения Учения, приносят в дар ступе Шарипутры цветы и благовония. Всю ночь горят светильники и играют музыканты. Тот Шарипутра был великим брахманом⁹⁷. Он пришел к Будде, прося взять себя в странники, — так же поступили Махакашьяпа⁹⁸ и Махамаудгальяна.

Бхикуни⁹⁹ в большинстве своем приносят дары ступе Ананды — ведь это Ананда просил Почитаемого в Мире за женщин, чтобы они могли уходить от мира. Шраманеры¹⁰⁰ обычно приносят дары Рахуле¹⁰¹, изучающие абхидхарму приносят дары абхидхарме, изучающие винаю приносят дары винае; и так приносят дары раз в год, каждый — в свой день. Последователи махаяны¹⁰² приносят дары Праджняпарамите¹⁰³, а также Манджушри¹⁰⁴, Авалокитешваре и другим.

Когда монахи получают годовой паек, старшие домохозяева, брахманы и другие — каждый приносит что-либо из одежды или другие необходимые для шраманов вещи и одаривают монахов, и таким образом каждый монах получает по подарку. После нирваны Будды монашеские общины придерживаются этих установлений Учения из поколения в поколение, без перерыва.

За рекой Инд — Южная Индия, которая тянется до Южного моря. Здесь, на протяжении четырех или пяти десятков тысяч *ли* — все равнинные земли и нет гор и долин, а только река.

XVII. Отсюда шли на юго-восток 18 йоджан и прибыли в страну, называемую Сэнцзяши¹⁰⁵. Когда Будда поднимался на «небеса тридцати трех»¹⁰⁶, где три месяца проповедовал для своей матери, то спустился именно здесь. Он вознесся на «небеса тридцати трех» с помощью чудесных сил и не дал знать об этом своим ученикам. Но за семь дней до истечения срока он чудесным образом стал виден. Ануруддха¹⁰⁷ своим божественным оком узрел Почитаемого в Мире и, преисполнившись благоговения, сказал, обращаясь к Маудгальяне: «Можешь подойти к Почитаемому в Мире и вопрошать его». Тогда Маудгальяна подошел [к Будде], поклонился в ноги и вопрошал его. Выслушав его вопросы, Будда сообщил Маудгальяне: «Ровно через семь дней я спущусь в Джамбудвипу». И тогда Маудгальяна вернулся.

К тому времени цари, сановники и народ восьми стран давно не видали Будду и с нетерпением его дожидались. Подобно тучам, собрались они в этой стране и стали ждать Почитаемого в Мире. А бхикшуни Утпала¹⁰⁸ в сердце своем опечалилась: «Нынче цари, сановники и народ встретятся с Буддой. Как же мне, женщине, почтить его первой?» И тотчас Будда с помощью чудесных сил превратил ее в мудрого царя-чакравартину¹⁰⁹, чтобы она могла первой почтить Будду.

Когда Будда стал спускаться с «небес тридцати трех» — тотчас явились три лестницы с драгоценными ступенями. Будда спускался по средней лестнице; ступени ее — из «семи драгоценностей». Брахма, царь дэвов, сотворил ступени из светлого серебра и спускался справа [от Будды], держа белое опахало. Шакра, владыка дэвов, сотворил ступени из светлого золота и спускался слева, держа зонт из «семи драгоценностей». Бесчисленные дэвы сопровождали Будду в его нисхождении.

Как только нисхождение Будды окончилось — все три лестницы исчезли в глубине земли, и остались видны лишь семь ступеней. Царь Ашока захотел узнать, куда делся нижний конец лестницы, и послал людей, чтобы откопать его; однако, даже углубившись до желтых родников¹¹⁰, так и не достигли конца [лестницы]. Тогда царь еще более

преисполнился благоговением и верой и построил над лестницей вихару; на самой лестнице поставил изваяние Будды высотой 6 чжанов, а позади вихары установил каменный столб высотой 30 чжоу, увенчанный изображением льва. На столбе с четырех сторон — изображения Будды, сияющие изнутри и излучающие свет, прозрачные, как хрусталь. Некогда иноверцы, толкователи шастр, стали оспаривать право шраманов жить на этом месте. Когда стало казаться, что шраманы неправы, то условились так: если место предназначено для шраманов, то об этом должно возвестить чудесное знамение. И только так было сказано — львиная голова на столбе издала страшный рев. Увидев знамение, иноверцы перепугались, пали духом и отступились.

Когда Будда три месяца вкушал небесную пищу, тело его приобрело небесный аромат, не такой, как у земных людей. Там, где он омыл свое тело, люди построили бассейн для омовения, который сохранился доньше. На том месте, где бхикшуни Утпала первой почтила Будду, ныне также построена ступа.

Есть еще ступа, построенная Буддой, когда он, еще пребывая в мире, отрезал свои волосы и ногти [для реликвий]. Здесь же есть места, где ходили и сидели три будды прошлого¹¹¹ и Будда Шакьямуни, а также [места], где стоят изваяния всех будд, — повсюду сооружены ступы, сохранившиеся доньше. На том месте, где владыка дэвов Шакра и царь дэвов Брахма спустились на землю, сопровождая Будду, также построена ступа.

Монахов и монахинь здесь — около тысячи человек, все собираются на общие трапезы. Исповедуют и «большую», и «малую колесницу». Там, где они живут, есть белоухий дракон, который вместе с монашеской общиной выполняет обязанности данапати, посылая стране богатые урожаи, орошая ее вовремя дождями, отвращая бедствия и даруя монахам благополучие. Община монахов в благодарность за его доброту построила Вихару Дракона, где повсюду разместили сиденья. Устраивают поедания даров [за него], приносящие заслуги: ежедневно монахи выбирают из своей общины трех человек, которые идут в «жилище дракона» к трапезе. Каждый год к концу «летнего сидения» дракон внезапно изменяет свой облик и превращается в маленькую змейку с двумя белыми пятнами за ушами. Монахи, распознав ее, наполняют медную чашу вином и помещают туда этого дракона, а потом обносят всех, от высшего чина до низшего, и [дракон] как будто их расспрашивает, а потом исчезает. Таким образом раз в год «выносят [дракона]».

Страна эта богатая и процветающая, многочисленное население благоденствует и пребывает в довольстве несравненном. Гостей-иностранцев здесь не преминут почтить дарами и дают им все необходимое.

На расстоянии 50 йоджан к северо-западу от монастыря есть другой монастырь, под названием Большой Холм¹¹², и таково же имя злого духа, которого Будда здесь обратил. Впоследствии люди на этом месте построили вихару — ее обихаживают архаты: омыв руки, водой окропляют землю. Потому здесь всегда чисто. Так было ранее и остается поныне.

Здесь есть еще ступа Будды, которую добрый дух постоянно чистит, беря на себя заботы людей. Один царь, державшийся ложных убеждений, сказал ему: «Раз ты можешь все это делать, то я размещу здесь свое многочисленное войско — сможешь ли тогда убирать нечистоты?» Дух поднял сильный ветер, смел всю грязь, и стало чисто.

Здесь же есть множество маленьких ступ, и кто бы ни считал их хоть целый день — не сможет пересчитать. Бывает, что кто-то сильно захочет узнать их число, у каждой ступы поставит по человеку и тогда пытается сосчитать людей — и все равно не может сосчитать.

Есть еще монастырь, в нем 600–700 монахов, и здесь — место, где принимал пищу пратьекабудда. Есть также место, где совершилась его нирвана. [Место по форме] подобно колесу — на остальной земле растет трава, а здесь не растет. И там, где [пратьекабудда] расстилал одежду, тоже не растет трава, и потому отпечаток одежды сохранился до сих пор.

XVIII. Фа-сянь жил в Вихаре Дракона, совершая «летнее сидение». Закончив «летнее сидение», отправился на юго-восток; пройдя 7 йоджан, прибыл в город Каньякубджа¹¹³. Город стоит на Ганге. Здесь два монастыря, принадлежащие «малой колеснице».

К западу от города в 6–7 *ли*, на северном берегу Ганга, есть место, где Будда проповедовал своим ученикам. Согласно преданию, он говорил о бренности бытия, о страдании, о пустоте¹¹⁴, о том, что тело подобно текучей пене, и о прочем. Здесь построена ступа, существующая и ныне.

Переправился через Ганг, прошел на юг 3 йоджаны и прибыл в селение, которое называют Али¹¹⁵. Здесь Будда проповедовал, ходил, сидел, и на этих местах сооружены ступы.

XIX. Отсюда шел на юго-восток 10 йоджан и прибыл в большую страну Шачжи¹¹⁶. За стенами города, к востоку от южных ворот, есть место, где Будда, разжевав веточку ивы, воткнул ее в землю, и она тут же выросла до 7 *чи*, не больше и не меньше. Брахманы-иноверцы от зависти порубили [дерево] и оборвали листья, но на этом же месте оно выросло снова.

Здесь же есть места, где четыре будды ходили и сидели, — везде построены ступы, сохранившиеся доныне.

XX. Отсюда шли на юг 8 йоджан¹¹⁷ и прибыли в страну Кошалу¹¹⁸, в город Шравасты¹¹⁹. Город малонаселен, в нем около 200 семей. В этом городе правил царь Прасенаджит¹²⁰. Здесь в древности была вихара Махапраджапати¹²¹, колодец почтенного Судатты¹²², а также место, где обрел просветление Ангулималя¹²³ и где было сожжено его тело после паринирваны¹²⁴. Впоследствии люди построили здесь ступы, и все они находятся в этом городе. [Однажды] брахманы-иноверцы, преисполнившись зависти, задумали уничтожить ступы, но тут с неба обрушились громы и молнии, и потому разрушить [ступы] не удалось.

Если выйти из южных ворот [города] и пройти 100 бу, то на запад от дороги — место, где почтенный Судатта построил вихару¹²⁵. Вихара обращена [воротами] на восток. У ворот по обе стороны стоят столбы. Левый столб увенчан изображением колеса, правый — изображением быка. Справа и слева от обители — пруды и протоки, чистые и прозрачные, и густые рощи, изобилующие пестрыми цветами, — все радует глаз, и потому вихару называют Джетавана¹²⁶.

В то время когда Будда пребывал на «небесах тридцати трех» и 90 дней проповедовал своей матери, царь Прасенаджит, желая видеть его, велел вырезать из сандала гоширша изваяние Будды и поставил его на то место, где Будда обыкновенно сидел. По возвращении Будда вошел в вихару, а изваяние вышло ему навстречу. Будда сказал: «Вернись на место. После моей паринирваны ты послужишь образцом [изображения Будды] для всех четырех отделов общины». Так это изваяние стало прообразом всех изображений [Будды], с которого впоследствии делали копии. Будда же тогда переселился в иное место, чем то, где изваяние, — в малую вихару, находящуюся в 20 бу к югу.

Вихара Джетавана первоначально имела семь этажей. Цари разных стран и народ приносили сюда дары, развешивая цветные хоругви и зонты, рассыпая цветы и сжигая благовония. Светильники сияли не угасая — и так изо дня в день без перерыва. Но однажды крыса принесла в зубах фитиль для светильника, и от него загорелись хоругви и зонты, а затем и все семь этажей вихары. Цари разных стран и народ горевали чрезвычайно, полагая, что сандаловая статуя сгорела. Прошло четыре или пять дней, открыли восточные ворота малой вихары — и вдруг видят все ту же статую; все были обрадованы. Вихару восстановили, но сделали два этажа. Статую вернули на прежнее место.

И вот Фа-сянь и Дао-чжэн подошли к вихаре Джетавана, размышляя: «В прежние времена Почитаемый в Мире прожил здесь 25 лет. Мы же сами, к несчастью, рождены в окраинной стране. Вместе мы отправились в странствия. Кто-то вернулся назад, иные [погибли в пу-

ти], не достигнув вечной жизни. И, наконец, сегодня видим опустевшее место, где жил Будда». Печаль охватила сердца [странников]. Вышли навстречу монахи и спрашивали Фа-сяня и его спутника: «Из какой страны вы пришли?» А те отвечали: «Пришли из Ханьской земли». И заговорили монахи в восхищении: «Как удивительно! Люди из окраинной страны могли прийти сюда — в своем стремлении к Учению». Они говорили между собой: «Все мы, сколько ни сменялось нас, учителей и монахов, не видали, чтобы приходили сюда ханьские последователи Пути».

В 4 *ли* к северо-западу от вихары есть роща, которую называют Обретение Зрения. Жили некогда 500 слепых, и поселились они вблизи вихары. Силою проповеди Будды всем им было возвращено зрение. Возрадовались [бывшие] слепые, воткнули свои посохи в землю и почтили [Будду] глубоким поклоном. Впоследствии посохи стали расти. Люди чтили их, не смея ничем повредить, и они превратились в густую рощу. Отсюда и название ее — Обретение зрения. После полуденной трапезы монахи Джетаваны идут в рощу для совершения «сидячего созерцания».

В 6–7 *ли* к северо-востоку от Джетаваны — другая вихара, построенная матерью Вайшакхой¹²⁷, пригласившей сюда Будду с монахами. Вихара сохранилась доньше.

В вихаре Джетавана — большие дворы, в каждом по двое ворот; одни ворота обращены на восток, а другие — на север. Здесь тот сад, который почтенный Судатта покрыл золотыми монетами и таким образом купил этот участок земли. В самой середине сада — вихара. В ней очень долго жил Будда; здесь есть места, где он проповедовал, ходил и сидел, — везде построены ступы, и все они имеют изваяния. Здесь же место, где Сундари убила человека, свалив вину на Будду.

Если выйдешь из Джетаваны через восточные ворота и пройдешь на север 79 *бу*, то к западу от дороги будет место, где Будда одержал верх в споре с иноверцами 96 толков. Сюда съехались, подобно тому как собираются облака, цари разных стран, сановники, старшие домохозяева и весь народ, чтобы послушать [диспут]. А тем временем одна женщина из иноверцев, по имени Чанчамана, затаив в сердце злобу, спрятала что-то под одеждой на животе, притворившись, будто беременна, и обвинила Будду пред монахами в нарушении заповедей Учения. Тогда владыка дэвов Шакра обернулся белой крысой и прогрыз ее пояс; пояс разорвался — и то, что было спрятано под одеждой, выпало на землю. Тут земля разверзлась, и она живьем была ввергнута в преисподнюю. Здесь же — место, где был живьем ввергнут в преисподнюю Дэвадатта¹²⁸, который хотел погубить Будду отравленными ког-

тями. Люди отметили эти места, а также построили вихару высотой 6 *чжанов* на том месте, где происходил спор. В вихаре есть изображение сидящего Будды.

К востоку от дороги — храм дэвов, которым поклоняются иноверцы. Его называют Покрытый Тенью. Он расположен по другую сторону дороги, напротив вихары, находящейся на месте диспута. Высота храма — 6 *чжанов* с лишним. И вот отчего такое название — Покрытый Тенью: когда солнце на западе — тень от вихары Почитаемого в Мире ложится на храм иноверцев; когда же солнце на востоке — тень от храма иноверцев вытягивается на север и не смеет лечь на вихару Будды.

Иноверцы постоянно присылают людей, чтобы охранять храм, следить за чистотой, курить благовония, зажигать светильники и приносить дары. Однако поутру эти светильники оказываются в вихаре Будды. Брахманы негодовали, говоря: «Шраматы захватили наши светильники и сами приносят их в дар Будде». И так без конца! Брахманы стали подглядывать по ночам и увидели, что все это делают дэвы: со светильниками в руках трижды обходят вихару Будды, совершая таким образом священнослужение, а свершив его, вдруг становятся невидимы. Когда брахманы узнали о столь великой святости Будды, то сразу ушли от мира и вступили на праведный путь. Как говорят, все это произошло недавно.

В окрестностях вихары Джетаваны 98 монастырей, во всех них живут монахи, лишь один пустует.

В этой Срединной стране насчитывается 96 разновидностей иноверцев; все они признают «нынешний мир» и «будущий мир». Каждая [секта] имеет общину своих последователей. Все, так же как и буддисты, кормятся подаванием, однако не носят чаш. Все стремятся к заслугам и ради приобретения заслуг строят на больших дорогах дома, где, предоставляя жилье, ложе, питье и еду, одаривают странников и ушедших от мира. Для посещающих эти дома гостей различен только срок [предоставления жилья].

Существует также община Дэвадатты, которая постоянно приносит дары трем прежним Буддам, но не приносит даров Будде Шакьямуни.

В 4 *ли* к востоку от города Шравасты Почитаемый в Мире стоял у дороги, когда царь Вирудхака¹²⁹ шел войной в страну шакьев. На том месте, где он стоял, построена ступа.

XXI. Пройдя 50 *ли* к западу от города, прибыли в селение, называемое Дувэй¹³⁰. Здесь родился Будда Кашьяпа, здесь сын встретился с отцом¹³¹, здесь достиг паринирваны — повсюду построены ступы. Над мощами Кашьяпы Татхагаты — его телом, сохраняемым в целости, — также воздвигнута большая ступа.

От города Шравасты шли 12 йоджан на юго-восток и пришли к селению, называемому Напицзя¹³². Здесь родился Будда Кракуччанда¹³³, здесь сын встретился с отцом, здесь достиг паринирваны — повсюду построены ступы.

Отсюда прошли на север менее пол-йоджаны и прибыли в одно селение. Здесь родился Будда Канакамуни¹³⁴, здесь сын встретился с отцом, здесь достиг паринирваны — также повсюду построены ступы.

XXII. Отсюда прошли на восток менее одной йоджаны и прибыли в город Капилавасту¹³⁵. В городе нет ни правителя, ни подданных, одни опустевшие развалины; остались лишь дворы, принадлежащие монашеской общине, — всего 10 семей. Там, где в древности был дворец царя Шуддходаны¹³⁶, сделаны изваяния царевича и матери¹³⁷, изображающие, как царевич верхом на белом коне¹³⁸ входит в чрево матери; на этом месте, а также там, где царевич, выехав из города через восточные ворота и увидев больного человека, повернул назад свою колесницу¹³⁹, построены ступы. Здесь Асита¹⁴⁰ опознал царевича. Здесь [царевич] в присутствии Нанды¹⁴¹ и других подбросил слона. Здесь он выпустил стрелу, которая, пролетев 30 *ли* на юго-восток, вонзилась в землю, где тотчас забил родник. Впоследствии люди соорудили тут колодец, чтобы странники могли утолять жажду. Здесь же Будда встретился с отцом, после того как обрел просветление. Здесь шесть раз пошатнулась земля и прогремел гром, когда 500 шакьев ушли от мира и поклонились Упали¹⁴². Здесь Будда проповедовал дэвам, и четыре царя дэвов охраняли двери, не разрешая войти царю — отцу [Будды]. Здесь Махапраджапати преподнесла Будде сангхати, в то время как он сидел под деревом ньягродха, обратив лицо на восток; дерево это сохранилось доныне. Здесь царь Вирудхака убил шакьев, шакьи же после смерти все обрели плод¹⁴³ шротаапанна¹⁴⁴. На этих местах возведены ступы, существующие и ныне.

В нескольких *ли* к северо-востоку от города — то самое царское поле, где царевич, сидя под деревом, глядел на пахарей¹⁴⁵.

В 50 *ли* к востоку от города есть царский сад. Сад называют Лумбини¹⁴⁶. Здесь царица вошла в озеро, искупалась, вышла на северный берег и, сделав 20 шагов с ветвью дерева в руках и обратив лицо на восток, родила царевича. Царевич упал на землю и сделал семь шагов — тогда два царя драконов омыли тело царевича. На месте омовения впоследствии был сооружен колодец. А в озере, где она купалась, по сей день монахи берут воду для питья.

Для всех будд известно по четыре [святых] места: одно — где обрели просветление, второе — где повернули Колесо Учения, третье — где проповедовали и одолели в споре иноверцев, четвертое — где спустились на землю после вознесения на «небеса тридцати трех»¹⁴⁷

для проповеди своим матерям. Остальные места — там, где случались чудесные явления.

Страна Капилавасту пустынна, с очень редким населением. На дорогах случаются нападения белых слонов и львов, и нельзя путешествовать без опаски.

XXIII. От места рождения Будды шли на восток 5 йоджан. Здесь — страна, называемая Рама¹⁴⁸. Царь этой страны получил долю мощей Будды и по возвращении построил над ними ступу, которую также называют Рама. Вблизи ступы есть озеро, и в озере обитает дракон, который постоянно оберегает ступу и приносит к ней дары днем и ночью.

Когда явился в мир царь Ашока, то захотел вскрыть восемь ступ и построить 84 000¹⁴⁹. И вот, вскрыв семь ступ, он вознамерился вскрыть и эту, но тут явился дракон и повел царя в свой дворец. Он показал свои дары и говорит царю: «Если твои дары могут превзойти эти, то разорь ее, я не буду препятствовать». И царь Ашока, увидев дары, каких нигде больше нет в мире, вернулся домой.

Место это пустынное и заросшее, и нет людей, чтобы его расчислить. Но здесь постоянно обитает стадо слонов, они, набирая в хоботы воду, окропляют землю, приносят цветы и благовония в дар ступе. Однажды сюда пришел чужестранец — последователь Пути, желая почтить ступу. Он встретил слонов, сильно перепугался, спрятался за дерево и видит: слоны совершают поклонение ступе, как подобает согласно Учению. Последователь Пути был весьма растроган — ведь здесь нет монастыря, некому совершать поклонение ступе, и потому слонам приходится окроплять ее водой и обметать. Последователь Пути тогда дал великий обет и стал шраманерой. Он сам вырвал траву и деревья, навел порядок на этом месте и, когда стало чисто, уговорил царя страны устроить здесь жилье для монахов. Сам же стал настоятелем этого монастыря. Монахи здесь живут и по сей день. Случилось все это недавно. С того времени и доныне настоятелем монастыря является шраманера.

XXIV. Отсюда шли на восток 3 йоджаны — здесь царевич отослал конюха Чандаку и белого коня¹⁵⁰. На этом месте построена ступа.

Отсюда шли на восток 4 йоджаны — к ступе над пеплом [Будды]. Здесь также есть монастырь.

Затем шли на восток 12 йоджан и прибыли в город Кушинагара¹⁵¹. К северу от города, у реки Найранджаны¹⁵², между двух деревьев, Почитаемый в Мире, лежа головой на север, достиг паринирваны. Здесь же обрел просветление последний [ученик Будды] Субхадра¹⁵³. Здесь Почитаемому в Мире, лежащему в золотом саркофаге, семь дней приносили дары. Здесь Ваджрапани¹⁵⁴ возложил Золотой Жезл¹⁵⁵.

Здесь восемь царей разделили мощи. Во всех этих местах построены ступы, есть также монастырь — все они существуют донныне.

В этом городе жителей тоже мало, есть только дворы, принадлежащие монашеской общине.

Отсюда шли на восток 12 йоджан и пришли к тому месту, где личчавы¹⁵⁶ хотели сопровождать Будду к [месту] паринирваны, но Будда им не позволил; однако они преследовали его и не желали уходить. Тогда Будда сотворил глубокую пропасть, которую они не могли перейти. Будда отдал им патру для почитания, и они вернулись домой, где поставили каменный столб с надписью.

XXV. Отсюда шли на восток 10 йоджан и пришли в страну Вайшали¹⁵⁷. К северу от города Вайшали есть роща, и в ней — монастырь с постройками в несколько этажей. Здесь жил Будда. Есть также ступа над половиной мощей Ананды¹⁵⁸. В этом городе женщина Амбапали¹⁵⁹ построила ступу Будде, которая существует ныне, как и в древности. В 3 ли к югу от города, по западную сторону дороги, есть место, где Будда жил в саду, подаренном женщиной Амбапали.

Перед своей паринирваной Будда вместе с учениками вышел из города Вайшали через западные ворота и, повернувшись вправо, оглянулся на город и сказал ученикам: «Это место — последнее, по которому я прошел». Впоследствии люди построили здесь ступу.

В 3 ли к северо-западу от города есть ступа, называемая Сложение Оружия. И вот отчего такое название. На берегу Ганга жил царь некоей страны. Его младшая жена родила кусок плоти. А старшая жена, которая к ней ревновала, говорит: «Ты родила недобрый знак. Положи-ка его в деревянный короб и брось в Ганг». Ниже по течению реки жил другой царь. Вышел он на прогулку и заметил в реке деревянный короб, открыл его и увидел тысячу маленьких мальчиков, необычных и хорошо сложенных. Царь взял их, вырастил, и стали они могучими и рослыми, храбрыми и сильными. Когда их посылали воевать, были они несокрушимы. Однажды они пошли войной на родную страну, где правил царь — их отец. Царь же стал печален, а младшая жена его спрашивает: «Отчего печалишься?» И царь ей отвечал: «У того царя есть тысяча сыновей, храбрых и сильных несравненно, и хотят они напасть на нашу страну — оттого и печалюсь». Тогда младшая жена говорит: «Царю не следует горевать, а нужно построить у восточной стороны города высокую башню и, как придут разбойники, так поставить меня на башню — я смогу их остановить». Царь сделал все, как она сказала. К тому времени, как подошли разбойники, младшая жена взойшла на башню и говорит разбойникам: «Вы — мои сыновья. Зачем затеваете смуту?» Разбойники спрашивают: «Как так, кто сказал, что ты наша мать?» А младшая жена отвечает: «Если не верите, то запро-

киньте головы и раскройте рты». Надавила младшая жена руками на груди, и молоко полилось пятьюстами струями, и все они попали в рот каждому из тысячи сыновей. Разбойники узнали свою мать и сложили оружие. Два царя — два отца — все поняли, и оба стали пратьекабуддами. Ступы этих двух пратьекабудд сохранились донныне. Впоследствии, когда Почитаемый в Мире обрел просветление, то объявил своим ученикам: «Вот здесь я в прошлые времена сложил оружие». Затем люди узнали об этом и построили здесь ступу. Вот отчего ее так называют. А тысяча мальчиков стали тысячью будд бхадракальпы¹⁶⁰.

Около ступы Сложение Оружия подошла к концу жизнь Будды, и он объявил Ананде: «Пройдет ровно три месяца, и я достигну паринирваны». Ананда же, искомый царем демонов, не стал просить Будду пожить еще в мире.

Отсюда шли на восток 3–4 *ли*. Здесь есть ступа. Через сто лет после паринирваны Будды вайшалийские бхикшу ошибочно истолковали винаю в десяти пунктах, утверждая, что якобы так проповедовал Будда. Тогда архаты и соблюдающие винаю бхикшу — всего 700 монахов — составили «Винаяпитаку»¹⁶¹. Впоследствии люди на этом месте построили ступу, которая существует и ныне.

XXVI. Отсюда шли на восток 4 йоджаны и пришли к месту слияния пяти рек. Здесь Ананда во время переправы из страны Магадхи¹⁶² в Вайшали вознамерился достичь паринирваны. Дэвы сообщили об этом царю Аджаташатру¹⁶³. Тогда царь собрался со всей торжественностью и во главе большого войска устремился вслед [за Анандой] к реке. И вайшалийские личчавы, как прослышали, что приближается Ананда, тоже пошли навстречу. И те и другие подошли к реке. Ананда понял: если продолжать путь вперед — огорчится царь Аджаташатру, если вернуться — будут недовольны личчавы. И тогда прямо на середине реки он вошел в состояние «огненного самадхи»¹⁶⁴ и после сожжения тела достиг паринирваны. Мощи его поделили на две части: на каждом берегу осталась одна часть — таким образом оба царя получили по половине мощей и, вернувшись домой, построили ступы.

XXVII. Переправились через реку, прошли на юг одну йоджану и прибыли в страну Магадху, в город Паталипутру¹⁶⁵. Город Паталипутра — тот самый, где правил царь Ашока. В городе сохранился дворец царя, построенный некогда духами. Искусная резьба, которой украшены стены дворца, сложенные из камня, такова, какой нигде более не создано на свете. Дворец существует и ныне, как в древности. Младший брат царя Ашоки обрел просветление архата и поселился на горе Гридхракута¹⁶⁶, стремясь насладиться покоем уединения. Царь же, движимый искренним чувством почтения, хотел пригласить его домой, чтобы поддерживать его дарами, но тот, ссылаясь на радость

умиротворенной жизни в горах, не пожелал принять приглашения. Тогда царь сказал младшему брату: «Стоит тебе принять мое приглашение — и я в городе построю для тебя гору, где будешь получать и еду, и питье». Царь созвал духов и объявил им, говоря так: «Завтра вас всех приглашаю к себе. Но у меня нет сидений — пусть каждый принесет себе сам. На следующий день все великие духи явились, и каждый принес по большому камню — по квадратной глыбе величиной в 4–5 бу. Посидев [на этих камнях], духи нагромодили их друг на друга и соорудили большую каменную гору. У подножия горы из пяти больших камней сделали келью длиной около 3 *чжанов*, шириной 2 *чжана* и высотой приблизительно 1 *чжан*.

Некогда в этом городе жил брахман, приверженец «большой колесницы», по имени Радхасвами¹⁶⁷, обладавший талантом и обширными познаниями. Не было того, чего бы он не постиг. Вел он чистый образ жизни. Царь почитал его как своего учителя и, войдя к нему с вопросом, не смел и садиться. И если царь, выражая чувство почтения, подобающее гостю, брал его за руку, брахман сразу обмывал руку, к которой царь прикоснулся. Ему было около пятидесяти лет. Во всей стране восхищались им. Благодаря этому человеку здесь распространилось Учение Будды, и иноверцы не могли одолеть монашескую общину. Рядом со ступой, построенной царем Ашокой, возведен монастырь, принадлежащий «большой колеснице». Его строения строги и величественны. Здесь же есть монастырь, принадлежащий «малой колеснице». В обоих монастырях — 600–700 монахов, высокой добродетели, строгих правил и приятной внешности. Достоинейшие из шраманов четырех стран света и другие сведущие люди в стремлении своем к добродетели посещают эти монастыри. В монастырях живет ученый брахман, новый Манджушри, чтимый в этой стране всеми достойнейшими шраманами и бхикшу «большой колесницы».

Здесьние города — самые большие во всей Срединной Стране. Многочисленные жители усердно следуют добродетели и милосердию. Ежегодно на восьмой день месяца *цзяньмао*¹⁶⁸ устраивают «шествие статуи». Делают четырехколесные повозки, на них ставят сплетенное из бамбука пятярусное покачивающееся сооружение с воткнутой сверху пикой, схожее со ступой и высотой 2 *чжана* с лишним. Покрывают сверху белым полотном, потом размещают многоцветные иконы и статуи дэвов, разукрашенные золотом, серебром и блестящими камнями. Все сооружение венчают зонты и свисающие пестрые хоругви. По четырем сторонам сделаны ниши, в каждой из которых помещено изображение сидящего Будды, и при нем стоят бодхисаттвы. Таких повозок — около двадцати, каждая пышно убрана и отличается от других.

В этот день со всей страны собираются монахи и миряне. Звучит пение и музыка, все приносят в дар цветы и благовония. Согласно обычаю, навстречу Будде выходят брахманы. Будда входит в город и, войдя, в городе ночует. Всю ночь горят светильники, играет музыка и совершаются приношения даров. Так же происходит во всех других странах.

В этой стране все старшие домохозяева, стремясь к обретению заслуг, устраивают в городах больницы; и все, какие ни есть в стране вдовы, нищие, сироты и увечные, и все вообще больные люди посещают эти приюты и получают здесь все необходимое. Лекари осматривают больных и выдают назначенные питье, пищу и лекарства. Все получают облегчение и, исцеленные, уходят.

[Некогда] царь Ашока, разрушив семь ступ, построил 84 000¹⁶⁹. Та большая ступа, которую он соорудил первой, находится в 3 *ли* к югу от города. Эта ступа прежде обладала следом Будды. Здесь построена вихара с двором, обращенным на север. К югу от ступы есть каменный столб 4 или 5 *чжанов* в обхвате и 3 *чжана* высотой. Наверху надпись, гласящая: «Царь Ашока пожертвовал Джамбудвипу „общине четырех стран света“ и снова выкупил — и так сделал трижды».

К северу от ступы в 300–400 *бу* находится город Нили¹⁷⁰, некогда построенный царем Ашокой. В городе Нили есть каменный столб высотой в 3 *чжана*, увенчанный изображением льва. В надписи, имеющейся на столбе, обозначено, по какому поводу построен город, в какой год, месяц и день.

XXVIII. Отсюда шли на восток 9 йоджан и подошли к небольшой одиноко стоящей горе. На вершине горы есть пещера. В этой пещере, обращенной на юг, некогда восседал Будда, в то время как владыка дэвов Шакра привел небесного музыканта Панчашикху¹⁷¹, чтоб тот играл для Будды на лютне. Владыка дэвов Шакра вопрошал Будду по сорока двум пунктам¹⁷², записывая каждый ответ пальцем на камне. Следы этих записей еще сохранились. Здесь же есть монастырь.

Отсюда шли на юго-запад одну йоджану и пришли к Наланде¹⁷³ — селению, где родился Шарипутра. Сюда же он вернулся для достижения паринирваны — на этом месте воздвигнута ступа, существующая и ныне.

Отсюда шли на запад одну йоджану и прибыли в новый город Раджагриху¹⁷⁴, основанный царем Аджаташатру. В нем два монастыря. В 300 *бу* от западных ворот города царь Аджаташатру, получив долю мошей Будды, построил ступу — огромную и великолепную.

От города шли на юг 4 *ли* и, продолжая следовать на юг, вошли в долину, заключенную между пятью горами. Пять гор расположены по кругу, словно городские стены. Это и есть древний город царя

Бимбисары¹⁷⁵. Размеры города с востока на запад — 5–6 *ли*, с юга на север — 7–8 *ли*. Здесь Шарипутра и Маудгальяна впервые встретились с Ашваджитом¹⁷⁶. Здесь же Ниргрантхаджнати¹⁷⁷, пригласив к себе Будду, приготовил огненную западную и отравленную пищу. Здесь же царь Аджаташатру напоил допьяна черного слона, желая погубить Будду¹⁷⁸. Здесь, на северо-восточной окраине города, Дживака построил вихару в саду Амбапали¹⁷⁹ и пригласил для получения даров Будду и 1250 его учеников. Вихара эта существует ныне так же, как и в древности. В городе пустынно — совсем нет жителей.

XXIX. Вошли в долину и, проследовав по ней вдоль гор на юго-восток 15 *ли*, подошли к горе Гридхракута. Не доходя 3 *ли* до вершины, встретили пещеру, обращенную входом на юг, в которой некогда сидел в созерцании Будда. В 30 *бу* к северо-западу есть еще одна пещера, в которой сидел в созерцании Ананда; в то время небесный дух Пишуна¹⁸⁰ обратился коршуном и явился перед пещерой, чтобы устроить Ананду. Будда же с помощью чудесных сил раздвинул скалу, просунул в щель руку и коснулся плеча Ананды, который тотчас обрел твердость перед устрашающим явлением. Птичьи следы и расщелина, в которую была просунута рука, сохранились по сей день. Потому-то гору и называют Пещерой Коршуна. Перед пещерой — место, где сидели четыре Будды. В этих же местах сидели в созерцании архаты — каждый в своей пещере, число которых достигает ста.

Однажды, когда Будда бродил с востока на запад и обратно перед своей каменной пещерой, Дэвадатта с северного скалистого обрыва горы сбросил на Будду камень¹⁸¹, который повредил палец его ноги. Камень сохранился до сих пор. Зала, в которой Будда читал проповеди, разрушилась, сохранились лишь остатки кирпичных стен. Вершина этой горы стройна, строга и величественна — это самая высокая из пяти гор.

Фа-сянь, закупив в новом городе благовония, цветы, масло для светильников и наняв двух бхикшу в проводники, отправился на гору Гридхракута. Приносил в дар цветы и благовония, с наступлением темноты зажигал светильники и предавался печальным размышлениям. Сдерживая слезы, он проговорил: «Некогда Будда изрек здесь „Шурангамасутру“. Фа-сянь не родился вблизи Будды и может видеть лишь его следы», — и так продолжал сетовать. Перед этой каменной пещерой он провел всю ночь, читая сутру «Шурангама», а затем вернулся в новый город.

XXX. Выйдя из старого города на север, шли 30 *бу*. Здесь, к западу от дороги, по сей день существует вихара в бамбуковой роще Каранда¹⁸². Монашеская община содержит вихару в чистоте. В 2–3 *ли* к се-

веру от вихары находится шмашана¹⁸³. Шмашана в переводе на китайский язык значит «кладбище брошенных мертвецов». Пройдя на юг вдоль гор, далее следовали на запад 30 бу. Здесь есть каменная пещера, которую называют Пещера Пиппала¹⁸⁴. Обычно Будда, закончив трапезу, сидел здесь в медитации. Затем прошли на запад 5–6 ли и подошли к пещере на северном склоне горы. Она называется Чэньди¹⁸⁵. После нирваны Будды на этом месте собрались пятьсот архатов для составления Канона. Во время составления Канона были устроены три высоких сиденья, пышно украшенных. Шарипутра восседал на левом, Маудгальяна — на правом. Из пятисот архатов не было ни одного. Махакашьяпа был во главе собрания. Ананда же тем временем стоял вне пещеры, и ему не позволяли войти. Здесь построена ступа, сохранившаяся донныне. На склонах горы есть еще множество пещер, где сидели в созерцании архаты.

Если выйти из старого города на северо-восток и пройти 3 ли — будет пещера Дэвадатты. В 50 бу отсюда находится огромный черный камень прямоугольной формы. В прошлом жил бхикшу, который бродил по камню, размышляя так: «Это тело есть бренность, страдание и тщета. Это тело есть обуза и мучение». Он выхватил нож, чтобы убить себя, и тут подумал: «Ведь Почитаемый в Мире оставил заповедь, не допускающую самоубийство». Но он еще подумал так: «Впрочем, ныне я желаю убить лишь три вредоносных дара». Тотчас он вонзил нож себе в горло. Когда надрезал плоть — стал шротаапанной, когда [воткнул нож] наполовину — стал анагамином, когда же перерезал горло — достиг архатства и обрел плод паринирваны.

XXXI. Отсюда шли на запад 4 йоджаны и прибыли в город Гайю¹⁸⁶. В этом городе также пустота и запущенность. Затем шли на юг 20 ли и подошли к тем местам, где бодхисаттва некогда шесть лет соблюдал аскезу¹⁸⁷. Здесь повсюду рощи. Отсюда шли на запад 3 ли и прибыли к тому месту, где дэва подал ветвь дерева Будде, вошедшему в воду для омовения, и помог ему выбраться из озера¹⁸⁸. Далее шли на север 2 ли и достигли места, где женщина по имени Грамика поднесла Будде рисовой каши на молоке¹⁸⁹. Отсюда шли на север 2 ли — здесь Будда вкушал рис, сидя на камне под большим деревом и обратив лицо на восток. И дерево, и камень — все сохранилось донныне. Камень в длину и в ширину — около 6 чи, в высоту — 2 чи с лишним. В Срединной Стране чередование холода и тепла благоприятно — как считают, этому дереву тысяча лет, а может быть и десять тысяч.

Отсюда прошли на северо-восток половину йоджаны и пришли к пещере. Некогда бодхисаттва вошел в нее, обратил лицо на запад и, сидя со скрещенными ногами, размышлял так: «Если я здесь обрету просветление, то должно быть чудесное знамение». С тех пор на верху

пещеры осталась тень Будды высотой 3 *чи* с лишним, доныне сохранившая свое сияние.

И вот небо и земля содрогнулись, и дэвы в воздухе возгласили: «Здесь не то место, где обретают просветление Будды прошлого, настоящего и будущего. Ступай отсюда на юго-запад и, пройдя менее половины йоджаны, подойдешь к тому месту, что под деревом бодхи¹⁹⁰ — там достигают просветления Будды прошлого, настоящего и будущего». Произнесли эту речь дэвы, тотчас провели его туда и, отведа, удалились.

Бодхисаттва встал и пошел. Не дойдя тридцати шагов до дерева, получил от дэвов чудесную траву. Получив ее, прошел еще пятнадцать шагов. Тут прилетели пятьсот зеленых птичек, трижды сделали круг над бодхисаттвой и удалились¹⁹¹. Бодхисаттва приблизился к дереву бодхи, расстелил чудесную траву и сел, обратив лицо на восток.

А царь демонов¹⁹² подослал к нему трех красоток, пришедших с севера, чтобы искушать бодхисаттву, и сам царь демонов явился с юга для испытания его. Но лишь бодхисаттва ударил ногой по земле — как рассеялось воинство демонов, а три красотки обернулись старухами.

Начиная оттуда, где Будда соблюдал аскезу, и до этих мест — везде люди впоследствии строили ступы и ставили статуи; все они сохранились доныне.

По обретении просветления Будда семь дней созерцал дерево, познавая здесь радость освобождения. Здесь же, под деревом бодхи, в то время как Будда ходил семь дней с востока на запад и обратно, дэвы сотворили залу из семи драгоценностей и семь дней приносили Будде дары. На этом же месте слепой дракон Мучилинда семь дней обходил вокруг Будды. Здесь же, в то время как Будда сидел на квадратном камне под деревом нягродха¹⁹³ с лицом, обращенным на восток, к нему подошел Брахма. Здесь четыре царя дэвов поднесли патру, здесь пятьсот торговцев подали ему хлеб и мед¹⁹⁴. Здесь Будда обратил Кашьяпу с братьями¹⁹⁵ и тысячу их последователей. Во всех этих местах также построены ступы.

Там, где Будда обрел просветление, есть три монастыря. Во всех них живут монахи. [При монастырях имеются] поселения, принадлежащие общине. В доходах и приношениях здесь нет недостатка. Правила винаи соблюдаются строго и торжественно, обычаи — как сесть, как встать, как войти в собрание — таковы же, как во времена пребывания Будды в мире; добродетельные монахи и доныне их придерживаются.

С тех пор как свершилась нирвана Будды, отмечены места «четырех великих ступ», почитание их не прекращается. «Четыре великие ступы» — это следующие: в том месте, где Будда родился; в том месте,

где Будда обрел просветление; где начал вращение Колеса Учения, а также на месте паринирваны.

XXXII. В прошлые времена царь Ашока в облике маленького мальчика играл на дороге, и встретился ему Будда Кашьяпа, просивший подаяния. Возрадовавшись, мальчик подал Будде горсть земли¹⁹⁶. Будда принял дар и вернул горсть грязи на землю, по которой брел. За это [мальчику в будущем рождении] последовало воздаяние, и он сделался царем Железного Колеса, царем Джамбудвипы. Совершая объезд Джамбудвипы с Железным Колесом, царь увидел: в железном кольце между двух гор — темница для наказания грешников. Он спросил у своих вельмож: «Что это такое?» А они в ответ говорят: «Здесь царь демонов Яма¹⁹⁷ карает грешников». Царь же подумал так: «Почему царь демонов может устроить темницу и карать грешников, а я, владыка людей, еще не устроил темницы для наказания грешников?» И спрашивает царь у своих слуг: «Кто может для меня устроить темницу, чтобы карать грешников?» А слуги отвечают: «Только жестокий и злой человек может сделать это». Тогда царь послал слуг, чтобы повсюду искали злого человека. И вот они видят: у озера сидит человек большого роста, сам черный, волосы желтые, глаза зеленые. Ногой он вылавливает рыб, голосом скликает птиц и зверье, а как они явятся — убивает всех без пощады.

Взяли такого человека и отвели к царю, а царь втайне ему приказывает: «Ты построй стены с четырех сторон, а внутри посади разные растения с цветами и плодами, устрой красивые водоемы и пышно разукрась [все здание], чтобы люди туда стремились. Сделай также прочные ворота. Если же кто войдет, то хватай и разными способами пытай, как грешника, и не позволяй выходить. И даже если я войду — тоже наказывай и не отпускай. Тебя же назначаю надзирателем темницы».

В то время жил бхикшу. Однажды он собирал милостыню и вошел в эти ворота. Служители темницы увидели его и хотели пытать, как грешника, а он перепугался и взмолился: «Дайте мне время хоть пообедать!» Случилось так, что вскоре пришел другой человек, служители темницы бросили его в ступу и истолкли там, и выступила красная пена.

Узрев такое, бхикшу понял: тело — не вечно, оно приносит страдания, оно — пустота, оно подобно пузырю, подобно пене — и стал архатом. Служители тюрьмы схватили его и бросили в котел с кипятком. А бхикшу в сердце своем и с виду был радостен; огонь погас, вода остыла, и посередине явился цветок лотоса, на котором восседал бхикшу.

Тотчас служители темницы пошли доложить царю: «В темнице чудо — не хочет ли царь пойти посмотреть?» Царь сказал: «Я прежде

заключил такой-то договор, так что не осмелюсь войти туда». А служители темницы говорят: «Дело не пустяковое. Царю следует поспешить и идти. А прежний договор можно изменить». Тогда царь вошел, и бхикшу проповедовал для царя, и царь обрел веру в освобождение. Он разрушил темницу и раскаялся в совершенных злодеяниях.

С тех пор он проникся почтением к «трем сокровищам» и часто стал приходить к дереву бодхи. Здесь он покался в своих грехах и дал «восемь обетов поста»¹⁹⁸. А царица спрашивала: «Куда это царь все ходит?» Вельможи отвечали: «Да сидит все время под деревом бодхи». Тогда царица дождалась, когда его не было там, и подослала людей срубить дерево. Пришел царь, и как увидел срубленное дерево — так от горя потерял рассудок и повалился наземь. Вельможи брызгали ему в лицо водой, и через некоторое время он ожил. С четырех сторон царь оградил дерево кирпичной стеной, из ста сосудов поливал корни коровьим молоком, распростерся на земле и произнес такое заклание: «Если дерево не вырастет, то я не встану». И как только заклание было произнесено, дерево поднялось над корнями и стало расти; и растет оно до сих пор, достигнув высоты 10 *чжанов*.

XXXIII. Отсюда шли на юг 3 *ли* и подошли к горе, называемой Гурупада¹⁹⁹. Внутри этой горы доньше сохранилось [тело] Махакашьяпы, который спустился туда, раздвинув гору. К месту, где он вошел, не допускаются люди. В самой глубине спуска, ведущего внутрь горы, сбоку имеется камера — в ней-то и сохраняется в целости тело Кашьяпы. Вблизи камеры — глина, которой Кашьяпа некогда очищал руки. Местные жители, если у кого болит голова, намазывают ее этой глиной — и все проходит.

В этой горе пребывали в древности архаты, пребывают здесь и ныне. Последователи Пути из окрестных стран ежегодно приходят сюда, принося дары Кашьяпе. Тому, чьи чувства глубоки, посреди ночи явится архат и произнесет проповедь, разгоняющую сомнения, а потом вдруг исчезнет.

На этой горе густые заросли орешника, и во множестве водятся львы, тигры и волки, так что нельзя пройти без опаски.

XXXIV. Фа-сянь пошел вспять по направлению к Паталипутре и, проследовав вдоль Ганга на запад 10 йоджан, подошел к вихаре, называемой Пустынь. Здесь жил еще Будда, и до сих пор живут монахи.

Затем шли на запад вдоль Ганга 12 йоджан и прибыли в страну Кашши²⁰⁰, в город Варанаси²⁰¹. В 10 с лишним *ли* к северо-востоку от города добрались до вихары Парк Оленей Отшельника²⁰². В этом парке некогда жил пратьекабудда, и здесь же часто останавливались на ночлег дикие олени. Когда Почитаемый в Мире обрел просветление, дэвы на небесах возгласили: «Сын царя Шуддходаны, ушедший от мира для

достижения просветления, по истечении семи дней стал Буддой». Пратьекабудда услышал об этом и сразу достиг нирваны. Вот почему это место считают Парком Оленей Отшельника. После того как Почитаемый в Мире обрел просветление, люди на этом месте построили вихару.

Когда Будда намеревался обратиться к Каундинью с его пятью людьми²⁰³, то эти пятеро стали говорить между собой: «Этот шраман Готам²⁰⁴ шесть лет соблюдал аскезу — в день ел одно конопляное зерно и одно рисовое и все же не достиг просветления. А теперь он к тому же пришел жить среди людей, расслабил свое тело, речь и мысль — как же ему обрести просветление! Сегодня, когда он придет, не станем с ним разговаривать!» Но явился Будда — и все пятеро встали с мест и почтили его. Будда прошел на север 60 шагов, воссел с лицом, обращенным на восток, и начал вращение Колеса Учения.

В 20 бу к северу от места обращения пятерых — Каундиньи и его людей — находится место, где Будда получил предсказание о Майтрейе. В 50 бу к северу отсюда дракон Элапатра²⁰⁵ вопрошал Будду: «Когда же я избавлюсь от этого драконьего облика?» Во всех этих местах построены ступы, которые можно видеть и ныне; тут же есть два монастыря, и в обоих живут монахи.

От вихары Парк Оленей шли на северо-запад 13 йоджан — здесь страна, называемая Каушамби²⁰⁶. В этой стране есть вихара, называемая Гхоширавана²⁰⁷. В прошлые времена здесь жил Будда. Ныне, так же как и в древности, здесь живут монахи, в большинстве своем исповедующие «малую колесницу».

Отсюда шли на восток 8 йоджан — здесь место, где Будда некогда обратил злого демона. Здесь же есть места, где он останавливался, ходил, сидел, — и повсюду построены ступы. Также есть монастырь, в котором около ста монахов.

XXXV. Отсюда в 200 йоджанах к югу — страна, называемая Дакшина²⁰⁸. В этой стране есть монастырь прежнего Будды Кашьяпы, высеченный в огромной скале. В нем пять этажей. В самом нижнем, высеченном в виде слона, — 500 каменных келий. На втором этаже, высеченном в виде льва, — 400. На третьем этаже, высеченном в виде коня, — 300. На четвертом этаже, высеченном в виде быка, — 200. На пятом этаже, высеченном в виде голубя, — 100. На самом верху бьет родник; вода стекает перед каменными кельями — льется, обвивая все здание, кружась и извиваясь, так достигает нижнего этажа, где бежит вдоль стены и затем вытекает из ворот. В монашеских кельях повсюду продолблены каменные стены и сделаны окна, пропускающие свет, оттого в кельях светло, и нигде нет затемненных мест. По четырём углам келий в камне высечены ступени, ведущие вверх. Люди нынеш-

них времен малы ростом и взбираются наверх по лестнице; в прошлом же люди поднимались, делая лишь один шаг. Вот почему этот монастырь называется Паравата, ведь «паравата»²⁰⁹ — по-индийски «голубь». В этом монастыре часто поселяются архаты.

Земли эти пустынные, людьми не обжитые, и лишь в самой глубине гор есть поселения — там все держится ложных воззрений и не признают ни буддийских шраманов, ни брахманов, ни приверженцев иных учений. Жители этой страны часто видят людей, прилетающих по воздуху в этот монастырь. Однажды из другой страны пришли последователи Пути, желая почтить монастырь. И местные жители спросили: «Почему же вы не летаете? Все последователи Пути, которых мы здесь видели, летали». Тогда эти последователи Пути нашлись и отвечают: «Крылья еще не выросли».

Страна Дакшина — пустынная и гористая. Дороги опасны, и кто знает об этих опасностях, тот, собираясь в путь, непременно возьмет с собой деньги и подарки для подношения правителю страны; тогда правитель даст провожатых, которые указывают путь, сменяя друг друга. Впрочем, Фа-сянь не ходил туда — что здешние жители рассказывают, то и передает.

XXXVI. Из страны Варанаси пошли на восток и вернулись в Паталипутру. Фа-сянь с самого начала искал книги «Винаи», но в государствах Северной Индии все учителя передают Учение устно, и нет текстов, которые можно было бы переписать. Потому [Фа-сянь] удалился отсюда и направился в Среднюю Индию. Здесь, в монастыре «большой колесницы», приобрел один список «Винаи», а именно «Винаи» общины махасангхиков²¹⁰. С тех времен, когда Будда пребывал в мире, с самого начала своего существования, «великая община»²¹¹ следовала ее установлениям, и составлена она в вихаре Джетавана. Что касается других восемнадцати школ, то каждая имеет свои версии [«Винаи»], и между ними нет расхождений в целом, хотя в частностях они различаются — одни толкуют так, другие — иначе. Эта же [«Виная»] наиболее подробно и обстоятельна.

Затем приобрел еще один список «Винаи» в 7000 гатх²¹². Это «Виная» общины сарвастивадинов²¹³. Она почитаема в монашеских общинах циньских земель, но передается там всеми учителями изустно и не записана иероглифами. В этой же общине приобрел «Самьюктабхидхармахридая[шастру]» в 6000 гатх, а также список [одной] сутры в 2500 гатх, один цзюань «Паринирванасутры» в 5000 гатх и «Абхидхарму» махасангхиков.

Итак, Фа-сянь прожил здесь три года, изучая санскритские тексты и санскритский язык²¹⁴, переписывая «Винаю». А Дао-чжэн, побывав в Срединной Стране, ознакомившись с уставами [индийских] шрама-

нов, наблюдая великую добродетель монашеских общин, в которой он то и дело мог убедиться, и осознав несовершенство правил винаи в общинах циньских окраинных земель, заявил: «Отныне и до тех пор, пока не достигну состояния будды, не желаю получать перерождение в окраинных землях; потому остаюсь здесь и не пойду обратно». Фасянь же, в стремлении донести правила винаи до Ханьской земли, в одиночестве пустился в обратный путь.

XXXVII. Следовал на юг вдоль Ганга 18 йоджан; на южном его берегу расположена большая страна Чампа²¹⁵. Здесь есть вихары в тех местах, где ходил Будда, где ходили четыре будды. Во всех них построены ступы и по сей день живут монахи.

Отсюда прошел на восток 50 йоджан и прибыл в страну Тамралипти²¹⁶. Здесь устье [Ганга при впадении его] в море. В этой стране 24 монастыря, и во всех живут монахи. Учение Будды процветает. Фасянь прожил здесь два года, переписывая сутры и копируя изображения, а затем сел на торговое судно и поплыл по морю на юго-запад. Подул попутный ветер, какой бывает здесь в начале зимы, и по истечении 14 суток [судно] прибыло в страну Симхалу²¹⁷. Жители страны говорят, что пройденное расстояние — около 700 йоджан.

Страна расположена на острове протяженностью с востока на запад 40–50 йоджан и с юга на север 30 йоджан. По сторонам есть малые острова, которых насчитывается около ста. Расстояние между ними — где 10, где 20, где 200 *ли*. Все они в подчинении у большого острова. На многих островах добывают драгоценные камни и жемчуг. В одной местности протяженностью около 10 *ли* добывают жемчужины *мани*²¹⁸; царь посылает туда людей для надзора и забирает у добытчиков три части из десяти.

XXXVIII. Эта страна первоначально не было заселена людьми, здесь обитали только духи и драконы. В стране собирались на торжища купцы. Во время этих торжищ духи не показывались, а лишь представляли свой драгоценный товар с указанием его цены. Купцы же в соответствии с назначенной ценой платили и увозили товар. От тех-то купцов, заезжавших на остров в своих странствиях, жители других стран и прослышали о богатствах этой страны и стали переезжать сюда. Так впоследствии образовалось государство.

Эта страна благоприятна для жизни, здесь нет различия между зимой и летом, деревья и травы всегда в цвету, поля засевают, когда это угодно людям, — ведь нет никаких сезонов.

Некогда эту страну посетил Будда, желая обратить злых драконов. Благодаря чудесной силе своих ног он поставил одну ногу к северу от царского города, а другой наступил на вершину горы. Расстояние между ногами было 15 йоджан. Над следом, который находится к северу

от города, царь построил большую ступу, позолоченную, посеребренную и украшенную множеством драгоценностей. В зале есть статуя из зеленой яшмы высотой 2 с лишним *чжана*. Вся сверкающая «семью драгоценностями», она являет такое величие и красоту, что невозможно описать это словами. В каменной ее ладони покоится бесценная жемчужина.

Фа-сянь покинул Ханьскую землю много лет назад, и в их непрерывном течении сменялись города и люди, горы и реки, травы и деревья — и все было непривычно для глаз. С теми, кто вместе отправился в путь, разлучен: кто-то ушел назад, а кто-то погиб; остался лишь сам да собственная тень, и сердце беспрестанно разбито печалью. Вдруг у этой статуи увидел купца, приносящего в дар белый шелковый вер²¹⁹. Невольно нахлынула печаль, и глаза наполнились слезами.

Царь этой страны посылал в Срединную Страну за отростком дерева бодхи. Его посадили около зала Будды. Достигнув высоты 20 *чжанов*, дерево наклонилось на юго-восток. Боясь, что оно упадет, царь подпер дерево столбом в 8–9 обхватов. Дерево же дало росток в том месте, где соприкасалось со столбом; росток выпустил корень толщиной в 4 обхвата. Хотя столб и расщепился, но то, что оказалось внутри, держало древесину. Люди так и не смогли убрать [столб]. У дерева построена вихара. В ней есть статуя сидящего [Будды]. Монахи и миряне неустанно выказывают ей почтение. В городе построена также вихара Зуб Будды, вся украшенная «семью драгоценностями».

Царь следует брахманской вере, жители города также весьма набожны. С тех пор как было учреждено это государство, здесь не бывало ни голода, ни смуты. В сокровищнице монашеской общины хранится множество драгоценностей, и среди них бесценная мани. Однажды царь этой страны вошел в сокровищницу, чтобы поглядеть [на драгоценности]. Как только он увидел жемчужину мани, так сердце его охватила алчность, и задумал царь отобрать ее силой, но через три дня опомнился и повинулся перед монахами, раскаиваясь в греховных помыслах. Посему монахи заявили: «Монахи намерены отныне и на будущее установить порядок, не разрешающий царям входить в сокровищницу и смотреть [на драгоценности]. А бхикшу допускаются ко входу только по исполнении 40 лет [пребывания в монашестве]».

В городе много домохозяев и торговцев [из страны] Сабао²²⁰. Улицы прямые и ровные, в начале всех четырех главных дорог построены залы для проповедей. На 8, 14 и 15-й день месяца там устраивают высокие сиденья, и тогда монахи и миряне, то есть все четыре отдела общины²²¹, собираются на слушание Учения.

Местные жители говорят, что здесь всего 60 000 монахов, и все участвуют в общих трапезах. Царь выходит в город и угощает 5000–6000 че-

ловек. Все, кто угощается на общей трапезе, приносят большие патры и, какой бы ни был вместимости сосуд, возвращаются с полным.

Зуб Будды в третий месяц всегда выносят. За десять дней до выноса царь украшает большого слона и отправляет верхом на слоне глашатая, одетого подобно царю, который возвещает: «Бодхисаттва в течение трех асанкхьекаल्प²²² предавался самопожертвованию, не жалея своей жизни, оставив свою страну, город, жену и сына. Он вынул глаз и отдал другому человеку, отрезал свою плоть и выкупил голубя, отделил голову и отдал ее в дар, бросился на съедение голодной тигрице, не поскупился собственным мозгом — и таким образом всячески страдал ради живых существ²²³. Потому он стал Буддой. Сорок пять лет он проповедовал, учил и обращал; не знающим покоя — давал покой, несчастных — спасал. Когда он исчерпал свою связь с живущими, то достиг паринирваны, и после нирваны на 497 лет в мире померк свет и живущие беспрестанно предавались скорби». По истечении 10 дней зуб Будды выносят и доставляют к вихаре Абхаягири²²⁴, где все здешние монахи и миряне, стремясь к приобретению заслуг, ровняют и чистят дороги, украшают улицы, покупают во множестве цветы и приносят их в дар. По обе стороны дороги царь велит расставить изображения пятисот воплощений бодхисаттвы²²⁵, всячески украшенных. Изобразят ли Судану, или Саму²²⁶, или царя слонов, или тигра, коня — все эти изваяния пестро разрисованы, украшены и совершенно как живые. Затем зуб Будды выносят на дорогу и направляются, почитая по дороге его дарами, к вихаре Абхаягири. Монахи и миряне, подобно тучам, стекаются к залу Будды, курят благовония, зажигают светильники — и так всяческим образом совершают священнодействие, не прекращая его ни днем, ни ночью. По истечении 90 дней зуб возвращают в городскую вихару. В городской вихаре его сохраняют до дня поста — и тогда открывают ворота и оказывают почитание, как подобает согласно Учению. В 40 ли к востоку от вихары Абхаягири есть гора. В горе — монастырь, называемый Чайтья²²⁷, в нем около 2000 монахов. Среди монахов есть один шраман, который наделен высокой благостью, по имени Дхармагупта, почитаемый всеми жителями страны. Он живет в своей келье 40 с лишним лет, беспрестанно совершенствуя утонченность духа. Он сумел пробудить добрые чувства даже у змей и крыс, которые вместе обитают в его келье и не убивают друг друга.

XXXIX. В 7 ли к югу от города находится вихара, называемая Махавихара²²⁸, в ней проживает 3000 монахов. Здесь был один шраман, который отличался великой благостью, строгим соблюдением устава и совершенной чистотой. Жители страны почитали его за архата. Когда настал срок его кончины, сам царь явился для выяснения, [архат

ли он]. Как подобает согласно Учению, собравшиеся монахи вопрошали: «О бхикшу! Достиг ли ты просветления?» Тот сейчас же ответил: «Есмь архат», — и скончался. Царь тогда устроил погребение, какое подобает архату согласно Учению. В 4–5 *ли* к востоку от вихары сложили большой холм из хвороста — в ширину около 3 *чжанов* и столько же в высоту; ближе к верху положили сандал, алойное дерево и другую ароматную древесину. С четырех сторон сделали лестницы, ведущие наверх. Взяли чистое белое полотно, укрыли и обернули им [холм] — и получился как бы паланкин, с виду напоминающий [китайскую] императорскую повозку, только без изображений драконов и рыб. Во время кремации царь, жители страны и «четыре отдела общины» — все собравшиеся приносили цветы и благовония и рассыпали их от «паланкина» до могилы.

Сам царь приносил в дар цветы и благовония. Закончив же приношения даров, сложили их поверх «паланкина» и окропили все топленным маслом, а затем подожгли «паланкин». Пока горел огонь, все, объятые благоговением, сняли верхнюю одежду и бросили ее, и веера, зонты бросили в огонь, способствуя кремации. По завершении кремации собрали остатки костей и воздвигли над ними ступу. Фа-сянь не застал того [архата] в живых, а лишь видел во время погребения.

Царь глубоко чтит Учение Будды. Желая построить для монашеской общины новую вихару, сначала он созывает большой собор, где устраивает угощение для монахов. После того как принесены эти дары, запрягают пару отборных волов с рогами, украшенными золотом, серебром и драгоценностями, и искусно изготовленным золотым плугом царь сам пропахивает борозду с четырех сторон по границе вихары. Затем он дарует [общине] поселения, поля и жилища, записывая эти дары на железных таблицах. Таковой обычай передается из царствования в царствование, и не смеют его нарушать.

В этой стране Фа-сянь слушал, как некий индийский монах, восседая на высоком сиденье, произносил сутру, которая гласила: «Первоначально патра Будды пребывала в Вайшали, ныне пребывает в Гандхаре. Через много сотен лет — когда Фа-сянь слушал проповедь, число лет было точно указано, но теперь он его не помнит — перейдет в страну западных *юэчжи*, еще через много сотен лет — в страну Хотан, еще через много сотен лет — в Ханьскую землю, еще через много сотен лет — в страну Симхала, еще через много сотен лет — вернется в Индию. Затем она вознесется на небеса Тушита. Бодхисаттва Майтрея увидит патру и произнесет в восхищении: «Явилась патра почтенного Будды Шакьямуни!» Дэвы соберутся и семь дней будут приносить дары цветами и благовониями. По истечении же семи дней она возвратится в Джамбудвипу, и царь морских драконов внесет ее в дра-

коний дворец. Ко времени когда Майтрейе суждено обрести просветление, патра вновь разделится на четыре части и вернется к изначальному своему месту — на гору Аньна. Когда Майтрейя достигнет просветления, четыре царя дэвов вновь обратят свои помыслы к Будде, как это было во времена прежнего Учения Будды. Все 1000 будд бхадракальпы будут владеть одной патрой.

Когда исчезнет патра, иссякнет [время] Учения Будды. Когда иссякнет учение Будды, срок жизни людей сократится до пяти лет, и в эти пять лет всего будет не хватать — и риса, и масла. Тогда народ, жестоко озлоблен, станет выдирать траву и деревья, но [травы] превратятся в ножи, [а деревья] — в палки; и все бросятся друг друга колотить, резать да убивать. Но останутся еще среди них достойные, и удалятся они в горы. Когда все грешники перебьют друг друга, они вернуться и станут говорить между собой так: «В прошлые времена жизнь людей была очень долга, и лишь из-за дурных дел и поступков, противных Учению, срок нашей жизни сократился до пяти лет. Ныне нам всем должно следовать добру, взращивать в сердце любовь и сострадание, утверждать веру и добродетель. И, если каждый последует вере и добродетели, срок жизни человеческой удлинится до 80 000 лет. Когда же в мир явится Майтрейя и начнет вращать Колесо Учения, то прежде всего спасет тех последователей Учения, завещанного Шакьей, кто ушел от мира, кто принял «три защиты», кто приносил дары «трем сокровищам». Во вторую же и в третью очередь он спасет тех, кто связан [мирскими узами]». Фа-сянь пожелал переписать эту сутру, но сей человек сказал: «Это не сутра, но откровение моего сердца».

XL. Фа-сянь прожил в этой стране два года, разыскал книгу «Винайпитаки» школы махисасака²²⁹, приобрел «Диргхагаму» и «Самьюктагаму»²³⁰; кроме того, приобрел список «Самьюктасанчаяпитаки»²³¹. Всех этих текстов нет в Ханьской земле. Получив эти санскритские книги, сел на большое торговое судно, на борту которого было около двухсот человек. Сзади было прицеплено малое судно — на тот случай, если большое судно потерпит крушение, — ведь плавание по морю чревато опасностями.

При попутном ветре шли на восток три дня. Затем поднялся сильный ветер. Судно дало течь, и в него проникла вода. Торговцы бросились было к малому судну, однако люди на малом судне, боясь, что к ним прибудет слишком много народу, перерубили канат. Купцы страшно перепугались. Поняв, что их жизнь на волоске, и опасаясь, что судно переполнится водой, они поспешно схватили свои товары и побросали их в воду. Фа-сянь тоже бросил в море кундин²³², кружку и другие вещи. Он боялся, что купцы выбросят канонические книги и [священные] изображения, и обратил свои помыслы к Гуаньши-

инь²³³, вверяя свою судьбу защите общины Ханьской страны: «Я отправился в дальний путь, стремясь к Учению. Помогите, Всеведущий, вернуться из странствий и обрести путь домой!»

Тринадцать дней и ночей дул сильный ветер. Наконец, подошли к берегу. Откачали воду, осмотрели пробоину в судне, заделали ее и затем отправились далее. В море много пиратов; кто встретится с ними — не уцелеет. Это огромное море настолько беспредельно и безбрежно, что не знаешь, где восток, а где запад — и, лишь наблюдая солнце, луну и созвездия, определяют направление. Когда же темно и дождь — судно движется по ветру, и невозможно определить, где оно находится. Во мраке ночном видны лишь огромные волны, которые сталкиваются друг с другом и сияют огненным свечением, да большие водяные черепахи диковинной породы.

Купцы растерялись, не зная направления. В морской глубине не было ни дна, ни скалы, где могли бы остановиться. И только когда небо прояснилось и обозначился восток и запад, вновь определили свое местонахождение и двинулись вперед. Если б наткнулись на риф — не остались бы в живых.

Так прошло 90 дней, пока не прибыли в страну, называемую Епоти. В этой стране иноверцы и брахманы преуспевают, а об Учении Будды нет и речи. Пробыв в этой стране пять месяцев, сел, уже с другими купцами, на большое судно, на борту которого было также около двухсот человек и запас провианта на 50 дней; отправились в путь в 16-й день четвертого месяца. Фа-сянь на судне же провел «отрешенную жизнь». Плыли на северо-восток, направляясь в Гуанчжоу.

Прошел месяц, и вдруг, посреди ночи, во вторую стражу, налетел черный ураган и ливень. Все купцы — иноземные гости — были в страхе, а Фа-сянь тем временем снова обратил свои помыслы к Авалокитешваре и монашеской общине Ханьской страны. Благодаря их могущественной помощи небо прояснилось. А когда прояснилось небо, брахманы стали говорить между собой: «Из-за того, что взяли с собой этого шрамана, который нам не нужен, и случилось такое несчастье. Высадим бхикшу на берег морского острова. Не стоит из-за одного человека всем нам подвергаться опасности». Но нашелся у Фа-сяня благодетель, который сказал: «Если высадите этого бхикшу, то высаживайте также и меня, или убейте меня. Если вы высадите этого шрамана, то по прибытии в Ханьскую страну я доложу о вас императору. Ханьский император тоже чтит Учение Будды, как и этот бхикшу!» Купцы смутились и не посмели высадить [Фа-сяня]. Тем временем небо все темнело, и бывалые моряки переглядывались, чувствуя отклонение от правильного пути: ведь плыли уже 70 дней, и запасы пищи, воды и напитков подходили к концу. Для приготовления пищи

брали морскую воду, а пресную воду тщательно делили — по 2 *шэна* на человека. Когда же и это стало подходить к концу, купцы между собой заговорили: «Следуя обычным путем, мы за 50 дней должны были добраться до Гуанчжоу. Ныне же прошло гораздо более дней. Не следуем ли ошибочным курсом?» Тогда повернули на северо-запад в поисках берега. Через 20 суток достигли побережья к югу от горы Лао, в пограничной области Чангуан²³⁴. Здесь набрали и воды, и фруктов.

Как долго пришлось претерпевать опасности, горести и страх, пока не достигли этих берегов, — но вот увидел растение *лилу*²³⁵ и тотчас признал Ханьскую страну. Но не было видно ни жителей, ни путников, и не у кого было узнать, что это за место. Одни говорили, что еще не дошли до Гуанчжоу, другие говорили, что уже прошли, — никто не знал наверняка. Тогда отправили небольшую лодку вдоль берега, чтобы разыскать людей и расспросить, что это за место. Нашли двоих охотников и, вернувшись с ними на судно, приказали Фа-сяню их расспрашивать. Фа-сянь прежде успокоил их, а затем спокойно спросил: «Что вы за люди?» А те в ответ: «Мы — ученики Будды»²³⁶. Потом спросил: «Что вам нужно в этих горах?» А они, лукавя, говорят: «Сегодня 15-й день седьмого месяца, вот и хотим принести мясо в жертву Будде». Потом спросил: «Что это за страна?» А те в ответ: «Это пограничная область Чангуан в Цинчжоу, принадлежащая дому Цзинь»²³⁷. Услышав это, купцы обрадовались, велели вынести свои товары и послали людей в Чангуан. Здешний правитель И-ли почитал Учение Будды. Узнав о том, что прибыл шраман, привезший канонические книги и изображения, он снарядил лодку и отправился по морю с сопровождающими его людьми. Прибыв к берегу, он принял канонические книги и изображения и вернулся [с Фа-сянем] в свой город. Купцы тогда направились в Янчжоу.

Когда прибыли в Цинчжоу, [правитель] пригласил Фа-сяня погостить зиму и лето. После окончания «летнего сидения» Фа-сянь, будучи давно уже разлучен со своими учителями, хотел бы попасть в Чанъань, но вследствие важности своего предприятия направился на юг, в столицу²³⁸, и представил тамошним учителям сутры и «Винайпиту».

С тех пор как Фа-сянь покинул Чанъань, прошло шесть лет, пока он достиг Средней Индии; затем шесть лет провел в странствиях, и три года потребовалось для возвращения в Цинчжоу. Побывал по меньшей мере в тридцати странах. К западу от Песчаной Реки, в Индии, великая добродетель монашеских общин и спасительная сила Учения так прекрасны, что нельзя этого выразить словами. Беспokoясь о том, что [ханьские] учителя не имеют об этом подробных сведений, он не жа-

лел своей ничтожной жизни, возвратился по морю и выбрался из несчастий благодаря чудесной силе «трех сокровищ», оказавшей помощь в бедствиях. Потому-то [Фа-сянь] и взялся за бамбук и шелк и изложил подробно все, что испытал в своих странствиях, желая передать мудрым, что видел и что слышал.

В год *цзя-инь*, 12-й год правления И-си²³⁹, в год божества долголетия, во время летней «отрешенной жизни» [я] встретился²⁴⁰ с Фа-сянем, последователем Пути. Затем остался с ним вместе в зимней обители и потому при встречах беседовал с ним и много расспрашивал о его странствиях. Это человек почтенный и добронравный, его рассказ всегда правдив. Сперва он рассказал в общих чертах, но затем я просил его сообщить подробности — и Фа-сянь повествовал сначала. Он сам сказал: «Когда оглянусь назад, обдумывая все, что пришлось пережить, — то не чувствую биения сердца и выступившего пота. Ведь только потому, что устремлению к цели всецело посвятил свое ничтожество и простоту, — потому и жертвовал жизнью перед лицом опасностей, надеясь достичь хотя бы десяти тысячной доли того, к чему стремился». Я вздохнул печально: «Среди людей прошлого и настоящего как редко бывают такие! С тех пор как великое Учение распространилось на восток, не было равного Фа-сяню по самоотверженности и стремлению к Учению». И потом понял: если искренен в том, что чувствуешь, то нет таких больших несчастий, которые не одолеешь; если есть цель в том, за что взялся, то нет дела, которое не исполнишь. Ведь если выполнено дело, то разве оттого, что пренебрегал важным и приписывал важность тому, чем следует пренебрегать?

Сюань-цзан
Записки
о западных
странах,
[составленные
в правление]
великой
[династии Тан]
(Дай Тан си юй цзи)

Цзюань I.

Тридцать четыре страны

Страна Ацини, страна Цюйчжи, страна Балуцзя, страна Нучицзянь, страна Чжэши, страна Фэйхань, страна Судулисэна, страна Самоцзянь, страна Мимохэ, страна Цзешудана, страна Цюйшуанницзя, страна Хэхань, страна Бухэ, страна Фади, страна Холисимицзя, страна Цзешуанна, страна Дами, страна Чиэяньна, страна Хулумо, страна Сумань, страна Цзюйхэяньна, страна Хуша, страна Кэдо-

ло, страна Цзюймито, страна Фоцзялан, страна Хэлусиминыцзянь, страна Хулинь, страна Фохэ, страна Жуймото, страна Хушицзянь, страна Далацзянь, страна Цзечжи, страна Фаньяньна, страна Цзябиши.

[...]

Выйдя из прежнего владения Гаочан²⁴¹, начал путь с ближайшей страны, называемой Ацини²⁴².

Страна Ацини с востока на запад около 600 *ли*, с юга на север около 400 *ли*. Столица в окружности 6–7 *ли*. С четырех сторон охвачена горами²⁴³. Дороги опасны, но их легко охранять. Все реки соединены [каналами], и вода проведена на поля. Земли пригодны для выращивания проса, озимой пшеницы, жужуба, винограда, груш и яблок. Климат умеренный, мягкий, [жители] нрава простого, бесхитростного. Письменность по образцу индийской²⁴⁴, с незначительными отличиями. Одежда из шерстяной ткани, грубой или тонкой. Стригут волосы, не покрывают [головы]. В торговле используют золотую, серебряную и мелкую медную монету. Царь — уроженец этой страны, не слишком доблестен, но очень себя превозносит²⁴⁵. В стране нет порядка, и законы не установлены²⁴⁶.

Монастырей около 10, монахов около 200 человек. Исповедуют Учение «малой колесницы» школы сарвастивада. В Учении сутр и установлениях винаи следуют индийским [текстам]. Ученики ревностно придерживаются этих текстов и изучают их. В следовании правилам и установлениям винаи чисты и усердны; впрочем, к пище примешивают «три чистых [вида мяса]»²⁴⁷, одолеваемы заблуждениями «постепенного учения»²⁴⁸.

Проследовав отсюда на запад около 200 *ли*, миновал небольшую гору, переправился через две большие реки, к западу от которых достиг равнины. Пройдя около 700 *ли*, прибыл в страну Цюйчжи²⁴⁹.

Страна Цюйчжи с востока на запад около 1000 *ли*, с юга на север около 600 *ли*. Столица в окружности около 17–18 *ли*. Выращивают просо, пшеницу, а также рис. Разводят виноград и гранаты. Много груш, яблок и персиков. Местные руды — желтое золото, медь, железо, свинец и олово. Климат мягкий, [жители] нрава честного. Письменность по образцу индийской, однако сильно изменена. Искусство игры на музыкальных инструментах гораздо выше, чем в других странах. Одежда — из расшитой узорами шерстяной ткани. Стригут волосы, носят шапки. Для торговли используют золотые, серебряные и мелкие медные монеты. Царь родом из Цюйчжи, недалек умом и находится под влиянием старшего сановника²⁵⁰. По местному обычаю, когда родятся дети, их головы сжимают досками и уплощают.

Монастырей около 100, монахов около 1000 человек. Исповедуют Учение «малой колесницы» школы сарвастивада. Учение сутр и установления винаи соответствуют индийским образцам, изучающие их точно следуют первоначальному писанию. Исповедуя «постепенное Учение», примешивают к пище «три чистых [вида мяса]». Склонны к чистоте, привержены учености, и в усердии своем состязаются с мирянами.

К северу от восточного пограничного города, перед храмом дэвов²⁵¹, есть большое Драконье озеро. [Обитающие в нем] драконы, изменяя свой облик, совокупляются с кобылицами, порождая «драконоконей» — свирепых и неукротимых. Только потомство «драконоконей» легко приручается. Потому-то эта страна и славится хорошими лошадьми.

Предание повествует: в недавние времена здесь был царь по имени Золотой Цветок. Был он и властен, и набожен, и просвещен. Мог запрягать драконов в колесницу. Когда он намерился умереть, то коснулся плетью драконовых ушей и тотчас исчез, с тех пор так и нет его.

В городе нет колодца, и воду берут из озера, а здесь драконы, обернувшись людьми, совокупляются с женщинами. От них рождаются дети, которые храбры и в быстроте бега не уступают коням. Так постепенно все население стало потомством драконов. Будучи самонадеянными, они стали затевать смуты и пренебрегать повелениями царя. Тогда царь вступил в союз с туцзюэсцами²⁵² и [с их помощью] уничтожил население города, предав казни и молодых, и старых, — никого в живых не оставил. Ныне город опустошен, и редко встретишь человеческое жилье.

В 10 *ли* к северо-западу от заброшенного города, около самых гор, по обе стороны реки стоят два монастыря с общим названием Чжаохули²⁵³, именуемые соответственно расположению Восточным и Западным. Изваяния Будды здесь так богато украшены, что, пожалуй, это более чем человеческое мастерство. Монахи чисты, степенны и ис-

тинно прилежны. В Зале Будды Восточного Чжаохули хранится камень нефрит шириной 2 *чи*, светло-желтого цвета, с виду похожий на морскую раковину. На нем есть следы ног Будды — 1 *чи* и 8 *цуней* в длину и около 8 *цуней* в ширину. Каждый раз в день поста²⁵⁴ он ярко светится. За западными воротами города, справа и слева от дороги, стоят изваяния Будды высотой более 90 *чи*. Перед этими изваяниями устроено место для проведения соборов, которые созываются раз в пять лет. Также каждую осень монахи со всей страны собираются здесь на несколько десятков дней. Все, от царя до простолюдина, оставляют мирские дела, соблюдают пост и слушают сутры, постигая Учение и отказавшись от суетной повседневности. В монастырях обряжают статуи Будды, украшая их драгоценностями и облачая в великолепные одеяния, а затем ставят на повозки. Этот [праздник] называется «шествие статуи»²⁵⁵. Все движутся тысячами и собираются, подобно тучам, к месту собора. Обычно в 15-й и в последний день месяца царь и верховный сановник обсуждают государственные дела, посещают наиболее чтимых монахов и лишь затем располагаются на площади собора.

Следуя на северо-запад, переправился через реку и прибыл к монастырю Ашэлиэр²⁵⁶. Дворы и помещения монастыря светлые и просторные, изваяния Будды — искусной работы. Монахи степенны и в усердии неустанны. Также здесь есть приют для старейших. Самые ученые и одаренные, самые почтенные [монахи] из дальних стран, праведные в своих стремлениях, приходят сюда и здесь живут. Царь, верховные сановники и влиятельные люди из народа приносят сюда в дар «четыре [рода] вещей»²⁵⁷, — и долго не прерывается обряд поклонения.

По преданию, некогда в этой стране был царь, который почитал «три сокровища». Захотел он отправиться в странствия, посетить святы места и повелел младшему единоутробному брату принять на себя дела. Брат же, получив это повеление, втайне отрезал себе мужской член, лишившись способности зачатия, поместил его в золотой сосуд и сосуд этот вручил царю. Царь спросил: «Что это?» А тот отвечает: «Можешь вскрыть это в день своего возвращения». Сосуд передали дворецкому и поручили хранить его дворцовой страже. Когда царь вернулся, то нашлись недоброжелатели, которые говорили: «Царь поручил ему следить за делами государства, а он распутничал во внутренних покоях». Услышав такие речи, царь разгневался и хотел предать брата суровой казни. А брат говорит: «Не спеши наказывать. Изволь открыть золотой сосуд». Царь открыл и заглянул туда, а там — отрезанный член. Царь сказал: «Что за странность? Разъясни, что это значит?» А тот ответил: «Когда царь отправился в странствия, то повелел мне принять дела. Боясь клеветы, я отрезал свой член, чтобы

было чем оправдать себя. Зато теперь имею доказательство своей невиновности. Благоволи помиловать». Царь был поражен и проникся глубоким почтением к брату, возлюбил его вновь, щедро наградил и разрешил беспрепятственно проходить во внутренние покои. Впоследствии царский брат встретил человека, который имел пятьсот быков и собирался их кастрировать. Видя это, он задумался и все более приходил в огорчение оттого, что подобен этим быкам: «Ныне мой облик ущербен. Не следствие ли это грехов, совершенных в прошлом?» — и выкупил быков за свои деньги. За такое благодеяние его мужской облик со временем восстановился. Став таким, он больше не входил во внутренние покои дворца. Царь удивился и стал расспрашивать, в чем причина, и тот рассказал все от начала до конца. Царь был поражен и основал монастырь, дабы восславить память о прекрасном деянии и передать ее грядущим поколениям.

Отсюда прошел на запад более 600 *ли*, миновал небольшую пустыню и прибыл в страну Балучзя²⁵⁸.

Страна Балучзя с востока на запад около 600 *ли*, с юга на север около 300 *ли*. Столица в окружности 5—7 *ли*. Продукты и климат, характер людей и их нравы, письменность и законы — таковы же, как в стране Цюйчжи. Разговорный язык несколько отличен. Войлок и шерстяные ткани — тонкой работы и ценятся в соседних странах. Монастырей несколько десятков, монахов свыше 1000 человек. Исповедуют Учение «малой колесницы», школы сарвастивада.

Из этой страны шел на северо-запад 300 *ли*. Миновал каменистую пустыню и подошел к Ледяной Горе²⁵⁹. Это северные отроги Цунлина. Большинство рек здесь течет на восток. В горных ущельях лежит снег, который хранит в себе холод и весной, и летом, и если иногда тает, то тут же замерзает вновь. Дороги опасны. Свирепствуют холодные ветры. Много неприятностей доставляют злые драконы, которые нападают на путников. Идущий по этой дороге не должен носить красной одежды, брать с собой тыкву-горлянку или громко кричать. Если нарушишь эти запреты — быть беде. Очевидцы рассказывают: поднимается жестокий ветер, летит песок и камни сыплются дождем. С кем случится это — погибнет, уцелеть трудно. От гор прошел более 400 *ли*, прибыл к Большому Чистому Озеру²⁶⁰. В окружности более 1000 *ли*. С востока на запад — длинное, с юга на север — узкое. С четырех сторон охвачено горами. Множество рек впадает в озеро, вода в нем цвета темно-синего и горько-соленая на вкус. Накатывают огромные валы, грозно плещутся волны. Здесь обитают драконы, рыбы, появляются и диковинные существа. Поэтому сюда то и дело приходят

странники, чтобы помолиться о счастливой судьбе. Хотя здесь много водяной живности, никто не ловит рыбу.

От Чистого Озера прошли на северо-запад около 500 *ли*. Прибыли в город Сушэшуй²⁶¹. Город в окружности 6–7 *ли*. Здесь проживают вперемешку торговцы из разных стран, а также северные варвары²⁶². Земли пригодны для выращивания проса, пшеницы, винограда. Рощи — с редкими деревьями. Климат ветреный и холодный. Жители носят шерстяную одежду. К западу от Сушэ — несколько десятков разрозненных городов. В каждом городе сидит правитель, и хотя они не подчинены один другому, но все вместе подчинены туцзюэсцам.

Земли от города Сушэшуй до страны Цзешуанна²⁶³ называются Сули²⁶⁴, так же называют и жителей. Письменность и язык имеют такое же название. Исходные знаки письменности просты. Изначально — около 30 звуков речи; меняясь местами, они порождают другие, и так постепенно расширяется словарь. Их записи примитивны; читая вслух тексты, учителя передают знания ученикам; таким образом они сменяют друг друга и традиция не прерывается. Нижняя одежда — из кожи, войлока и шерсти, верхняя — из кожи и войлока; подола носят короткие. Стригут волосы, оставляя обнаженным темя, или же бреются наголо. Узорной лентой повязывают лоб. Люди высокого роста, по натуре робки. Их нравы испорчены, они весьма склонны к вероломству и в большинстве своем жадны. И отцы, и дети помышляют о выгоде, богатство — в большом почете. Между знатыми и простолюдинами с виду нет разницы — несмотря на большие богатства, они одеваются и питаются очень просто. Земледельцев и торговцев здесь поровну.

От города Сушэ шел на запад 400 *ли*. Прибыл к Тысяче Родников²⁶⁵. Земли, занимаемые Тысячью Родников, свыше 200 *ли* в поперечнике, с южной стороны — Снежные Горы²⁶⁶, с трех остальных сторон — равнинные земли. Почвы влажные, леса густые. В последний месяц весны цветы пестреют ковром. Родников и водоемов — тысяча. Поэтому такое название.

Туцзюэский каган²⁶⁷ каждый [год] приезжает сюда, спасаясь от жары. Здесь есть стадо оленей, многие из них украшены колокольчиками и кольцами. Они привычны к людям и не слишком боязливы. Каган дорожит ими; он издал указ о своем покровительстве над стадом и запретил убивать оленей. Кто нарушит указ, тому не будет пощады. Поэтому олени этого стада доживают до старости.

От Тысячи Родников шел 140–150 *ли*. Прибыл в город Далосы²⁶⁸. Город в окружности 8–9 *ли*. Здесь вперемешку живут торговцы из разных стран. Местные продукты и климат очень схожи с Сушэ.

Шел на юг 10 *ли* с лишним — здесь маленький, одиноко стоящий город с населением около 300 дворов. [Жители] по происхождению

китайцы²⁶⁹. В прошлом город был ограблен туцзюэсцами, но затем собрались силы всех стран, сообща отстояли город и заселили его. Одежда заимствована у туцзюэсцев. Речь их благородна; они сохранили речь родной страны.

Отсюда шел на юго-запад около 200 *ли*. Прибыл в город Байшуй²⁷⁰. Город в окружности 6–7 *ли*. Земли плодородны. Климат благоприятен, еще более, чем в Далосы.

Шел на юго-запад около 200 *ли*. Прибыл в город Гунъюй²⁷¹. Город в окружности 5–6 *ли*. [Земли] влажные и тучные. Леса густые и цветущие.

Отсюда шел на юг 40–50 *ли*. Прибыл в страну Нучицзянь²⁷².

Страна Нучицзянь в окружности около 1000 *ли*. Земли плодородны и пригодны для земледелия. Пышно растут травы и деревья. Цветов и фруктов — изобилие. Много винограда, который здесь ценится. Городов и селений — сотни. В каждом — отдельный правитель. В своих действиях они независимы друг от друга. Хотя владения разделены, они носят общее название Нучицзянь.

Отсюда шел на запад около 200 *ли*. Прибыл в страну Чжэши²⁷³.

Страна Чжэши в окружности около 1000 *ли*. Западная граница проходит по реке Шэ. С востока на запад страна узкая, с юга на север вытянутая. Произведения земли и климат такие же, как в стране Нучицзянь. Городов и селений несколько десятков. В каждом — отдельный правитель. Поскольку нет общего царя, подчиняются туцзюэсцам.

Отсюда шел на юго-восток около 1000 *ли*. Прибыл в страну Фэйхань²⁷⁴.

Страна Фэйхань в окружности около 4000 *ли*. Горы окружают ее с четырех сторон. Земли тучные. Злаков изобилие. Много цветов и фруктов. Разводят овец и лошадей. Климат ветреный, холодный. Характер людей грубый и храбрый. Язык отличается от других стран. С виду люди некрасивы до уродства. Сами несколько десятков лет не имели верховного правителя. Вожди состязались за первенство, не покоряясь друг другу. Границы владения проходят по рекам и горам.

Отсюда шел на юг около 1000 *ли*. Прибыл в страну Судулисэна²⁷⁵.

Страна Судулисэна в окружности 1400–1500 *ли*. Восточная граница проходит по реке Шэ. Река Шэ берет начало на севере Цунлина и течет на северо-запад. Разлившись широко, мутная, она бурлит и стремительно несет свои воды. Произведения земли и нравы [жителей] — такие же, как в стране Чжэши. Имеют своего правителя. Состоят в союзе с туцзюэсцами.

Следуя отсюда на северо-запад, вошел в Большую Песчаную Пустыню²⁷⁶, где совсем нет деревьев и трав. Дороги теряются, и неведомо, где пределы этой пустыни; только завидев большую гору и кости, разбросанные [по пути следования караванов], смог определить направление, руководствуясь этими признаками.

Прошел 500 *ли* с лишним, прибыл в страну Самоцзянь²⁷⁷.

Страна Самоцзянь в окружности 1600–1700 *ли*. С востока на запад вытянута, с юга на север узкая. Столица в окружности около 20 *ли*, основательно укреплена. Жителей множество. Дорогие товары из разных стран во множестве стекаются в эту страну. Земли влажные, тучные, благоприятные для выращивания злаков. Леса густые. Цветов и фруктов изобилие. Много выводят хороших лошадей. Искусством своих ремесленников страна выделяется среди других. Климат мягкий, умеренный. Нравы дикие. Хуские страны²⁷⁸ считают эту страну центральной и подражают ей в правилах поведения и понятиях о справедливости. Их царь храбр и мужествен. Держит в подчинении соседние страны. У него сильная пехота и конница и среди воинов много чжэцзесцев²⁷⁹. Чжэцзесцы по характеру исключительно храбры; они бестрашны перед смертью, и нет им равного противника.

К юго-востоку отсюда — страна Мимохэ²⁸⁰.

Страна Мимохэ в окружности 400–500 *ли*. Расположена вдоль течения реки. С востока на запад узкая, с юга на север вытянута. Произведения земли и нравы такие же, как в стране Самоцзянь.

К северу отсюда — страна Цзэбудана²⁸¹.

Страна Цзэбудана в окружности 1400–1500 *ли*. С востока на запад вытянута, с юга на север узкая. Произведения земли и нравы таковы же, как в стране Самоцзянь.

К западу от этой страны в 300 *ли* с лишним — страна Цюйшуанницзя²⁸².

Страна Цюйшуанницзя в окружности 1400–1500 *ли*. С востока на запад узкая, с юга на север вытянута. Произведения земли и нравы — таковы же, как в стране Самоцзянь.

К западу от этой страны в 200 *ли* с лишним — страна Хэхань²⁸³.

Страна Хэхань в окружности около 1000 *ли*. Произведения земли и нравы — таковы же, как в стране Самоцзянь.

К западу от этой страны в 400 *ли* с лишним — страна Бухэ²⁸⁴.

Страна Бухэ в окружности 1600–1700 *ли*. С востока на запад вытянута, с юга на север узкая. Произведения земли и нравы таковы же, как в стране Самоцзянь.

К западу от этой страны в 400 *ли* с лишним — страна Фади²⁸⁵.

Страна Фади в окружности около 400 *ли*. Произведения земли и нравы такие же, как в стране Самоцзянь.

К юго-западу отсюда в 500 *ли* с лишним — страна Холисимицзя²⁸⁶.

Страна Холисимицзя расположена вдоль берегов реки Фочу²⁸⁷, по обе ее стороны. С востока на запад 20–30 *ли*, с юга на север около 500 *ли*. Произведения земли и нравы таковы же, как в стране Фади, язык немного отличается.

Из страны Самоцзянь шел на юго-запад 300 *ли* с лишним. Прибыл в страну Цзешуанна²⁸⁸.

Страна Цзешуанна в окружности 1400–1500 *ли*. Произведения земли и нравы таковы же, как в стране Самоцзянь.

Отсюда прошел на юго-запад 200 *ли* с лишним, вступил в горы. Горные дороги труднопроходимы, узкие проходы опасны. Здесь уже нет людей, мало воды и травы. Шли по горам на юго-восток более 300 *ли*. Подошли к Железным Воротам²⁸⁹. Железные Ворота справа и слева стиснуты горами; горы весьма высоки и обрывисты. Хотя в них есть узкий проход, он очень страшен: с обеих сторон каменные стены цвета железа. Здесь устроены ворота, выкованные из железа; множество железных колокольчиков подвешено к створкам ворот. Поэтому это место так называют.

Миновав Железные Ворота, попали в страну Духоло²⁹⁰. Эта земля с юга на север имеет более 1000 *ли*, с востока на запад — более 3000 *ли*. На востоке примыкает к Цунлину, на западе граничит с Боласы²⁹¹, на юге — Большие Снежные Горы²⁹², на севере — Железные Ворота. Великая река Фочу протекает в середине страны в западном направлении. Уже несколько сотен лет назад здесь прервался царский род. Князья оспаривали власть между собой. Каждый захватил себе владение, и, соответственно течению рек и другим природным рубежам, страна была поделена на 27 владений. Притом что она поделена на части, все владения подчинены туцзюэсам. Климат очень теплый. Часто бывают мор и болезни. В конце зимы и начале весны идет то ливень, то небольшой дождь, потому во всех странах, расположенных к северу от Ланьбо²⁹³ вплоть до этой страны, так много болезней в жаркий сезон. Монахи начинают «отрешенную жизнь» в 16-й день 12-го месяца и завершают «отрешенную жизнь» в 15-й день 3-го меся-

ца. Поскольку именно в это время много дождей, оно наиболее подходит для утверждения в Учении. Жители по характеру боязливы, что проявляется в их нравах, обычаях и устремлениях; с виду грубоваты, но имеют некоторое понятие о справедливости и не совершают мошенничества. Язык их несколько отличен от языков других стран. Исходных знаков письменности — 25. Переставляя их местами, эти знаки используют для обозначения всех вещей. Строки читаются горизонтально, слева направо. Текстов становится все больше, и они превосходят по количеству тексты [страны] Сули. Много носят войлочной одежды, мало шерстяной. Для торговли используют золотую, серебряную и другие монеты, иного образца, чем в других странах.

Следуя по северному берегу реки Фочу вниз по течению, прибыли в страну Дами²⁹⁴.

Страна Дами с востока на запад более 600 *ли*. С юга на север более 400 *ли*. Столица в окружности более 20 *ли*, с востока на запад вытянута, с юга на север узкая. Монастырей около 10, монахов около 1000 человек. Ступы и изображения Будды обладают множеством чудесных свойств и связаны с необыкновенными явлениями.

К востоку отсюда — страна Чизяньна²⁹⁵.

Страна Чизяньна с востока на запад около 400 *ли*, с юга на север около 500 *ли*. Столица в окружности около 10 *ли*. Монастырей — 5, монахов совсем мало.

К востоку отсюда — страна Хулумо²⁹⁶.

Страна Хулумо с востока на запад около 100 *ли*, с юга на север около 300 *ли*. Столица в окружности около 10 *ли*. Правитель — Сису²⁹⁷, из туцзюэсцев. Монастырей — 2, монахов около 100 человек.

К востоку отсюда — страна Сумань²⁹⁸.

Страна Сумань с востока на запад около 400 *ли*, с юга на север около 100 *ли*. Столица в окружности 6–7 *ли*. Правитель — Сису, из туцзюэсцев. Монастырей — 2, монахов очень мало. Юго-западная граница проходит по реке Фочу.

Далее — страна Цзюйхэяньна²⁹⁹, с востока на запад около 200 *ли*, с юга на север около 300 *ли*. Столица в окружности около 10 *ли*. Монастырей — 3, монахов около 100 человек.

К востоку отсюда — страна Хуша³⁰⁰.

Страна Хуша с востока на запад около 300 *ли*, с юга на север около 500 *ли*. Столица в окружности 16–17 *ли*.

К востоку отсюда — страна Кэдола³⁰¹.

Страна Кэдола с востока на запад около 1000 *ли*, с юга на север около 1000 *ли*. Столица в окружности около 20 *ли*. На востоке примыкает к Цунлину.

Далее — страна Цзюймито³⁰².

Страна Цзюймито с востока на запад около 2000 *ли*, с юга на север около 200 *ли*. Расположена посреди Большого Цунлина. Столица в окружности около 20 *ли*. На юго-запад отсюда — переправа через реку Фочу, на юг отсюда — страна Шицини³⁰³.

На юг от реки Фочу — страна Дамоситэди, страна Бодочуанна, страна Иньбоцзянь, страна Цюйланна, страна Сымодало, страна Болихэ, страна Цилисэмо, страна Хэлоху, страна Алини, страна Мэнцзянь³⁰⁴, страна Хо³⁰⁵.

На юго-восток отсюда — страна Косидо, страна Аньдалофо³⁰⁶.

Возвращаясь к стране Хо, о которой уже упоминалось, — на юго-запад от нее — страна Фоцзялан³⁰⁷.

Страна Фоцзялан с востока на запад около 15 *ли*, с юга на север около 200 *ли*. Столица в окружности около 10 *ли*. К югу отсюда — страна Хэлусиминыцзянь³⁰⁸.

Страна Хэлусиминыцзянь в окружности около 100 *ли*. Столица в окружности 14–15 *ли*.

К северо-западу отсюда — страна Хулинь³⁰⁹.

Страна Хулинь в окружности около 800 *ли*. Столица в окружности 15–16 *ли*. Монастырей около 10, монахов около 500 человек.

На запад отсюда — страна Фохэ³¹⁰.

Страна Фохэ с востока на запад около 800 *ли*, с юга на север около 400 *ли*. С востока на запад 800 *ли*, с юга на север 400 *ли*. Северная граница проходит по реке Фочу. Столица в окружности 12 *ли*. Жители называют ее «Малой Раджагрихой»³¹¹. Этот город хотя и хорошо укреплен, но жителей в нем совсем мало. Земли плодородны, разных продуктов множество. В воде и на суше цветов не счесть. Монастырей около 100, монахов около 3000 человек, все исповедуют Учение «малой колесницы».

За пределами города, к юго-западу, стоит монастырь Навасангхарам³¹², построенный древним царем этой страны. Авторы шастр³¹³, жившие к северу от Больших Снежных Гор, именно в этом монастыре создавали свои прекрасные творения. Здесь есть изваяние Будды, от-

деланное великолепными камнями; дворы и помещения монастыря также украшены редкими драгоценностями. Древние владыки разных стран пытались силой добыть [эти сокровища].

Монастырь издревле обладает изваянием Вайшраваны дэвы, которое достоверно обладает способностью к божественным знамениям и с помощью таинственных сил охраняет монастырь. Нынешний туцзюэский каган Сышэху, сын кагана Шэху, возжелав сокровищ, во главе своего войска устремился к этому месту, чтобы вдруг напасть на монастырь. Недалеко отсюда разбил свой лагерь. В ту ночь явился ему Вайшравана, говоривший: «Каковыми же силами ты обладаешь, коли намерился разорить монастырь?», — и длинным острием пронзил его грудь насквозь. Каган пробудился, объятый страхом и мучимый острой сердечной болью. Немедля возвестил он собранию своих подданных, что во сне был призван к ответу за свою вину и помчался молиться и каяться перед общиной монахов, но, не успев вернуться, умер в дороге.

В монастыре, в южном Зале Будды, хранится кувшин для умывания, принадлежавший Будде, вместимостью в 1 доу. Переливается разными цветами, и непонятно, металл это или камень. И еще хранится зуб Будды³¹⁴, длиной 1 цунь, шириной 8 или 9 фэней, цвета желто-белого, сияет чистым светом. И еще хранится метелка Будды, сделанная из растения каша³¹⁵, длиной 2 чи, в обхвате 7 цуней, украшена разными драгоценностями. Всякий раз в праздник, устраиваемый в шестой день³¹⁶, собираются [принявшие защиту] Закона и вместе с мирянами³¹⁷ в определенном порядке совершают поклонение всем трем предметам. И кто делает это с искренним чувством, увидит сияние.

От монастыря к северо-востоку есть ступа высотой в 200 чи, с «алмазной» обмазкой³¹⁸ и множеством разных драгоценностей, ее украшающих. Внутри ступы содержатся реликвии, по временам излучающие божественное сияние.

От монастыря к юго-западу есть обитель³¹⁹. С тех пор как она была создана, много лет прошло. Здесь встречаются странники из дальних стран, собираются люди замечательного таланта. [Побывавших здесь] обладателей «четырёх плодов»³²⁰ трудно перечислить. В древности архаты, перед тем как войти в состояние нирваны, творили здесь чудеса. Многие обладали священным знанием — ступы, воздвигнутые [над их останками], стоят вплотную одна к другой, числом около 100. А тем же, которые хотя и обладали «священным плодом», но не явили чудесных превращений — а их было числом с тысячу, — не было установлено памятных сооружений.

Ныне монахов здесь около 100 человек. Днем и ночью они нерадивы — не поймешь, грешники или святые.

Пройдя от столицы к северу 50 *ли*, пришли к городу Тивэй; от этого города в 40 *ли* — город Боли³²¹. В каждом городе — по ступе высотой 3 *чжана*. В древности, когда Татхагата обрел плод Будды у дерева бодхи и направился в Оленью Рошу³²², два старца восприняли сияние от его величия и выручкой, полученной в дальнем пути, совершили ему подношение. Владыка Мира³²³ произнес для них проповедь о заслугах³²⁴ богов и людей. Они были первыми, кто услышал о «пяти заповедях»³²⁵ и «десяти добродетелях»³²⁶, и таким образом получили наставление в Учении, а после стали просить предмет для поклонения. Тогда Татхагата вручил им свои волосы и ногти. Когда старцы собирались уже возвращаться на далекую родину, то просили его объяснить церемонии поклонения. Татхагата, расстелив на земле сангхати, сначала положил на него уттарасангу³²⁷, затем санкакшику³²⁸. Затем поставил [опрокинутую] чашу, а над ней водрузил посох — подобно тому порядку, как сооружается ступа³²⁹. Те два человека приняли указания. Каждый вернулся в свой город и, согласно тому обряду, который был им священным образом показан, с почтением построил ступу. Таким образом, это первые ступы в истории Учения Шакьи³³⁰.

От города к западу есть ступа высотой 2 *чжана*. Построена во времена Кашьяпы Будды.

Проследовав от столицы на юго-запад, вступил в пределы Снежных Гор. Прибыл в страну Жуймото³³¹.

Страна Жуймото с востока на запад 50–60 *ли*, с юга на север 100 *ли*. Столица в окружности 10 *ли*. Следуя на юго-запад, прибыл в страну Хушицзянь³³².

Страна Хушицзянь с востока на запад 500 *ли*, с юга на север 1000 *ли*. Столица в окружности 20 *ли*. В горах много долин. [Страна] славится хорошими лошадьми. Следуя на северо-запад, прибыл в страну Далацзянь³³³.

Страна Далацзянь с востока на запад 500 *ли*, с юга на север 50–60 *ли*. Столица в окружности 10 *ли*. На западе граничит со страной Пола-сы³³⁴. Следуя от страны Фухэ на юг, прошел 100 *ли*, прибыл в страну Цзечжи³³⁵.

Страна Цзечжи с востока на запад 500 *ли*, с юга на север 300 *ли*. Столица в окружности 4–5 *ли*. Земли каменисты и бесплодны, всюду холмы. Мало цветов и фруктов. Много бобов и зерна. Климат очень холодный, нравы упрямые и жестокие. Монастырей около 10, монахов около 100 человек, все исповедуют Учение «малой колесницы» школы сарвастивада.

Идя на юго-восток, вступил в Большие Снежные Горы. Горы высокие, ущелья глубоки. Пропasti опасны и грозны. То ветер, то снег, и в разгар лета здесь держится холод. Ущелья завалены снегом, дороги труднопроходимы. Внезапно нападают горные духи, бесы и оборотни; множество нечистой силы грабит и губит странников, промышляя убийством.

Пройдя 600 *ли*, вышел из окрестностей страны Духоло и прибыл в страну Фаньяньна³³⁶.

Страна Фаньяньна с востока на запад 2000 *ли*, с юга на север 300 *ли*. Расположена посреди Снежных Гор. Жители селятся в горных долинах, где им удобнее устраивать свои селения. Столичный город укрепился на скале, нависшей над ущельем, и тянется на 5–6 *ли*, имея с тыла высокий обрыв. Сеют озимые хлеба, цветов и фруктов мало; и годятся эти места для разведения скота — овец и лошадей множество. Климат очень холоден, [жители] нрава упрямого и дикого, одежду носят по большей части из кожи и шерсти, каковая одежда здесь весьма подходяща. Письмо, коему принято у них обучать, деньги в здешнем обращении — все таково же, как в стране Духоло. Язык немного иной, обычаи же весьма схожи. В вере они воистину усердны — заметно более, нежели в соседних областях: «три сокровища», равно как и «сто духов», чтут все без исключения, и с искренним рвением. По прибытии или отбытии торговцы вызывают небесных духов, испрашивая предзнаменований. Если знамения недобры, меняют свои намерения и молятся снова, чтобы их умилизовать.

Монастырей насчитывается около 100, монахов — 1000. Исповедуют Учение «малой колесницы», школы локоттаравад³³⁷.

К северо-востоку от царского города, на склоне горы, стоит изваяние Будды, каменное, высотой 140–150 *чи*, сияющее золотистым цветом, украшено блестящими камнями.

На восток отсюда — монастырь, построенный прежним царем этой страны, к востоку же от монастыря — изваяние стоящего Будды Шакьямуни, бронзовое, высотой 100 *чи*. Части фигуры его отлиты отдельно, а затем собраны вместе.

К востоку от города в 12–13 *ли*, в монастыре, есть изваяние Будды в нирване — лежащего, длиной 1000 *чи*. Здешний царь всякий раз, как устраивается мокшамахапариад³³⁸, жертвует все, начиная со своей жены и кончая сокровищами казны. Казну истощает совершенно и, наконец, жертвует свое тело. После же все придворные чины шествуют к монахам и все выкупают. И в том состоит их служба.

Следуя на юго-восток 200 *ли*, миновал Большие Снежные Горы и шел на восток. Здесь бьет небольшой родничок, у родника озеро —

чистое и прозрачное, зеленеет роща, стоит монастырь — и в нем хранится зуб Будды, а именно Пратьекабудды, жившего в начале калпы. Зуб длиной 5 *цуней*, шириной менее 4 *цуней*. Еще хранится зуб Суварначакравартина³³⁹ длиной 3 *цуня*, шириной 2 *цуня*, а также железная патра: архат Шанакаваса³⁴⁰ сам носил ее — вместимостью 8–9 *шэней*. Все три реликвии, завещанные святыми учителями, отделаны желтым золотом.

Есть еще сангхати архата Шанакавасы, сшитое из девяти лоскутов, багрового цвета, сплетено из травы шанака³⁴¹. Шанакаваса — ученик Ананды, в прежнем своем рождении в день окончания «отрешенной жизни»³⁴² одарил общину монахов одеждами из травы шанака. Этим обрел он заслугу и в течение пятисот перерождений, одно за другим следующих, неизменно носил эту одежду. В последнем же рождении появился из материнского чрева с нею вместе. Как тело его росло, так и одежда становилась шире. Когда Ананда совершил над ним обряд ухода от мира³⁴³, это одеяние превратилось в монашеское, а когда он принял полный постриг³⁴⁴ — превратилось в сангхати. Накануне «тихого угасания» он вошел в состояние «предельного самадхи». Силою мудрости и желания завещал миру эту кашаю³⁴⁵ — чтобы она сохранялась до гибели Учения Шакьи Будды, а с концом Учения³⁴⁶ и она исчезнет. Ныне же совсем мала, и это знак для верующих.

Следуя отсюда на восток, вступил в Снежные Горы³⁴⁷, миновал Черный Хребет³⁴⁸. Прибыл в страну Цзябиши³⁴⁹.

Страна Цзябиши в окружности 4000 *ли*. По северную сторону ее — Снежные Горы, по три другие стороны вздымаются отроги Черного Хребта. Столица в окружности 10 *ли*. Земли пригодны для выращивания злаков, много фруктовых деревьев. [Страна] славится хорошими конями, шафраном, сюда стекаются чужеземные редкие товары. Климат ветреный и холодный, [жители] нрава жестокого и грубого, язык их груб. В браки вступают в беспорядке. Письменность такая же, как в стране Духоло, обычаи же, язык и манеры поведения совсем иные. Носят шерстяную одежду, отделанную мехом. Для торговли используют золотую и серебряную монету, мелкая же монета — медная, по достоинству и с виду они не похожи на монеты других стран.

Царь — родом кшатрий³⁵⁰, по характеру храбр и горяч. Благодаря своему могуществу держит в страхе соседние области, из которых более десяти платят ему дань. Он с любовью правит своим народом, почитает «три сокровища» и в некоторые годы приказывает устанавливать серебряную статую Будды высотой 1 *чжан* и 8 *чи*. Когда устраивается мокшамахапариад, раздает милостыню бедным, помогает вдовцам и вдовам.

Монастырей около 100, монахов около 1000 человек. В большинстве своем исповедуют Учение «большой колесницы». Ступы и монастыри высоки и величественны, просторны и содержатся в чистоте.

Храмов дэвов около 10, иноверцев³⁵¹ около 1000 человек: те, кто ходят обнаженными, те, кто обмазываются золой³⁵², и те, кто украшают головы связками черепов³⁵³.

К востоку от столицы в 3–4 *ли*, у северного подножия горы, находится большой монастырь. Монахов около 300, исповедуют Учение «большой колесницы». В старинных преданиях говорится: царь страны Гандхары Канишка удерживал под своей властью соседние области, распространил свое владычество и на далекие страны, управлял с помощью военной силы обширными землями. Племена³⁵⁴, живущие к западу от Восточной Реки³⁵⁵, за горами Цунлин, устрешили [Канишки] и послали ему заложников³⁵⁶. Царь Канишка принял заложников и издал по этому случаю особый указ, чтобы в разные времена года они меняли места своего пребывания: зимой жили бы в государствах Индии, летом — возвращались в столицу Цзябиши, а весну и осень проводили бы в Гандхаре. Поэтому-то заложники имели три временных места для жилья, и для каждого сезона было построено по монастырю. Этот монастырь был построен, чтобы они жили здесь летом. Поэтому на стенах монастырских помещений изображены заложники. Своим обликом и одеждой они очень напоминают восточных *ся*³⁵⁷. Даже после того как им было разрешено вернуться в родную страну, здесь хранили о них память и, хотя [заложников и монахов] разделяли горы и реки, не переставали совершать им приношения. Поэтому и поныне в начале сезона дождей и в конце его, когда устраивается праздник «великой радости»³⁵⁸, здесь молятся за заложников и совершают благодеяния. И эту традицию поддерживают по сей день без перерыва.

В монастыре, к югу от восточных ворот храма Будды, под левой ногой статуи великого царя духов³⁵⁹, зарыты сокровища, спрятанные в память о заложниках. Древняя надпись гласит: когда монастырь придет в ветхость, следует взять их, чтобы оплатить починку.

Некогда по соседству жил царь, который был жаден и жесток. Он прослышал, что в монастыре спрятано много драгоценных сокровищ, прогнал монахов и стал было выкапывать сокровища. Но тогда изображение попугая на шапке царя духов расправило крылья и устрашающе закричало. Земля сотрясалась, царь и его войско отпрянули, пали ниц и долго не осмеливались встать. Признав свою вину, они вернулись восвояси.

К северу от монастыря, в горах, есть несколько каменных келий. Это место, где заложники совершенствовались в Учении. В них спрятано много разных сокровищ. На стене есть надпись, которая гласит,

что это место охраняется якшами³⁶⁰. Если открыть [тайник] и взять сокровища, то эти духи-якши преобразаются, являясь в ином облике: то они становятся львами, то змеями, хищными зверями и ядовитыми гадами, с виду весьма свирепыми. Поэтому ни один человек не осмелится посягнуть на сокровища.

В 2–3 *ли* к западу от каменных келий, на вершине большой горы стоит статуя бодхисаттвы Гуаньцзыцзай. Если человек искренно желает увидеть его, то бодхисаттва выходит из своего изображения, являя свой истинный облик, и дарует утешение путнику.

В 20 *ли* к юго-востоку от столицы пришел в монастырь Рахулы. Рядом есть ступа высотой 100 *чи*. В дни поста она излучает яркое сияние, щели между камнями на куполе источают черное ароматное масло, и иногда в ночной тишине слышатся звуки музыки. В старинных преданиях говорится: заслуга постройки этой ступы принадлежит чиновнику Рахуле, жившему в древности в этой стране. Ночью во сне ему явился человек, который сказал: «Тобою воздвигнута ступа. Но в ней еще нет мощей³⁶¹. Завтра ступай к царю и проси у него право на первое утреннее подношение». Как только наступило утро, он вошел во дворец и стал просить, говоря так: «Безмерны твои добродетели! Осмелюсь просить тебя исполнить мое желание». Царь сказал: «Хорошо». Рахула встал у ворот дворца в ожидании, всматриваясь вдаль; вдруг явился человек, который нес сосуд с мощами. Вельможа обратился к нему, говоря: «Что же это такое, что ты хочешь поднести первым?» А тот отвечает: «Мощи Будды». И тогда вельможа сказал: «Тебя-то я и жду». Рахула, боясь, что царь узнает о ценности мощей и пожалует о дарованной вельможе милости, поспешил к монастырю и взошел на ступу. И так велика была искренность его чувств, что купол, покрытый камнями, сам раскрылся. Рахула поместил в нем мощи и стал постепенно выходить, но ему защемило край одежды. Царь же послал за ним в погоню, однако камни спрятали Рахулу. Потому-то между камнями сочится черное ароматное масло.

Пройдя около 40 *ли* на юг от города, прибыл в город Субидофалацы³⁶². Всякий раз, когда случаются землетрясения и в горах рушатся скалы, вокруг этого города земля не покачается.

Пройдя около 30 *ли* на юг от города Субидофалацы, прибыл к горе Алунао. Скалы здесь высоки и обрывисты, ущелья глубоки и мрачны. Вершина горы каждый год вырастает на сотню *чи*, пока с нее не будет видна гора Чунасыло³⁶³ в стране Цаоцзюйто³⁶⁴, и тогда сразу рушится.

В местных преданиях говорится: некогда небесный дух Чуна, прибыв издалека, захотел остановиться на этой горе. Дух горы затрепетал в страхе и спрятался в ущелье. Небесный дух говорит ему: «Ты не хочешь принять меня, и я рассержен этим. Стоило б тебе оказать госте-

приимство, и был бы ты богато вознагражден. Но теперь я отправляюсь на гору Чунасыло, что в стране Цаоцзюйто. Я каждый год буду приходить туда получать приношения царя и сановников, и тогда две горы будут стоять, обратившись друг к другу». Поэтому-то гора Алунао растет и, как вырастет, тут же обрушится.

Пройдя около 200 *ли* на северо-запад от царского города, прибыл к большой горе. На вершине горы — озеро. Здесь молятся о дожде и ясной погоде. Что просишь, то и сбудется.

В старинных преданиях говорится: в давние времена в стране Гандхаре жил архат. Ему совершал приношения Царь драконов этого озера. Каждый день архат прибывал сюда к обеду, применяя чудесные силы: садился на циновку и летел по воздуху. Однажды шраманера, его ученик, тайком прицепился снизу к ковру и незамеченным полетел с ним. Как только архат добрался до места, сразу отправился во дворец дракона. И тут-то увидел шраманеру. Царь драконов приготовил еду так, как его просили. Он угощал архата небесным нектаром, а шраманеру — едой, которой питаются люди. После трапезы архат стал проповедовать. Шраманера, как обычно, убирал посуду за учителем, и там оказались остатки еды. Подивившись [на небесный нектар], он его отведал, и тотчас в нем разыгрались греховные помыслы. Он возненавидел учителя и вознегодовал против дракона. И захотел шраманера испытать счастья. Тогда он решил окончательно покончить с этим драконом: «Я сам стану драконом», — подумал он. Когда шраманера утвердился в своем намерении, Царь драконов почувствовал головную боль, а учитель все проповедовал и наставлял его. Тот поблагодарил архата и сам покаялся в грехах. Шраманера же, не вняв наставлениям и не поблагодарив, вернулся в монастырь, где стал горячо молиться, пытаясь собрать силу всех своих заслуг. И действительно, ночью судьба свершилась: он стал Великим Царем драконов, могущественным и свирепым. Он взмыл вверх, он вошел в озеро, убил Царя драконов и стал жить в драконовом озере. Кроме того, он собрал всю родню [драконову], чтобы вместе творить зло. Он насылал губительные ветры и дожди, вырывал деревья и вознамерился разрушить монастырь. Царь Канишка удивился этому и стал расспрашивать, что происходит. Архат все рассказал царю. Тогда царь в честь [погибшего] дракона основал монастырь у подножья горы и построил ступу высотой 100 *чи*. Чем больше царь проявлял величие духа, тем больше дракон приходил в ярость и принимался разрушать монастырь и ступу. Шесть раз он ломал ступу. На седьмой раз царь, увидев тщетность своих усилий и возмущившись, решил засыпать озеро дракона и лишить его жилища. Двинул войско к подножию Снежных Гор. И тогда царь драконов, глубоко объятый страхом, превратился в старого брахмана и, скло-

нившись перед царским слоном, заговорил, увещевая царя: «Великий царь постоянно сеет добро. Благодаря своим многочисленным заслугам он стал царем над людьми. Так почему же сегодня он соперничает с драконом? Ведь дракон — существо низкой и злобной породы. Даже обладая большой силой, не одолеешь его. Он нагоняет тучи и повелевает ветрами. Он ступает по воздуху, земле и воде. Ни один человек не одолеет дракона. Неужели сердце царя так переполнено гневом? Ныне царь поднял войска всей страны, чтобы сразиться с одним-единственным драконом. Ведь в случае победы царь не приобретет большой славы, а в случае поражения добьется лишь позора, которого он недостойн. Рассудив так, царю следовало бы увести свои войска обратно».

Царь Канишка не послушался его советов. Дракон вернулся в озеро. Послышались раскаты грома. Яростные ветры вырывали деревья. Песок и камни сыпались дождем. Туман и тучи окутали все мраком и мглой. Боевые кони заматались в страхе.

Тогда царь воззвал к «трем сокровищам», прося о помощи и говоря: «Благодаря многим прежним заслугам я стал царем над людьми — величественным и грозным, повелевающим всеми обозримыми землями. А нынче я терплю несправедливости от этого скотоподобного дракона. Или так ничтожны мои заслуги? Хочу испытать их». И вот из его плеч заструился дым и взвились языки пламени. Туман рассеялся, тучи разошлись. Царь отдал приказ войску, чтобы все воины взяли по камню и засыпали драконово озеро.

Царь драконов вновь обернулся брахманом. И в другой раз стал просить царя, говоря: «Я царь драконов этого озера. Устрашенный твоим могуществом, взываю к тебе: пощади меня, о царь! Прости мою вину. Царь покровительствует всем существам. Зачем же из-за меня одного брать грех на душу? Если царь убьет меня, то и я, и ты, царь, — мы оба станем на путь греха. Царь — за то, что повинен в смерти, я — за то, что таил враждебные помыслы. За наши поступки все равно последует воздаяние. Добродетель и грех будут явлены».

Царь согласился с рассуждениями дракона, и они помирились. Однако [царь предупредил]: если дракон еще раз провинится, то пощады не будет. Дракон сказал: «Я приобрел облик дракона за дурные дела. Драконы по природе своей свирепы и злобны. Они не могут сами управлять собой. Если злая душа опять зыграет во мне — значит, я забыл о нашем соглашении. Отстрой снова монастырь, я не посмею разрушать его. Посылай каждый [день?] человека, чтобы осматривать вершину горы. Если вокруг нее клубятся черные тучи, пусть немедленно ударит в гонг. Я услышу этот звук, и дурные помыслы улягутся».

И вот царь вновь отстроил монастырь и воздвиг ступу. И по сей день здесь иногда видны тучи.

В старинных преданиях говорится: в ступе хранятся мощи³⁶⁵ Татхагаты объемом 1 *шэн*. О чудесах, связанных со ступой, трудно даже рассказать подробно. Однажды изнутри ступы заструился дымок. Вскоре оттуда стремительно вырвалось яростное пламя. Очевидцы рассказывали: когда огонь над ступой догорал, они долго смотрели вверх. И вот огонь потух, пламя исчезло, и стали видны мощи, подобные белому жемчугу. Они вращались вокруг шпиля, затем словно стали виться все выше, пока не достигли облаков, и закружились вниз.

К северо-западу от царского города, на южном берегу большой реки, в монастыре Древнего Царя, хранится молочный зуб бодхисаттвы Шакьи, длиной около *цуня*. К юго-востоку от этого монастыря стоит другой монастырь, также называемый [монастырь] Древнего Царя. В нем хранится ушниша Татхагаты с ясно различимыми следами волос. Также там хранятся волосы Татхагаты, цвета темно-фиолетового, выются влево; если растянуть — один *чи*, свернуть — половина *цуня*. В честь всех этих трех реликвий каждый 6-й день [месяца] соблюдается пост. Царь и вельможи совершают приношения ушнише, рассыпая цветы. К юго-западу от монастыря стоит монастырь Супруги Древнего Царя. В нем есть ступа, отделанная золотом и медью, высотой 100 *чи*. В местных преданиях говорится: в ступе хранятся мощи Будды — около *шэна*. Каждый 15-й день месяца, как только стемнеет, [вокруг ступы] расходится круглое сияние, будто ярко сверкающее блюдо. С наступлением рассвета круг постепенно сужается и уходит в ступу.

К юго-западу от города находится гора Пилусара³⁶⁶. Дух горы принимает облик слона, поэтому это место называют Каменный Слон. Некогда, когда Татхагата еще пребывал в мире, дух Каменный Слон пригласил Почитаемого в Мире и 1200 архатов. На вершине горы есть скала, здесь Татхагата получал приношения духа. Впоследствии царь Ашока на этой скале воздвиг ступу высотой 100 *чи*. Ныне люди называют ее ступой Каменного Слона. Также говорят, что в ней хранятся мощи Татхагаты, объемом около *шэна*.

К северу от ступы Каменного Слона, у подножия горы, находится источник дракона — тот самый, где Татхагата, приняв пищу духа вместе с архатами, очищал рот жеванием ивовой палочки. Веточка пустила корни и теперь разрослась густым лесом. Люди построили здесь монастырь, который называется Пиндака³⁶⁷.

Отсюда шел около 600 *ли*. Чередовались горы и долины. Горы высокие и обрывисты. Перейдя Черный Хребет, вступил в пределы Индии, прибыл в страну Ланьбо³⁶⁸.

Цзюань II. Три страны

Страна Ланьбо, страна Нагара, страна Гандхара.

Если рассказать подробно о названиях Индии (Тяньчжу), то в них имеются расхождения и разногласия. В старину ее называли Шэньду, или говорили Сяньдоу. Ныне, следуя правильному произношению, следует говорить Иньду³⁶⁹. Жители Иньду называют страну в каждой местности по-своему; в разных частях страны свои обычаи. Выбрав наиболее правильное произношение, будем называть ее Иньду. Иньду в переводе на танский язык значит «Луна». Луна имеет много имен, и это одно из них. Ведь все существа пребывают в круговороте перерождений, непрерывно, в неведении, будто в долгой ночи, без предвестия рассвета. Так бывает, когда спускается тьма, и яркое солнце сменяется ночным светилом. Хотя и светят звезды, разве можно сравнить их свет с ясным сиянием луны? И вот поэтому можно сравнить [страну Иньду] с луной: прославленные на этой земле святые мудрецы, следуя по стопам предшественников, ведут всех за собой и указывают путь существам — подобно луне, которая излучает свет и взирает сверху. На этом веском основании называем ее Иньду (далее Индия. — *Н.А.*). Все наследственные кланы [страны] Индии разделены на отдельные группы, при этом брахманы (поломэнь) занимают особое положение благодаря своей чистоте. Отсюда традиционное название. Согласно распространенному обычаю, невзирая на различие местностей, все называют страну Поломэнь. Поскольку страна поделена на части, можно также говорить «земли Пяти Индий»³⁷⁰. В окружности она более 90 000 *ли*. С трех сторон — океан. На севере доходит до Снежных Гор. В северной части широкая, в южной — узкая, по форме напоминает полумесяц. Будучи поделена на отдельные владения, она включает более 70 государств. Климат чрезвычайно жаркий. Земли очень влажные. На севере — сплошные горы, и в этих гористых местах соленые почвы. На востоке — речной край, земли влажные, поля тучные. В южных областях пышно разрастаются деревья и травы. В западных областях земля камениста и бесплодна. Это — говоря в целом.

Можно вкратце сказать и о названиях мер. Есть такая, называемая йоджана. Йоджана — это расстояние, которое за один дневной переход в древние времена проходило войско мудрого правителя. Старинные *чжуани* трактуют, что в одной йоджане — 4 *ли*. Согласно же индийской традиции — 3 *ли*, а святое Учение признает, что 16 *ли*. Следующие меры по уменьшению: одна йоджана делится на 8 крош, одна кроша делится на 500 «луков». Один «лук» делится на 4 «локтя». Один

«локоть» делится на 24 «пальца». Один «палец» делится на 7 «пшеничных зерен». Далее следуют «гнида», «тонкая пылинка», «коровий волос», «овечий волос», «заячья шерсть», «медная вода». Далее через семь делений придем к «частице праха». Поделив «частицу праха» на семь, получим «тончайшую частицу праха». «Тончайшую частицу праха» уже невозможно далее расщепить. Расщепление ее даст лишь пустоту. Издревле считается, что это тончайшая и мельчайшая частица.

Хотя круговорот *инь* и *ян*, смена дня и ночи имеют иные названия, [чем у нас], сами промежутки времени не отличаются. Названия месяцев даются в соответствии с расположением светил. Самая короткая единица времени называется кшана. 120 кшана составляют одну таткшана. 60 таткшана составляют одну лава. 30 лава составляют одну мухурта. Пять мухурта составляют одну кала. Шесть кала вместе составляют сутки. Но по обычаям жителей сутки делятся на восемь кала. Период от появления луны до полнолуния называют «белое деление». Период от начала ущерба луны до новолуния называют «черным делением». «Черное деление» — либо 14, либо 15 дней, поскольку месяц может быть больше и меньше. Сначала «черное», затем «белое», что вместе составляет один месяц. Шесть месяцев вместе составляют один «ход»³⁷¹. Когда солнце проходит внутри — это «северный ход», когда солнце проходит снаружи — это «южный ход». Эти два «хода» вместе составляют один год. Далее один год делят на шесть сезонов. От 16-го числа начального месяца до 15-го числа третьего месяца — потепление. От 16-го числа третьего месяца до 15-го числа пятого месяца — разгар жары. От 16-го числа пятого месяца до 15-го числа седьмого месяца — период дождей. От 16-го числа седьмого месяца до 15-го числа девятого месяца — период цветения. От 16-го числа девятого месяца до 15-го числа одиннадцатого месяца — похолодание. От 16-го числа одиннадцатого месяца до 15-го числа начального месяца — самые холода. Согласно же святому Учению Татхагаты, год состоит из трех сезонов. От 16-го числа начального месяца до 15-го числа пятого месяца — жаркий период, от 16-го числа пятого месяца до 15-го числа девятого месяца — период дождей, от 16-го числа девятого месяца до 15-го числа начального месяца — холодный период. Или же насчитывают четыре сезона: весна, лето, осень и зима. Весной — три месяца, называемые чайтра, вайшакха, джьештха. Они делятся от 16-го числа начального месяца до 15-го числа четвертого месяца. Летом — три месяца, называемые ашадха, сравана, бхадрапада. Они делятся от 16-го числа четвертого месяца до 15-го числа седьмого месяца. Осенью — три месяца, называемые ашваюдж, карттика, маргаширша. Они делятся от 16-го числа седьмого месяца до 15-го числа деся-

того месяца. Зимой — три месяца, называемые пушья, магха, пхалгуна³⁷². Они длятся от 16-го числа десятого месяца до 15-го числа начального месяца. В старину индийские монахи, исповедовавшие святое Учение Будды, останавливались на период дождей для проведения «отрешенной жизни» либо в первые три месяца, либо в последние три месяца. Если это происходило в первые три месяца, то от 16-го числа пятого месяца до 15-го числа восьмого месяца, а если в последние три месяца, то от 16-го числа шестого месяца до 15-го числа девятого месяца. Среди прежних переводчиков сутр и «Винаи» одни говорят «летнее сидение», другие говорят «зимнее сидение»³⁷³. Это оттого, что разные народы окраинных стран не понимают правильного произношения Срединной страны или же не учитывают искажений, вносимых местными языками, отсюда ошибочный перевод. Вследствие этого предлагаемые ими даты зачатия Татхагаты, рождения, ухода из дома, обретения состояния будды и вхождения в нирвану — ошибочны, о чем мы еще будем говорить в дальнейшем изложении.

Что касается селений, то они имеют ворота. Городские стены толстые и высокие. Большие улицы и переулки извилисты, на поворотах трудно проехать. Главное место занимает рынок, по сторонам дороги располагаются лавочки. Жилища мясников и рыбаков, певцов и актеров, палачей и уборщиков нечистот имеют отличительные знаки и вынесены за пределы города. Если таковые идут по селению — домой или из дому, то придерживаются левой стороны дороги.

Перейдем теперь к устройству жилищ и возведению стен. Поскольку земли низкие и сырые, городские стены сложены большей частью из обожженного кирпича. Стены же домов сплетены из бамбука или сложены из стволов деревьев. Что касается больших зданий, то они имеют деревянные надстройки с плоской крышей, обмазаны известью и покрыты обожженным или необожженным кирпичом. Они необыкновенно высоки и по виду похожи на китайские. Крышу покрывают тростником либо травой. Стены, построенные из кирпича или дерева, обмазывают известью для украшения, а полы — глиной с коровьим навозом для чистоты. Время от времени их устилают цветами, что отличается [от наших обычаев]. Если говорить о монастырях, то они предельно искусно выстроены. По углам строений возвышаются четыре башни, каждая по три этажа. Стропила, балки, коньковая балка — все украшено редкостной резьбой. Двери, окна и стены обильно и пестро изукрашены. Жилища обычных людей внутри пышны, снаружи скромны. Внутренние помещения и центральный зал — высокие, просторные, изумительны на вид. Здания в несколько этажей выстроены весьма причудливо. Двери выходят на восток. «Утреннее сиденье»³⁷⁴ повернуто на восток.

Что касается сидений, то все используют плетеные. Члены царского рода, влиятельные особы, служилые люди и знать украшают сиденья по-разному, однако по размерам они не отличаются. Трон государя имеет покрывало, высок и широк, отделан жемчугом и самоцветами. Его называют «троном льва», покрывают войлоком тонкой работы, и для ног имеется драгоценная скамеечка. Многочисленные чиновники следуют в этом своему вкусу: украшают разного рода резьбой, причудливо убирают камнями. Верхняя и нижняя одежда не сшита. Более ценится снежно-белый цвет с легким цветным узором. Мужчины обматывают тело лоскутом от поясницы до подмышек, оставляя правое плечо обнаженным. Женщины же носят длинную, свисающую до низа одежду, которую закрепляют на плечах. На голове делают небольшой пучок, так чтобы остальные волосы свисали. Некоторые имеют подстриженные усы, иные же придают им какой-либо странный вид. На голове носят венки из цветов, на теле — поясные подвески из самоцветов. Материи, из которых делают одежду: та, что называется каушей³⁷⁵, тонкий войлок или иные разного рода ткани. Каушея — из шелка дикого шелкопряда, кшаума³⁷⁶ — из конопли, камбала³⁷⁷ — соткана из шерсти тонкорунной овцы или козы, карала³⁷⁸ — соткана из шерсти диких зверей. Эта шерсть тонкая и мягкая, ее хорошо прясть, поэтому она считается ценной для изготовления одежды. В Северной Индии климат очень холодный, одежду здесь носят короткую и тесную, весьма сходную с хуской. Одежда представителей «внешнего пути»³⁷⁹ весьма необычна и разнородна. Некоторые носят перья павлиньего хвоста, некоторые украшают себя связками из черепов. Некоторые вообще не носят одежды и предстают в нагом виде³⁸⁰. Некоторые прикрываются травой и дощечками. Некоторые выдергивают волосы и обрезают усы. Некоторые взбивают волосы на висках и завязывают пучок. Для них нет установленной одежды. Она может быть и красная, и белая. Облачений шраманов, утвержденных Законом, — только три³⁸¹: сангхати и нивасана³⁸². Фасон этих трех одежд для разных школ неодинаков. Кайма может быть либо широкой, либо узкой, пола — либо меньше, либо больше. Сангхати покрывает левое плечо и облегает обе подмышки. Слева распахивается, справа закрыто. По длине оно ниже поясницы. Нивасана не имеет пояса. Когда ее надевают, собирают складками, которые удерживаются шнуром. Складки для каждой школы различны, цвет также неодинаков — желтый или красный. Кшатрии и брахманы ведут жизнь чистую и скромную, в целомудрии и самоограничении. Одежда и украшения царей и высших сановников весьма разнообразна. Они украшают голову цветами, заколотыми в волосы, надевают шапки с драгоценными камнями, браслеты и ожерелья, носят подвески на теле. Купцы же и крупные тор-

говцы носят только браслеты. Жители в большинстве ходят босиком, и лишь немногие имеют обувь. Они красят зубы в красный или черный цвет, прибирают волосы, прокалывают уши. У них правильный нос и большие глаза. Таков их облик. Что касается соблюдения чистоты, то они следят за собой и неизменны в этом стремлении. Приступая к трапезе, все они непременно прежде умываются. Остатки пищи на следующий раз есть не станут, посуду другому не передают. Глиняную и деревянную посуду, едва использовав, непременно выбрасывают. Золотую, серебряную, медную и железную посуду каждый раз заново начищают. После еды жуют ивовые палочки и умываются. Не совершив этого, друг к другу не прикасаются. Помочившись, они всякий раз моются. Тело умащают благовониями, называемыми *чжань-тань*³⁸³ и *юйцзинь*³⁸⁴. Когда же правители совершают омовение, то бьют в барабаны, играют на струнных инструментах и поют; пока происходит купание, совершают обряды и возносят молитвы.

Как сообщается о письменности, она установлена Брахмадэвой и изначально служит образцом. Сорок семь букв употребляются для обозначения всего множества вещей, чередуясь так, как требуется. При распространении ее появились разновидности, которые постепенно ушли от своего истока. Потому в разных землях она несколько различна. В языке же, сравнивая в общих чертах, нет отличий от исходного. Однако в Срединной Индии поддерживается речь ясная и правильная, а произношение здесь мягкое и приятное, что придает ей сходство с речью дэвов, столь она изысканна и отчетлива — достойный образец для людей. В иных, окраинных странах она бытует в искаженном виде, что происходит как из-за дурных обычаев, так и небезупречных нравов. Что до записей исторических событий, то для ведения каждой из них имеется специальный чиновник. Общее название для исторических сочинений — *нилапита*³⁸⁵. Здесь повествуется о благом и дурном, подробно описываются и бедствия, и счастливые события. При начальном обучении прежде всего придерживаются «Двенадцати глав». После семи лет постепенно вводят в обучение «У мин да лунь»³⁸⁶. Одна называется «Шэн мин»³⁸⁷; это истолкование слов, объяснение их значений и образование производных. Вторая называется «Цяо мин»³⁸⁸ и трактует о ремеслах и механизмах, о чередовании *инь* и *ян*. Третья называется «Ифан мин»³⁸⁹ и содержит заклинания об отвращении зла, трактует о целебных средствах, иглоукалывании и применении полыни. Четвертая называется «Инь мин»³⁹⁰ и содержит определения правильного и дурного, доказательства истинного и ложного. Пятая называется «Нэй мин»³⁹¹ и содержит сведения о «пяти колесницах»³⁹², о причинах и последствиях деяний. Брахманы изучают четыре «Фэйто лунь»³⁹³. Первая называется «Шоу»³⁹⁴ и пове-

ствует о возвращении существ и совершенствовании души. Вторая называется «Сы»³⁹⁵ и повествует о ритуалах и молитвенных формулах. Третья называется «Пин»³⁹⁶ и повествует о церемониях и гаданиях, о военных правилах и построении войска. Четвертая называется «Шу»³⁹⁷ и повествует о чудесных способностях, заклинаниях и целительстве.

Учителя всегда образованны и утонченны в познании, досконально изучают сокровенное и отличаются большой праведностью. Когда они учат, речь их изысканна. Воодушевляя учеников благим наставлением, они оттачивают способности слабых и взыскивают с нерадивых. Если ученик при больших знаниях и понятливости норовит уклоняться от занятий, его держат взаперти. После завершения образования, когда им исполнится тридцать лет, их намерения определены, ученость достигла совершенства и они живут уже на довольствии, имея положение в обществе, — прежде всего платят вознаграждение учителю за его покровительство. Здесь есть такие, которые, преемствуя мудрой древности, весьма высоко просвещены. Удалившись от мирского, они живут в целомудрии, ценят высокое и презирают пустое, пребывая вне суетных благ. Они являют пример безмятежности, не принимая близко ни славы, ни бесчестья. Известность их простирается на далекие расстояния. Правители, которые ценят изысканную просвещенность, не могут их себе подчинить. Тем не менее государство высоко ценит мудрейших, и в народе их почитают как достигших высокого просвещения. Им возносят хвалу и чтут очень высоко, оказывают им большие почести. Потому они так беззаветно преданны учености и, забывая об усталости, предаются высокому познанию, постигают истинное, держатся принципов гуманности, «несмотря на долгий путь в тысячу *ли*». Даже если семья владеет богатством, они стремятся уподобиться странникам и бродят по миру, нищенствуя и тем обеспечивая свое пропитание. Они обладают ценными познаниями, не стыдятся своего скудного имущества. Что же до тех, которые пребывают в беспечности, нерадивы в занятиях, наслаждаются вкусной едой, носят роскошные одежды, не овладевают высокими достоинствами и не предаются постоянному совершенствованию, — то бесчестье их явно, и о них идет дурная слава.

Истинное Учение Татхагаты воспринимают соответственно принадлежности к разным слоям общества. Ушедший святой жил в отдаленные времена, и чистое вино истинного Учения они усваивают по велению сердца, постигают по мере своей осведомленности. Отдельные школы — как высокие горы. Диспуты проходят крайне бурно. Проповедующие разные учения следуют разными путями, но имеют общую цель. Имеется восемнадцать школ, и каждая оспаривает первенство.

Две «колесницы», «большая» и «малая», предпочитают существовать порознь. Есть такие, что предаются тихому размышлению, в хождении и стоянии входят в созерцание в далеком отчуждении. Есть и такие, что шумно спорят. Соответственно тому, как происходит жизнь общины, каждая имеет свой устав. Не рассматривают «Винаю», сутры и шастры как отдельные сочинения; все они составляют буддийский канон. Тот, кто толкует один раздел, освобождается от надзора монашеского старшины. Два раздела — сверх того занимает верхние комнаты. Три раздела — получает монахов для услужения. Четыре раздела — ему даются «чистые люди»³⁹⁸ в качестве посыльных. Пять разделов — сверх того может ездить на слоне. Шесть разделов — сверх того сопровождается круговой охраной.

Достижшие особо высоких достоинств почитаются необычайно. Время от времени собираются на диспуты, где определяют достойных и недостойных, различают добродетель и ересь, избавляются от невежд и выдвигают просвещенных. Если есть такой участник диспута, у которого речь изысканна, который выказывает глубокое проникновение в сокровенную истину, блистателен, гибок в искусстве вести спор, то для него снаряжают украшенного драгоценностями слона и, следуя за ним толпой, подобной лесу, раскрывают «ворота праведности». Если же кто посрамлен в диспуте, если доводы его скудны и запутанны, если он неустойчив в праведности и плохо владеет речью, то мажут ему лицо красной краской, посыпают тело прахом, а затем изгоняют в пустыню или бросают в пропасть. Так выявляют достойных и злонамеренных, отличают мудрость и глупость. Если человек наслаждается познанием, стал на истинный путь и, еще пребывая в доме, обратил свои помыслы к Учению, то может и «покинуть дом»³⁹⁹, и вернуться в мир — соответственно тому, что он считает лучшим. Нарушителю устава, совершившему провинность, монахи назначают наказание. Если это легкий проступок, то в общине его выбранят, если более серьезный — не станут с ним разговаривать. Если это тяжкое преступление — не разрешают жить в общине. Тот, кому не разрешено жить в общине, становится изгоем, и с ним не общаются. Его прогоняют, оставляя в одиночестве, и он остается без жилища. Он становится странником и терпит лишения, а может и вернуться к своей прежней жизни.

Что касается различий между наследственными кланами, то имеется четыре разряда. Первый — брахманы, соблюдающие чистоту. Они следуют благородному пути, живут в праведности. Их поведение добродетельно. Второй — кшатрии, представители царского рода, которые передают власть из поколения в поколение. Их устремление — благородство и великодушие. Третий — вайшьи⁴⁰⁰, торговое сословие.

Купцы перевозят товар в соответствии с тем, где что имеется и чего не имеется, преследуя выгоду в переездах на далекие и близкие расстояния. Четвертый — шудры⁴⁰¹, земледельцы. Они усердно возделывают поля, в тяжелом труде выращивают хлеб. Все четыре клана различаются в отношении чистоты или нечистоты. При заключении браков происходят перемещения в положении: вверх или вниз, и тогда [человек] встает на другую стезю. Внутри и вне ответвлений рода бракосочетания происходят без смешения. Женщины выходят замуж лишь однажды, второй раз брачный обряд не совершается. Остальные кланы, смешанного характера, многочисленны и разнородны, каждый занимает свое место в иерархии, и здесь затруднительно рассказать об этом более подробно.

Правители, которые правят из поколения в поколение, происходят только из кшатриев, которые время от времени приходят к власти путем узурпации трона и убийства. Отпрыски других благородных родов — воины на службе государству. Их выбирают непременно из наиболее доблестных. Сыновья наследуют дело отцов, и потому столь высоко их воинское искусство. Они живут в палатках около дворца, держа круговую охрану, а во время военных походов самоотверженно идут вперед, образуя авангард. Всего имеется четыре рода войск: пехота, конница, колесницы и слоны. Слоны покрыты крепкой броней, а их бивни снабжены острыми наконечниками. Один [воин], главный, располагается в башне и отдает приказания, а правят двое воинов — справа и слева. Колесница запрягается четверкой лошадей. Главный воин находится в колеснице, а отряд воинов окружает ее в виде охраны, подталкивая колеса и втулки. Конница рассыпается для обороны или несется вперед, преследуя побежденных. Пешее войско сражается налегке, для чего выбирают храбрейших. Они вооружены большими алебардами, или несут длинные двузубые алебарды, или же держат мечи — и так бросаются в схватку. В целом оружие достаточно острое. Это копья и щиты, луки со стрелами, мечи, секиры и топоры. Еще имеются в распоряжении длинные пики-трезубцы и веревочные петли. Все это употребляют с давних времен.

Что касается нравов, то, хотя по характеру они горячи, в устремлениях своих очень честны. Стремясь к достатку, не наживают его несправедливо. В делах чести достаточно деликатны. Они страшатся совершения грехов перед лицом посмертного воздаяния, легко относятся к занятиям земной жизни. Они не склонны к вероломству, почитая за святое верность своему слову. В делах управления весьма порядочны, притом что обычаи и нравы мягкие. Когда подлые и мелкие люди наносят ущерб государственным устоям, когда умышленно посягают на правителя, то эти дела тщательно расследуют и обычно сажают

в тюрьму. При этом не подвергают казни, а предоставляют возможность жить или умереть. Если кто не признает правил человеческого общежития, наносит ущерб устоям общества, совершает предательство — тому или отрезают нос либо ухо, или отсекают руку, или отрубают ногу, или же изгоняют из страны, или ссылают в пустыню. За остальные провинности взимается небольшая плата в возмещение за проступок. При расследовании судебных дел не применяют розог или палок. Если на вопросы дается правдивый ответ, то соответственно делу применяется положенная статья закона. Если же кто отказывается от обвинения, стыдится совершённого и приукрашивает свою вину, то стремятся доподлинно расследовать дело и назначают ордалии. Всего имеется три вида ордалий⁴⁰²: водой, огнем, весами и ядом. При испытании водой обвиняемого прикрепляют к мешку, наполненному камнями, пускают плавать по воде и через сравнение выясняют, правдив он или лжец. Если человек тонет, а камни плавают, то он совершил преступление. Если человек плавает, а камни тонут, то он ничего не скрывает. При испытании огнем раскаляют железо и сажают на него обвиняемого, а затем заставляют его наступить ногой и приложить ладонь; более того, велют лизать языком. Если он невиновен, то не получит повреждений, а если есть вина, то останутся раны. Для слабого человека, который не может выдержать жара, берут пригоршню нераскрытых цветов и высыпают их в пламя. В случае, если он невиновен, цветы распускаются, а если есть вина, то цветы обгорают. При испытании весами человека и камень уравнивают на перекладине, а потом испытывают, который легче и который тяжелее. Если нет вины, то человека тянет вниз, а камень поднимается. Если есть вина, то камень оказывается тяжелее, а человек легче. При испытании ядом берут черного барана и надрезают ему правое бедро. Затем берут часть пищи подсудимого человека, смешивают ее с ядом и кладут в надрез. Если есть вина, то яд возымеет действие и [баран] умирает. Если нет вины, то действие яда прекращается. Так, применяя правила четырех ордалий, пресекают множество преступлений.

Что касается способов приветствия, то их девять. Первый — произнести речь, выражая участие. Второй — наклоном головы выразить свое почтение. Третий — подняв руки, совершить небольшой поклон. Четвертый — поклониться со сложенными ладонями. Пятый — преклонить колени. Шестой — стоять на коленях, выпрямившись. Седьмой — опустить на землю руки и колени. Восьмой — опуститься на все пять конечностей. Девятый — упасть на землю всем телом. Помимо этих девяти способов есть одно приветствие, которое наиболее почтительно: опустившись на колени, восхвалять достоинства приветствуемого. Это считается выражением высшего уважения. Если при-

ветствуют издалека, то кланяются до земли, касаясь ее руками. Если с близкого расстояния, то следует лизнуть ногу и прикоснуться к ступням. Когда отдают распоряжения, тот, кто получает приказ, подбирает полы одежды и становится на колени, держась прямо. Почтенный человек, принимающий от кого-либо приветствие, непременно произносит слова участия, или же касается его головы, или хлопает его по спине, произнося доброе наставление, чтобы выразить свое расположение. Когда покинувший мир шраман принимает знаки почтения, то лишь выражает добрые пожелания. Они не только становятся на колени и кланяются, но совершают обходы по кругу — столько раз, сколько соответствует почитаемому: либо только один круг, либо повторяют витки трижды. Если же есть особое рвение, то число кругов — согласно желанию.

Все, кто заболел, на семь дней прекращают принимать пищу, и за этот срок многие получают выздоровление. Если кто не поправится, то ему назначают принимать лекарства. Свойства и названия лекарств различны, и лекари не одинаковы в искусстве врачевания и распознавания болезней.

При погребении умерших причитают и льют друг перед другом слезы, раздирают одежды и рвут волосы, хлопают по лбу и ударяют в грудь. Определенной одежды для этого не известно, срока похорон не отсчитывают. Для проводов в последний путь и совершения погребения существует три ритуала. Первый — погребение в огне: на куче хвороста предают огню. Второе — погребение в воде: пускают плыть по воде. Третье — погребение в пустынном месте: оставляют в лесу на съедение зверям. Когда же умирает правитель страны, сначала устанавливают наследника, чтобы он вел похороны. Почетные должности присваивают при жизни, а после смерти не представляют к посмертному званию. В семье, где совершается обряд похорон, в то время не едят, а после погребения снова разрешаются все обычные дела. Те, кто участвовал в проводах покойника, считаются нечистыми; они моются за пределами поселения и лишь потом входят в него. Если кто дожил до глубокой старости и ждет прихода смерти, кого одолел тяжелый недуг, кто страшится обрыва жизни, кто, пресытившись жизнью, стремится расстаться с бренным миром, хочет покинуть общество людей и, презрев рождение и смерть, удалиться от земного пути, — то родственники и близкие друзья при звуках музыки устраивают прощальную трапезу, а затем он плывет в лодке на веслах поперек Ганга и на середине течения топится. Говорят, что так достигается рождение среди дэвов. Лишь один из десяти таковых не доводит до конца своего дикого замысла⁴⁰³. Ушедший из мира член сангхи по обычаю не предается плачу по родителям, а чтением молитв благодарит их за добро.

Заботясь о них при кончине, так стараются накопить заслуги перед сокрытым миром.

Государственные установления снисходительны, и налогообложение облегчено. Семьи не занесены в списки, жители не несут повинностей. Царское поле делится на четыре большие части: одна предназначена для государственных жертвоприношений зерном, вторая — для пожалований советникам и сановникам, третья — для вознаграждений мудрейшим, людям большой учености и высокого таланта; четвертая — «поле взращивания заслуг»⁴⁰⁴ — для дарений иноверцам. Поскольку налоги легкие и повинности невелики, каждый мирно занят своим делом, и все обрабатывающие землю с нее кормятся. За временное держание на царском поле платится одна часть из шести. Торговцы сообразно выгоде приезжают и уезжают по торговым делам, а за переправы и проход через заставы платят легкую пошлину. Государственные строительные работы не изнурительны, и соответственно их выполнению выплачивается жалованье. Воинам, которые наводят порядок, охраняют границы, выступают в поход, дворцовой страже сообразно обстоятельствам уже при наборе назначается плата. Управляющие округами и министры, чиновники и помощники чиновников — все имеют земли, пожалованные для кормления.

Климат и ландшафт различны, произведения земли разнообразны. Цветы и травы, плодовые деревья — самого разного рода, и они имеют удивительные названия. Можно назвать плоды: амалака, амла, мадхука, бхадра, капиттха, амра, тиндука, удумбара, моча, нарикела, панаса⁴⁰⁵. Все имеющиеся здесь сорта трудно перечислить, можно лишь упомянуть те, которые особенно ценятся жителями. Что касается фиников, каштана, хурмы, то в Индии они неизвестны. Груши, персики, абрикосы, виноград и подобные фруктовые [деревья] вывозят из Кашмира и сажают повсюду. Гранаты и апельсины выращивают по всей стране.

Что до земледельческих работ, то возделывание полей под хлеба, сев и посадку растений проводят согласно сезону, так что каждый чередует труд и отдых. Произведения земли, которые здесь выращивают: особенно много риса и пшеницы, а из овощей имеются имбирь, горчица, тыква, бутылочная тыква, овощ *хунто*⁴⁰⁶ и другие. Впрочем, лука и чеснока мало, и едят их редко, а всех, кто ест, изгоняют из селений. Что касается сыра, мяса и молока, сахара и горного меда, горчичного масла и лепешек, то это обычная пища. Рыбу, мясо барана, кабарги, оленя иногда едят, как лакомство. Корова, осел, слон, лошадь, свинья, собака, лиса, мартышка, лев, крупные обезьяны — все эти звери по обычаю не употребляются в пищу, а тех, кто их ест, все прези-

рают и считают за нечистых. Они живут отдельно за пределами поселений и редко появляются среди людей.

Что касается употребления крепких напитков и вин, то имеются определенные различия. Вино из винограда и сахарного тростника пьют кшатрии, крепкое очищенное вино пьют вайшьи. Шраманы и брахманы пьют сироп из винограда и тростника и, как говорят, не употребляют вина. Люди из смешанных семей и низкого происхождения не имеют отличий в напитках.

Что касается употребляемой ими посуды, то в ее изготовлении и качестве есть различия. У них нет недостатка в предметах утвари, соответствующих случаю. Они употребляют котлы и черпаки, однако котлов для варки риса на пару не знают. Много посуды из необожженной глины, мало используют медной посуды. Едят из одной миски, смешивая разные яства, и берут их пальцами. Обычно они не имеют ложек и палочек, только если кто болен, употребляют медные ложки.

Что же до золота, серебра, медного камня, белой яшмы, огненного жемчуга, то эти земли дают их во множестве. Редкие камни и разного рода драгоценности — диковинных сортов и с разными названиями, их доставляют с берегов моря и обменивают на товары. Впрочем, в торговле, при покупке и продаже, используют золото, серебро, перламутровые раковины и малые жемчужины.

Здесь дано описание страны Индии и ее окраинных областей, в общих чертах рассказано об отличительных чертах климата и земли. Все это изложено лишь предварительно; о различных особенностях управления и обычаев будет подробно рассказано в описании отдельных стран.

Страна Ланьбо в окружности около 1000 *ли*. На севере примыкает к Снежным горам, и с трех сторон высятся [отроги] Черного хребта. Столица в окружности около 10 *ли*. Уже несколько столетий, как прервался царский род, и знать борется [за власть]. Нет главного правителя, и ныне [страна] находится в подчинении у государства Цзябиши. [Земли] пригодны для выращивания риса, много винограда. Хотя здесь много лесных деревьев, урожаи плодов небольшие. Климат мягкий, теплый. Бывает небольшой иней, но не бывает снега. По обычаям этой страны здесь звучит много музыки, жители ценят пение. По характеру они боязливы, настроены на вероломство и обманывают друг друга, чтобы достичь превосходства. Судя по внешности, они низменны, в поведении легкомысленны. Одеваются большей частью в белый войлок, носят яркие украшения. Монастырей около 10, монахов совсем мало, все исповедуют Учение «большой колесницы». Храмов дэвов — 10, иноверцев довольно мало. Отсюда проследовал на юго-восток около

100 *ли*, перешел Черный хребет, переправился через большую реку, прибыл в страну Нагару⁴⁰⁷.

Страна Нагара с востока на запад около 600 *ли*, с юга на север 250–260 *ли*. С четырех сторон окружена горами, нависшие скалы и пропасти грозны и опасны.

Столица [в окружности] около 20 *ли*. Правителя нет, [страна] находится в подчинении у государства Цзябиши. Хлебов изобилие, цветов и фруктов множество. Климат очень теплый, [жители] нрава простого, бесхитростного, но жестоки и воинственны. Пренебрегают собственностью, уважают ученость, почитают Учение Будды, мало привержены иным учениям. Монастырей много, а монахов совсем мало. Ступы запущены, лежат в развалинах. Храмов дэвов — 5, иноверцев примерно 100 человек.

К востоку от города в 3 *ли* есть ступа высотой 300 *чи*, построенная царем Ашокой. Кладка камней необычна, резьба редкого образца. Здесь бодхисаттва Шакья⁴⁰⁸ повстречал Будду Дипанкару⁴⁰⁹. Сбросив накидку из оленьей шкуры и расстелив свои волосы, он закрыл таким образом грязную землю перед Буддой и получил предсказание, [что сам станет Буддой]. Нынешняя кальпа несет с собой разрушение, но следы этого события не исчезли: в дни поста с небес дождем сыплются цветы, простой народ собирает их и с искренними чувствами приносит в дар [ступе].

К западу от этого места стоит монастырь. Монахов в нем мало. К югу от него — небольшая ступа, на том самом месте, что было застелено [волосами]. Она выстроена царем Ашокой в стороне от больших дорог, в уединенном месте.

В городе есть развалины старой ступы. В старинных преданиях говорится: в давние времена здесь хранился зуб Будды, очень большой и по длине, и по ширине, а также замечательной красоты. Однако ныне зуба нет, сохранились лишь остатки древних стен.

Поодаль отсюда есть ступа высотой 30 *чи*. Ни народные предания, ни учителя не знают, откуда она взялась. Говорят только, что она упала с неба и вросла в это место, и что это не человеческое творение, а божественное знамение.

К юго-западу от города, в 10 *ли*, есть ступа. [Некогда] Татхагата средь бела дня летал по воздуху над Индией и обращал [людей]. Следы, где он опускался, остались и в этой стране. В порыве благодарности и восхищения люди построили эти священные стены.

Недалеко, к востоку отсюда, есть ступа. Здесь бодхисаттва Шакья, встретивший Будду Дипанкару, купил цветы.

К юго-западу от города в 20 *ли* подошел к гряде невысоких гор. Здесь стоит монастырь с просторными залами и высокими постройками.

ми — но дворы и помещения пусты, монашеской братии совсем нет. Посредине — ступа высотой 200 *чи*. Построена царем Ашокой.

К юго-западу от монастыря глубокий горный ручей обрывается вниз и плещет водопадом. [По сторонам] стеной стоят грозные скалы. На восточном его берегу, в скале — огромная пещера⁴¹⁰. В ней — жилище дракона Гопалы⁴¹¹. Вход в нее узок и тесен, [а внутри] — глубокий мрак, по каменным стенам струится влага и затем течет по внутренним проходам. В древности здесь была оставлена тень Будды, столь же прекрасная, как и его истинный облик, с его настоящими знаками. В нынешний век люди не часто видят ее, а если и видят, то слабое подобие. Только пред тем человеком, чьи молитвы искренни и чувства глубоки, вдруг вспыхнет на мгновение, долго же нельзя [ее наблюдать].

В старые времена, когда Татхагата еще пребывал в мире, этот дракон был пастухом и поставлял царю молоко. Однажды, допустив оплошность по службе, пастух получил выговор и, досадую, в душе затаил гнев. Он заплатил деньги, купил цветы и совершил приношение ступе Пророчества этими цветами, выразив свое желание стать злобным драконом, разорить страну и погубить царя. Затем он быстро пошел к скале, бросился с нее и умер, а потом возродился в этой пещере в облике великого Царя драконов. Тотчас же он захотел привести в исполнение свои прежние злые замыслы. Но только взыграли в нем дурные помыслы, как прослышал об этом Татхагата. Скорбя о том, что эта страна и народ будут погублены драконом, он с помощью чудесных сил перелетел из Срединной Индии к месту, где жил дракон. Дракон увидел Татхагату, и злой дух в нем усмирился. Он дал обет не убивать и загорелся желанием защищать и утверждать Учение. Стал просить, чтобы Татхагата остался в этой пещере, а его святым ученикам [дракон] совершал бы приношения. Татхагата ответил: «Я сейчас исчезну, тебе же оставляю свою тень и постоянно буду присылать к тебе пятерых архатов за твоими приношениями. И, пока не наступит конец Учения, не переставай [совершать их]. Когда в тебе разыграет злой дух и станет разгораться гнев — гляди на тень, что я оставил. Если это делать с чувством, то злой дух усмирится. Владыки мира, которые грядут в течение этой бхадракальпы, также оставят свои тени».

У входа в пещеру лежат два квадратных камня. На первом камне — следы ног Татхагаты. Знак колеса⁴¹² замечен и ныне. Временами он светится.

Налево и направо от Пещеры Тени, повсюду — места, где святые ученики Татхагаты практиковали самадхи.

К северо-западу от Пещеры Тени, поодаль, есть ступа. Здесь Татхагата возвестил миру «Скандхадхату[аятана-сутру]»⁴¹³.

К западу от Пещеры Тени лежит большой камень — на нем Татхагата расстилал свою одежду после стирки. Отпечаток ее еще виден.

[Идя] на юго-восток от города и пройдя 30 *ли*, подошел к городу Сило⁴¹⁴. В окружности — 4–5 *ли*. Укреплен и неприступен. [Кругом] цветущие леса и озера с водой свежей и прозрачной. Люди, живущие в городе, нрава простого и бесхитростного, приверженцы истинной веры.

Здесь есть высокое здание с пестрыми карнизами и красными колоннами. На втором этаже — малая ступа из «семи драгоценностей», а в ней — ушниша Татхагаты, в окружности 1 *чи* и 2 *цуня*. Следы волос еще видны, [кость] цвета желто-белого; помещена в драгоценный сосуд, поставленный в ступу. Если кто желает узнать добрые и недобрые предзнаменования, то смешивает глину с ароматным порошком и оттискивает на ней кость. И насколько велики его заслуги и глубоки чувства, настолько яркое сияние излучают знаки.

Здесь есть еще малая ступа из «семи драгоценностей», в которой хранится черепная кость Татхагаты, с виду подобная лепестку лотоса и цвета такого же, как ушниша. Также помещена в драгоценный сосуд и запечатана.

Есть и еще малая ступа из «семи драгоценностей», и в ней хранится глаз Татхагаты. Сияет изнутри и излучает свет. Он также запечатан в сосуд из «семи драгоценностей».

Здесь же хранится сангхати Татхагаты. Сшито из тонкой ткани, цвета желто-красного, также вложено в драгоценный сосуд. Проходят годы и месяцы, а оно не ветшает. Есть и посох Татхагаты с кольцом из белого металла и сандаловым древком. Помещен в драгоценный короб.

В давние времена жил царь, и прослышал он о том, что здесь сохраняются вещи, принадлежавшие самому Татхагате. Он посмел захватить их силой и, вернувшись в свою страну, поместил во дворце, где жил сам. Не прошло и двенадцати дней, как он захотел увидеть их — а [реликвии] исчезли и после были обнаружены на прежнем своем месте. Все пять священных предметов обладают многими чудесными свойствами.

Царь Канишка приказал пятерым брахманам нести здесь службу, принося благовония и цветы. Наблюдая, как толпы почитателей тянутся сюда без перерыва, они решились ступить на греховный путь и ради наживы стали обманывать людей, установив непосильную плату. Их указ гласил: кто желает увидеть ушнишу Татхагаты — пусть платит одну золотую монету, кто желает взять оттиск — пять золотых монет, и так — за все остальные реликвии. Хотя [плата] велика, толпы желающих узнать предзнаменования не уменьшаются.

К северо-западу от высокого здания есть ступа. Она не столь велика и высока, но обладает чудесными свойствами: стоит коснуться ее пальцем, как она начинает раскачиваться вся до основания, и звучит музыка.

Отсюда шел на юго-восток через горы и долины, прошел 500 *ли*. Прибыл в страну Гандхару⁴¹⁵.

Страна Гандхара с востока на запад около 1000 *ли*, с юга на север около 800 *ли*. Восточная граница проходит по реке Синь. Столица имеет название Пурушапура⁴¹⁶, в окружности около 40 *ли*. Царская династия прервана, и [страна] подчинена Цзябиши. В селениях запустение, жители малочисленны. В главном городе есть один квартал, где имеется около 1000 дворов. Хлеба здесь родятся в изобилии, цветов и фруктов множество. Много сахарного тростника, из которого получают сахар. Климат жаркий, почти не бывает мороза и снега. Люди по характеру боязливы. Усердны в книжной учености, в большинстве склонны к иной вере, мало привержены истинному Учению. С древних времен и до сих пор из этой области Индии происходят авторы шастр, например, Нараянадэва⁴¹⁷, бодхисаттва Асанга⁴¹⁸, бодхисаттва Васубандху⁴¹⁹, Дхарматрата⁴²⁰, Маноратха⁴²¹, Паршва⁴²² и другие родились на этой земле. Монастырей здесь около 1000, но они разрушены, запущены и безлюдны. Ступы по большей части в развалинах. Храмов дэвов — 100, иноверцы проживают смешанно.

В черте царского города, в северо-восточной его части, есть один древний фундамент. Прежде это была драгоценная башня, [хранившая] патру Будды. После нирваны Татхагаты патра попала в эту страну, где в течение ста лет ей должным образом оказывалось почитание⁴²³. Она перемещалась из страны в страну и теперь пребывает в Поласы. За пределами города, на расстоянии 8–9 *ли* на северо-восток, стоит дерево пиппала⁴²⁴ высотой около 100 *чи*. Крона его пышная, тенистая, густо заплетена. В прошлые времена под ним сидели четыре будды, и до сих пор сохранились изображения четырех сидящих будд. В течение настоящей кальпы здесь будут сидеть 996 будд⁴²⁵. Скрытые духи земли охраняют их, и таится здесь божественный промысел. Шакья Татхагата, сидя под этим деревом и обратившись лицом на юг, возвестил Ананде, говоря так: «После того как я покину мир, пройдет 400 лет и появится царь, владыка мира, по имени Канишка. Недалеко отсюда, в южной стороне, он построит ступу и, обретя большую долю мощей моего тела — кости и плоть, — сохранит в ней».

К югу от дерева пиппала стоит ступа, построенная царем Канишкой⁴²⁶. Царь Канишка через 400 лет после нирваны Татхагаты принял управление над землей от севера до юга, объединив разные части све-

та. Он не имел веры в грехи и добродетели, пренебрегая Учением Будды. И вот он отправился на охоту в луга, и встретился ему белый заяц. Царь самолично погнал его, но, добежав до этого места, тот вдруг исчез. И увидел [царь] мальчика-пастушка, который прямо посреди рощи строил маленькую ступу — высотой 3 *чи*. Царь спросил: «Что ты делаешь?» А пастушок отвечает: «В прошлые времена Шакья Будда в своей великой мудрости пророчествовал: „Явится царь, который на этом достопримечательном месте построит ступу и сохранит внутри нее большую долю мощей моего тела“. Великий царь в своей совершенной мудрости посеял добрые семена в прежних воплощениях. И вот древнее предсказание, благодаря чудесной силе его прекрасных заслуг, сбылось в настоящее время. Потому-то я и явился ныне, чтобы напомнить тебе о нем». Произнеся эту речь, он вдруг исчез. Выслушав сказанное, царь возликовал всей душой и, положившись на это знамение, указывающее на древнее предсказание великого святого, — последовал истинной вере, глубоко почтил Учение Будды. Охватив место той малой ступы, он выстроил свою каменную ступу, желая показать силу своего покровительства и перекрыть ее сверху. Но тут она, к изумлению, вышла из высоты 3 *чи* — как будто выросла, и превысила 400 *чи*. И цоколь возвысился, в окружности приобрел 1 *ли* с половиной; пять его ярусов составили высоту 150 *чи*. Чтобы снова превзойти размеры малой ступы, царь торжественно воздвиг наверху золотые и серебряные зонты — в 15 ярусов. Затем он поместил в нее мощи Татхагаты — 1 *ху*, должным образом устроив убранство и совершив приношения. Только едва лишь он закончил свое строительство, видит — малая ступа вышла из большой и стала рядом, превысив ее наполовину. Царь вознегодовал и набросился на ступу, чтобы остановить наконец ее рост. Разобрал до второго яруса — но в середине каменного цоколя, на прежнем месте, малая ступа вновь выросла. Тогда лишь царь отступился и сказал в восхищении: «Увы! Дела людей легковесны. Божественные силы трудно остановить. Если дело в руках высших сил, чего можно добиться, гневаясь?» Устыдившись в содеянном и признав свою вину, он удалился. А эти две ступы можно видеть по сей день. Если страдающие от болезней хотят, помолившись, исцелиться — умащают [ступы] благовониями, рассыпают цветы, с искренним рвением посвящают себя [Учению] — и все устаиваются исцеления. У каменной стены большой ступы, с южной стороны, высечены две ступы, одна высотой 3 *чи*, другая высотой 5 *чи*, по размеру и форме подобные большой ступе. Также изваяны две статуи Будды в полный рост — одна высотой 4 *чи*, другая высотой 6 *чи*, изображающие его сидящим под деревом бодхи, со скрещенными ногами. Когда жарко светит солнце, они свер-

кают золотым цветом; когда надвигается тень, каменная отделка становится темно-багровой.

Старые люди говорят: несколько сот лет тому назад в трещине каменного фундамента жили муравьи золотистого цвета; большие — величиной с палец, малые — с пшеничное зерно. Слаженно действуя, они прогрызли в этой каменной стене знаки, похожие на резные, и, покрыв золотым песком, создали это изображение, которое можно видеть и ныне. На каменной стене большой ступы, с южной стороны, есть живописное изображение Будды высотой 1 *чжан* и 6 *чи*. Выше груди оно будто разделено на два тела, а ниже груди соединено в одну фигуру. Как повествует старинное предание, жил раньше бедный муж. С трудом зарабатывал он себе на пропитание. И вот раздобыл он одну золотую монету. А хотелось ему заказать изображение Будды для этой ступы. Обратился он к художнику, говоря так: «Мне хотелось бы ныне, чтоб ты начертал прекрасный облик Татхагаты, но у меня лишь одна золотая монета — слишком мало, чтобы оплатить работу. Заветное желание не дает мне покоя, но я стеснен нищетой». Художник, тронутый искренностью его чувств, не стал говорить о цене и согласился выполнить работу. А потом явился еще один человек, в таком же положении, и тоже принес одну золотую монету, прося нарисовать изображение Будды. И вот художник, получив две монеты от этих людей, прекрасными красками написал изображение. Оба человека пришли в один и тот же день, чтобы поклониться картине. Показывая им одно и то же изображение, он разъяснил им обоим, говоря: «Это — вами заказанное изображение Будды». Оба человека посмотрели друг на друга, как будто в недоумении. Художник, чувствуя их сомнения, обратившись к ним обоим, говорит: «О чем же вы размышляете столь долго? Что до тех денег, что я получил, то нисколько не допущено недостачи. Если в этих словах нет неправды, то изображение непременно должно явить чудесное превращение». И не успел его голос стихнуть, как изображение на глазах волшебным образом изменилось, разделившись надвое — и оба засветились в ярком блистании. Оба человека с радостью убедились [в честности художника], прониклись верой и радостью.

В 100 *бу* к юго-западу от большой ступы — статуя Будды из белого камня высотой 1 *чжан* и 8 *чи*, она стоит, обращенная лицом на север. Она обладает многими чудесами и часто излучает свечение. Были люди, которые видели, как статуя выходит по ночам и обходит ступу кругом. В недавнее время здесь была шайка разбойников; они хотели проникнуть сюда и разграбить [сокровища], но статуя вышла навстречу разбойникам, и разбойники тотчас устрешились и отступили. Статуя вернулась на прежнее место и встала так, как и стояла раньше. После того разбойники, покончив с греховными делами, стали на новый

путь и, странствуя по городам и селениям, повсюду рассказывали об этом.

Справа и слева от большой ступы — малые ступы, стоящие тесно, более сотни. Изображения Будды величественны и в высшей степени искусной работы. По временам доносятся изысканные запахи и чудные звуки. Некоторые видели, как риши и святые обходят ступы кругом. Татхагата пророчествовал: когда [большая ступа] семь раз сгорит и семь раз будет восстановлена — иссякнет [время] Учения Будды. Старинные священные записи сообщают, что она уже разрушалась трижды. Перед нашим прибытием в эту страну она пережила пожар и теперь снова отстраивается, и работа еще не завершена.

К западу от большой ступы находится древний монастырь, построенный царем Канишкой. Двухэтажные здания, уступчатые террасы, многоярусные башни, дворы, идущие в ряд друг за другом, — все свидетельствует о славе и великой благодати. Хотя все в развалинах, но явственна работа редкостного мастерства. Монахов здесь мало, исповедуют они Учение «малой колесницы». Со времени основания монастыря отсюда выходили удивительные люди, произошли многие авторы шастр, получившие «священный плод». Слава об их добродетели разносится непрестанно. В третьем двухэтажном здании имеется келья Почтенного Паршвы. Она давно уже опустела, но сохранилась памятная надпись.

Вначале Почтенный был ученым брахманом, а в возрасте восьмидесяти лет «ушел из дома» и надел рубище. В городе малолетние юнцы насмехались над ним: «Глупый старикашка! Как же ты недалек! Ведь тот, кто „ушел из дома“, должен совершить два подвига: первый — воспитать в себе непоколебимость, второй — читать сутры. А ты теперь совсем стар и не сможешь ничего достичь, не в свое время последовав по пути избранных. Тебе бы соображать еще, как поесть досыта!» Тогда Почтенный Бок⁴²⁷, слыша злые насмешки, покинул людей и дал сам себе клятву: «Пока я не постигну „Трипитаку“, не прерву „желания [одного из] трех миров“⁴²⁸, не обрету „шесть священных способностей“⁴²⁹ и не достигну „восьми освобождений“ — до тех пор не преклоню своего бока к циновке!» И после того даже дня ему не хватало — для хождения и «тихого сидения», для стояния в размышлении. Днем он постигал основы Учения, а ночь проводил в чистых помышлениях и сосредоточении. Так прошло три года. Он досконально изучил «Трипитаку». Прервал «желания [одного из] трех миров». Обрел «три проникновенных знания»⁴³⁰. Современники чтили его и стали называть «Почтенный Бок».

К востоку от кельи Почтенного Бока есть древнее строение. Здесь бодхисаттва Васубандху составил «Абхидхармакоша-шастру». Люди чтят его и поместили здесь надпись об этом событии.

В 15 бу к югу от кельи Васубандху — вторая башня. Здесь Маноратха⁴³¹, автор шастр, составил «Вибхаша-шастру». Автор шастр жил в процветании через тысячу лет после нирваны Будды. Смолоду хорошо учился и обладал талантом красноречия. Слава о нем распространилась далеко, и приверженцы Учения уповали на него. В то время Викрамадитья, царь страны Шравастии⁴³², далеко простер свою власть. Он каждодневно рассылал гонцов по всей Индии с пятью сотнями тысяч золотых монет для раздачи бедным, вдовам и сиротам. Государев казначей, видя, что запасы государства оскудели, ужаснулся и, пытаясь хоть как-то обиняками вразумить его, говорил: «Великий царь, своим могуществом покоривший дальние края! Твои щедроты достигают всех, даже насекомых. Ты просил увеличить раздачу до пяти сотен тысяч золотых монет. Из-за этой помощи, раздаваемой на все четыре стороны, мы растратились. Казна пуста. Придется обложить земли еще более высокими налогами. Из-за непрерывного удвоенного налога поднимется ропот недовольства. И тогда государю достанется вся благодарность за повсеместные благодеяния, а министру — все укоры за недобросовестное выполнение долга». Царь сказал: «Избытка у нас еще много. Раздачи недостаточны. Я не должен этим пренебрегать лично. В государственных запасах есть излишества». Вслед за тем он еще увеличил раздачу в помощь бедным еще на пять сотен тысяч. Вслед за тем, поехав на охоту, он преследовал кабана и заблудился. Тому, кто отыщет путь, он сулил вознаграждение в одну сотню тысяч золотых монет. А Маноратха, автор шастр, однажды нанял человека, чтобы побрить голову, и тоже пожаловал ему одну сотню тысяч золотых монет. В той стране был летописец, который сделал запись об этом. Прочитав ее, царь почувствовал себя сильно оскорбленным, был очень недоволен и захотел наказать Маноратху, автора шастр, опозорив его. Тогда он созвал представителей разных учений — достойнейших в учености, непревзойденных в проникновенности. Прибыло сто человек. И он повелел: «Хочу навести порядок в том, что вижу и слышу. Определить надлежащие границы расхождений. В различных учениях можно запутаться, и нет определенного, к чему должно примкнуть. Так выясните же теперь — где хорошее, а где дурное. Сосредоточьтесь на этом и приступите к делу». Когда все собрались на диспут, он повелел прибывшим: «Авторы шастр „внешнего пути“ в равной степени непревзойденны. А вот шраманам, членам сангхи, следует хорошенько представить свои принципы. Если они возьмут верх — то почтим Учение Будды. Если будут повержены — то истребим монахов». Тогда Маноратха, вступив в прения с девяносто девятью последователями «внешнего пути», совершенно привел их к поражению. Но тут сошел с сиденья один человек и, глядя на него с пре-

небрежением, вызвал на беседу. Повели диспут на тему «огонь и дым». Царь и вместе с ним приверженцы «внешнего пути» закричали: «Маноратха, автор шаштр, допустил ошибку, определяя значение слов. Так не бывает, чтобы прежде дым, а потом огонь. Таковой порядок вещей определен навсегда!» Хотя Маноратха пожелал разъяснить затруднение — его не стали и слушать. Видя свое бесчестье, оскорбленный публично, он отрезал себе язык. Потом же написал наставление своему ученику Васубандху: «В этом сборище нет великой справедливости, необходимой в состязании. В этой толпе толкователей не произошло диспута, доподлинно вскрывающего ошибки». После этих слов он умер. Прошло немного времени. Царь Викрамадитья, оставив эту страну, пришел к могуществу царя-чакравартина и оказывал благосклонность прославленным мудрецам. Тогда бодхисаттва Васубандху, желая очистить [своего учителя] от бывшего бесчестья, пришел к царю, разъясняя: «Великий царь властвует со святостью и добродетелью, повелевает в глубокой мудрости. Мой прежний учитель Маноратха был исчерпывающе учен, обладал сокровенным знанием. Прежний царь из застарелой ненависти публично унизил его в собрании знаменитейших людей. Будучи его последователем, я хочу возместить былую несправедливость». Царь [Викрамадитья] знал, что Маноратха был выдающимся человеком, и одобрил Васубандху за достойный поступок. Он призвал сторонников «внешнего пути» на диспут, посвященный Маноратхе. Васубандху разъяснил суть давнего дела. Приверженцы «внешнего пути» признали свою вину и отступились.

Следуя на северо-восток 15 *ли* от монастыря царя Канишки, переправился через большую реку. Прибыл в город Пушкалавати — в окружности 14–15 *ли*. Жителей в нем много. [Внутренние и внешние] ворота соединены коридором. К востоку от города, за воротами, есть храм дэвов. Изображения дэвов, следующие чередой друг за другом, — величественны и обладают чудесною силой. К востоку от города есть ступа, построенная царем Ашокой вблизи того места, где проповедовали четыре будды прошлого. С древних времен святые мудрецы из Срединной Индии приходили сюда для наставления существ. Многие побывали на этой земле — так, Васумитра⁴³³, автор шаштр, здесь составил «Абхидхармапракаранапада-шаштру».

В 4–5 *ли* к северо-западу от города стоит старый монастырь. Дворы и помещения опустели, монахов мало, все исповедуют Учение «малой колесницы». Именно здесь Дхарматрата, автор шаштр, составил «Самьюктабхидхарма-шаштру». Рядом с монастырем есть ступа высотой 100 *чи*, построенная царем Ашокой. Украшена деревянной резьбой и узорным камнем — поистине удивительное творение рук человеческих⁴³⁴. Здесь Шакья Будда, будучи в прошлые времена бодхисаттвой,

в облике царя этой страны, движимый желанием беспрестанно одаривать своей милостью всех существ — отдал на убиение свое тело. Тысячу раз он рождался царем этой страны. В этой благословенной земле он пожертвовал своими глазами⁴³⁵.

К востоку отсюда, недалеко — две каменные ступы, каждая высотой около 100 *чи*. Правая — поставлена Брахмараджей, левая — построена Владыкой дэвов⁴³⁶, и украшены они редкостными драгоценностями и самоцветами. Когда же Татхагата вошел в «тихое угасание»⁴³⁷, драгоценности превратились в камень. Хотя здания в разрушении, но все еще высоки и величественны.

От ступ Брахмы и Шакры шел на северо-запад около 15 *ли* — здесь ступа, где Шакья Татхагата обратил мать духов⁴³⁸, повелев ей не губить людей. Поэтому в этой стране есть обычай совершать ей жертвоприношения, моля о потомстве. От «места матери духов» шел на север около 15 *ли* — здесь ступа на том самом месте, где бодхисаттва Шанмоцзя⁴³⁹, почтительно ухаживавший за отцом с матерью, выискивал плоды для их прокормления и встретился с царской охотой. Царь попал в него отравленной стрелой, но искренность его чувств возымела чудодейственную силу: Владыка дэвов наложил [на рану] лекарство, тронутый его великодушием и безупречной святостью, и тот сразу ожил.

От «места ранения бодхисаттвы Шанмоцзя» шел на юго-восток около 200 *ли*. Прибыл в город Балуша⁴⁴⁰. К северу от города стоит ступа — здесь царевич Судана, подаривший брахману большого слона своего отца-царя, был подвергнут наказанию. На этом же месте он, прощаясь, вышел из городских ворот, изгнанный жителями⁴⁴¹. Поблизости — монастырь, в котором около 50 монахов, придерживающихся Учения «малой колесницы». Некогда Ишвара, автор шастр, составил здесь «Самьютабхидхармахридая-шастру».

К востоку от города Балуша, за воротами, стоит монастырь. Монахов — около 50 человек, придерживаются Учения «большой колесницы». Здесь же есть ступа, построенная царем Ашокой. В прошлые времена царевич Судана, пребывавший в изгнании на горе Дандолоцзя⁴⁴², на этом месте отдал брахману своего сына с дочерью⁴⁴³. Пройдя 20 *ли* на северо-восток от города Балуша, подошел к горе Дандолоцзя. На вершине горы стоит ступа, построенная царем Ашокой. Здесь жил в отшельничестве царевич Судана. Поблизости — еще ступа. Когда царевич отдал брахману сына с дочерью, то здесь брахман бил его сына и дочь, а пролитая кровь окрасила землю. Доныне еще трава и [листья] деревьев окаймлены красным цветом. Меж скал — каменная келья, где царевич вместе с женой утверждались в Учении. В этой долине у всех деревьев опущены ветви, наподобие шатра. Прежде царевич

здесь прохаживался и останавливался. Поблизости — одна каменная обитель, в которой жил древний риши. От обители риши шел на северо-запад около 100 *ли* и, миновав небольшую гору, прибыл к большой горе. С южной стороны горы стоит монастырь. Монахов мало, придерживаются Учения «большой колесницы». Рядом — ступа, построенная царем Ашокой. В прошлые времена здесь жил риши Экашринга, соvrащенный распутной женщиной; риши утратил свою чудесную силу, и та распутная женщина вернулась в город верхом на его плечах.

От города Балуша на северо-восток шел около 50 *ли*; прибыл к величественной горе. На той горе стоит, в зеленом камне, — изображение супруги Махешвары, известной под именем Бхимадэви. И ученые люди, и простой народ говорят, что это изображение божества имеет подлинный ее образ и обладает многими чудесами и потому всеми так чтимо. Из всех стран Индии сюда приходят молиться о благополучии и высказывают свои просьбы. И знатные, и худородные — все собираются здесь, приходя из далеких и ближних мест. Кто возымеет желание видеть божественный образ, должен преисполниться верой, отринуть сомнения и отказаться от пищи на семь дней — и только тогда будет допущен к обозрению. Просьбы в большинстве случаев бывают удовлетворены. Внизу горы есть храм Махешвары. Те иноверцы, кто обмазываются золой, совершают здесь жертвоприношения согласно своему ритуалу.

От храма Бхимадэви шел на юго-восток 150 *ли*. Прибыл в город Удакабханда⁴⁴⁴, окружностью около 20 *ли*. С юга ограничен рекой Синьду. Жители богаты и веселы, денег имеют вдоволь. Редкости всех стран света стекаются сюда во множестве.

От города Удакабханды шел на северо-запад около 20 *ли*. Прибыл в селение Полодуло⁴⁴⁵. Здесь родился риши Панини⁴⁴⁶, составивший «Шэн мин лунь»⁴⁴⁷. В самом начале времен знаков письменности было великое множество. Шло время, кальпа шла к разрушению, мир пришел в запустение. Дэвы-долгожители снизошли на землю, чтобы наставлять людей — и отсюда пошло начало книжной учености, с того времени и из этого источника она получила свое распространение. Брахма и владыка дэвов установили необходимые правила, а каждый риши из иноверцев составил знаки письменности; люди же стали передавать их из поколения в поколение. Однако ученые, не достигшие совершенства, с трудом понимали их. Срок жизни людей сократился до ста лет. И вот появился риши Панини. Он приобрел обширные познания. В свои горестные и ненадежные времена он хотел устранить все ложное, привести в совершенный порядок все беспорядочное. Странствуя в поисках своего пути, он повстречал дэву Махешвару и изложил ему замысел своего труда. И сказал ему дэва Махешвара: «Прекрасно!

Я непременно окажу тебе помощь». Получив от него наставление, риши удалился. Он неустанно совершенствовался и предавался долгим размышлениям; собрал множество слов и создал книгу о знаках письменности, объемом в 1000 шлок⁴⁴⁸; в каждой шлоке — по 32 слога. В ней подведен итог настоящего и прошлого, сведено воедино все о письменах. Он запечатал [свой труд] и представил его правителю. Царь высоко оценил его и издал указ в своей стране: изучать его досконально, как наилучший, а кто прочтет его и применит [знания] с пользой — будет награжден тысячей золотых монет. С тех пор учителя используют исключительно [эту книгу] в преподавании, и она имеет необыкновенно широкое хождение в мире. Вот почему в этом селении брахманы отличаются особой ученостью, обширными познаниями и твердой памятью.

В селении Полодуло есть ступа — на месте, где архат обращал ученика риши Панини. Когда прошло 500 лет с тех пор, как Татхагата покинул мир, жил великий архат, и пришел он из страны Кашмир для обращения этих мест. Увидел он здесь брахмачарина⁴⁴⁹, который побоями вразумлял юного отрока. Говорит архат брахмачарину: «Зачем ты мучаешь этого отрока?» И отвечает ему брахмачарин: «Заставляю его учить „Шэн мин“ — и не могу добиться толку». Архат на это улыбнулся. Старый брахмачарин говорит: «Шраманы милосердны по нраву своему и сострадают всем живым существам. Чему ты сейчас улыбнулся, достойный? Я хотел бы слышать об этом в словах». Архат говорит: «Разъяснить это не так легко. Боюсь вызвать у тебя недоверие и сомнение. Ты, несомненно, слышал о риши Панини, составившем „Шэн мин лунь“ в наставление всему миру». Брахман отвечает: «В этом селении все сыновья признательно чтут его память. Здесь установлены его статуи, и они до сих пор бережно сохраняются». Архат говорит: «А ведь твой нынешний отрок на самом деле и есть тот риши. Обладая сильным умом, он занимался мирской книжностью и обращался лишь к иноверческим шастрам⁴⁵⁰, не изучая истинные принципы. Его душа и его познания пропадали напрасно. Странствуя по кругу перерождений до сих пор, он благодаря остаткам добродетели воплотился в образе твоего отрока. Однако для него все письма мирской книжности — бесполезный и утомительный труд. Разве можно сравнить все это со священным Учением Татхагаты! Добродетели и познания сокровенным образом возвращают плоды былого. [Послушай]: на берегу южного моря было засохшее дерево. В его дуплах жило пятьсот летучих мышей. И жили тогда купцы, и остановились они под этим деревом. В то время поднялся ветер и стало холодно, а люди проголодались и замерзли. Насобирали они хвороста и травы, развели огонь под ним. Языки пламени мало-помалу охватили засохшее дере-

во, и оно загорелось. Тогда среди них был один купец, который с наступлением ночи читал „Абхидхарма-питаку“. Все летучие мыши, будучи объаты огнем, прониклись любовью к звукам Учения, терпели муки и не улетали. Когда они умерли, то получили перерождение согласно заслугам — все они обрели человеческое тело. Покинув дом, совершенствовались в Учении. Слушая голос Учения, они обрели чуткий слух, острое зрение и отточенную мудрость. Все получили „священный плод“ благодаря заслугам, явленным в мире. Когда царь Канишка вместе с почтенным Паршвой созвали пятьсот святых в стране Кашмир и составили „Вибхаша-шастру“ — то это и были те пятьсот летучих мышей из засохшего дерева. Я сам, хотя и незаслуженно, один из их числа. Вот так разнятся результаты добрых и злых дел. Одни бывают вознесены, другие низвержены, у других судьбы остаются нерешенными или прерываются. Достойный! Позволь теперь этому возлюбленному отроку уйти из дому. Благость ухода из дому ради достойной жизни нельзя изъяснить словами).

Произнеся эту речь, архат явил свою чудесную силу и внезапно исчез. В брахмачарине же глубоко заронилась вера. В восхищении он стал рассказывать об этом по всей округе. Затем отпустил того отрока, позволив ему уйти из дому и совершенствоваться в Учении, и тот обратился к вере и глубоко почтил «три сокровища». Односельчане, последовавшие за ним и обращенные [в истинную веру], до сих пор необычайно ревностны.

Следуя от города Удакабханда на север, перешел горы, переправился через реки, шел 600 *ли* с лишним, прибыл в страну Удьяну.

Цзюань III. Восемь стран

Страна Удьяна, страна Болуло, страна Такшашила, страна Сэнхэбуло, страна Улаши, страна Кашмир, страна Баньнуцо, страна Хэлошэбуло.

Страна Удьяна в окружности около 5000 *ли*. В ней непрерывно чередуются горы и долины, а реки и озера соединяются, питая друг друга. Хотя здесь и сеют хлеба, земля дает скудный урожай. Много винограда, мало сахарного тростника. На этих землях добывают золото и железо. Выращивают ароматное растение *юйцзинь*⁴⁵¹. Леса густые, цветов и фруктов — изобилие. И холод, и зной — умеренны, ветры и дожди следуют в согласном порядке. Люди по характеру робки и нерешительны; есть склонность к обману в этом народе. Хорошо образованны, но не усердны в Учении. Почтенным считается искусство

заклинаний. Большинство одевается в белые ткани, другую одежду носят мало. Язык, хотя и имеет отличия, но все же весьма схож с индийским. Знаки письменности, так же как и правила поведения, весьма противоречивы. Здесь почитают Закон Будды, исповедуя Учение «большой колесницы». На реке Субхавасту⁴⁵² некогда было 1400 монастырей — [ныне же] большинство в запустении; прежде было 18 000 монахов, а теперь их становится все меньше и меньше. Придерживаются Учения «большой колесницы», практикуют самадхи; охотно читают вслух таковые тексты, но без проникновения в смысл. Уставы соблюдают усердно. Особенно искусны в заклинаниях. Запреты и предписания соблюдают неукоснительно. Имеются пять школ: 1) дхармагупта; 2) махисасака; 3) кашьяпия; 4) сарвастивада; 5) махасангхика⁴⁵³. Храмов дэвов — около 10; иноверцы проживают смешанно. Сильных городов — 4–5; царь большей частью пребывает в городе Мэнхэли⁴⁵⁴. Город этот в окружности имеет 16–17 *ли* и густонаселен.

К востоку от города в 4–5 *ли* — большая ступа, известная множеством чудесных знамений. Здесь в прошлые времена Будда, приняв облик риши Кшанти, был расчленен царем Цзели⁴⁵⁵.

От города Мэнхэли шел на северо-восток 250–260 *ли*. Вступил в пределы Великих Гор⁴⁵⁶. Прибыл к роднику дракона Апалалы⁴⁵⁷. Именно этот родник является источником реки Субхавасту, которая далее течет на юго-запад. Весной и летом в ней замерзает вода, и с утра до вечера идет снег. Снег сыплет густо — разноцветный, сверкающий блестками.

Этому дракону во времена Кашьяпы Будды выпала судьба родиться среди людей под именем Цзинчжи⁴⁵⁸. Владея искусством заклинаний, он держал в подчинении злых драконов, не позволяя им насылать губительные дожди. Население страны благодаря ему накопило запасы зерна; все многочисленные жители были искренне признательны ему за добро и собирали с каждой семьи по одному *доу* зерна, чтобы совершать ему подношения. Но с течением лет некоторые стали уклоняться от платежей, и Цзинчжи затаил гнев и замыслил сам стать недобрым драконом, чтобы, насылая губительные ветры и дожди, вредить посевам. Ему выпала судьба после кончины принять облик дракона-повелителя этой страны. Овладев истоком реки Байшуй⁴⁵⁹, он стал наносить ущерб плодоносящим силам земли. Шакья Татхагата, в своем великом милосердии правивший миром, пожалел жителей этой страны, сам отправился навстречу опасности и снизошел на это место, желая обратить свирепого дракона. Как Ваджрапани, ударил он палицей по скале — и царь драконов так устранился грома, что тотчас покорился Учению. Выслушав проповедь Будды, он в сердце своем обрел покой и проникся верой. Одолев [дракона], Татхагата повелел

ему больше не вредить посевам. А дракон говорит: «Ведь я кормился за счет урожая с людских полей. А теперь, когда я покорился святому Учению, — боюсь, мне трудно будет обеспечить себя пропитанием. Хотел бы хоть раз в двенадцать лет получать запас хлеба». Движимый сочувствием, Татхагата дал ему такое разрешение. Поэтому-то и ныне раз в двенадцать лет на реке Байшуй случаются наводнения.

В 30 *ли* к юго-западу от родника дракона Апалалы, на северном берегу реки, лежит большая каменная глыба. На ней — следы ног Татхагаты. В зависимости от того, какова добродетель [пришедшего сюда поклониться] человека, они становятся короче или длиннее. Татхагата оставил их, когда, покорив этого дракона, покидал [страну]. Впоследствии люди возвели над ними сооружение из камней. Сюда приходят из дальних и ближних мест, чтобы совершить подношение цветами и благовониями.

Пройдя вниз по течению 30 *ли*, подошел к камню, на котором Татхагата мыл свою одежду. Отпечаток кашаи вдавлен [в камень], как будто выгравирован.

В 400 *ли* к югу от города Мэнхэли подошел к горе Сило⁴⁶⁰. Здесь река течет на запад, а затем поворачивает на восток, в сторону верховьев. Всевозможные цветы, диковинные плоды в изобилии заполняют долины ручьев и берега реки. Горы и пропасти грозны и опасны, долины горных рек извилисты. И слышатся здесь то словно голоса, то звуки музыки. Квадратные камни, похожие на сиденья — как будто человеческой работы, — выстроены один за другим, протянувшись чередой вдоль берега. На этом месте Татхагата в прошлом рождении ради того, чтобы выслушать половину гатхи, излагающей Учение, принял решение пожертвовать своим телом⁴⁶¹.

В 200 *ли* на юг от города Мэнхэли прибыл к монастырю Махавана⁴⁶², расположившемуся на склоне горы. В прошлые времена, пребывая в обличье бодхисаттвы, Татхагата прибыл сюда под именем царя Сафодада⁴⁶³: скрываясь от недруга, он покинул свою страну. Здесь он встретил брахмана, просившего подаяние. Потеряв свой престол, не имея ничего, чтобы подать милостыню, он велел связать себя и выдать как пленника врагу-царю, желая, чтобы тот дал [брахману] вознаграждение, которое заменило бы подаяние.

В 30–40 *ли* к северо-западу, спустившись с горы от монастыря Махавана, прибыл в монастырь Моюй⁴⁶⁴. Здесь ступа высотой 100 *чи*. Рядом — большой квадратный камень. На нем — следы ног Татхагаты. Будда ступил на этот камень в то время, когда, излучая бесчисленные лучи света, осветившие и монастырь Махавана, он рассказывал всем людям и богам историю своих прежних рождений. В основание этой ступы положен камень, цвета желто-белого, который часто источает

чистое масло. Здесь Татхагата еще в облике бодхисаттвы, слушая истинное Учение, расколол свою кость и записал ею слова канона⁴⁶⁵.

В 60–70 *ли* на запад от монастыря Моюй есть ступа, построенная царем Ашокой. Когда Татхагата пребывал в облике боддхисаттвы под именем царя Шибики⁴⁶⁶, стремясь обрести плод Будды, отрезал кусок тела, чтобы дать его орлу взамен голубя.

В 200 *ли* на северо-запад от [ступы] Замены Голубя вошел в долину Шаньнилошэ⁴⁶⁷, подошел к монастырю Сабаошади⁴⁶⁸. Здесь — ступа высотой 80 *чи*. Татхагата в прошлые времена жил в облике Владыки Шакры. Случился голодный год, и начался мор, никакие целебные средства не действовали, дороги были переполнены умершими. Владыка Шакра, полон сострадания, решил прийти на помощь [людям]. Изменив свой облик, он явился огромным питоном, который упал замертво в речной долине, и по воздуху разнеслась молва об этом. Услышавшие возрадовались и чередой поспешили сюда. По мере того как отрезали [куски его тела], оно вновь нарастало. Голод был утолен, болезни излечены⁴⁶⁹.

Неподалеку есть большая ступа Сумо⁴⁷⁰. Когда Татхагата в прошлые времена жил в облике Владыки Шакры, и мир был охвачен мором, он, жалея всех живых существ, превратился в змея Сумо и накормил всех мясом [своего тела] — не было никого, кто бы не насытился⁴⁷¹.

На северном скалистом берегу реки Шаньнилошэ стоит ступа, к которой приходят молиться об исцелении от болезней, — и многие выздоравливают. В прошлые времена Татхагата в облике царя павлинов прибыл сюда вместе со своей стаей. Они были измучены зноем и жаждой — искали воды, но не находили. Царь павлинов ударил клювом по скале — и забил родник, разлившись потоком⁴⁷². Ныне он превратился в озеро, где излечивают недуги питьем воды и купанием. А на скале до сих пор есть следы павлинов.

В 60–70 *ли* к юго-западу от города Мэнхэли, на восточной стороне Большой реки⁴⁷³, есть ступа высотой 60 *чи*, построенная царем Уттарасеной. В прошлые времена Татхагата накануне «угасания» объявил всему миру: «После моей нирваны царю Удьяны Уттарасене суждено получить долю мощей». Когда цари собрались на разделение мощей, царь Уттарасена прибыл с опозданием, и потому его встретили с пренебрежением. Тогда все боги и люди возвестили о предсказании Татхагаты, и [царю] выделили равную долю. И он отправился в путь в родную страну, чтобы с должным ритуалом воздвигнуть ступу. На берегу Большой реки есть большой памятный камень, похожий на слона: в то время царь Уттарасена, возвращаясь в эти места, вез мощи, сидя на большом белом слоне; внезапно слон упал замертво

и превратился в камень. Впоследствии рядом с этим местом поставили ступу.

В 50 *ли* к западу от города Мэнхэли переправился через большую реку. Прибыл к ступе Лусидацзя⁴⁷⁴, высотой около 50 *чи*, построенной царем Ашокой. В прошлые времена Татхагата, пребывая в мире в качестве бодхисаттвы, принял облик царя большой страны по имени Цы-ли. На этом месте он разрезал свое тело, чтобы кровью насытить пятерых якш⁴⁷⁵.

В 30 *ли* к северо-востоку от города Мэнхэли подошел в каменной ступе Эбудо⁴⁷⁶ высотой около 40 *чи*. Здесь в прошлые времена Татхагата произнес проповедь перед всеми людьми и дэвами. После того как Татхагата ушел, она сама выросла из земли. Простой народ глубоко чтит [ступу], непрерывно принося благовония и цветы.

В 30–40 *ли* к западу от каменной ступы, переправившись через Большую реку, подошел к одной обители. В ней есть статуя бодхисаттвы Авалокитешвары — величественная, прославленная таинственными чудесами. Сюда устремляются монахи, и почитание [статуи] не прекращается.

В 140–150 *ли* к северо-западу от статуи бодхисаттвы Гуаньцзыцзай⁴⁷⁷ подошли к горе Ланьболу⁴⁷⁸. На вершине горы — драконье озеро, около 30 *ли* в окружности. Прозрачные волны бегут по широкой водной глади, чистейшая вода сияет, как зеркало.

Некогда царь Вирудхака⁴⁷⁹ напал на шакьев⁴⁸⁰. Четверо из них стойко сопротивлялись, но сородичи приговорили их к изгнанию⁴⁸¹, и они разошлись по свету — кто куда. Один из шакьев, покинув свою страну, был изнурен долгим странствием и упал в изнеможении прямо посреди дороги. В тот же миг к нему подлетел дикий гусь — совсем как ручной, как будто предлагая подойти к нему и сесть на спину. И вот гусь полетел ввысь, — опустился же он у этого озера. Так, странствуя по воздуху, шакья⁴⁸² попал в далекую незнакомую страну. Побрел он, сам не зная куда, и, наконец, лег и задремал под тенистым деревом.

А младшая дочь дракона — [хозяина] озера — как раз вышла на берег погулять. Внезапно увидев шакью, она, не испытывая должной боязни, приняла человеческий облик, подошла и ласкала его. Шакья очнулся и говорил ей, полон благодарности: «Ведь я чужеземец, я изможденный человек. Видя это, почему вверяешься мне?» И, движимый искренним чувством, он стал настаивать, чтоб она с ним спозналась. А дева ему говорит: «Отец с матерью дали мне наказ, который я чту и не нарушаю. Если я втайне привечу тебя, то не исполню родительского повеления». Шакья спрашивал: «Кругом горы и долины, дремучие места — где живешь ты?» А она отвечала: «Я дочь дракона этого озера. В благоговении перед твоим священным родом я слыхала,

что, покинув родину, он скитается и терпит бедствия. Мне выпало счастье, совершая прогулку, обласкать тебя, упавшего в изнеможении. Ты велишь мне разделить с тобою ложе, но я не выслушала еще, какова будет [родительская] воля. Ведь разве не за накопленные грехи я получила это драконье тело? У людей и животных — разные пути, и не слышано, [чтобы они могли сойтись]». Шакья сказал: «Лишь одно твое слово — и я исполню твое заветное желание». Драконова дочь говорит: «Я покорна твоей воле. Пусть будет так». И шакья произнес тогда, как заклинание: «Силою обретенных мною заслуг — пусть эта дочь дракона получит настоящую плоть человека». И силою заслуг драконье существо изменило свое обличье, обрело тело человека.

Оглядев себя, она возликовала и, преисполнившись благодарности, рассказала шакье: «Я накопила дурную карму и в круговороте перерождений странствовала по бедственному пути. Счастливый случай снизошел ко мне, и силою накопленных тобой заслуг тело, страдавшее в течение долгих кальп, изменилось в единый миг. Я так хочу отплатить тебе за добро, но ведь за это и разбиться оземь — недостаточная благодарность. Всем сердцем желаю сопровождать тебя в твоих странствиях. Но, чтобы избежать пересудов, мне нужно объясниться с отцом и матерью, лишь потом я готова служить тебе». И драконова дочь, вернувшись в озеро — объясняться с отцом и матерью, говорила им так: «Нынче, совершая прогулку, я внезапно встретила шакью. Благодаря силе своих заслуг он превратил меня в человека. Мы полюбили друг друга и порешили о дружбе и согласии. Вот я и рассказала вам все, как было». Царь драконов был сердечно рад тому, что ей назначена человеческая судьба, и, искренно почитая священный род [шакьев], согласился на просьбу дочери. Он вышел из озера и, выражая благодарность, сказал шакье:

«Не погнушавшись существом иной природы, ты снизошел к нему, сблизился с низшим. Прошу тебя, удостой своим посещением мое жилище, где услужу тебе сполна». Приняв приглашение царя драконов, отправился шакья в его обиталище. И правда, в драконовом дворце родня встречала жениха с должным почтением и лаской, но они подняли такое разнузданное и безудержное веселье, что шакья, глядя на них в их драконьем обличье, в душе почувствовал отвращение и хотел было выйти, чтобы избавиться от них. Но дракон стал удерживать его, говоря: «Будь благосклонен, не покидай мое скромное жилище. Я передам тебе во владение все земли в окрестностях этого жилища. Они отмечены добрым знаком. Все здесь будут служить тебе, и будешь счастливо и долго править из поколения в поколение». Благодарил его шакья: «И не смею надеяться на то, о чем говоришь». Тогда царь драконов, положив в ларец драгоценный меч и покрыв его

прекраснейшей белой тканью, обратился к шакье с такими словами: «Соблаговоли взять эту ткань и поднеси ее в дар царю этой страны — царь непременно примет его, как дань чужестранца. И в тот самый миг — убей царя и захвати власть над этой страной. Разве это не хороший [план]?»

Получив наставление дракона, шакья тотчас отправился к царю Удьяны для подношения даров. Когда же передавал полотно шакья, то схватил его за рукав и пронзил [мечом]. Тогда царские приближенные и телохранители, придворные всех рангов заметались с криком, а шакья, взмахнув мечом, провозгласил: «У меня в руках меч, полученный от чудесного дракона, — для того, чтобы наказать нерадивых, для того, чтобы казнить непокорных!» И все, убоявшись его волшебного могущества, выразили свою покорность, как великому властителю. Он искоренил злоупотребления и установил порядок, возвысил мудрых и оказал покровительство немощным. Затем в сопровождении большой свиты, царским выездом, он двинулся в путь, направляясь во дворец дракона, чтобы доложить об исполнении его повелений. Вместе с драконовой дочерью вернулся он в столицу.

А [злая] карма драконовой дочери не была еще исчерпана, часть воздаяния еще оказывала свое действие: всякий раз, когда она шла ко сну, из головы ее вырастал девятиконечный верх драконова тела. У шакьи это вызывало отвращение. Не зная другого средства, он улучил момент, когда она заснула, и отрубил его острым ножом. Драконова же дочь, пробудившись, говорит: «Это не принесет пользы твоему потомству. Не только моя судьба понесет свои небольшие потери, но и сыновья твои, и внуки надолго впредь будут страдать от головной боли». Потому-то [царский] род этой страны постоянно терпит такую болезнь, проявляющуюся хотя и непродолжительными, но иногда сильными приступами. Когда шакьи не стало, престол унаследовал его сын, известный под именем царя Уттарасены.

Вскоре после того как царь Уттарасена принял в наследство престол, его мать потеряла зрение. Татхагата же, совершая обратный путь после покорения дракона Апалалы и путешествуя по воздуху, опустился посреди этого дворца. Царь Уттарасена как раз в это время отправился на охоту. Ради исцеления его матери Татхагата произнес проповедь об основах Учения. Восприняв чудодейственную силу Учения, она вновь обрела зрение. И спросил ее Татхагата: «Твой сын — моего рода. Где он сейчас?» Мать ответила: «Он сейчас выехал на охоту. Вот-вот вернется домой». Татхагата вместе с сопровождающими уже собирался отправиться в дальнейший путь, и мать сказала ему: «Силою обретенных [в прошлом] заслуг я родила наследника священного рода. Татхагата в великодушии своим удостоил нас своим посе-

щением. Мой сын сейчас вернется. Останься ненадолго и подожди его!» Но Владыка Мира произнес: «Этот человек — моего рода, и он способен, лишь только прослышав о поучении, обратиться к вере. Не нужно моего личного наставления, чтобы он утвердил веру в сердце своем. Когда я уйду — он вернется, а ты передай ему: „Сюда приходил Татхагата. Теперь он отправился в город Кушинагару⁴⁸³, на то место, что между деревьями *соло*⁴⁸⁴, и там навечно войдет в нирвану. А тебе самому следует взять его чудодейственные мощи и совершить приношение [в ступу]“».

И Татхагата вместе со свитой поднялся в небо и скрылся. А царь Уттарасена, пребывая на охоте, издалека увидел — горит ослепительный свет. Подозревая пожар, он бросил охоту, вернулся домой и видит, что мать прозрела. Возрадовался он и спрашивает: «Сколько же времени меня не было, что произошло такое чудо? Как это случилось, что моя возлюбленная мать обладает зрением, как было прежде?» И мать рассказала: «Как только ты уехал, сюда явился Татхагата. Я слушала Будду, проповедующего Учение, и вот вновь обрела зрение. Отсюда же Татхагата отправился в город Кушинагару, в то место, что между деревьями *соло*, чтобы навечно войти в нирвану. А тебе он повелел скорее отправляться за своей долей чудесных мощей». Лишь услышал об этом царь, как закричал горестно и повалился наземь. Придя же в себя, повелел поспешно снаряжаться в путь. Прибыл он к месту, где стоят два дерева, — а Будда уже вошел в нирвану. Сначала цари разных стран пренебрежительно отнеслись к нему как приехавшему из окраинных земель, и не хотели с ним делить драгоценные мощи. Тогда боги, собравшись вместе, дважды провозгласили волю Будды. И услышав это, цари сразу вручили ему равную долю [мощей].

От города Мэнхэли шел на северо-восток. Миновал горы, перешел долины. Вверх по реке Синьду дороги становятся опасны, а горы и долины мрачны и дики. То ступаешь по канатам, то хватаешься за острые выступы. Пробиты узкие тропы, идущие [по краю] над пустотой, и наведены висячие мосты, весьма опасные; выбитые [в скале] ступени восходят ввысь. Шел около 1000 *ли*. Прибыл к реке Далило⁴⁸⁵, подошел к прежней столице Удяны. Здесь добывают много желтого золота, а также ароматную *юйцзинь*⁴⁸⁶. На реке Далило, в большом монастыре, есть статуя Милосердного бодхисаттвы⁴⁸⁷, вырезанная из дерева. Она сияет золотым цветом, имеет прекрасный облик и обладает тайной силой. Высотой около 100 *чи*, создана архатом Мадхьянтикой⁴⁸⁸. Архат с помощью чудесных сил вознес ваятеля на небеса Тушита, чтобы он своими глазами увидел [бодхисаттву]. Лишь в третий раз возвратившись оттуда, он смог закончить статую. И тогда Учение дало восточное ответвление.

Отсюда шел на восток. Миновал горные хребты, преодолел долины. Вверх по реке Синьду страшно идти по висячим мостам, и броды опасны. Преодолев 500 *ли*, прибыл в страну Болуло⁴⁸⁹.

Страна Болуло в окружности около 4000 *ли*. Расположена посреди Больших Снежных Гор. Вытянута с востока на запад, сужена с юга на север. Много пшеницы и бобовых. Добывают золото и серебро, и торгюя золотом дает большие доходы. Климат резко холоден. Люди по характеру грубы и жестоки, пренебрегают гуманностью и справедливостью, а о правилах приличия и не слыхали. С виду дики и неопрятны, носят грубую шерстяную одежду. Знаки письменности очень схожи с индийскими, язык отличен от других стран. Монастырей насчитывается 100, монахов — 1000 человек; в учености они не совершенствуются, в соблюдении монашеских правил распущены.

Отсюда вернулся в город Удакабханда и, следуя на юг, перешел реку Синьду. Река шириной 3–4 *ли*, течет на юго-запад. Воды ее, сияя зеркальной чистотой, катятся шумными волнами. Свирепые драконы и дикие твари прячутся в ее глубинах. Если кто перевозит драгоценности, цветы или фрукты редких сортов — лодка непременно будет потоплена шквалом. Переправившись через реку, прибыл в страну Такшашилу⁴⁹⁰.

Страна Такшашила в окружности около 2000 *ли*. Столица в окружности около 10 *ли*. Князья здесь соперничают, царская династия прервана. Прежде [эта страна] была подвластна государству Цзябиши, теперь же находится в подчинении у государства Кашмир. Земли плодородны, дают богатый урожай хлеба. Множество рек. Цветы и фрукты в изобилии. Климат мягкий, теплый. Характер народа легкий и храбрый. Почитают «три сокровища». Хотя монастырей много, они находятся в сильном запустении; монахов совсем мало. Исповедуют Учение «большой колесницы». В 70 *ли* к северо-западу от столицы есть озеро дракона Элапатры⁴⁹¹, в окружности около 100 *бу*. Воды его чисты и прозрачны, пестреют цветами лотосов — разного цвета, но равно великолепными. Этот дракон во времена Кашьяпы Будды был бхикшу, который поломал дерево Элапатра. Именно поэтому, когда ныне приходят из других земель к этому озеру молиться о дожде или солнечной погоде, то обязательно вместе со шраманом. И просьба вмиг исполнится — сообразно заслугам [просящего].

От драконова озера шел на юго-восток около 30 *ли*, вошел в проход между двумя горами. Здесь имеется ступа, построенная царем Ашкой, высотой около 100 *чи*. Существует пророчество Шакьи Татхага-

ты: в то время, когда придет в мир Майтрейя и будут существовать «четыре великих сокровища»⁴⁹², то одно из них — именно в этом месте.

В старинных преданиях говорится: когда случаются землетрясения и повсюду содрогаются горы, то на 100 бу вокруг — нет сотрясения. Как рассказывают, один неразумный человек в безрассудстве своем стал раскапывать [это место] — земля стала содрогаться, и тот человек упал ниц.

Поблизости есть монастырь — в развалинах и запустении, и в нем давно уже нет монахов.

В 12–13 ли к северу от города есть ступа, построенная царем Ашокой. Когда наступают дни поста, она ярко светится и с неба сыплются цветы. В старинном предании говорится: в недавнее время жила женщина, больная проказой. Придя к ступе, она поклонилась и смиренно молилась. Увидев во дворах и помещениях грязь и нечистоты, она убрала их и подмела, поливая землю водой, а затем натерла благовониями и рассыпала цветы, и, более того, устелила землю цветущими лотосами. Болезнь тотчас прошла, а внешность [женщины] стала еще красивее, тело же стало источать аромат, подобный запаху цветущего лотоса. Это же место знаменито тем, что здесь Татхагата, совершенствуясь в качестве бодхисаттвы, в облике царя большой страны по имени Чандрапрабха пожертвовал [своей жизнью], отрубив голову⁴⁹³, и с тех пор отсекал ее в течение тысячи перерождений.

Рядом со ступой Отсечения Головы есть монастырь. Дворы и помещения его безлюдны, монахов совсем мало. Учитель Кумаралабдха школы саутрантика⁴⁹⁴ здесь создавал свои книги.

В стороне от города, с юго-восточной стороны, у северного склона южной горы есть ступа высотой около 100 чи, построенная царем Ашокой в память о тех событиях, когда сына его, царевича Куналу, лишили зрения из-за клеветы злой мачехи⁴⁹⁵. Слепые [приходят сюда] молиться, и многим тогда возвращается зрение. Царевич тот, рожденный от первой царицы, отличался изысканной красотой, славился добрым нравом и почтительностью к старшим. Первая царица умерла, а новая жена оказалась строптивой и развратной. Дав волю своему темному началу, она пыталась совратить царевича. Царевич со слезами призывал ее отступить и повиниться, но мачеха, встретив отказ, пришла в ярость. Улучив подходящую минуту, она, будто невзначай, говорит царю: «Что, если власть над страной Такшашилой поручить твоему любимому сыну? Уже ныне царевич славится своей добродетелью и сыновней почтительностью, о его доброте и мудрости говорят все». Царь, введенный в заблуждение этими речами, легко поддался вероломному замыслу и, тотчас призвав царевича, наставлял его, го-

вора: «Я получил власть по наследству и передаю далее наследие предков. Боюсь лишь одного: уронить честь моих царственных предков. Я ныне передаю тебе в управление пограничную область Такшашилу. Храни эту страну в мире, дела государства исполняй усердно. Человеческая натура податлива на слабости. Не полагайся безрассудно на недостаточно обоснованные решения. Каждый раз, когда получаешь приказ, проверяй оттиск моих зубов. Если печать будет у меня во рту — то как можно ее подделать?»

Получив приказ, царевич принял правление. Шло время, но мачеха все была преисполнена злобы. Изготовив поддельный указ, она запечатала его краской для печатей и, когда царь заснул, оттиснула на ней зубы царя, — а затем спешно послала гонца, вручив ему этот обвинительный указ. Советники коленопреклоненно зачитали его и между собой сочли за ошибку. А царевич спрашивает их: «Чем вы так опечалены?» — «Великий царь издал указ. В своем обвинительном письме он повелевает, чтобы царевичу выкололи глаза, а затем изгнали в горы и вместе с женой предоставили его своей участи — жить или умереть. Хотя и получен этот приказ, пока не стоит подчиняться ему. Теперь следует повторно испросить прощения [у царя], изъявляя готовность принять на себя кару». Но царевич сказал: «Отец жалуется меня наказанием. Как можно послушаться? Вот печать с оттиском зубов. Все верно, и не может быть ошибки!» — и приказал чандале⁴⁹⁶ выколоть глаза.

И так — без глаз, лишенный света, он ушел, прося подаяния, чтобы прокормиться. Скитаясь в изгнании по разным местам, он подошел к столице, где правил отец. И сказала жена царевича: «Вот он, царский город». «Увы! — [подумал царевич]. — В голоде, в холоде честно переносу страдания. Прежде — царский сын, а теперь — нищий бродяга. Хочу знать — неужели так тяжки мои прежние прегрешения?» И возник у него замысел. Вошел он в царский конный двор и,ждавшись ночной темноты, обратился полным слез лицом к прохладному ветру и запел протяжно горестным напевом, перебирая струны вины⁴⁹⁷. Царь, сидя в высоком тереме, услышал изысканное пение, и слова той песни были необычайно жалобны. В удивлении царь спросил: «Слышу пение и звуки вины. Так поет только мой сын! Но что сегодня привело его сюда?» И он послал на конский двор — спросить, кто там поет. Привели [царевича], и предстал [перед царем] слепец. Царь узнал своего сына и, сдерживая скорбь, спросил: «Кто нанес тебе увечье? Какое нежданное горе — мой возлюбленный сын лишен зрения и больше не сможет никого узнать! Как же он будет вникать в дела всех своих подданных? О Небо! О Небо! Как же низко пала справедливость!» Царевич горестно заплакал и с благодарностью отвечал:

«Поистине из-за небрежения сыновним долгом я повинен перед небесами. В такой-то год, месяц и день я получил ваш милосердный указ и, не имея оснований не подчиниться, не мог уклониться [от наказания]». Так царь узнал о беззаконии, совершенном его второй женой. Он не стал расследовать ее вину, а наложил должное наказание.

В то самое время в монастыре Деревя Бодхи жил великий архат по имени Гхоша, непревзойденный в «четыре искусства красноречия» и в полной мере овладевший «тремя проникновенными [знаниями]». Царь представил ему сына, поведал его историю и просил проявить участие к его горю, вернуть ему зрение. И тогда архат, получив просьбу царя, в тот же день объявил народу: «Послезавтра я буду говорить о сокровенной истине. Пусть каждый человек, который придет слушать Учение, принесет сосуд, чтобы собирать в него слезы». И тогда поспешно стал сходить народ из дальних и ближних мест; мужчины и женщины собрались толпой. В то время когда архат говорил о двенадцати ниданах⁴⁹⁸, каждый, кто слушал Учение, не мог удержаться от слез, и те слезы были собраны в сосуды, которые люди держали в руках. Когда проповедь закончилась, архат слил воедино это обилие слез; поместив их в золотой чан, он молитвенно произнес: «Я говорил о высшей истине Будды. Если Учение не истинно и сказанное ошибочно, то — увь! Если же это не так, то пусть этими обильными слезами будут умыты ослепшие глаза, и вернется им свет, и будут они видеть так же зорко, как прежде». Проговорив эти слова, он омыл глаза [царевича], и тот сразу прозрел.

После этого царь стал расследовать вину министров и допрашивать всех чиновников. Одних он уволил, других сместил, третьих переселил, четвертых приговорил к смерти. Людей же наиболее влиятельных в народе [из виновных] сослал в пустыню, что находится к северо-востоку от Снежных Гор⁴⁹⁹.

Отсюда шел на юго-восток, пересекая горы и долины, около 700 *ли*, и прибыл в страну Сэнхэбуло⁵⁰⁰.

Страна Сэнхэбуло в окружности 3500–3600 *ли*. Западной границей служит река Синьду. Столица в окружности 14–15 *ли*; обрывистые горы, как стены, защищают ее. Земледелием здесь занимаются мало, хотя земли весьма плодородны. Климат холодный, жители нрава сурового. В обычае народа — храбрость и мужество, хотя много и мошенничества. В стране нет ни князя, ни правителя; она подчинена государству Кашмир.

К югу от города, на небольшом расстоянии, есть ступа, построенная царем Ашокой. Она богато украшена, но повреждена и славится постоянными чудесами. Рядом стоит монастырь, но пустой, совсем без

монахов. К юго-востоку от города в 14–15 *ли* пришел к каменной ступе, построенной царем Ашокой, высотой около 200 *чи*. Слева и справа красиво расположены десять водоемов: берега отделаны резным камнем необычной красоты и разных пород. В быстрых потоках чистые воды текут стремительно и бурно; драконы, рыбы и другие водные существа прячутся в пещерах. Множество плодов созревают здесь в изобилии — равно превосходны, но разного цвета. Наилучшее место для прогулок.

Рядом стоит монастырь, в котором давно прекратила жизнь монашеская община. Неподалеку от ступы есть место, где первоучитель «белых одежд», иноверцев⁵⁰¹, постиг истину, к которой он стремился, и произнес первую проповедь. Надпись [об этом событии] сохранилась донныне. Рядом построен храм дэвов; здесь аскеты денно и ночью без устали предаются самадхи. Учение, которое проповедовал их первоучитель, во многом повторяет учение буддийского канона. Классификация принципов и основы учения подражают [буддийским] установлениям. Старших называют бхикшу, младших — шраманера. Правила винаи очень схожи с [уставами] буддийских общин, только они оставляют пучок волос [на голове] и ходят нагими; если же носят одежду, то белую, отличающую их [от иных сект]. На основании этих особенностей они постепенно приобрели отличия. Изображения их божественного учителя подобны изображениям Татхагаты, различаясь только одеждой, а в основных приметах нет отличия. Возвращаясь отсюда в сторону Такшашилы — к северной границе, переправился через реку Синьду и прошел на юго-восток около 200 *ли*; миновал большие каменные ворота. Некогда Махасаттва, в облике царского сына, на этом месте отдал свое тело на съедение тигру⁵⁰².

К югу отсюда в 140–150 *бу* стоит ступа. Махасаттва, питая жалость к обессиленным голодом зверям, пришел сюда и, проколов свое тело сухим бамбуком, напоил их кровью, а затем отдал на съедение себя. На этом месте все травы и деревья немного окрашены в красный цвет, будто донныне обгарены кровью. Люди, ступая по этой земле, ранят себя колючками и, кто бы ни был — сомневающийся или верующий, — испытывают сострадание [к Махасаттве]. К северу от ступы Отданного Тела стоит каменная ступа высотой около 200 *чи*, построенная царем Ашокой. Она украшена дивной резьбой и временами излучает чудесный свет. Маленькие ступы, а также ниши, числом около ста, окружают небольшое кладбище. Больные обходят их по кругу, и многие выздоравливают. К востоку от ступы — монастырь: монахов около 100 человек, исповедуют Учение «большой колесницы».

Отсюда шел на восток около 15 *ли*. Пришел к одинокой горе, на которой стоит монастырь. Монахов около 100 человек, исповедуют Уче-

ние «большой колесницы». Здесь в изобилии произрастают цветы и фрукты, а водоемы с родниками сияют, как зеркало. Тут же есть ступа высотой около 300 *чи*. На этом месте Татхагата обратил злого якшу и приказал ему не есть мяса. Отсюда шел на юго-восток; горы и долины тянулись около 500 *ли*. Прибыл в страну Улаши⁵⁰³.

Страна Улаши в окружности около 2000 *ли*. Горы и холмы тянутся непрерывно, оставляя лишь тесные места для пашенных земель. Столица в окружности 7–8 *ли*. Нет верховного правителя, [страна] подчинена государству Кашмир. [Земли] пригодны для возделывания. Мало цветов и фруктов. Климат теплый, мягкий. Редко бывает мороз и снег. В местных обычаях нет этикета и справедливости. Люди по характеру суровы и храбры, но весьма склонны к вероломству. Не привержены Учению Будды.

В 4–5 *ли* к юго-западу от города есть ступа высотой около 200 *чи*, построенная царем Ашокой. Рядом — монастырь, монахов в нем мало, все изучают Учение «большой колесницы». Отсюда шел на юго-восток, миновал горы, перешел долины, перебрался по железному мосту. Пройдя около 1000 *ли*, прибыл в страну Кашмир⁵⁰⁴.

Страна Кашмир в окружности 7000 *ли*. С четырех сторон горы. Они крайне высоки и опасны; впрочем, имеются проходы, но узкие и тесные. С древности враждебные соседи не могли совершать нападения [на эту страну]. Столица стоит на большой реке, протекающей по западную сторону [города], который имеет с севера на юг 12–13 *ли*, с востока на запад — 40–50 *ли*.

Земли благоприятны для земледелия, много цветов и фруктов. [Страна] славится конями драконовой породы и шафраном, огненным жемчугом, целебными травами. Климат очень холодный. Много снега, изредка бывают ветры. [Жители] одеваются в шерстяные ткани, носят белые одежды. Местные обычаи легкомысленны, люди по характеру боязливы. Страна охраняется драконом, и поэтому здесь не боятся соседей. Внешне [жители] красивы, но по характеру склонны к вероломству. Весьма учены и очень сведущи.

Истинная вера здесь пришла в упадок, разных верований — множество. Монастырей около 100, монахов и учеников около 500. Есть четыре ступы, построенные царем Ашокой, в каждой — по *шэню* мощей Татхагаты.

В преданиях этой страны говорится: земли эти первоначально были драконовым озером. В прежние времена Будда, Почитаемый в Мире, возвращался в Срединную страну⁵⁰⁵ из страны Удьяны, где укротил злого духа, и, перелетая по воздуху над Кашмиром, сказал, обратив-

шись к Ананде: «После моей нирваны появится архат Мадхьянтика. Он создаст государство на здешних землях, облагородит людей, распространит Закон Будды».

На десятый год после нирваны Татхагаты ученик Ананды Мадхьянтика овладел «шестью священными способностями», постиг «восемь путей к освобождению»⁵⁰⁶. Прослышав о предсказании Будды, он возликовал и тотчас отправился туда, на вершину большой горы. В радости он остановился посреди рощи, выказывая великое искусство чудесных превращений. Увидевший это дракон глубоко уверовал и стал просить архата — мол, возьми у меня что пожелаешь. Архат же говорит: «Хочу вступить в озеро. Удели [мне участок такого размера], чтобы поместились колени». Царь драконов и вправду отвел воду и подарил [землю]. Архат же чудесным образом увеличил свое тело. Царь драконов торопливо, изо всех сил стал отводить воду — и озеро высохло, вода иссякла. Дракон, барахтаясь [в воздухе], стал молить архата о месте [для жилья]. [Архат ответил]: «К северо-западу отсюда осталось еще озеро около 100 *ли* в окружности. Ты сам и твои родственники можете жить в том маленьком озере». Говорит тогда Царь драконов: «Все земли из-под озера я дарю тебе. Хотел бы, чтобы и впредь ты получал мои приношения». На что Мадхьянтика ответил: «Я здесь пробуду недолго. Скоро достигну нирваны. Если захочу получать приношения, как ты хочешь, то как же обрету умиротворение?» Царь драконов в другой раз стал просить: «Тогда пусть 500 архатов постоянно получают мои приношения до наступления конца Учения. После конца Учения я снова займу страну, чтобы жить в своем озере».

Мадхьянтика согласился с просьбой. И вот тогда-то архат получил эти земли. Применяя чудесные силы, он построил 500 монастырей. В окрестных странах закупил низкорожденных молодых людей для услужения и подарил их монахам. После нирваны Мадхьянтики эти подлые люди сами установили свою власть, но население соседних областей презирало их за низость происхождения и не сближалось с ними, называя их критьями⁵⁰⁷. С того времени родники [в этой стране] стали переполняться и переливаться через край.

Через 100 лет после нирваны Татхагаты царь страны Магадхи⁵⁰⁸ Ашока волею судеб достиг владычества над миром и распространил свою власть на далекие страны. Он глубоко уверовал в «три сокровища»⁵⁰⁹, покровительствовал «четырем видам живых существ». В те времена жили 500 монахов-архатов и 500 монахов-еретиков⁵¹⁰. Царь почитал их и снабжал пищей, не различая тех и других. Был монах-еретик Махадэва, обладавший пронизательным умом и многими познаниями. Подлинная слава о нем распространилась далеко. Он отличался широтой мысли и искусством рассуждения. Но в постижении

истины он уклонялся от верного Учения и познания имел еретические. Многие следовали его ложным принципам.

Царь Ашока не распознавал ложного и истинного. Поэтому, в чем он почувствует добро, то и принимал близко к сердцу. Однажды царь собрал монахов и учеников, чтобы они отправились к реке Цзя на дискуссию, намереваясь утопить их в глубокой реке. Архаты встревожились от угрожавшей им смертельной опасности и, перенесясь чудесным образом над горами и пропастями по воздуху, прибыли в эту страну, найдя прибежище среди гор и долин. Услышав об этом, царь Ашока раскаялся и сам пришел к ним, просил прощения за свою вину, приглашал их вернуться в родную страну. Однако архаты решительно отказались последовать его приказу. Царь Ашока построил для архатов 500 монастырей, все в этой стране, поддерживал монахов дарами.

На 400-й год после нирваны Татхагаты царь Гандхары Канишка в соответствии с предначертаниями судьбы распространил свое владычество на далекие страны, и разные области вошли в его державу или были подвластны ей. Всякое свободное от государственных дел время он изучал буддийский канон, каждый день приглашал монаха, который приходил во дворец и проповедовал. Однако различия в толкованиях [Закона] и несхожесть [учений] разных школ повергли царя в глубокие сомнения, и смятение его не проходило.

В то время почтенный Паршва говорил: «Годы и месяцы минули с тех пор, как Татхагата покинул мир. Ученики его разделились на отдельные школы, учителя стали давать разные толкования. Каждый придерживался своих убеждений, и все противоречили друг другу». Когда царь услышал об этом, то стал весьма расстроен и надолго охвачен печалью. Обратившись к почтенному Паршве, он сказал: «Только благодаря множеству заслуг, приобретенных мною в прежних перерождениях (ведь прежняя мудрость, хотя и далека, но должна возыметь действие), я осмелюсь, забыв о собственном несовершенстве, способствовать процветанию буддийского Учения и привести разные школы к согласию в осмыслении „трех сокровищ“».

Почтенный Паршва сказал так: «Великий царь, посеяв в прежних перерождениях корни добра, накопил множество заслуг. Пусть он остается преданным Учению Будды — именно таково мое желание».

Тогда царь отдал приказ, чтобы из дальних и ближних мест собрались на собор ученые мудрецы. И вот с четырех сторон света, проносясь через мириады *ли*, подобные звездам, собрались все самые талантливые и достойные мудрецы отовсюду. Семь дней они получали «дары четырех [вещей]» и затем хотели начать обсуждение, но боялись споров и разногласий. Тогда царь открыто сказал монахам:

«Пусть те, кто обрел „священный плод“, останутся, а те, кто связаны [мирскими путями]⁵¹¹, пусть возвращаются». Однако мудрецов осталось множество. И вновь царь отдал приказ, чтобы те, кто «не в обучении», остались, а те, кто еще «в обучении», пусть уходят обратно⁵¹². Но по-прежнему [собравшиеся] были многочисленны. И снова вышел указ: «Те, кто обрел „три проникновенных знания“ и в совершенстве овладел „шестью способностями“, пусть остаются; все остальные пусть возвращаются». Однако их все еще было много. И снова вышел приказ: «Те, кто исчерпывающе проник в смысл „трех сокровищниц“⁵¹³ и, кроме того, постиг „пять наук“, пусть останутся, все остальные пусть возвращаются». И вот осталось 499 человек.

Царь хотел отправиться в родную страну⁵¹⁴; здесь он страдал от жары и сырости, и еще он хотел бы остановиться вблизи Раджагрихи, в каменных кельях, где Махакашьяпа проводил собор⁵¹⁵. Почтенный Паршва и другие стали отговаривать его: «Не нужно. Там много приверженцев иных толков, которые посторонними рассуждениями вовлекут нас в споры. Из-за обрядов гостеприимства не останется свободного времени, как же мы будем дискутировать? Всем монахам по душе эта страна. Она надежно защищена горами, охраняется якшами. Земли здесь плодородны, продукты обильны. Здесь живут мудрецы. Здесь останавливаются в своих странствиях святые отшельники. Мы все рассудили, что лучше остаться здесь». Объявив о своем согласии, царь остался вместе с монахами. Построили монастырь. И вот, когда они, собрав «три сокровищницы», намерились приступить к составлению текстов, на пороге появился почтенный Васумитра⁵¹⁶ в своей [монашеской] одежде. Архаты, обращаясь к Васумитре, говорят: «Ты не преодолел еще связанности [мирскими путями]. Споры с тобой приведут к заблуждениям. Тебе следует уйти, а не оставаться здесь». Но ответил им Васумитра: «Мудрецы разбираются в Учении, не имея сомнений, и могут наравне с Буддой объяснять великие истины. [Поэтому] вы хотите создать истинные шастры. Я же, хотя и не слишком умен, а равно неискусен в употреблении слов, все же в совершенстве изучил „три сокровищницы“ и постиг „пять наук“, проникнув в их глубокий смысл». Архаты же говорят: «Слов недостаточно, чтобы убедить. Ты должен нас уверить, что достиг степени „не в обучении“, и тогда оставайся с нами здесь. Пospеши же, еще не поздно».

Говорит Васумитра: «Для меня эта степень слишком низка. Я буду просить о „плоде Будды“. Не следует идти по узкому пути. Я брошу вот этот тряпичный мячик и, прежде чем он упадет на землю, обрету священный плод „не в обучении“».

Архаты вновь заговорили неодобрительно: «Ты чрезмерно горд, если вот так называешь [плод „не в обучении“]. Обладание этим плодом

восхваляется всеми буддами. Ты должен скорее обрести его, чтобы разрешить всеобщие сомнения».

И вот Васумитра подбросил в воздух тряпичный мячик. Небожители поймали мячик и спрашивают: «Ты хочешь обрести „плод Будды“? Ведь ты посещаешь Майтрею [на небесах], тебя почитают в трех мирах, тебя славят „четыре вида живых существ“⁵¹⁷. Зачем же ты хочешь обрести столь малый плод?»

Архаты, увидев воочию такое чудо, стали просить прощения за свою вину, восторгаться его достоинствами, просили его возглавить их, чтобы всё, в чем будет сомнение, решать в зависимости от его мнения. Таким образом, мудрецов теперь стало 500.

Сначала они составили «Упадеша-шастру» в 100 000 шлок для объяснения «Сутрапитаки», затем «Винайавибхаша-шастру» в 100 000 шлок для объяснения «Винайпитаки». Затем составили «Абхидхарма-вибхашу»⁵¹⁸ в 100 000 шлок для объяснения «Абхидхармапитаки». Всего — 300 000 шлок, 250 000 000 слов. Были полностью объяснены «три сокровищницы». Из тысячи древних [текстов] нет такого, который бы настолько охватил все ветви знания, с таким проникновением во все тонкости. Великие истины обрели новое сияние. Сокровенным словам был возвращен их ясный смысл. [Эти сочинения] были распространены повсюду, и последующие поколения опирались на них. Царь Канишка повелел выгравировать буквы шастр на листах красной меди, запечатать их в каменный сосуд и построить ступу, поместив в нее канон, а духам-якшам приказал со всех сторон охранять эту страну. Не разрешил последователям иных учений вынимать эти шастры, чтобы те, кто стремится совершенствоваться в учености, именно здесь получили образование. Завершив эти деяния, он повел свое войско обратно, в свою столицу. Выходя из страны через западные ворота, он преклонил колена, обратившись на восток и на запад, и вновь передал в дар монахам эту страну⁵¹⁹. После смерти царя Канишки племя критьев снова захватило царскую власть, изгнало монахов, сокрушило Учение Будды.

Царь [страны] Сымодало⁵²⁰, принадлежащей государству Духоло, происходивший из рода шакьев, через 600 лет после нирваны Татхагаты получил во владение свои земли, унаследовав дела царского правления. Он «посеял свое сердце в земли Будды», «излил свои чувства в море Учения». Прослышав о том, что критьи нанесли много ущерба Учению Будды, он собрал в стране самых мужественных воинов — всего три тысячи человек. Приняв вид купцов, которые везут с собой множество дорогого товара, и спрятав при себе оружие, они прибыли в эту страну; правитель же этой страны оказал им особое гостеприимство. И были отобраны еще пятьсот человек — храбрейших и наиболее

умных, и каждому выдан острый меч, и поручены драгоценности для поднесения в качестве даров. Когда же стали совершать подношения, царь [страны] Сюэшанься⁵²¹, сняв шапку, приблизился к его трону. Царь критьев испугался и впал в растерянность, [а тот] сразу же отсек ему голову и сказал государевым сановникам: «Я — царь [страны] Сюэшанься, принадлежащей государству Духоло. Я разгневан на этого низкорожденного, совершавшего открытое бесчинство, ложного правителя — и потому ныне покарал его за совершенные преступления. Весь простой народ не несет вины». Однако ведающих государством чиновников он выслал в иные города. Умиротворив эту страну, он созвал монахов и, согласно надлежащему ритуалу, основал монастыри для умиротворенной жизни, какая была в прежние времена. Выходя из этой страны через западные ворота, он преклонил колена, обратившись в восточную сторону, и передал ее общине монахов. Племя же критьев, будучи неоднократно низвергнуто монахами, отменявшими их ритуалы, из рода в род копило обиду и возненавидело Учение Будды. Прошли долгие годы и месяцы, и снова они захватили царскую власть. Потому и ныне в этой стране нет [подлинной] веры, а иноверческие храмы дэвов пользуются здесь особым почитанием.

В 10 *ли* к юго-востоку от нового города и к северу от старого города, на теневой стороне большой горы, стоит монастырь. Монахов — около 300 человек. В его ступе хранится зуб Будды — длиной примерно полтора *цуня*, цвета желто-белого; иногда в дни поста он излучает сияние. Когда в прошлом критьи учинили гонения на Учение Будды, монахи были рассеяны, и всякий жил где мог. Был тогда один шраман, который пошел в Индию посетить святые места, возвращая истинную веру. И вот он прослышал, что родная страна приведена к умиротворению. Пустившись в обратный путь, он встретил стадо слонов; они мчались, пересекая заросли, и громко трубили. Завидев их, шраман залез на дерево и притаился. Тогда все слоны, торопясь и обгоняя друг друга, набрали воды из озера, размыли корни дерева, вместе выкорчевали его, и дерево рухнуло. Подхватили они шрамана на спины и отнесли в глубину леса. А там был больной слон, который лежал, страдая от раны, — он притянул руку этого монаха к больному месту, пораженному сухим бамбуком. Шраман тотчас выдернул бамбук и наложил лекарство, разорвав свою одежду, чтобы перевязать ему ногу. И явился другой большой слон, который нес золотой сосуд. Он вручил его больному слону, а тот, получив его, сразу передал шраману. Шраман открыл сосуд, а там — зуб Будды. Слоны окружили монаха, так что он не мог выйти. На следующий день было время поста. Каждый [слон] принес по плоду ему для дневной трапезы. Когда же монах поел, они посадили на себя монаха и стали выходить из леса.

*Слоны, поклоняющиеся ступе.
Рельеф из Санчи*

Пройдя несколько сот *ли*, они опустили [его на землю], каждый [слон] совершил глубокий поклон, и они ушли.

Шраман, направляясь к западной границе страны, переправлялся через быструю реку. Добравшись до середины течения, лодка чуть не перевернулась. Люди из той же лодки стали говорить между собой: «Винovat в той беде, что мы чуть не перевернулись, вот этот шраман. Не иначе, как у него есть мощи Татхагаты. Драконы требуют их себе». Хозяин лодки обыскал шрамана и обнаружил зуб Будды. Тогда шраман поднял зуб Будды, нагнулся [к воде] и сказал драконам: «Ныне я препоручаю [мощи] вам. Но пройдет недолгое время, когда я приду их забрать». Так и не переправились через реку. Когда развернули лодку и поплыли к берегу, шраман обернулся к реке и с горестным вздохом сказал: «Ведь я не владею умением препятствовать скотоподобным драконам причинять мне вред». Снова он отправился в Индию. Выучился препятствовать дхарме драконов⁵²². Через три года вернулся в родную страну, пришел на берег реки. Установил алтарь. И драконы тотчас принесли сосуд с зубом Будды, который и передали шраману. Шраман взял сосуд, вернулся домой и пожертвовал его в этот монастырь.

В 14–15 *ли* к югу от монастыря есть малый монастырь. В нем имеется статуя стоящего бодхисаттвы Гуаньцзыцзай. Если кто отказался от пищи, поклявшись смертью, и хочет увидеть бодхисаттву, к тому [бодхисаттва] выходит из статуи, и тело его сияет прекрасным цветом.

В 3 *ли* к юго-востоку от малого монастыря прибыл к большой горе. Здесь стоит древний монастырь. С виду грандиозен, но в запустении и в развалинах. Ныне осталась только малая башня в одном углу. Монахов около 30 человек, исповедуют Учение «большой колесницы».

Прежде автор шастр Сангхабхадра⁵²³ создал здесь «Шунь чжэн ли лунь». Справа и слева от монастыря — ступы, в которых хранятся мощи великих архатов. Дикие звери и горные обезьяны приходят сюда с приношением цветов, не прекращая этого в течение многих лет и месяцев, как будто имеют на то указание. Впрочем, в этих горах много чудесных следов. Или каменная стена встанет поперек пути, или на горных вершинах остаются следы лошадей. Но все это — внешнее, обманное. На самом деле это архаты и шраманеры вместе приходят сюда и забавы ради рисуют пальцами, изображая, как будто ездили здесь на лошадях или ходили туда-сюда. Потому-то здесь подобные следы, и трудно распознать, что это такое.

В 10 *ли* к югу от монастыря Зуба Будды между отрогами северной горы стоит малый монастырь. Здесь в прошлом великий автор шастр Соцзяньдило⁵²⁴ создал «Пракаранападавибхаша-шастру». Посреди малого монастыря стоит каменная ступа высотой около 50 *чи*. Здесь сохраняются мощи архата. Некогда жил архат, и был он с виду огромный и грузный, а ел он столько же, сколько слон. Тогда люди, насмехаясь, говорили: «Если человек только и знает, что наедаться до отвала, где уж ему распознавать истинное и ложное?» Когда архат готовился входить в «конечное угасание», то созвал людей и говорит: «Теперь мне недолго осталось — вот-вот обрету [нирвану] „без остатка“. Хочу рассказать, как мое тело обрело дар прекрасного Учения». Услышав это, люди из монашеской общины снова стали посмеиваться между собой, но, впрочем, пришли на сбор, чтобы вместе посмотреть, как раскроются его заблуждения. И вот архат, возвещая людям, сказал: «Я сейчас вам расскажу о своих прежних перерождениях. Прежде этого тела мне было даровано тело слона, пребывавшего в Восточной Индии. Жил он в царском слоновнике. И был в то время в этой стране один шраман, и отправился он в Индию искать сутры и шастры священного Учения. Тогда-то царь и отдал меня в дар шраману. Погрузил я на спину буддийские сутры и пришел в эту страну. Вскоре после того пришел срок predetermined кончины. Силою заслуги перенесения сутр я получил облик человека. После следующей смерти в воздаяние за совершенное добро я рано стал носить „крашеную одежду“⁵²⁵. Был ревностен, искал уединения. Не предавался праздности, жил умиротворенно. Обрел „шесть священных способностей“, прервал „желания [одного из] трех миров“. Однако потребность в еде у меня осталась такой же, как прежде, и, несмотря на это, я каждый день ел лишь одну треть пищи». Даже когда это было рассказано, люди все еще не верили ему. В тот же миг он поднялся в небеса и вошел в «огненное самадхи»; из его тела вышел дым с огнем, и он вошел в «конечное угасание». Его прах упал на землю, и над ним воздвигли ступу.

От царского города шел на северо-запад 200 *ли*, прибыл в монастырь Купленный Лес. Здесь автор шастр Пурна составил комментарий к «Вибхаша-шастре». От города шел на запад 140–150 *ли*. На северном берегу большой реки, с южной стороны горы стоит монастырь махасангхиков. Монахов около 100 человек. Некогда автор шастр Фодило⁵²⁶ составил здесь «Цзи чжэнь лунь»⁵²⁷.

Идя отсюда на юго-запад, миновав горы и ущелья, пройдя около 700 *ли*, прибыл в страну Баньнуцо⁵²⁸.

Страна Баньнуцо в окружности около 1000 *ли*. Много гор и долин, и пахотной земли недостаточно. Хлеба сеют согласно сезону. Цветов и фруктов — изобилие. Много сахарного тростника. Нет винограда. Фрукты амалака, удумбара, моча⁵²⁹ и иные произрастают целыми лесами и ценятся за свой вкус. Климат теплый, влажный. В обычае [жителей] — храбрость и горячность. Для изготовления одежды более всего употребляют тонкие шерстяные ткани. Характер людей прямой и бесхитростный. Искренно веруют в «три сокровища». Монастырей — 5, большей частью они в запустении. Здесь нет своего правителя, [страна] подчинена государству Кашмир. К северу от города — монастырь, в котором мало монахов. К северу от монастыря стоит каменная ступа, обладающая многими чудесами. Отсюда шел на юго-восток 400 *ли*. Прибыл в страну Хэлошэбуло⁵³⁰.

Страна Хэлошэбуло в окружности около 4000 *ли*. Столица в окружности около 10 *ли*, сильно укреплена. Много гор и холмов, реки и ручьи заключены в теснины, и полезность земель невелика. Произведения земли и климат — такие же, как в стране Баньнуцо. Нравы [жителей] свирепые и жестокие, люди по характеру храбры. Здесь нет своего правителя, [страна] подчинена государству Кашмир. Монастырей — 10, монахов очень мало. Храм дэвов — один, иноверцев довольно много. От страны Ланьпо до этой земли люди с виду неотесанные и зловредные, по характеру грубые и злобные, языки их некультурны, правила поведения — легкомысленны. Это не настоящая Индия, но окраинные земли с варварским населением. Отсюда шел на юго-восток, спустился с гор, перешел реку. Прошел около 700 *ли*. Прибыл в страну Чжэцзя⁵³¹.

Цзюань IV.

Пятнадцать стран

Страна Чжэцзя, страна Чжинапуди, страна Шэланьдало, страна Цзюйлудо, страна Шэдотулу, страна Болиедало, страна Матхура,

страна Стханешвара, страна Сулуциньна, страна Модибуло, страна Полосимобуло, страна Цюйпишуанна, страна Эсичидало, страна Пи-лошаньяна, страна Цзебита.

Страна Чжэцзя в окружности около 10 000 *ли*. На восток простирается до реки Пибошэ⁵³². Западная граница — река Синьду. Столица в окружности около 20 *ли*. [Земли] пригодны для риса. Много озимых злаков. Добывают золото, серебро, руду латуни⁵³³, медь и железо. Во время жары здесь часты ураганы. Обычаи грубы, речь [жителей] дика. Одежду чисто белого цвета называют каушея⁵³⁴, есть одежда цвета утренней зари и другая. Мало веруют в Учение Будды, большинство почитает небесных духов. Монастырей — 10, храмов дэвов — 100. Прежде в этой стране было много приютов, где оказывали помощь бедным — лекарствами или пищей. В снабжении едой и питьем у странствующих не было затруднений.

К юго-западу от большого города через 14–15 *ли* прибыл к старому городу Шэцзело⁵³⁵. Городские стены хотя и разрушены, но фундамент их еще прочен — в окружности около 20 *ли*. Внутри его возведен также малый город, в окружности 6–7 *ли*. Жители богаты. Это — древняя столица страны. Несколько столетий назад был царь по имени Махиракула⁵³⁶, который правил в этом городе и властвовал над всей Индией. Умом он был недалек, но по характеру храбр. Среди соседних стран не было таких, которые бы не покорились ему. В свободное от государственных дел время он захотел постигать Учение Будды и повелел монахам выдвинуть кого-нибудь одного особо достойного. Однако монахи не спешили откликаться на приказ. Те, которые отрицали желания и сторонились суеты, не стремились к достижению славы, а те, кто отличался ученостью и был отмечен славой, опасались сурового властителя. А в то время при царском дворе давно уже служил старый слуга, носивший «крашеную одежду», искусный в знании шастр и искусный в беседе. Его-то община и выдвинула для исполнения [царского] приказа. Царь сказал: «Я почитал учение Будды. Я в дальних краях искал знаменитого монаха. Община же предлагает мне этого презренного для объяснения шастр. Я всегда полагал, что среди монахов есть-таки мудрейшие, способные справиться с тем, что было приказано. Так зачем я буду почитать [Учение]?!» И тогда издал указ: в Пяти Индиях⁵³⁷, где распространено Учение Будды, все разрушать, а монахов изгнать, никому не позволяя возвращаться.

Царь Магадхи Баладитья⁵³⁸ глубоко почитал Учение Будды и с любовью правил своим народом. Видя бесчинства, творимые Махиракулой, и его жестокое правление, он оборонял свои границы и не прини-

мал подданства. Тогда Махиракула направил [на него] войско. Царь Баладितья, получив такое известие, объявил своим подданным: «Ныне я услышал о вторжении. Не одолеть нам этого войска. Прошу слуг моих простить меня, ибо я не виноват. Видно, суждено мне, ничтожному, скрываться в лугах и болотах».

Сказав это, он покинул дворец, удалился в горы и пустыни, а те, кто был предан ему в этой стране, последовали за ним — около 10 000 человек. Укрылись на острове в море. Царь же Махиракула, поручив войско младшему брату, отправился по морю, чтобы покарать [непокорных]. А царь Баладितья, поставив оборону в узком проходе, выслал кавалерию, чтобы вовлечь [противника] в схватку. Как только ударили в гонг — выступили воины со всех сторон и живьем захватили в плен Махиракулу. Связанного, представили его [Баладितье]. Царю Махиракуле стало стыдно за свое поражение, и он закрыл лицо одеждой. А царь Баладитья, восседая на «львином троне»⁵³⁹ в окружении множества придворных, приказал своему советнику объявить Махиракуле: «Покажи свое лицо. Я хочу говорить [с тобой]». Махиракула отвечал: «Подданный и господин поменялись местами. Зачем нам глядеть друг на друга враждебно, не испытывая дружбы, и беседовать лицом к лицу?» Еще трижды предупреждали его, но он не выполнял приказания. И тогда был оглашен указ, перечисляющий его преступления: «Поле заслуг „трех сокровищ“ — благо для „четырех видов живых существ“ — бессовестно попирает, подобно шакалам и волкам, разрушая свою благую карму. Заслуги больше не защищают тебя. Ты захвачен мною в плен, и вина твоя не допускает пощады. Следует предать тебя казни».

В то время жила мать царя Баладитьи, которая отличалась большой осведомленностью, огромным умом и с глубокой проницательностью умела гадать по лицу. Услышав, что Махиракулу казнят, она тотчас обратилась к царю Баладитье: «Я слыхала, что Махиракула имеет необыкновенную наружность и весьма умен. Хочу взглянуть на него. Царь Баладитья повелел привести Махиракулу во дворец к матери. И сказала мать Баладитьи: «О Махиракула! Сделай милость, не стыдись. Все, что есть в мире, — не вечно. Честь и бесчестье подвержены случаю. Я тебе — как мать, ты мне — как сын. Так сними же покрывало и говори с открытым лицом». Махиракула говорит: «Прежде был правителем неприятельской страны, а теперь — захвачен, как пленник. Поруганы царские дела, прерваны жертвоприношения предкам. Свыше корят души предков, а глядя вниз, стыдно перед народом. Воистину стыжусь своего лица, когда взираю на небо и землю. Не могу так себя опозорить и потому [ношу] это покрывало». А мать царя говорит: «Возвышение и падение — преходящи. Существование и поги-

бель сменяют друг друга. Если душу равняешь с вещным — то теряешь все; если вешное равняешь с душой — то, будь ты в осуждении либо в чести, — вновь воспрянешь. Уверуй — воздаяние за дела происходит вовремя. Сними покрывало, говори открыто. Возможно, это сохранит тебе жизнь». Махиракула с благодарностью говорит: «Напрасно я, будучи недостойным, принял на себя царские дела. Жестоким правлением встал на ложный путь [и потому] лишился трона. Хотя я нахожусь посреди пут, однако жажду прожить от рассвета до заката. Позволь мне, принимая эту великую милость, с открытым лицом благодарить тебя за доброту». И он действительно снял покрывало и показал свое лицо. Царица-мать говорит: «Ты позаботился о себе. И умереть тебе предстоит в свой положенный срок». Обратившись к царю Баладитье, она сказала: «Древние книги содержат заповедь щадить провинившихся, имеющих благоприятное рождение. Хотя до настоящего времени царь Махиракула длительно множил свои злодеяния, остаток его заслуг еще не исчерпан. Если ты убьешь этого человека, то в течение двенадцати лет он будет видеться тебе с лицом цвета лебеды. А я имею исходящее из души предчувствие, что он никогда не будет царем большой страны, он завладеет небольшой страной на севере». Царь Баладитья послушался повеления любящей матери. Пожалел правителя, потерявшего царство. Он женил его на молодой девице, принимал его с особыми почестями. Он собрал его рассеянное войско и прибавил свою охрану, чтобы ему выбраться с морского острова. А брат царя Махиракулы тем временем сам возглавил государство. Махиракула, лишенный престола, удалился в дикие горы. На севере вступил в страну Кашмир. Царь Кашмира принял его с глубокими почестями, сочувствуя, что он потерял царство, пожаловал его землей и городом. Через несколько лет он возглавил заговор жителей своего города и вероломно убил царя Кашмира, а сам возшел на трон. Воспользовавшись влиянием, добытым этой победой, он отправился на запад и напал на Гандхару. Спрятав воинов в засаде, он смог убить здешнего царя и перебить всех высших членов правящей фамилии. Он разрушил ступы, закрыл монастыри — числом 1600. Тех, кого не перебило войско, осталось около 900 миллионов человек. Он хотел истребить всех, никого не оставив в живых. Тогда [царские] советники, собравшись вместе, пришли увещевать его, говоря так: «Великий царь угрожает своим могуществом. Но ведь войска больше не сражаются. Ты истребил своих главных врагов, так зачем же перекладывать вину на простой народ? Мы хотим взамен предложить свои ничтожные жизни и пойти на смерть». Царь же сказал: «Вы веруете в Учение Будды, держитесь веры в посмертное воздаяние, намереваясь получить „плод Будды“. Я хочу, чтобы, рассказывая о прежних рождениях,

вы поведали грядущему миру о моих злодеяниях. Вам следует вернуться на свои места и больше не говорить [об этом]». И тогда он 300 миллионов населения высшего сословия перебил на берегу реки Синьду, 300 миллионов населения среднего сословия утопил в водах реки Синьду, 300 миллионов населения низшего сословия раздал своим воинам. Затем, захватив богатства покоренной страны, построил свои войска и ушел. Однако не прошло и года, как он скончался, и в час его кончины все застлали тучи и туман, и настала крошечная тьма; земля страшно содрогалась, и поднялся свирепый ураган. Тогда те, что обрели «плод», горестно сказали: «Он несправедливо убивал безвинных. Он сокрушал Учение Будды». И был он низвергнут в ад беспрерывных [мучений], где претерпевал перерождения, не имеющие конца.

В старом городе Шэцзело есть монастырь. Монахов около 100 человек, исповедуют Учение «малой колесницы». В прошлом бодхисаттва Васубандху на этом месте составил «Парамартхасатъя-шастру». Здесь воздвигнута ступа высотой около 200 *чи*. Четыре будды прошлого здесь проповедовали Учение. Еще имеются места, где сохранились следы, где ходили четыре будды.

К северо-западу от монастыря в 5–6 *ли* есть ступа высотой около 200 *чи*, построенная царем Ашокой. Это место, где проповедовали Учение четыре будды прошлого.

К северо-востоку от новой столицы в 10 *ли* пришел к каменной ступе высотой около 200 *чи*, построенной царем Ашокой. Это место, где Татхагата останавливался на дороге, когда направлялся в северные страны для проповеди. Индийские записи говорят, что в ступе — большая доля мощей, и в дни поста они излучают сияние. Отсюда шел на восток около 500 *ли*. Прибыл в страну Чжинапуди⁵⁴⁰.

Страна Чжинапуди в окружности около 2000 *ли*. Столица в окружности 14–15 *ли*. Урожай хлебов обильны, посадки же плодовых деревьев негустые. Податное население предается мирному труду, умножая доходы государства. Климат жаркий, люди по нраву робкие. В учености смешано духовное и мирское, а в их верованиях сочетается ложное и истинное. Монастырей — 10, храмов дэвов — 8.

В прежние времена, когда царь Канишка правил миром, слава его распространилась в окрестных странах, и под его властью находились разные народы. Вассальные племена, которые жили по западную сторону реки, в знак покорности прислали ему заложников⁵⁴¹. Царь Канишка принял заложников, осыпав их милостями. Три сезона они меняли место своего пребывания и были охраняемы войском четырех видов. Поскольку в этой стране заложники проводили зиму, стали го-

ворить: «чинабхукти»⁵⁴². Из-за того что здесь жили заложники, страна так и называется. Прежде в этих краях, как и во всей Индии, не росли груши и персики, а лишь заложники стали их выращивать. Потому-то персик называют «чинани», а грушу — «чинараджапутра»⁵⁴³. И потому жители этой страны с глубоким почтением относятся к восточным землям. И еще они друг другу показывали [на меня], говоря: «Этот человек — соотечественник нашего бывшего правителя».

От большого города шел на юго-восток около 500 *ли*. Прибыл к монастырю Тамасавана⁵⁴⁴. Монахов около 300 человек. Исповедуют Учение школы сарвастивада. Все держатся с достоинством и строгой почитательностью, добродетельны и непорочны. Учение «малой колесницы» изучают особенно досконально. Все 1000 будд бхадракальпы на этой земле будут проповедовать сокровенное Учение собранию дэвов и людей. На 300-й год после нирваны Татхагаты автор шастр Катьяяна здесь составил «Абхидхармаджнянапрастхана-шастру»⁵⁴⁵.

В монастыре Темный Лес есть ступа высотой около 200 *чи*, построенная царем Ашокой. Рядом — места, на которых сохранились следы, где четыре будды прошлого сидели и ходили. Малые ступы и большие каменные кельи стоят рядами, обращены лицом друг к другу — и не сказать, сколько их числом. И те и другие — на местах, где со времени начала калпы люди, которые обретали «плод», вступали в «конечное угасание», — весьма трудно было бы их перечислить. Их зубы и кости здесь сохраняются. Располагаясь вокруг горы, монастырь имеет окружность 20 *ли*. Ступ с мощами Будды — числом 100 000. Отсюда шел на северо-восток 140–150 *ли*, прибыл в страну Шэландало⁵⁴⁶.

Страна Шэландало с востока на запад около 1000 *ли*, с юга на север около 800 *ли*. Столица в окружности 12–13 *ли*. [Земли] пригодны для выращивания хлебов, много сеют риса. Леса густые, цветов и плодов изобилие. Климат жаркий, жители по нраву суровы и облика грубого. Жилища их богаты. Монастырей около 50, монахов около 2000 человек. Углубленно изучают и «большую», и «малую колесницу». Храмов дэвов — 3, иноверцев около 500 человек, все — «обмазывающиеся золой»⁵⁴⁷. Прежний царь этой страны почитал «внешний путь», но после встречи с архатом услышал об [истинном] Учении, уверовал и познал его. И потому царь Срединной Индии, пораженный его искренней верой, сделал его одного надзирателем дел «трех сокровищ» во всех Пяти Индиях. Во всем не ведая ни пристрастия, ни неприязни, он надзирал за монахами. С чудесным проникновением распознавал чистое и дурное. К соблюдающим древние добродетели искренно благоволил. Пренебрегающих уставом и нарушителей сурово

наказывал. На местах, где сохранились священные следы, повсюду возводил или ступы, или монастыри. В пределах Индии не было такого места, где бы он не побывал.

Отсюда на северо-восток перешел через высокие горные хребты, переправился через долины; преодолевая опасности, проделал трудный путь. Прошел около 700 *ли*. Прибыл в страну Цзюйлудо⁵⁴⁸.

Страна Цзюйлудо в окружности около 3000 *ли*. Горы окружают ее с четырех сторон. Столица в окружности 14–15 *ли*. Земли плодородные, хлеба сеют согласно сезону. Цветов и плодов — изобилие. Травы и деревья растут пышно. Поскольку [страна] расположена вблизи Снежных Гор⁵⁴⁹, здесь много ценных лекарственных растений, добывается золото, серебро и красная медь, а также огненный жемчуг, который сыплется, как дождь. Климат чрезвычайно холодный, понемногу выпадает иней и снег. Люди с виду грубые и дурные, а также склонные к болезни зоба и опуханию. По характеру храбры, ценят верность и отвагу. Монастырей около 20, монахов около 1000 человек. Большинство исповедуют «большую колесницу», мало различают школы. Храмов дэвов — 15, иноверцы живут смешанно.

Вплотную к скалам, у самого горного хребта, расположились на некотором расстоянии друг от друга каменные кельи. Здесь жили архаты, останавливались риши.

В этой стране есть ступа, построенная царем Ашокой. Некогда Татхагата прибыл в эту страну для проповеди и обращения людей, и она отмечает следы [его пребывания].

Отсюда ведет дорога на север, 1800–1900 *ли*, путь опасный и трудный. Перейдя через горы и переправившись через долины, придешь в страну Лохуло⁵⁵⁰. Отсюда на север около 2000 *ли* — переход тяжел и полон препятствий, дуют холодные ветры и метет снег. Прийдешь в страну Молосо⁵⁵¹.

Из страны Цзюйлудо шел на юг около 700 *ли*. Перешел через большие горы, переправился через большие реки. Прибыл в страну Шэдотулу⁵⁵².

Страна Шэдотулу в окружности около 2000 *ли*. Западная граница проходит по большой реке. Столица в окружности 17–18 *ли*. Урожаи хлебов богаты. Плодов изобилие. Много золота и серебра. Добывают драгоценные камни. Для одежды используют чисто-белый шелк, и одежды пышно украшены. Климат жаркий, нравы простые и мягкие. Люди по характеру добрые и покладистые. Существует строгий порядок — кто выше по рангу, и кто ниже. Искренно веруют в Учение Будды и ревностно следуют его установлениям. В пределах города и вне

его — 10 монастырей, их строения и дворы — в заустении, и монахов мало. В 3–4 *ли* к юго-востоку от города есть ступа высотой около 200 *чи*, построенная царем Ашокой, и рядом — места, где сохранились следы, где четыре будды прошлого сидели либо ходили. Отсюда шел на юго-запад около 800 *ли*, прибыл в страну Болиедало⁵⁵³.

Страна Болиедало в окружности около 3000 *ли*. Столица в окружности 14–15 *ли*. [Земли] пригодны для возделывания хлебов. Богаты урожаи озимых злаков. Имеется необычный сорт риса, который вызревает уже через 60 дней. Много коров и овец. Мало цветов и плодов. Климат жаркий, [жители] по нраву воинственны. Не склонны к учености и искусствам. Исповедуют «внешний путь». Царь по происхождению — вайшья, характером храбр и горяч, весьма воинственный и грубый. Монастырей — 8, большей частью они разрушены. Монахов совсем мало, исповедуют «малую колесницу». Храмов дэвов около 10, иноверцев около 1000 человек. Отсюда шел на восток около 500 *ли*. Прибыл в страну Матхуру⁵⁵⁴.

Страна Матхура в окружности около 5000 *ли*. Столица в окружности около 12 *ли*. Земли плодородные, и здесь занимаются земледелием. Плодовые деревья амалака⁵⁵⁵ сажают при доме целыми рощами. Хотя они и называются одинаково, но есть два сорта. Малые [плоды] — родятся зелеными и созревают желтыми, большие — так и остаются зеленого цвета. Производят тонкие шерстяные ткани, добывают желтое золото. Климат жаркий. [Жители] по нраву добрые и покладистые. Усердно заботятся о своих посмертных заслугах. Ценят добродетель, почитают ученость. Монастырей около 20. Монахов около 2000 человек. И «большую», и «малую колесницы» изучают равным образом. Храмов дэвов — 5. Иноверцы проживают смешанно.

Имеются три ступы, все построены царем Ашокой. Много следов, оставленных четырьмя буддами прошлого. В ступах сохраняются мощи святых учеников Шакьи Татхагаты. А именно: Шарипутры, Мудгалапутры, Пурнамайтриянипутры, Упали, Ананды, Рахулы, Манджушри, также есть ступы бодхисаттв и других. В праздники шестого дня монахи, опережая друг друга, с равным усердием приносят дары всем этим [ступам] и сооружают много редкостных и драгоценных вещей. В соответствии с принадлежностью к школе они обращаются к определенному образу. Те, кто занимается абхидхармой, приносят дары Шарипутре; те, кто практикуется в медитации, приносят дары Мудгалапутре; те, кто исполняет сутры, приносят дары Пурнамайтриянипутре; члены общины, изучающие винаю, приносят дары Упали. Бхикшуни приносят дары Ананде. Те, кто еще не принял обет, прино-

сят дары Рахуле. Изучающие «большую колесницу» приносят дары бодхисаттвам. В эти дни с особым рвением совершается приношение даров ступам: здесь устанавливают украшенные жемчугом хоругви, рядами расставляют драгоценные пологи. Воскурения стелятся подобно облакам. Цветы рассыпаются дождем, так что скрываются солнце и луна. Сотрясаются горные долины. Здесь цари и высшие сановники благодеяния почитают за долг.

От города шел на восток 5–6 *ли*. Прибыл к одной горе с монастырем. Скалы размыты, так что образовались кельи. Проход через долину подобен воротам. Все это большей частью устроено Упагуптой⁵⁵⁶. Здесь же есть ступа, сохраняющая ногти Татхагаты.

Севернее монастыря, прямо в скале, есть каменная келья высотой около 20 *чи*, шириной около 30 *чи*. Она заполнена бирками величиной 4 *цуня*. Здесь почтенный Упагупта проповедовал и обращал [людей]. Когда мужья и жены получали здесь «плод архата», то оставляли по одной бирке; однако не осталось записей, к какой семье и какому народу принадлежали достигшие [архатства]. Пройдя 4–5 *ли* на юго-восток от каменной кельи, подошел к большому пересохшему озеру. На берегу его есть ступа. В прежние времена, когда Татхагата совершал хождение по этому месту, одна макака поднесла Будде мед. Будда повелел смешать его с водой и повсюду раздавать великой общине. Макака радостно запрыгала, упала в яму и умерла. Силою своих возросших заслуг она обрела рождение среди людей.

К северу от озера, невдалеке, есть следы, оставшиеся от хождения четырех будд прошлого. Рядом есть место, где Шарипутра, Мудгалапутра и другие 250 великих архатов упражнялись в медитации. Здесь построены ступы, чтобы отметить их следы. Когда Татхагата пребывал в мире, он неоднократно посещал эту страну. Места, где он проповедовал, отмечены холмами и деревьями. Отсюда шел на северо-восток около 500 *ли*. Прибыл в страну Стханешвара⁵⁵⁷.

Страна Стханешвара в окружности около 7000 *ли*. Столица в окружности около 20 *ли*. Земли плодородные, хлеба рождаются изобильные. Климат — от теплого до жаркого, [жители] по нраву неуравновешенные. Семьи богаты и весьма предаются расточительности. Глубоко привержены колдовству и высоко ценят чудесные способности. Большой частью преследуют выгоду и мало занимаются земледелием. Редкие иноземные товары собираются в этой стране. Монастырей — 3, монахов около 700 человек, все исповедуют Учение «малой колесницы». Храмов дэвов около сотни, иноверцев чрезвычайно много.

Окрестности города в пределах 200 *ли* жители этих мест называют «землей заслуг». Древние предания повествуют: в прошлые времена

власть над Пятью Индиями разделилась между двумя царями. Они вторгались на территорию друг друга, и так воевали без передышки. Тогда два правителя договорились, что надо устроить решающее сражение, которое окончательно выявит сильнейшего и тем самым обеспечит покой для населения. Однако народ роптал и не последовал приказанию правителей. Поскольку народ был против, царям трудно было начать задуманное дело. Дело могло быть подвинуто лишь через чудо, влияние которого могло возыметь успех.

В то время жил брахман, отличавшийся истинными познаниями и высокими дарованиями. Его тайно одарили свертками шелка, повелев удалиться на задний двор, создать там книгу Учения и запрятать ее в горной пещере. По прошествии многих лет, когда деревья уже выросли в обхват, царь, восседая в тронном зале, объявил своим вельможам: «Меня, недостойного и не по праву занимающего этот высокий пост, небесный владыка облагодетельствовал и в сновидении ниспослал мне священную книгу. Ныне она находится в такой-то горе, запрятана под такой-то скалой». И приказал разыскать эту книгу, которую и нашли на горе под деревьями. Сановники выражали свои поздравления, народ ликовал. Об этом было объявлено повсюду, чтобы довести до сведения всех людей. Общий смысл этого объявления был таков: «[Череда] рождений и смертей беспредельна, и этот круговорот не имеет конца. Живые существа погибают, не имея возможности повлиять на свое спасение. Я же через исполнение некоего чудесного замысла могу прекратить эти страдания. Вокруг нашей нынешней столицы в пределах 200 *ли* при древних властителях была „земля заслуг“. По прошествии многих лет признаки ее исчезли. Живые существа не знают об этом и оттого погружаются в пучину страданий и гибнут, не имея спасения. Что же сказать? Если вы, живые души, погибнете, встретившись в бою с врагом, то обретете рождение среди людей. Тот, кто многих убьет, не будет иметь вины и получит на небесах заслуги, несущие блаженство. Послушные внуки и преданные сыновья, которые помогут престарелым родителям добраться до этой земли, обретут заслуги, действие которых беспредельно. При небольших усилиях — такие большие заслуги. Зачем же лишаться такой выгоды? Лишь однажды теряем человеческое тело, а попадаем при этом на „три пути мрака“⁵⁵⁸. Так пусть каждая живая душа устремится к совершенствованию». И на самом деле — все люди стали рваться в бой, рассматривая смерть как избавление. Тогда царь издал указ, созывая храбрецов, и две страны вступили в войну. Мертвых тел стало так много, как травы. До нашего времени повсюду на этой земле разбросаны кости, а в древние времена человеческих костей здесь было великое множество. В преданиях этой страны она называется «землей заслуг».

К северо-западу от города в 4–5 *ли* есть ступа высотой 200 *чи*, построенная царем Ашокой. Кирпичи все желто-красного цвета, так что от стен исходит свечение. Внутри есть мощи Татхагаты объемом 1 *шэн*. [Ступа] временами излучает сияние, и происходит множество чудесных явлений.

К югу от города шел около 100 *ли*, прибыл к монастырю Цзюйхунь-ту⁵⁵⁹. Его строения смыкаются гребнями крыш, башни возвышаются на расстоянии друг от друга. Монахи спокойные, благочинные и отличаются утонченной ученостью. Отсюда шел на северо-восток около 400 *ли*, прибыл в страну Сулуциньна⁵⁶⁰.

Страна Сулуциньна в окружности около 6000 *ли*. Восточной границей служит река Цзя, северными пределами являются Великие Горы. Через эту страну протекает река Яньмоуна.

Столица в окружности около 20 *ли*, на востоке ее омывает река Яньмоуна. Хотя [город] в большом запустении, строения все еще прочные. Произведения земли и свойства климата — таковы же, как в стране Стханешваре. Люди по характеру простосердечны. Почитают «внешний путь», высоко ценят утонченную ученость и мудрость, ведущую к заслугам. Монастырей — 5, монахов около 1000 человек. В большинстве они исповедуют «малую колесницу», мало придерживаются учений других школ. Они спорят о тонкостях употребления слов, и их чистые диспуты позволяют проникнуть в сокровенное. Даровитые люди из иных стран стремятся сюда в диспуте разрешить свои сомнения. Храмов дэвов — 100, иноверцев очень много.

К юго-востоку от города, на западном берегу реки Яньмоуна, вне стен большого монастыря, за его восточными воротами, есть ступа, построенная царем Ашокой. На этом месте Татхагата некогда проповедовал и обращал людей. Рядом еще одна ступа, в которой сохраняются волосы и ногти Татхагаты. Ступы, сохраняющие волосы и ногти Шарипутры, Маудгальяны и других архатов, расположены вокруг нее слева и справа, числом около десятка.

После паринирваны Татхагаты эта страна была вовлечена в заблуждение сторонниками «внешнего пути». В вере возобладало ложное учение, истинные воззрения были упразднены. На местах тех пяти монастырей, которые существуют здесь ныне, прежде учителя шастр, приезжавшие из других стран, дискутировали со сторонниками «внешнего пути» и брахманами. Потому-то здесь их и построили. От реки Яньмоуна шел на восток 800 *ли*, прибыл на берег реки Цзя. Река в начале течения шириной 3–4 *ли*. Она течет на юго-восток и на том месте, где впадает в море, имеет ширину около 10 *ли*. Вода голубого цвета, по водному простору катятся волны. Хотя здесь много духов, они не

являются в виде живых существ. Вкус воды — сладкий. Тонкий песок струится по течению. В записях местных преданий ее называют «водой заслуг». Если даже накоплено много грехов, то после омовения тотчас происходит очищение. Когда пренебрегающие жизнью топят себя здесь, то рождаются на небесах и получают заслуги. Если бросают сюда кости умерших, то они не ввергаются в дурное перерождение. Бросаясь в волны стремительного течения, заблудшие души обретают спасение.

Некогда в стране Симхале⁵⁶¹ бодхисаттва Дэва глубоко проник в драгоценные знаки, постиг «сущность дхарм»⁵⁶². Из сострадания к невежественным людям он прибыл сюда для наставления. В то самое время мужчины и женщины собрались, собрав на реке всех малых и старых, чтобы броситься в волны стремительного течения. Бодхисаттва Дэва, держась скромно, вышел вперед и, наклонив голову, встал, обратясь навстречу течению реки. С виду это было не похоже на [поведение собравшейся] толпы людей. Один из иноверцев сказал: «Почему ты, почтенный, так странно поступаешь?» И бодхисаттва Дэва ответил: «Мои родители, находясь в стране Симхале, страдают от голода и жажды. Желая на расстоянии спасти их». Иноверцы сказали: «Наш сын заблуждается и не продумал это как следует. Такое дело безрассудно. Его родная страна далеко — за горами и долинами. Так спасти голодающих — все равно, что идти вспять с целью добраться до того, что впереди. Такое неслыханно». А бодхисаттва Дэва сказал: «Если стоящие на пути мрака и погрязшие в грехах могут быть облагорожены этой водой, то почему же тогда нельзя спасти тех, кто отделен горами и долинами?» Тогда иноверцы, поняв свое заблуждение, раскаялись, отказались от ложных воззрений, приняли истинное Учение, исправили ошибки, получили обновление и выразили желание получать наставление в Учении.

Переправился через реку и по восточному берегу прибыл в страну Модибуло⁵⁶³.

Страна Модибуло в окружности около 6000 *ли*. Столица в окружности около 20 *ли*. [Земля] пригодна для выращивания хлебов. Много цветов и плодов. Климат мягкий. [Люди] по нраву добрые, простодушные. Они почитают ученость и мастерство, глубоко проникли в искусство заклинаний. Сторонников ложной и истинной веры — поровну. Царь — по происхождению шудра, не верит в Учение Будды и почтительно служит небесным духам. Монастырей около 10, монахов около 800 человек. В большинстве исповедуют Учение «малой колесницы», школы сарвастивада. Храмов дэвов около 50, иноверцы проживают смешанно.

К юго-западу от большого города в 4–5 *ли* прибыл к малому монастырю. Монахов здесь около 50 человек. Здесь автор шастр Гунапрабха создал «Бьяньчжэнь»⁵⁶⁴ и другие шастры, всего около ста сочинений. Уже в юности проявив особые таланты, в зрелом возрасте он имел обширный ум и твердые познания обо всех вещах, отличался большой ученостью и приобрел широкую известность. Сначала он исповедовал «большую колесницу». Еще не исчерпав ее глубокого смысла, он прочитал «Вибхаша-шастру»⁵⁶⁵ и оттого бросил свои [прежние] занятия и стал изучать «малую колесницу». Он написал несколько десятков шастр, подрывая основы Учения «большой колесницы». Став поборником «малой колесницы», он сочинил еще несколько десятков низкопробных книг, отвергающих шастры, составленные прежними авторами. Он всеобъемлюще проник в буддийский канон, но не мог выяснить десяти вопросов. Хотя он предпринимал долгие и скрупулезные изыскания, сомнения его не проходили. В то время жил архат Дэвасена⁵⁶⁶, который бывал на небесах Тушита. Гунапрабха хотел увидеть Милосердного [бодхисаттву], чтобы разрешить сомнения и получить разъяснения, и Дэвасена с помощью священной силы доставил его в небесный дворец. Увидев Милосердного, он поклонился в пояс, что не выражало должного почтения. Дэвасена сказал: «Милосердный бодхисаттва следующим займет престол Будды. Почему же ты столь высокомерен, что не оказываешь ему почести? Раз ты хочешь получить наставление, почему не совершишь глубокий поклон?» Гунапрабха ответил: «Почтенный! Твоя речь поистине поучительна. Но я — принявший обет бхикшу, ушедший от мира ученик [Будды]. Милосердный же бодхисаттва наслаждается небесными радостями, он не равня ушедшему от мира. И хотел бы оказать почести, но боюсь, что не должно этого делать». Милосердный, видя его упорствующим в гордыне, не признал его «сосудом Учения». Трижды он отправлялся [на небо] и возвращался назад, но так и не получил разрешения сомнений. Тогда он обратился к Дэвасене, желая еще раз выразить свое почтение. Дэвасена же, осуждая его за гордыню, не ответил. Тогда Гунапрабха, не достигнув желаемого, впал в ярость. Он поспешил удалиться в горы и леса, практикуя самадхи «растущее проникновение»⁵⁶⁷, но не избавился от гордыни и не получил в свое время «священного плода».

В 3–4 *ли* к северу от монастыря Гунапрабхи есть большой монастырь. Монахов более 200 человек, исповедуют Учение «малой колесницы». Это место, где умер автор шастр Сангхабхадра⁵⁶⁸. Автор шастр был родом из страны Кашмир. Отличался острым умом и широкими познаниями и с юных лет славился просвещенностью. Особенно глубоко он изучил «Вибхаша-шастру» школы сарвастивада. В то время жил бодхисаттва Васубандху. Сокровенным способом «единого

стремления» он стремился постичь то, что лежит за пределом слов. Чтобы опровергнуть утверждения учителей «Вибхаши», он создал «Абхидхармакоша-шастру», в которой значение слов применено с особым искусством, а содержание отличается высоким совершенством. Сангхабхадра прочитал ее и возымел особое намерение. В течение двенадцати лет он с глубоким вниманием пытался добраться до истины и составил «Цзюйшэ бао лунь»⁵⁶⁹, состоящую из 25 000 шлок и 800 000 слов. Можно сказать о ее изысканности и глубокомыслии, предельной тонкости и глубоком проникновении. И он сказал своим ученикам: «Вместе с моими наиболее даровитыми [учениками] возьмем мою истинную шастру и пойдем, сокрушим Васубандху. Сломаем острое его [логики]. Не допустим, чтобы старик один завладел первейшею славой». И вот его ученики — трое-четверо, наиболее выдающихся способностей — взяли созданную им шастру и отправились разыскивать Васубандху. Васубандху в то время пребывал в стране Чжэцзя в городе Шэцзело. Издалека пришла весть о том, что скоро придет Сангхабхадра. Васубандху, как услышал об этом, сразу стал собираться в путь. Его ближайшие ученики, сомневаясь в его правоте, выступили вперед и сказали с укором: «Великий учитель по своим достоинствам столь же высок, как древние мудрецы, и славой превосходит современных. В далеких и ближних краях среди его последователей нет таких, которые не были бы ему благодарны. Почему же сейчас, услышав о Сангхабхадре, ты так испуган? Мы все, нижестоящие, решительно обескуражены». Васубандху сказал: «Ныне я отправляюсь вдаль не для того, чтобы избежать встречи с этим человеком. Во всей этой стране нет другого человека с таким даром проникновения, кто бы мог считать Сангхабхадру ниже себя. Пустословие подобно течению воды, да и я одряхлел и не могу удержать в руках шастру. Одним словом, хочу разрушить его чуждые убеждения. Отправим его в Срединную Индию, спорить с высокоучеными, которые распознают истинное и ложное, разъяснят, где достоинства и где заблуждения». Сразу же повелел вместе с ним отправляться в путь, взяв за спину сумку для книг. Прибыв на следующий день в этот монастырь, учитель шастр Сангхабхадра вдруг почувствовал упадок духа. И тогда он написал письмо, повинившись перед Васубандху: «После кончины Татхагаты его последователи разделились на школы и стали проповедовать учения этих школ. Каждая [школа] ведала своей ветвью Учения. Единомышленники, вставшие на общий путь, противостояли иным школам. Я, неразумный, в невежестве своем необдуманно перенял эту традицию. Прочитав созданную [тобою] «Абхидхармакоша-шастру», опровергающую великие принципы учителей «Вибхаши», и не рассчитав свои силы, после углубленных многолетних занятий я написал эту ша-

стру, чтобы утвердить Учение истинной школы. Познания были малы, а намерения велики. Вот-вот наступит мой смертный час. Бодхисаттва славится своей ясной, утонченной речью, с легкостью оперирует высшими истинами. Пусть он не погубит представленного труда, а позволит сохраниться моему посмертному сочинению. Я сочту это за счастье — и к чему тогда сожалеть о смерти?» Тогда, выбрав из своих ближайших учеников наиболее красноречивого, он обратился к нему так: «Я, принадлежащий на самом деле лишь к ученическому поколению, легкомысленно оскорбил своего высокого предшественника. Какова же судьба? Так вот, после моей кончины ты возьми это письмо, а также созданную мной шастру и принеси мои извинения бодхисаттве, вырази за меня раскаяние в моем проступке». На этих словах он внезапно остановился, и кто-то сказал: «Он умер!» Ученик, которому было вручено письмо, отправился к Васубандху и обратился к нему с такой речью: «Мой учитель Сангхабхадра, отказавшись [от страстей], приказал долго жить. Его последние слова адресованы тебе в этом письме. Он винится перед тобой и просит прощения за свой проступок. Не погуби его доброго имени, на которое он уже и не смел надеяться!» Бодхисаттва Васубандху, прочитав письмо и ознакомившись с шастрой, надолго погрузился в глубокое раздумье, а затем обратился к ученику с такими словами: «Сангхабхадра, автор шастр, был способным учеником молодого поколения. Хотя его утверждения страдали неполнотой, словом он владел изрядно. Если б я захотел сейчас опровергнуть его шастру — то это было бы все равно что взять палец в руку⁵⁷⁰. Что касается его посмертной просьбы, то я ценю его слова, признающие затруднения. Однако есть и более важные причины того, что я иду навстречу его заветному желанию. Помимо прочего, эта шастра проливает свет на мое учение. Потому я сохраняю ее под названием „Шунь чжэн ли лунь“». Ученик стал упрекать его, говоря: «Пока Сангхабхадра не погиб, великий учитель уехал подальше. Теперь же, получив его шастру, он заменяет ее название. Какой же терпим стыд мы, его последователи!» И бодхисаттва Васубандху, желая устранить все сомнения, произнес речь в стихах: «К примеру, царь-лев удалился, чтобы спрятаться от свиньи. Вопрос о том, кто из них двоих превосходит в силе, должны решать мудрейшие». Когда Сангхабхадра умер, тело его предали огню, а кости собрали и построили ступу в 200 бу к северо-западу от монастыря, посреди рощи [деревьев] амалака⁵⁷¹, которая существует и поныне.

Вблизи рощи [деревьев] амалака стоит ступа, в которую помещены мощи автора шастр Вималамитры⁵⁷². Этот автор шастр — уроженец Кашмира. Он ушел от мира, примкнув к школе сарвастивада. Был широко образован, овладев знанием множества сутр, проштудировав раз-

личные шастры. Странствуя по государствам Пяти Индий, он изучил сокровенные тексты «трех сокровищниц». Когда он утвердил свое имя и окончил эти труды, то отправился в обратный путь на родину. В дороге он остановился у ступы автора шастр Сангхабхадры. Возложив руку, он сказал в восхищении: «Вот автор шастр — человек изысканной учености, чистых и высоких помыслов. Через взлеты и падения он утверждал великие принципы. Он хотел опровергнуть иные школы и утвердить свое учение. Как же уходят годы, как все не вечно! Я, Вималамитра, недостойный и малознающий, в иные времена восстановлю справедливость, помня о добродетели ушедшего века. Хотя и умер Васубандху, его учение все еще имеет хождение. Я знаю об этом все, и я создам шастры, призывающие ученых людей по всей Джамбудвипе и других людей отречься от имени „большой колесницы“, уничтожить славу Васубандху. Эти [шастры] будут нетленны. Я посвящаю этому заветному желанию все свои силы». Когда он произнес эту речь, то впал в душевное помешательство, язык его отяжелел и обвис, хлынула горячая кровь. Зная, что пришел неизбежный конец, в раскаянии он написал письмо: «Приверженцы „большой колесницы“ проповедуют наиболее законченное Учение среди тех, кто исповедует Закон Будды. Пусть слава ее спадает, но сущность ее глубока. В своем легкомыслии и невежестве я осмелился критиковать предшественников. Возмездие явлено мне: мое тело должно погибнуть. Осмелюсь лишь обратиться к ученым людям: вот поучительный пример. Каждому следует обуздывать свои помыслы и не поддаваться сомнениям». Земля на большом протяжении содрогнулась, и он тотчас скончался. Вслед за тем земля разверзлась на месте его кончины, и он был ввергнут в яму. Товарищи предали его тело огню и над собранными костями возвели строение.

В то время жил архат, который, узнав об этом, со вздохом сказал: «Как жаль! Какое горе! В наше время этот автор шастр столь своевольно настаивал на своих взглядах и, оскорбив „большую колесницу“, был ввергнут в ад нескончаемых [мучений]».

У северо-западной границы страны, на восточном берегу реки Цзинцзя, есть город Моюйло⁵⁷³, около 12 *ли* в окружности. Жители благоденствуют. Чистые протоки со всех сторон окружают [город]. Добывают медную руду, хрусталь, производят драгоценные сосуды. Невдалеке от города, у реки — большой храм дэвов, где происходит много чудес. В нем есть водоем, берега которого отделаны резным камнем, он соединен протокой с рекой Цзинцзя. Жители Пяти Индий называют его воротами реки Цзинцзя. Здесь даются заслуги и снимаются грехи. Зачастую сотни тысяч людей из дальних мест собираются сюда, чтобы совершить омовение. Совершающие благодеяния прави-

тели построили пуньяшалу⁵⁷⁴, где готовят изысканные блюда и держат запас целебных средств для помощи сиротам и вдовам; здесь широко оказывается благотворительность одиноким. Отсюда шел на север около 300 *ли*, прибыл в страну Полосимобуло⁵⁷⁵.

Страна Полосимобуло в окружности около 4000 *ли*. С четырех сторон окружена горами. Столица в окружности около 20 *ли*. Жители многочисленны, дома их зажиточны. Почвы плодородны, хлеба сеют согласно сезону. Добывают медную руду и хрусталь. Климат весьма холодный, нравы суровые и дикие. Здесь мало заняты книжной ученостью и ремеслами, больше заботятся о выгоде. Люди по характеру злые и жестокие. В религии смешаны ересь и истинная [вера]. Монастырей — 5, монахов очень мало. Храмов дэвов около 10, иноверцы проживают смешанно. У северных границ этой страны, посреди Больших Снежных гор, находится страна Суфаланацуйдало. Она поставляет золото, и отсюда такое название⁵⁷⁶. С востока на запад вытянута, с юга на север узка. Это и есть Восточная Страна Женщин⁵⁷⁷. Веками женщины здесь были правителями, и потому ее называют страной женщин. Муж [правительницы] хотя и считается царем, но не вникает в дела правления. Мужчины заняты только военными походами и земледелием. Земли используют под озимые хлеба, разводят много овец и лошадей. Климат крайне холодный, люди по характеру резки и вспыльчивы. На востоке примыкает к стране Туфань⁵⁷⁸, на севере — к стране Юйтань⁵⁷⁹, на западе — к стране Саньбохэ⁵⁸⁰.

Из страны Модибуло шел на юго-восток около 400 *ли*, прибыл в страну Цюйпишуанна⁵⁸¹.

Страна Цюйпишуанна в окружности около 2000 *ли*. Столица в окружности 14–15 *ли*. Высокие горы делают ее неприступной. Жители благоденствуют. Цветущие рощи и озера непрерывно сменяют друг друга. Климат и использование земель таковы же, как в стране Модибуло. Нравы простые и искренние. [Жители] усердны в познании и приобретении заслуг. Много приверженцев «внешнего пути», которые стремятся к сиюминутным радостям. Монастырей — 2, монашеская община около 100 человек, все они исповедуют Учение «малой колесницы». Храмов дэвов около 30, иноверцы проживают смешанно. Поблизости от столицы, в древнем монастыре, есть ступа, построенная царем Ашокой, высотой около 200 *чи*. В прошлом на этом месте Татхагата в течение месяца проповедовал основы Учения. Поблизости сохранились следы, где четыре будды прошлого сидели и ходили. Рядом — две ступы, сохраняющие волосы и ногти Татхагаты, каждая высотой около *чжана*. Отсюда шел на юго-восток около 400 *ли*, прибыл в страну Эсичидало⁵⁸².

Страна Эсичидало в окружности около 3000 *ли*. Столица в окружности 17–18 *ли*, она хорошо укреплена и неприступна. Здесь выращивают хлеба, много лесов и родников. Климат мягкий и теплый, нравы простые и искренние. [Жители] привержены [истинному] пути, усердны в познании. Они весьма даровиты и осведомленны. Монастырей около 10, монахов около 1000 человек, все исповедуют Учение «малой колесницы» школы самматия⁵⁸³. Храмов дэвов — 9, иноверцев около 300 человек. Они поклоняются дэве Ишваре⁵⁸⁴, сторонники «обмазывающихся золой».

За пределами города, на берегу драконьего озера, есть ступа, построенная царем Ашокой. В прошлом на этом месте Татхагата семь дней проповедовал Учение царю драконов. Рядом — четыре малые ступы, на местах, где четыре будды прошлого сидели и ходили. Отсюда шел на юг 260–270 *ли*, переправился через реку Цзя и, следуя на юго-запад, прибыл в страну Пилошанья⁵⁸⁵.

Страна Пилошанья в окружности около 2000 *ли*. Столица в окружности около 10 *ли*. Климат и использование земель таковы же, как в стране Эсичидало. Нравы дикие и жестокие. Жители знакомы с ученостью и ремеслами. Они привержены «внешнему пути», мало почитают Учение Будды. Монастырей — 2, монахов — 300 человек, все исповедуют Учение «большой колесницы». Храмов дэвов — 5, иноверцы проживают смешанно. В столице, в стенах древнего монастыря, есть руины ступы. Хотя она и разрушена, высота ее 100 *чи*. Построена царем Ашокой. В прошлом здесь Татхагата семь дней проповедовал «Юньцзечу-цзин»⁵⁸⁶. Поблизости сохранились следы, где четыре будды прошлого сидели и ходили. Отсюда шел около 200 *ли*, прибыл в страну Цзебита⁵⁸⁷.

Страна Цзебита в окружности около 2000 *ли*. Столица в окружности около 20 *ли*. Климат и использование земель таковы же, как в стране Пилошанья. Нравы простые и мягкие, жители весьма учены и искусны в ремеслах. Монастырей — 4, монахов — 1000 человек, все они исповедуют Учение «малой колесницы», школы самматия. Храмов дэвов — 10, иноверцы проживают смешанно. Все они почитают дэву Махешвару. К востоку от города, примерно в 20 *ли*, есть большой монастырь. Его строения величественны и покрыты искусной резьбой. Изображения святых и почитаемые статуи украшены весьма изысканно. Монахов несколько сотен человек, они исповедуют Учение школы самматия. Вблизи монастыря проживают несколько десятков тысяч «чистых людей».

Внутри главного двора монастыря есть три драгоценные лестницы, стоящие в ряд с юга на север, со спуском в восточную сторону. По

ним Татхагата совершал нисхождение, возвращаясь с «небес тридцати трех». В прошлом Татхагата, покинув Джетавану, вознесся в небесный дворец, где, пребывая в «зале Саддхарма»⁵⁸⁸, проповедовал Учение для своей матери. По прошествии трех месяцев он вознамерился совершить нисхождение. Тогда Шакра, небесный владыка, применив чудесную силу, соорудил драгоценные лестницы: лестницу в середине — из желтого золота, левую — из хрусталя, а правую — из белого серебра. Татхагата, выйдя из «зала Саддхарма» в окружении сонма дэвов, ступил на среднюю лестницу и стал спускаться. Великий царь Брахма, взяв белую метелку, ступил на серебряную лестницу и сопровождал его справа. Шакра, небесный владыка, держа в руке драгоценный зонт, ступил на хрустальную лестницу и сопровождал его слева. Сонм дэвов парил в воздухе, рассыпая цветы и вознося хвалу. Несколько столетий назад лестницы еще сохранялись в изначальном виде, но к нашему времени уже погрузились в землю и исчезли. Цари разных стран, печальась о том, что не видят [лестниц], возвели их из кирпича и камня, украсили драгоценностями, — на том же древнем основании и такими же, как прежние драгоценные лестницы. Их высота около 70 *чи*. Наверху возведена вихара. Внутри вихары есть каменное изваяние Будды, а слева и справа от лестниц — изваяния Шакры и Брахмы; облик их подобен истинному, и выглядят они совершенно так, будто спускаются. Рядом есть каменный столб высотой около 70 *чи*, возведенный царем Ашокой. Цвет его — пурпурный с отливом; камень твердый, отшлифованный. Наверху изваян лев, с подогнутыми ногами, обращенный лицом к лестницам. Чудесная резьба покрывает столб со всех сторон. И соответственно тому, грешен человек или праведен, перед ним появляются изображения на столбе.

Невдалеке от драгоценных лестниц есть ступа. Здесь сохранились следы, где четыре будды прошлого сидели и ходили. Рядом со ступой — место, где Татхагата некогда совершал омовение. Рядом — вихара, на месте, где Татхагата вошел в самадхи.

Рядом с вихарой сохранилось основание большой каменной стены, длиной 50 *бу*, высотой 7 *чи*. Здесь место, где ходил Татхагата, и следы, которые он оставил, все имеют знаки лотоса. Слева и справа — малые ступы, построенные Владыкой Шакрой и Брахмараджей.

Далее вперед от ступ Шакры и Брахмы — место, где бхикшуни Утпалаварни⁵⁸⁹, желавшая первой увидеть Будду, была превращена в царя-чакравартина, когда Татхагата после пребывания в небесном дворце возвращался в Джамбудвипу. А в то время Субхути в умиротворении сидел в своей каменной келье, размышлял про себя: «Ныне Будда совершает нисхождение, возвращаясь [на землю]. Люди и дэвы будут идти вслед за ним. Также ли и мне сегодня должно пойти? Ведь

известна проповедь Будды о том, что все постигаемое — пустота дхарм и все имеющее форму — тело дхармы⁵⁹⁰. В таком случае и мысленным зрением возможно увидеть дхармовое тело [Будды]». И вот тогда бхикшуни Утпалаварни, желавшая первой увидеть Будду, была превращена в царя-чакравартина, сопровождаемого «семью драгоценностями»⁵⁹¹ и охраняемого войском четырех видов. Прибыв на место, где пребывал Владыка Мира, она снова стала бхикшуни. Татхагата провозгласил: «Ты — не первая, кто увидел меня. Тот Субхути, который созерцал пустоту дхарм, увидел дхармовое тело».

Внутри стен, окружающих священные следы, непрерывно происходят чудеса.

К юго-востоку от этой большой ступы есть озеро дракона, который постоянно оберегает священные следы. При такой волшебной охране им нелегко нанести вред. С течением многих лет произошли разрушения, но никто из людей не может их повредить. Отсюда шел на северо-запад менее 200 *ли*, прибыл в страну Каньякубджа⁵⁹².

Цзюань XII.

Двадцать две страны

Страна Цаоцзюйто, страна Фулишисатанна, страна Аньдалофо, страна Косидо, страна Хо, страна Мэнцзянь, страна Алини, страна Хэлоху, страна Цилисэмо, страна Болихэ, страна Сымодало, страна Бодочуанна, страна Иньбоцзянь, страна Цюйланна, страна Дамоситеди, страна Шицини, страна Шанми, страна Цзепаньто⁵⁹³, страна Уша, страна Цюйша, страна Чжоцзюйцзя, страна Цюйсаданьяна.

Страна Цаоцзюйто⁵⁹⁴ в окружности около 7000 *ли*. Столица называется Хэсина⁵⁹⁵, в окружности около 30 *ли*. Другая столица — Хэсало⁵⁹⁶, в окружности около 30 *ли*. Обе сильно укреплены и неприступны. Горы и ущелья обрывисты, и поля расположены на насыпных возвышениях. Хлеба сеют в срок, озимая пшеница дает богатый урожай. Травы и деревья густо разрастаются, цветы и плоды в изобилии. Земли пригодны для ароматной юйцзинь⁵⁹⁷, выращивают траву хингу⁵⁹⁸ — трава эта происходит из долины Ломоиньду⁵⁹⁹. В городе Хэсало есть бурлящий источник, который растекается рукавами; жители страны используют его для орошения полей. Климат очень холодный, много снега. Люди по характеру легкомысленны и в большинстве своем настроены на коварство. Весьма учены и искусны, очень мастеровиты, однако их смышленность не ведет к добру. В их повседневной речи — несколько десятков тысяч слов, письменность и язык отличаются от других стран. Они много заняты пустой болтовней, в которой ма-

ло правды. Хотя они и поклоняются «ста духам», все же почитают «три сокровища». Монастырей несколько сотен, монахов около 10 000 человек, все исповедуют Учение «большой колесницы». Нынешний царь искренно верует, он является наследником длительно существовавшей династии, прилежно стремится к овладению заслугами, умен и весьма образован. Ступ, построенных царем Ашокой, здесь около 10, храмов дэвов — несколько десятков; исповедующие разные верования проживают смешанно, однако много иноверцев. В особенности они привержены поклонению дэве Чуне⁶⁰⁰. Некогда этот дэва переселился с горы Алунао, находящейся в стране Цзябиши, на гору Чунасыло, находящуюся на южной окраине этой страны. Он и карает, и милует, может становиться и жестоким, и свирепым. Кто с верой уповаet на него — для того исполняет желания, кто пренебрежителен к нему — на того навлекает несчастье. Оттого и приходят сюда из дальних и ближних мест, чтобы почитать его. Люди высокого и низкого звания с трепетом поклоняются ему. В сопредельных странах есть иной обычай. Правители, сановники, чиновники и народ каждый год, в благоприятное время, которое не имеет определенного срока, устраивают собрание. Они либо преподносят золото, серебро и редкостные драгоценности, либо же приводят в дар овец, лошадей и другой скот, все наперебой выказывая свои искренние чувства. Поэтому, даже когда земля покрыта золотом и серебром, а долины переполнены овцами и лошадьми, они не смеют зариться на неположенное, а преподносят все это в качестве жертвоприношений. Ревностные иноверцы, обуздывая свои желания и истязая плоть, получают от дэвов искусство заклинаний. Практикуя его, они много преуспели в исцелении болезней, которые таким весьма таинственным образом излечиваются. Следуя отсюда в направлении на север, прошел 500 *ли*, прибыл в страну Фулишисатанна⁶⁰¹.

Страна Фулишисатанна с востока на запад около 2000 *ли*, с юга на север около 1000 *ли*. Столица называется Хубина⁶⁰², в окружности около 20 *ли*. В использовании земель и нравах есть большое сходство со страной Цаоцзюто, в языке есть отличия. Климат жестоко холодный. Люди по характеру дикие. Царь по происхождению *туцзюэ*. Глубоко верует в «три сокровища». Почитает ученость, покровительствует добродетели. Следуя из этой страны в направлении на север, переправился через горы, переправился через реки, миновал страну Цзябиши, ее окраинные города и малые селения, всего несколько десятков. Прибыл к Большим Снежным Горам, большому хребту Полосина⁶⁰³. Хребет крайне высокий. Грозные уступы скал, крутые склоны. Горные тропы труднопроходимы и идут окольным путем. Скалистые

вершины следуют одна за другой. Тоходишь в глубокие ущелья, то поднимаешься на высокие кручи. И в разгар лета здесь все сковано льдом; лишь пробивая лед, можно продвигаться вперед. Так шел три дня, прибыл на вершину хребта. Здесь дуют леденящие ветры, а ущелья завалены снегом. Путники, проходящие здесь, не могут остановиться. Соколы в полете не могут преодолеть хребет, а садятся и пешком переходят его, и только потом летят вниз. Когда глядишь отсюда на горы, они кажутся мелкими холмиками. Этот хребет — высочайший во всей Джамбудвипе. На хребте нет деревьев, лишь только каменные вершины выстроились толпой — так густо, что похоже на лес. Шел еще три дня, пока не спустился с хребта. Прибыл в страну Аньдалофо⁶⁰⁴.

Страна Аньдалофо — исстари владение страны Духоло⁶⁰⁵. В окружности около 3000 *ли*. Столица в окружности 14–15 *ли*. Нет верховного правителя, страна подчинена *туцзюэ*. Горы и холмы тянутся непрерывно, поля зажаты в узких долинах. Климат очень холодный, дуют студеные ветры со снегом. Земли богаты хлебами, пригодны для цветов и плодов. Люди по характеру дикие и грубые. В их обычаях нет порядочных установлений. Они не знают разницы между грехом и заслугой, не ценят учености, а только совершают поклонение духам. Мало верят в Учение Будды. Монастырей — 3, монахов несколько десятков, и все исповедуют учение школы махасангхика. Есть одна ступа, построенная царем Ашокой. Следуя отсюда в направлении на северо-запад, вошел в долину, перешел хребет, миновал многие малые города, шел около 400 *ли*, прибыл в страну Косидо⁶⁰⁶.

Страна Косидо — исстари владение страны Духоло. В окружности около 3000 *ли*. Столица в окружности около 10 *ли*. Нет верховного правителя, страна подчинена *туцзюэ*. Множество гор, долины рек узкие, к тому же здесь дуют холодные ветры. Хлеба урожайны, цветов и плодов изобилие. Люди по характеру злобные и грубые. В их обычаях нет установленных законов. Монастырей — 3, монахов крайне мало. Следуя отсюда в направлении на северо-запад, перебрался через горы, перешел долины, миновал многие селения, шел около 300 *ли*, прибыл в страну Хо⁶⁰⁷.

Страна Хо — исстари владение страны Духоло. В окружности около 3000 *ли*. Столица в окружности около 20 *ли*. Нет своего правителя, страна подчинена *туцзюэ*. Земли равнинные, хлеба сеют в срок. Травы и деревья пышно разрастаются, цветы и плоды необыкновенно изобильны. Климат мягкий, приятный, нравы простые и искренние.

Люди по характеру горячие и вспыльчивые. Их одежда — из войлока. Более верят в Учение Будды, менее почитают духов. Монастырей около 10, монахов несколько сотен человек. Здесь исповедуют одновременно и «большую», и «малую колесницу», соединив оба Учения. Их царь — *туцзюэ*, он правит малыми странами, расположенными к югу от Железных Ворот, и, как птица, перемещает место своего пребывания, не живя постоянно в этом городе. Следуя отсюда в направлении на восток, вступил в пределы Цунлина. Цунлин расположен в центре Джамбудвипы. На юге он соединяется с Большими Снежными горами, на севере доходит до Горячего моря и Тысячи Родников⁶⁰⁸, на западе достигает страны Хо, на востоке — страны Уша⁶⁰⁹. В каждую сторону — на восток, на запад, на юг и на север — простирается на тысячу *ли*. В нем несколько сотен скалистых хребтов, здесь глубокие долины и высокие кручи, на которых громоздятся вечные снега и льды, с силой дуют холодные ветры. На этих землях растет много лука, и отсюда название — Луковый Хребет. Также из-за того, что горные кручи изумрудно-зеленого цвета, может быть такое название. Прошел на восток около 100 *ли*, прибыл в страну Мэнцзянь⁶¹⁰.

Страна Мэнцзянь — исстари владение страны Духоло. В окружности около 400 *ли*. Столица в окружности 15–16 *ли*. В использовании земель и нравах есть большое сходство со страной Хо. Нет верховного правителя, страна подчинена *туцзюэ*. На севере доходит до страны Алини⁶¹¹.

Страна Алини — исстари владение страны Духоло. Охватывает оба берега реки Фочу. В окружности около 300 *ли*. Столица в окружности 14–15 *ли*. В использовании земель и нравах есть большое сходство со страной Хо. На востоке доходит до страны Хэлоху⁶¹².

Страна Хэлоху — исстари владение страны Духоло. Ее северная граница — река Фочу. В окружности около 200 *ли*. Столица в окружности 14–15 *ли*. В использовании земель и нравах есть большое сходство со страной Хо. Идя на восток из страны Мэнцзянь, перебрался через высокий хребет, перешел речную долину, миновал несколько областей и городов, прошел около 300 *ли*, прибыл в страну Цилисэмо⁶¹³.

Страна Цилисэмо — исстари владение страны Духоло. С востока на запад около 1000 *ли*, с юга на север около 300 *ли*. Столица в окружности 15–16 *ли*. В использовании земель и нравах есть большое сходство со страной Мэнцзянь, однако разница в том, что здесь люди по

характеру грубые и злые. На северо-востоке доходит до страны Бо-
лихэ⁶¹⁴.

Страна Болихэ — исстари владение страны Духоло. С востока на запад около 100 *ли*, с юга на север около 300 *ли*. Столица в окружности около 12 *ли*. В использовании земель и нравах есть большое сходство со страной Цилисэмо. Следуя из страны Цилисэмо на восток, перебрался через горы, переправился через реки, прошел около 300 *ли*, прибыл в страну Сымодало⁶¹⁵.

Страна Сымодало — исстари владение страны Духоло. В окружности около 1000 *ли*. Горы и долины тянутся чередой. Земли плодородны, пригодны для хлебов, много озимой пшеницы. Густо растут всевозможные травы, родится множество плодов, урожаи богаты. Климат очень холодный, люди по характеру грубые и вспыльчивые. Они не знают разницы между грехом и заслугой. С виду они грубы, в поведении надменны. Одежду носят из кожи и грубой ткани, очень схожую с той, что у туцзюэсцев. Замужние женщины у них носят на голове шапку с деревянным рогом высотой около 3 *чи*; спереди он имеет две ветви, которые обозначают мужниных отца и мать. Верхняя ветвь обозначает его отца, нижняя ветвь обозначает его мать. Если кто из них раньше умрет, то убавляют одну ветвь. Если же и свекор, и свекровь оба скончаются, то шапку с рогом снимают совсем. Прежде, когда это государство было могущественным, их царь был шакийского рода. Многие, живущие к западу от Цунлина, находились у него в подчинении. Страна граничит с [землями] *туцзюэ*, и из-за того здесь перенимают их обычаи. Кроме того, жители подвергаются их грабительским набегам и защищают свои границы. По той же причине жители этой страны переселяются в другие области. Здесь несколько десятков укрепленных городов, и в каждом свой правитель. Обитая в высоких войлочных юртах, жители кочуют с места на место. На западе проходит граница со страной Цилисэмо. Прошел на восток около 200 *ли*, прибыл в страну Бодочуанна⁶¹⁶.

Страна Бодочуанна — исстари владение страны Духоло. В окружности около 2000 *ли*. Столица расположена вплотную к горам и стоит на скале, имеет в окружности около 6–7 *ли*. Горы и долины тянутся чередой, повсюду пески и камни. Земли пригодны для бобов и пшеницы. Много винограда, грецкого ореха, груш, яблок и других плодов. Климат очень холодный, люди по характеру суровые и храбрые. В обычаях нет порядочности и законности. Они не знают учености и искусств. С виду они дикие. В большинстве носят одежду из войло-

ка. Монастырей — 3–4, монахов совсем мало. Царь по характеру честен и прям, глубоко верует в «три сокровища». Следуя отсюда в направлении на юго-восток, прошел через горы и долины около 200 *ли*, прибыл в страну Иньбоцзянь⁶¹⁷.

Страна Иньбоцзянь — исстари владение страны Духоло. В окружности около 1000 *ли*. Столица в окружности около 10 *ли*. Горные хребты следуют друг за другом. Реки и поля теснятся в ущельях. Что касается плодородия земель, благоприятности климата и характера людей, то есть сходство со страной Бодочуанна, однако в языке есть небольшие отличия. Царь по характеру жесток и груб, не понимает различия между хорошим и дурным. Следуя отсюда в направлении на юго-восток, перебрался через горные хребты, перешел долины. Дороги здесь зажаты [скалами] и опасны. Прошел около 300 *ли*, прибыл в страну Цюйланна⁶¹⁸.

Страна Цюйланна — исстари владение страны Духоло. В окружности около 2000 *ли*. Земельные угодья, горы и реки, климат и смена времен года — во всем этом есть сходство со страной Иньбоцзянь. В обычаях нет законности. Люди по характеру дикие и грубые. В большинстве не стремятся к приобретению заслуг. Мало кто верит в Учение Будды. С виду они безобразны и ущербны. В большинстве носят одежду из войлока. Здесь есть гора, в которой добывают чистое золото. Они добывают камень, раскалывают его и затем получают из него золото. Монастырей очень мало, и монахи малочисленны. Царь по характеру честен и прям, почитает «три сокровища». Следуя отсюда в направлении на северо-восток, поднялся на горы, входил в долины. Дороги здесь труднопроходимы и опасны. Прошел около 500 *ли*, прибыл в страну Дамоситеди⁶¹⁹.

Страна Дамоситеди находится между двумя горами. Исстари владение страны Духоло. С востока на запад — 5–6 *ли*, с юга на север — 4–5 *ли*, в узких местах имеет не более 1 *ли*. Расположена на реке Фочу, которая извивается, образуя излучины. Холмы здесь и высокие, и низкие, на них повсюду пески и камни. Студеные ветры приносят холода. Впрочем, здесь выращивают пшеницу и бобы. Мало леса, редки цветы и фрукты. Выводят много хороших лошадей. Эти лошади с виду хотя и малы, но выдерживают перегоны быстрым ходом. В обычаях нет установленных правил. Люди по характеру дикие и грубые, облика варварского. Одежду носят из войлока. У многих глаза бирюзового цвета, что отличает их от жителей других стран. Монастырей около десятка, монахов совсем мало.

Город Хуньтодо⁶²⁰ — столица этой страны. В нем есть монастырь, построенный прежним царем страны. Монастырь вырублен в скале и расположен в долине. Кельи и дворы построены согласно установленному образцу. Жители этой страны в прошлом не были охвачены влиянием Закона Будды, но поклонялись дурным духам. Несколько столетий назад здесь началось распространение Учения и обращение жителей. Некогда любимый сын царя этой страны заболел. Приходили осмотреть его искусные врачи, но все не наступало выздоровление. Тогда царь собственной персоной пошел в храм дэвов и с положенным ритуалом стал молить о спасении, а главный служитель храма сказал от имени духа: «Непременно, сейчас же, он вновь станет здоров. Совершенно не беспокойся о нем». Услышав это, царь обрадовался и помчался на колеснице домой. В дороге он встретил шрамана, манеры которого привлекли его внимание. Пораженный его внешностью и одеянием, царь спросил, откуда и куда он идет. А этот шраман, который уже обрел «священный плод», имел намерение распространить Закон Будды. Потому он, полон достоинства, возвестил царю, говоря так: «Я — ученик Татхагаты, и меня называют бхикшу». Царь, одолеваемый печалью, первым делом стал спрашивать: «Мой сын болен. Жив ли он или мертв — не знаю». Шраман сказал: «Царь может призывать духов предков, но его любимого сына трудно спасти». Царь сказал: «Небесный дух сказал наверное, что он не умрет». А шраман говорит: «Он только что скончался. Как можно было поверить словам этого лживого, суетного человека?» И опоздал он во дворец, любимый сын уже умер. Спрятав его и не похоронив, снова спросил он служителя духов, и тот опять сказал: «Не умрет. От болезни своей немедленно излечится». Царь тогда пришел в ярость, схватил служителя духов и несколько раз повторил: «Ты и твои сообщники копите зло. Творите обман, при этом карая и милуя. Мой сын уже мертв, а ты только что сказал, что он немедленно излечится. Вы сеете заблуждения, и этого нельзя более сносить. Надобно казнить служителя духов и уничтожить кумирни». И тогда он повелел убить служителя духов, выбросить статую духа и сбросить ее в реку Фочу. Возвращаясь домой, он снова встретил шрамана. Завидев его, он с почтительной радостью склонил голову и в благодарности сказал: «Прежде я не получал ясного наставления и стоял на ложном пути. Хотя долго я взращивал дурное, однако теперь пришло обновление. Хочу, чтобы ты удостоил своим посещением мое жилище». Шраман принял приглашение и отправился во дворец. Когда унесли сына, царь сказал, обращаясь к шраману: «Жизнь людей иллюзорна и суетна. Жизнь и смерть претерпевают круговорот. Мой сын заболел, и я спросил, покинет ли он меня или останется, а дух ответил обманом — будто он непременно, сейчас

же поправится. Ты же дал предсказание, которое оказалось не пустыми словами. Именно это Учение должно быть принято. Лишь только склонись к состраданию, возьми руководство над таким заблудшим учеником». Вслед за тем он попросил шрамана рассчитать план монастыря, и в соответствии с указанными им правилами отстроил его. Именно с того времени здесь вошло в силу Учение Будды. Потому-то в монастыре есть обитель, построенная архатом. В большой обители этого монастыря есть каменное изваяние Будды. Над изваянием установлен круглый зонт из золота и серебра, украшенный множеством драгоценностей. Когда человек совершает обход, зонт поворачивается вслед за ним. Когда человек останавливается, зонт тоже останавливается. Невозможно постичь это чудесное явление. Как говорят старые люди, либо он управляется соответственно желанию святых, либо приводится в действие тайным механизмом. Ни осматривая эти строения, дворы и высокие каменные стены, ни взвесив то, что толкуют люди, — нельзя узнать правды.

Перейдя в этой стране большие горы и направляясь на север, можно добраться до страны Шицини⁶²¹.

Страна Шицини в окружности около 2000 *ли*. Столица в окружности 5–6 *ли*. Горы и долины идут чередой. Повсюду — песок и камни. Много бобов и пшеницы. Мало хлебов. Леса редки, цветов и плодов совсем мало. Климат очень холодный, жители по нраву дикие и отважные. Здесь дозволено убийство, а воровство почитается за ремесло. Не знают порядочных установлений. Не различают хорошего и дурного. В заблуждении своем не предвидят несчастья и счастья в будущем, а боятся лишь сиюминутных бед. С виду они грубы и неотесанны. Носят грубую одежду из кожи. Письменность такова же, как в стране Духоло, а язык имеет отличия. Пройдя страну Дамоситэди и направляясь на юг от больших гор, прибыл в страну Шанми⁶²².

Страна Шанми в окружности 2500–2600 *ли*. Горы и долины сменяют друг друга. Холмы здесь есть и высокие, и низкие. Хлеба выращивают в достаточном количестве, бобы и пшеница дают богатый урожай, много винограда. Здесь добывают желтую краску — вырывают скалы, затем раскалывают камень и так ее получают.

Горные духи, жестокие и злобные, постоянно насылают бедствия. Когда люди приходят сюда, то приносят им жертвы, и тогда они благоприятствуют путникам. Если же им не помолиться, то поднимется ветер и пойдет град. Климат холодный. Жители по нраву вспыльчивые. Люди по характеру честные и прямые. В обычаях нет порядочных установлений. В познаниях они ограничены и в мастерстве далеко не ушли. Письменность такова же, как в стране Духоло, а язык несколько

отличается. В большинстве они носят одежду из войлока и шерсти. Царь происходит из рода шакьев и глубоко почитает Учение Будды. Жители страны следуют ему в этом и не чужды искренней вере. Монастырей — 2, монахов совсем мало.

Направляясь на северо-восток от пределов этой страны, перебрался через горы, перешел долины. Преодолевая грозные кручи и ступая по опасной высоте, прошел около 700 *ли* и прибыл в долину Бомило⁶²³. Она простирается с востока на запад примерно на 1000 *ли*, с юга на север — примерно на 100 *ли*. В самом узком месте ширина не превышает 10 *ли*. Долина расположена между двумя грядами Снежных Гор⁶²⁴, и потому здесь дуют сильные и холодные ветры, весной и летом падает снег, днем и ночью бывают ураганы. Все покрыто мелким камнем, и посевы не могут давать урожай, а травы и деревья редки — оттого эта местность выглядит пустынно, и совершенно нет человеческого жилья. В долине Бомило есть большое драконье озеро⁶²⁵ — с востока на запад около 300 *ли*, с юга на север около 50 *ли*. Расположено в пределах Большого Цунлина. Во всей Джамбудвипе это место самое высокое. Воды озера ясные и прозрачные, как чистое зеркало. Никак не измерить его глубины. Цвет воды темно-синий, вкус весьма сладкий. В глубине его водятся водяные чудища, рыбы-драконы, крокодилы и черепахи, а по воде плавают птицы-мандаринки и гуси — *хунъянь*, *цзяэ* и *сушуан*⁶²⁶. Они откладывают большие яйца в безлюдных местах — или среди травы, или на песке. По западную сторону озера из него вытекает большая река и течет на запад до восточных пределов страны Дамоситэди, где впадает в реку Фочу и далее течет на запад. Поэтому все воды, что по правую сторону от этого места, текут на запад. По восточную сторону озера из него вытекает большая река и течет на северо-восток до западных пределов страны Цюйша, где впадает в реку Сидо⁶²⁷ и течет на восток. Поэтому все воды, что по левую сторону от этого места, текут на восток. К югу от долины, за горами, находится страна Болуло⁶²⁸, где много золота и серебра, и это золото огненного цвета. От этого места вдоль дороги на юго-восток, в долине, нет человеческого жилья. Взойдя на горы, преодолев опасные высоты, где лежат лишь снега и льды, прошел около 500 *ли* и прибыл в страну Цепаньто⁶²⁹.

Страна Цепаньто в окружности около 2000 *ли*. Столица возведена на большом каменном хребте и стоит на реке Сидо; в окружности она около 200 *ли*. Горные хребты тянутся беспрерывно, а реки и ручьи зажаты в теснинах. Рис родится скудно, бобы и пшеница дают богатый урожай. Леса здесь редки, цветов и плодов мало. Низины заброшены, города и селения пустуют. В обычаях нет порядочных установлений.

Жители мало склонны к учености и искусствам. По характеру они дикие и жестокие. Также они могучи и воинственны, а с виду безобразны. Носят одежду из войлока и шерсти. В письменности и языке большое сходство со страной Цюйша. Впрочем, здесь знают истинную веру и почитают Учение Будды. Монастырей около 10, монахов около 500 человек. Они исповедуют учение «малой колесницы», школы сарвастивада. Нынешний царь честен и прям, весьма почитает «три сокровища». В обхождении он благороден, великодушен и просвещен. Со времени основания этой страны прошло много лет. Некоторые здесь называют себя принадлежащими к Чинадэваготре⁶³⁰. В прошлом эта страна была пустынным местом посреди Цунлина. Некогда царь страны Поласы взял жену из Ханьской земли. Ее встретили и, отправившись в обратный путь, добрались досюда. А в то время среди его подданных поднялась вооруженная смута. И на восток, и на запад дорога была перекрыта. Тогда царскую невесту поселили на вершине горы. Этот горный пик был неприступен и обрывист, и только по лестнице можно было подняться вверх или спуститься вниз. Вокруг горы установили стражу, которая несла службу и день и ночь. Так прошло три месяца. Когда беспорядки утихли, собрались было продолжить обратный путь. Но невеста оказалась беременна. Поверенный сановник перепугался и сказал своей свите: «Царь повелел нам сопровождать невесту. Но среди его подданных поднялась смута. Мы разбили лагерь в дикой долине. Не знали утром, что будет вечером. Но царь наш, исполненный благородства, ниспослал успокоение. И только мы собрались в обратный путь, в свою страну, как оказалось, что царская невеста беременна. Это повергло меня в отчаяние, и я не найду места, где мне умереть. Надо разгадать, кто главный преступник, чтобы затем его наказать. Если учиним допросы и поднимем шум, то не дойдемся правды». Тогда служанка сказала поверенному сановнику: «Не стоит обвинять друг друга. Ведь это дух встречался с ней. Каждый день ровно в полдень некий мужчина, сошедший с солнечного диска, приезжал верхом на коне и встречался с ней». Поверенный чиновник сказал: «Если так, то как мне очистить свою вину? Если вернуться домой — не избежать казни, если остаться — все равно придут покарать меня. И так и эдак — все одно, как же мне следует поступить?» И все сказали: «Это дело не шуточное. Кто же пойдет на верную казнь или будет покорно ждать наказания за пределами страны? Отложи-ка ты это дело, утро вечера мудренее». И тогда на вершине горы он выстроил обширный дворец — в окружности около 300 бу, а вокруг дворца построили город, в котором женщину поставили правительницей. Учредили должности, установили законы. Когда подошел срок, родился мальчик, облик которого был прекрасен. Мать ве-

дала делами управления. Сын же, отмеченный высокими знаками, мог летать по воздуху, повелевать ветрами и облаками. Слава о его доблестях распространилась широко. Слух о его учености достигал далеких мест. Сопредельные земли и чужие страны не могли не признать себя его подданными. Когда сей царь скончался, его похоронили внутри большой горы, находящейся в 100 *ли* к юго-востоку от этого города, в каменной келье, вырубленной в скале. Тело его высохло и доныне не разложилось. С виду он похож на исхудавшего человека и как будто спит. Время от времени на нем меняют одежду, постоянно кладут благовония и цветы. Его потомки правят и доныне. По своему происхождению от древнего родоначальника считают себя по материнской линии — людьми из Ханьской земли, а по отцовской линии — из рода солнечного дэвы. Поэтому они называют свой род «хань — солнечный дэва». И действительно, представители династии этого царя имеют внешность такую же, как в Срединной Стране. Носят квадратные шапки и хуские одежды. Преемники же этого рода пришли в упадок и потеснены более сильными странами.

Когда царь Ашока правил миром, он построил ступу в этом дворце, а царь этой страны после того переместил свое жилье в северо-восточный угол дворца. В этом же древнем дворце он построил монастырь для почтенного Кумаралабдхи, учителя шастр. Строения его высоки и просторны. Изваяние Будды — величественное и торжественное. Почтенный был родом из Такшашилы. В детстве отличался большим умом, рано ушел от мира, посвятив себя изучению древних книг и сосредоточению на их сокровенном смысле. В день он запоминал 32 тысячи слов и записывал 32 тысячи иероглифов. Потому он смог превзойти в учености мудрейших людей того времени и приобрести высокую славу во всем мире. Он утверждал истинное Учение, ниспровергал ложные воззрения. В высоком искусстве дискуссий был безупречен и непревзойден, и не было трудностей, которые бы он не преодолел. В странах Пяти Индий все почитали его за высочайшего. Созданных им шастр насчитывается несколько десятков. Все они имели широкое хождение и не могли не покорять читателей. В них было положено начало школе саутрантика. Именно в те времена на востоке пребывал Ашвагхоша, на юге — Дэва, на западе — Нагарджуна, а на севере — Кумаралабдха. Их называли «четыре светильника мира». Потому царь этой страны, прослышав о Почтенном как о достойнейшем, собрал свое войско и двинул его на страну Такшашилу, где одержал верх и захватил его. Царь построил этот монастырь, чтобы славить его и оказывать знаки почтения.

Направляясь на юго-восток от города, прошел около 300 *ли*. Прибыл к большой каменной скале, в которой имеются две каменные кельи.

В каждой из них жил архат, который входил в самадхи. Они так и сидят в прямой позе, и трудно их пошатнуть. С виду они подобны истощенным людям. Их кожа и кости нетленны. Прошло уже около 700 лет, а их усы и волосы остались в неизменном виде. Потому-то монахам этой общины в течение года не разрешено стричь волосы и менять одежду.

К северо-востоку от большой скалы перешел хребет, преодолел опасные высоты, прошел около 200 *ли*, прибыл к пуньяшале. У восточного отрога Цунлина, между четырех гор, есть местность площадью около 100 *цинов*, расположенная на низменности. Зимой и летом лежат груды снега, дуют студеные, ураганные ветры. Поля — на бесплодных солончаках, хлеба не родятся. Здесь нет леса, а лишь растет редкая трава. Даже в разгар лета часто бывает ветер со снегом. Как только сюда приходят люди, сразу их настигают тучи и туманы. Купцы в своих странствиях страдают от этих бедствий. В старинных преданиях говорится: некогда здесь шли купцы с караваном, в котором было около 10 000 человек и несколько тысяч верблюдов. Стремясь получить выгоду, они везли дорогие товары. Налетел ветер, повалил снег. И люди, и скот — все погибли. А в то время в стране Цепаньто жил великий архат. Пребывая вдаль, он увидел их и, сочувствуя их бедственному положению, решил применить чудесную силу и помочь страждущим. Он спешно прибыл сюда, но купцы уже погибли. Тогда он собрал все драгоценности, которые они везли, и построил подворье. На все имеющиеся деньги он купил земли у близлежащих стран и построил дома в окраинных городах, чтобы оказывать помощь проезжающим. Поэтому ныне все странники и купцы здесь благодетельствованы. Следуя отсюда на восток, спустился с восточного отрога Цунлина. Поднимаясь на опасные высоты, переправляясь через долины, преодолевая ущелья и кручи, прошел около 800 *ли*, вышел за пределы Цунлина, прибыл в страну Уша⁶³¹.

Страна Уша в окружности около 1000 *ли*. Столица в окружности около 10 *ли*, с южной стороны имеет реку Сидо. Земли плодородны, и земледелие здесь процветает. Леса густые, цветы и плоды в изобилии. Добывают много яшмы разного сорта: есть белая яшма, черная и зеленая. Климат мягкий, ветры и дожди следуют в установленном порядке. В обычаях мало порядочных установлений. Люди по характеру суровые и грубые. В большинстве — мошенники, мало честных. В письменности и языке есть небольшое сходство со страной Цюй-ша⁶³². С виду люди безобразны и неопрятны. Одежда из кожи и шерсти. Впрочем, они способны к ревностной вере и почитают Учение Будды. Монастырей около 10, монахов менее 1000 человек. Исповедуют Учение «малой колесницы», школы сарвастивада. Уже не-

сколько сотен лет, как царский род прерван, и здесь нет своего правителя, они подчинены стране Цепаньто. Проследовав 200 *ли* на запад от города, подошел к большей горе. Ее утесы окутаны испарениями — соприкасаясь с камнем, они образуют облака. Скалы обрывисты и чрезвычайно высоки. Кажется, как будто они вот-вот обрушатся, но все никак не упадут. На самой вершине стоит ступа, пышной красоты и необычного вида. В местных преданиях говорится: несколько сотен лет назад эта гора раскололась, и внутри нее обнаружился бхикшу — глаза его были закрыты, он сидел, а тело его было огромной величины. Он выглядел иссохшим, волосы и усы его свисали вниз на плечи и закрывали лицо. Нашелся охотник, который увидел его и сообщил об этом царю. Царь самолично отправился, чтобы с должным почтением осмотреть его. Местные жители, хотя их не созывали, пришли сюда и возжигали благовония, возлагали цветы, все вместе совершая приношения. Царь сказал: «Что это за человек, который столь огромен?» И нашелся бхикшу, который ответил: «Его волосы и усы свисают вниз длинными прядями, а одет он в кашаю. Это значит, что он вошел в самадхи и что он архат. Тому, кто вошел в такое самадхи, предопределен срок. Говорят, если зазвучит гонг или проникнет солнечный свет, то он пробудится и поднимется из самадхи. Если же его не пробудить, то он останется неподвижен: сила самадхи удерживает тело — оно не разрушается, и поддерживается его скелет. Когда же он выходит из самадхи, то следует заранее умастить его маслом, чтобы тело пропиталось влагой. И после того ударить в барабан и пробудить от самадхи». Царь сказал: «Так и поступим!» И тогда ударили в гонг. И едва лишь зазвенел его звук, как этот архат внезапно воззрился на них с высоты. И через долгое время сказал он: «Что вы за люди, такие жалкие с виду, одетые в кашаю?» Ему ответили: «Мы — бхикшу». Он сказал: «А где ныне пребывает мой учитель Кашьяпа Татхагата?» Ему ответили: «Вошел в великую нирвану, его приход совершился уже давно». Когда он услышал это, то закрыл глаза, как будто глубоко задумался. И снова спросил: «Явился ли в мир Шакья Татхагата?» Ему ответили: «Он родился, духовно руководил миром и уже ушел в „конечное угасание“». Услышав это, он склонил голову и долго пребывал так. Затем он поднялся в воздух, являя чудесные превращения. Тело его охватил огонь, и потом останки упали на землю. Царь собрал эти кости и воздвиг ступу.

Отсюда шел на север. Здесь — горы с каменными осыпями и пустынные равнины. Последовал около 500 *ли*, прибыл в страну Цюйша.

Страна Цюйша в окружности около 5000 *ли*. Много песков и каменистого грунта. Мало плодородной земли. Землепашество дает богатые урожаи. Цветы и плоды в изобилии. Здесь производят тонкой ра-

боты войлок и шерсть, искусно ткут ковры. Климат мягкий, умеренный. Ветер и дождь следуют своим порядком. Люди по характеру дикие и горячие. В обычаях более мошенничества, порядочные установления слабо развиты. В учености и искусствах они недалеки. Есть у них такой варварский обычай: когда рождается дитя, то досками сдавливают ему голову. С виду они грубые и дикие. Здесь пишут знаки на теле и зеленым цветом обводят глаза. Их знаки письменности заимствованы из Индии. Хотя они сокращены и искажены, но все-таки сохранили принцип написания. Язык и звучание слов не такие, как в других странах. Здесь искренно верят в Учение Будды, ревностно стремятся к обретению заслуг. Монастырей несколько сотен, монахов около 10 000 человек, они исповедуют Учение «малой колесницы» школы сарвастивада. Здесь не изучают его принципы, а более декламируют эти тексты. Потому устно передают «Трипитаку», а также «Вибхашу». Следуя отсюда на юго-восток, прошел около 500 *ли*. Переправился через многие реки, перешел большой песчаный хребет. Прибыл в страну Чжоцзюйцзя⁶³³.

Страна Чжоцзюйцзя в окружности около 1000 *ли*. Столица в окружности около 10 *ли*, крутые обрывы делают ее неприступной. Податное население многочисленно. Горы и холмы следуют чередой. Повсюду каменистый грунт. Страна окаймлена двумя реками. Здесь весьма заняты землепашеством и садоводством. Особенно многочисленны такие плоды, как виноград⁶³⁴, груши и яблоки. Временами дуют студеные ветры. Люди вспыльчивы и горячи. В обычае лишь мошенничество, бесчинство и разбой. Знаки письменности такие же, как в стране Цюйсаданьна⁶³⁵, а язык имеет отличия. Порядочные установления слабо развиты. В учености и искусствах они простоваты. Здесь искренно верят в «три сокровища» и прилежно стремятся к обретению заслуг. Монастырей несколько десятков, но многие уже разрушены. Монахов около 100 человек, они исповедуют Учение «малой колесницы».

На юге этой страны есть большая гора. Высоко вздымается ее хребет, острые вершины громоздятся одна над другой. Трава и деревья здесь замерзают, что весной, что осенью — одинаково. Бурные горные ручьи стремительно стекают отсюда четырьмя потоками. Повсюду ниши и каменные кельи, которые покрывают скалы в шахматном порядке. Множество индийцев, которые «обрели плод», применяя чудесную силу, прилетали сюда из далеких мест и нашли здесь пристанище. Многие из архатов достигли «конечного угасания», и потому здесь много ступ. И поныне здесь еще остаются три архата, которые пребывают в горных пещерах, войдя в самадхи. С виду они похожи на

истощенных людей. Волосы и усы у них растут, и потому шраманы время от времени приходят и бреют их. В этой стране особенно много канонических книг «большой колесницы». Среди земель, охваченных буддийским Учением, нигде нет такого множества. Собрание включает 100 000 шлок и поделено на 10 разделов. С того времени как они были ниспосланы, они приобрели поистине широкое распространение. Следуя отсюда на восток, перешел через горные хребты, переправился через долины, прошел около 800 *ли*, прибыл в страну Цюйсаданьяна.

Страна Цюйсаданьяна в окружности около 4000 *ли*. Здесь большей частью песок или каменистый грунт. Плодородные земли зажаты в теснинах, они пригодны для выращивания хлебов. Разных плодов — множество. Здесь выделывают ковры и тонкий войлок, прядут шелк. Также здесь добывается белая и черная яшма. Климат мягкий, приятный, но бывают ураганные ветры, несущие пыль. Их обычаи знают порядочность и законность. Люди по характеру добрые и мягкие, они склонны к изучению книг и искусствам, образованны и одаренны. Простой народ живет в богатстве и довольстве. Податное население трудится в мире и покое. Страна славится своей музыкой, ее жители хорошо поют и танцуют. Здесь мало кто надевает грубую шерстяную одежду и войлочные шубы, а в большинстве носят одежду из белого войлока. В манерах и внешности они благоприличны. Правила поведения образцовы. Знаки письменности упорядочены и близко следуют индийским образцам, мелкие изменения в написании произошли лишь при постепенном их развитии. Язык имеет отличия от других стран. Здесь преклоняются перед Учением Будды. Монастырей около 100, монахов около 5000 человек. В большинстве они исповедуют Учение «большой колесницы». Царь весьма доблестен и глубоко почитает Учение Будды; он считает себя потомком дэвы Вайшраваны. В прежние времена эта страна была пустынна, и в ней не было людей, а дэва Вайшравана основал здесь поселения. Когда у сына царя Ашоки во время его пребывания в стране Такшашиле вырвали глаза⁶³⁶, то царь Ашока разгневался и послал своих людей, чтобы выселить отсюда знатные семьи и отправить их на север, по ту сторону Снежных Гор. Эти переселенцы, подвергнутые изгнанию, прибыли в западную часть этой страны. Они избрали одного из предводителей своим царем. А как раз в то время сын императора восточных земель попал в опалу и был отправлен в изгнание. Он поселился в восточной части этой страны. Его подчиненные попросили его принять правление, и он стал себя называть царем. Прошло много лет, а законность так и не была здесь установлена. Когда обе стороны в диких местах случайно встретились на охоте, тотчас набросились друг на друга с вопросами —

мол, кто же положит начало династии. И так, предаваясь спорам о старшинстве, с гневным видом они продолжали пререкания и хотели немедленно сразиться. Но нашелся человек, который стал увещевать их: «Зачем сейчас так спешить? Чем затевать войну на охоте, не вполне подготовив военные силы, более подобает вернуться домой, собрать войско, назначить определенный срок и уж тогда снова сойтись». И действительно, они поскакали вспять, и каждая сторона вернулась в свою страну. Провели учения конных войск, назначили военачальников и солдат. К назначенному сроку они двинули войска навстречу друг другу. В знаменах и барабанах у них было равенство⁶³⁷, и назавтра они вступили в сражение. Западный правитель потерпел неудачу, в конце концов его погнали на север, настигли и обезглавили. Восточный правитель, одержав победу, собрал воедино разоренную страну. Он стал переносить столицу в середину страны, строить здесь городские укрепления. Беспокоясь о том, что здесь не хватит земли и что ему трудно будет довершить это дело, он повелел опросить повсюду: «Кто хорошо знаком с расположением земель?» И в то время явился один иноверец, «обмазывающийся золой», который нес на спине большую тыкву с водой. Он сам подошел и говорит: «Я знаю расположение земель». И вслед за тем, поворачиваясь кругом, он стал выливать эту воду. Сделав оборот, он снова встал в прежнее положение, а потом стал быстро удаляться и вдруг исчез. Точно следуя течению воды, возвели стены этого города. Затем, приняв на себя почетную должность, он сразу приступил к управлению страной. Здесь же столица и нынешнего царя. Город стоит не на горе, но при нападении трудно одолеть его. С древних времен и доныне не могли его покорить. Тот царь перенес столицу, построил города, основал государство, умиротворил население. Когда он успешно завершил эти дела, возраст его уже близился к закату. А наследника у него не было. Боясь, что прервется его род, он отправился в храм небесного духа Вайшраваны и стал молиться, прося о потомстве. Тогда у статуи духа раскололся лоб, и оттуда вышел младенец. Приняв его в руки, он помчался обратно, и жители страны поздравляли его. Только ребенок не брал грудь. Боясь, что он не выживет, царь снова понес его в храм и просил выкормить его. И вдруг на земле впереди духа выросло возвышение, по форме напоминающее грудь, и чудесный ребенок стал пить. Когда он стал взрослым, то прославился мудростью и храбростью, и слава о его порядках распространилась далеко. Тогда же он возвел храм духа, почитая память о своих предках. С того времени и до сих пор существует эта династия; здесь передают престол и вершат управление, не теряя преемственности. И потому святилище этого духа богато украшено драгоценностями, и здесь совершаются жертвоприношения,

которые не прекращаются и совершаются вовремя. От той земляной груди, которая вскормила дитя, и произошло название этой страны⁶³⁸.

Примерно в 10 *ли* к югу от царского города стоит большой монастырь, построенный прежним царем этой страны для архата Вайрочаны. В прежние времена эта страна не была охвачена Учением Будды. И вот из страны Кашмир сюда прибыл архат и, сидя в умиротворении посреди рощи, стал предаваться медитации. Те, кто увидел его в то время, удивились его облику и его одеянию и обо всем происходящем доложили царю. Царь тогда самолично отправился повидать его на месте. И говорит: «Что ты за человек, один среди темного леса?» И сказал архат: «Я — ученик Татхагаты. Веду жизнь в воздержании, предаюсь медитации. Царю же следует, взрачивая свои заслуги, возвеличить Учение Будды, построить монастырь, созвать общину монахов». Царь сказал: «Какими же достоинствами обладает этот Татхагата? Какую имеет святость? Вот ведь ты — приютился здесь, как птица, и, претерпевая лишения, соблюдаешь свое Учение». А тот сказал: «Татхагата милосерден к „четырем видам живых существ“. Он ведет за собой „три мира“⁶³⁹. Он то является, то скрывается, выказывая то рождение, то угасание. Приверженцы его Учения отрешаются от рождения и смерти. Продолжатели его Учения освобождаются от пут земных привязанностей». Царь сказал: «Если истинно то, о чем ты говоришь, и достойно таких высоких слов, то пусть великий святой явится мне в своем облике. Тогда, когда увижу его вверху, я непременно стану строить, я всем сердцем предамся вере и буду прославлять Учение». Архат сказал: «Когда царь построит монастырь, то на его деяние будет отклик». Царь в соответствии с его просьбой построил монастырь. Из дальних и ближних мест прибыли монахи на собор с поздравлениями, и не было только гонга, чтобы ударить, созывая всех вместе. И говорит царь, обращаясь к архату: «Монастырь уже готов, где же Будда?» Архат же сказал: «Как только царь придет к искренней вере, так святое знамение незамедлительно совершится». Царь стал молиться, и тут внезапно в воздухе явилось видение Будды; он спустился вниз и вручил царю гонг. Царь тотчас искренно уверовал и стал прославлять Учение Будды.

Примерно в 20 *ли* к юго-западу от царского города есть гора Гошринга⁶⁴⁰. У этой горы две вершины с крутыми обрывами по четырем сторонам. Посреди скалистого ущелья построен монастырь, и в нем имеется изваяние Будды, которое по временам излучает свет. В прошлые времена Татхагата прибыл в это место и произнес краткую проповедь для дэвов и людей, предсказывая о том, что в этой земле будет основано государство, здесь станут почитать завещанное Учение, исповедовать великую колесницу.

В горе Гошринга, в скале, есть большая каменная келья. В ней находится архат, который вошел в самадхи «угасание сознания»⁶⁴¹, ожидая Милосердного Будду. В течение нескольких сотен лет без перерыва ему совершали приношения. Но в недавнее время скалы обрушились и завалили вход. Царь страны собрал войско, желая убрать обвалившиеся камни. Но тут налетел целый рой черных пчел, которые жалili собравшихся людей. И потому по сей день каменные двери так и не открыты.

Примерно в 10 *ли* к юго-западу от царского города стоит монастырь Диргхабхавана⁶⁴². В нем имеется стоящее изваяние Будды, обернутое полотном. Некогда оно прибыло сюда из страны Цюйчжи. Прежде в той стране был сановник; отбывая наказание, он проживал в стране Цюйчжи, где долгое время поклонялся этому изваянию. Потом он вернулся в свою страну и, пребывая вдали от него, от всей души продолжал его чтить. И вот после полуночи это изваяние внезапно само перенеслось сюда. И тот человек покинул свой дом и построил этот монастырь.

Пройдя около 300 *ли* на запад от царского города, прибыл в город Боцзяи⁶⁴³. Здесь есть изваяние сидящего Будды высотой около 7 *чи*. Все лакшаны на нем ясно видны. Оно величественно и необыкновенно. На голове у него — драгоценный убор. Время от времени изваяние излучает сияние. В местных преданиях говорится, что некогда оно было приобретено в стране Кашмир и доставлено сюда. В прежние времена там жил архат. Когда его ученик, шраманера, был при смерти, он попросил лепешку из риса *цзо*⁶⁴⁴. Архат своим божественным зрением увидел, что в стране Цюйсаданьна есть такой сорт. Применив чудесную силу, он доставил его к себе. Когда шраманера поел, то возжелал родиться в той стране. В воздаяние за заслуги заветное желание его сбылось, и он воплотился в облике царского сына. После того как он унаследовал престол, он захватил далекие и ближние земли и так, перейдя через Снежные Горы⁶⁴⁵, напал на страну Кашмир. Царь страны Кашмир собрал войска, желая отразить нападение на свои границы. Но в то время царя стал уговаривать архат — мол, не вступай в войну, я сам смогу отговорить его. Добившись приема, он проповедовал для царя страны Цюйсаданьна основы Учения. Вначале царь не уверовал и все еще оставался при своем намерении собрать войско. Поняв, что этот царь в прежнем воплощении был шраманерой, архат появился перед ним в одежде, сохранившейся с того времени. Царь же, как только увидел одежду, так сразу обрел знание своей прежней жизни.

Тогда царь страны Кашмир признал свою вину, помирился с противником и распустил войско. Он почтительно принял изваяние Будды, которому в свое время поклонялся шраманера, и, оказывая ей над-

лежащее почтение, повел свое войско обратно. По прибытии на это место статуя не позволила перемещать ее далее. Тогда он построил здесь монастырь, созвал монашескую общину. Он отдал свою драгоценную шапку, возложив ее на голову статуе. И по сей день она увенчана шапкой, подаренной прежним царем.

К западу от города примерно в 150–160 *ли*, прямо на дороге, посреди обширной песчаной пустыни, стоит холм, покрытый кучами разрыленной крысами земли. В местных преданиях говорится: в этой песчаной пустыне крысы большие, величиной с ежей. Шерсть у них золотого, серебряного и желтого цвета. Вожак, который предводителемствует их стаей, каждый день выходит на обход местности, и лишь затем за ним следует крысиная стая. В прежние времена *сюнну*, которых было несколько сотен тысяч, будучи столь многочисленны, напали здесь на окраинные города. Их войско подошло близко к крысиному холму. Тогда царь страны Цюйсаданьяна располагал войском в несколько десятков тысяч и опасался, что не сможет дать отпор. Он давно знал, что в пустыне есть чудесные крысы, но пока их еще не почитали, как духов. *Сюнну* вот-вот должны были напасть, а некого было просить о помощи. Главные сановники трепетали от страха и не имели никакого плана действий. И вот решили устроить жертвоприношение и воскурить благовония, обращаясь с молением к крысам. Если бы они оказали покровительство, то это немного прибавило бы силы войскам. И в ту же ночь царь страны Цюйсаданьяна во сне увидел большую крысу, которая говорила: «С почтением хочу оказать тебе помощь. Как можно скорее, в ранний час, нужно двинуть войска. Наутро состоится сражение, и ты непременно одержишь победу». Царь страны Цюйсаданьяна, узнав, что получит помощь свыше, построил свою армию, отдал приказания военачальникам и воинам. Он тайно выступил в поход, а затем, помчавшись впереди войска, совершил внезапное нападение. *Сюнну*, как только поняли это, не могли оправиться от испуга. Но только они собрались запрячь колесницы и облачиться в доспехи, как обнаружили, что конские седла, людская одежда, тетивы луков — все, что у них было с собой, погрызено крысами. Настигнутые врагами, они сдались и были повержены. Их военачальников казнили, их воинов взяли в плен. *Сюнну* трепетали от страха, видя оказанное духами покровительство. Царь страны Цюйсаданьяна, испытывая благодарность к крысам, построил храм и учредил жертвоприношения. В течение многих поколений здесь совершают поклонение, принося самые редкостные драгоценности. Потому-то все, от правителей до простолюдинов, совершают здесь обрядовые жертвоприношения и просят о божественном покровительстве. Проезжая здесь по своим делам, они сходят с колесниц и спешат на поклонение, чтобы оказать почести.

Они совершают жертвоприношения, чтобы просить о благополучии: или одеждой, луками и стрелами, или благовониями, цветами и мясными кушаньями. Если делают это с искренним чувством, то удостоиваются многих милостей. Если же не совершают жертвоприношений, то попадают в беду.

К западу от царского города в 5–6 *ли* есть монастырь Соможо⁶⁴⁶. В нем имеется ступа высотой около 100 *чи*. Здесь происходит множество знамений, и по временам она излучает чудесное сияние. В прошлые времена жил архат, который прибыл сюда из далекой страны. Расположившись посреди этой рощи, он, применяя чудесные силы, стал излучать сильное сияние. В то время царь, сидя в высоких палатах, издалека увидел, что посреди леса что-то ослепительно светится. Тогда он стал всех расспрашивать, и ему сказали, что есть здесь один шраман, который прибыл издалека и в умиротворении восседает посреди леса. Тогда царь приказал запрячь колесницу и самолично отправился посмотреть на него. Когда он увидел святого мудреца, сердце его преисполнилось благоговения. Выказав бесконечное почтение, он пригласил его к себе во дворец. И шраман сказал: «Существа имеют то, что им полагается. Стремления имеют свое место. Темные леса и болотистые луга — то, что составляет мою отраду. Высокие палаты и просторные дворы — это не для меня». Царь был охвачен еще большим благоговением, и почтительные чувства его возросли. Он построил для него монастырь и воздвиг ступу. Тогда шраман принял приглашение и стал жить здесь. Через некоторое время царю достались мощи — несколько сотен зерен. Он был весьма обрадован, но подумал про себя: «Вот я получил мощи. Почему же так поздно? О, если бы это случилось раньше, и можно было поместить их под ступой, как бы это было замечательно!» Тогда он отправился в монастырь и объяснил шраману, в чем дело. Архат же сказал: «Царю не следует печалиться. Можно и теперь положить мощи, но для этого нужно изготовить золотой, серебряный, медный, железный и большой каменный сосуды и по порядку вложить их друг в друга. Царь отдал приказ мастерам, и в тот же день работа была выполнена. Погрузили все на повозку, украшенную драгоценностями, и повезли в монастырь. От царского дворца за ними следовали сто чиновников, сопровождавших мощи. Шествие насчитывало десять тысяч человек. Тогда архат правой рукой поднял ступу и, положив ее на ладонь, сказал так, обращаясь к царю: «Можешь класть мощи на хранение». Выкопали яму в земле и бережно положили туда сосуд. Когда эта работа была закончена, он опустил ступу, которая осталась невредимой. Те, кто видел это чудо, были восхищены безмерно и уверовали в Будду с искренним рвением, почтили Учение с твердым устремлением. И царь, обращаясь к собравшимся

чиновникам, сказал: «Я слышал, что силу Будды трудно измерить мыслью, а его чудесные способности трудно постичь умом. Он разделил свое тело на сто сотен миллионов частей, он явился перед людьми и дэвами, подняв мир на ладони так, что все существа на нем не покачнулись, и стал проповедовать основы Учения обыкновенными словами, так что все существа получили последовательное представление о его принципах. Его чудесная сила единственна. Его мудрость за пределами слов. Душа его уже сокрылась, но Учение его продолжает передаваться из поколения в поколение. Питаясь его совершенством, утоляя жажду его милостью, благоговейно вкушая его Учение, да приобщимся к его душе, глубоко проникнемся его благодатью, будем же ревностны! Все вы, сто человек, должны глубоко проникнуться почтением, и сокровенные глубины Учения Будды воистину станут вам ясны».

К юго-востоку от царского города в 5–6 *ли* есть монастырь Луши⁶⁴⁷, основанный супругой прежнего царя. В прежние времена в этой стране не знали шелковичного червя. Прослышав, что Восточная страна⁶⁴⁸ имеет его, выслали послов, чтобы просить его. Но в то время правитель Восточной страны передал строгий приказ на заставы, не разрешающий вывозить яйца шелковичного червя. Царь страны Цюйсанданьна тогда стал смиренно просить его оказать честь и прислать ему жену из Восточной страны. Правитель же этой страны имел желание привлечь на свою сторону отдаленные земли и потому согласился на такую просьбу. Царь страны Цюйсанданьна отправил посла навстречу невесте и дал ему такое предписание: «Ты обратись к дочери правителя Восточной страны и Расскажи ей, что в нашей стране все еще нет шелка. Надо только привезти яйца шелковичного червя, и тогда ей самой можно будет шить платья». Девушка, выслушав эту речь, тайно выпросила эти яйца и положила их в вату своей шапки. Когда прибыли на заставу, начальник обыскал все, но из уважения к царской дочери не посмел трогать ее шапку. И так вступили в страну Цюйсанданьна. Остановились на том месте, где впоследствии будет монастырь Луши. Отсюда свадебная процессия торжественно отправилась во дворец, а яйца шелковичного червя оставили здесь. Когда наступила весна, высеяли эти яйца. Пришел положенный срок, пора было начать вскармливание. Вначале кормили их смешанными листьями, но со временем разрослись и тутовые деревья. Супруга царя тогда повелела высечь на камне указ, не разрешающий наносить вред шелкопрядам и убивать бабочек, которые летали и затем одевались в кокон. А кто посмеет нарушить указ — лишится покровительства духов света. На месте, где началось разведение шелкопрядов, был построен этот монастырь; здесь есть несколько высохших стволов, о которых гово-

рят, что это те самые первые посаженные деревья. Потому и по сей день эта страна имеет шелкопрядов, и их никто не убивает. Тому же, кто крадет шелк, на долгие годы не разрешено разводить шелкопрядов.

К юго-востоку от города приблизительно в 100 *ли* есть большая река, которая течет на северо-запад. Она служила благополучию жителей страны, которые употребляли воду для орошения полей. По прошествии какого-то времени течение реки прекратилось. Царь был очень удивлен и, повелев запрячь лошадей, отправился к архату с таким вопросом: «Большая река снабжала водой жителей страны. Теперь же вдруг прекратилось ее течение. В чем же моя вина? Или правление мое было не столь благотворно? Или достоинства мои недостаточны? Если же это не так, то почему такое ниспослано наказание?» И архат ответил: «Великий царь правит своей страной, устанавливая порядок и мир. А воды реки прекратили течение из-за дракона, который в ней обитает. Тебе следует немедленно пойти и совершить обряд его почитания, только тогда вернется прежнее благополучие». Царь погнал лошадей в обратный путь. Когда он совершил обряд поклонения дракону этой реки, внезапно появилась женщина, которая легкой походкой приблизилась к нему и говорит: «Мой супруг умер молодым, и некому стало отдавать распоряжения. Оттого и воды реки перестали течь, и земледельцы лишены благополучия. Пусть царь в своей стране выберет знатного сановника, который бы стал моим мужем. Тогда воды реки будут течь как прежде». Царь сказал: «Я почтительно выслушал тебя, и пусть будет по твоему желанию». Женщина-дракон обрадовалась и стала ждать главного сановника страны. Царь же помчался обратно и, обратившись к подданным, сказал так: «Главный сановник — опора государства. Земледелец — кормилец его жителей. Государство, лишенное опоры, погибнет. Жители, которых перестали кормить, умрут. Перед лицом гибели и смерти что же следует делать?» Тогда главный сановник сошел с сиденья и, преклонив колена, ответил: «Долгое время я, незначительный человек, незаслуженно занимал свой высокий пост. Я постоянно думал о том, как воздать должное своей стране, пока не настал этот срок. Пусть твой выбор падет на меня, и я постараюсь выполнить свой долг до конца. Когда речь идет о благополучии многих тысяч семей, можно ли жалеть одного сановника? Сановник — это служитель страны, а жители — основа страны. Я хочу, чтобы царь более не беспокоился, и прошу лишь позволить мне построить монастырь». Царь согласился на эту просьбу. Работу выполнили за один день. Сановник снова просил позволения наутро же отправиться в драконий дворец. Тогда собрались служилые люди всей страны и под звуки музыки устроили прощальный пир. Затем

тот сановник надел белые траурные одежды, велел приготовить белого коня, получил у царя разрешение на уход, почтительно поблагодарил жителей страны, сел на коня и вошел в реку. Не замочив водой туфель, он добрался до середины реки; здесь он провел по воде плетью — вода расступилась, и в тот же миг он исчез. Через некоторое время выплыл белый конь, который нес на спине большой сандаловый барабан, а в нем было запечатано письмо. В этом письме, если пересказать кратко, говорилось так: «Великий царь не совершил ни малейшей ошибки, выбрав меня для того, чтобы отправиться к духу. Желаю Вам множества заслуг и благосостояния всей стране. Сановник посылает этот большой барабан, который нужно вывесить на юго-восточной окраине города. Если будет совершено нападение, то первым делом следует ударить в него». Тогда вновь потекли воды реки, и до сего дня они служат благополучию. Прошли многие годы и месяцы, и давно уже нет того места, где висел барабан драконов. Доныне же по-прежнему стоит монастырь на берегу Озера Барабана; он в запустении и разрушен, монахов в нем нет.

К востоку от царского города примерно в 300 *ли* посреди пустынной местности есть участок величиной в несколько десятков *цинов*, где совсем нет растительности. Земля здесь красно-черная. Старинные предания гласят: это место, где войско потерпело поражение. В прошлые времена полководцы Восточной страны выступили на запад с войском в миллион воинов. Царь же страны Цюйсаданьна тогда построил свои войска, насчитывавшие всего 100 000 воинов, и выступил в поход, чтобы оборониться от могущественного врага. По прибытии на это место два войска встретились. Когда произошло сражение, западная армия не имела успеха. Победители жестоко расправились с ними: царь был взят в плен, военачальники казнены, истреблены все солдаты и нижние чины, так что никто не остался в живых. Кровь лилась так, что окрасила землю. Следы этого события сохранились и поныне.

На восток от поля сражения прошел около 30 *ли*. Прибыл в город Пимо⁶⁴⁹, в котором имеется изваяние стоящего Будды, вырезанное из сандала, высотой около 2 *чжанов*. Оно обладает множеством чудесных свойств и время от времени излучает сияние. Все, кого одолевают болезни, в зависимости от того, какое место болит, на это место статуи накладывают тонкий золотой листок, после чего получают исцеление. Те, кто искренно просят его об исполнении желаний, в большинстве своем получают испрошенное. Местные предания гласят: в прошлые времена, когда Будда пребывал в мире, это изваяние было создано у царя Утоянна, правителя страны Цзяошанми⁶⁵⁰. Когда Будда покинул мир, оно перенеслось по воздуху на север этой страны,

в город Хэлаолоцзя⁶⁵¹. Раньше жители этого города жили в довольстве и богатстве; они были весьма привержены еретическим воззрениям и не ценили [истинного Учения]. Когда стало известно, что эта статуя сама перенеслась сюда, они не почитали ее за святыню. Но затем явился архат, который совершал поклонение этой статуе. Жители страны, испуганные его странным обликом и одеждой, поспешно доложили о нем царю. И царь издал указ, что должно песком и землей засыпать этого странного человека. Тогда тело архата покрыли песком и землей и не давали ему питания. В то время жил один человек, который всем сердцем не переносил этого и прежде постоянно почитал эту статую и совершал перед ней обряды. И вот, увидев архата, он стал втайне кормить его. Архат, намереваясь уходить, этому человеку говорит: «Через семь дней просыплются песок и земля, и засыплет этот город, и не останется здесь ни единой души. Ты должен знать об этом и заранее принять меры. Поскольку они засыпали меня, получают такое бедствие. А я уже ухожу», — и внезапно исчез. А тот человек пошел в город и повсюду стал возвещать об этом родным и друзьям. Но те, кто слышал это, только насмеялись над ним. Когда наступил второй день, внезапно поднялся сильный ветер. Он сдул грязную землю, а после дождем посыпались разные драгоценности, заполнив все перекрестки дорог. А люди все продолжали бранить того, кто возвещал беду. Но тот человек про себя знал, что это неминуемо случится, открыл подземный ход, который вел из города, и укрылся в нем. На седьмой день после полуночи дождем посыпался песок и завалил город. Тот человек вышел из подземного хода и направился на восток, в эту страну, где остановился в городе Пимо.

Лишь только тот человек прибыл сюда, статуя тотчас явилась вслед за ним. Он совершал ей приношения и не смел никуда переезжать. Как передают, в древних записях говорится: когда Учение Шакьи придет к концу, эта статуя войдет в драконий дворец.

Ныне город Хэлаолоцзя превратился в большой холм. Правители разных стран, именитые люди иных земель очень хотели откопать и достать это сокровище, но как только они сюда приближались — поднимался жестокий ветер, с четырех сторон надвигались темные тучи, и они теряли путь.

К востоку от реки Пимо вошел в песчано-каменистую пустыню. Шел 200 *ли* с лишним, прибыл в город Нижан⁶⁵² — в окружности 3–4 *ли*, расположен посреди большого болота. Болотистые земли очень сырые, по ним трудно переправляться, и они густо заросли камышами. Нет иной дороги, кроме прохода в город, по которому трудно передвигаться. Потому путники не могут миновать этого города. Здесь же стоит застава, охраняющая восточную границу [страны] Цюйсаданьна.

Следуя отсюда на восток, вошел в Большую [Пустыню] Текучих Песков⁶⁵³. Пески настолько сыпучие, что перемещаются по ветру в разные стороны. Здесь не остается следов от прошедших людей, и оттого многие теряют дорогу, уклоняясь далеко в сторону, и не могут найти ничего, что указало бы путь. Потому, встречая оставшиеся здесь кости, путники считают их за указательные знаки. Тут нет воды и травы, и часто бывает жаркий ветер. Когда поднимается такой ветер, люди и животные приходят в замешательство и оттого становятся больны. Временами слышится пение и свист, или же слышится жалобный плач; тогда зрение и слух [путников] расстраиваются, и они не знают направления. Оттого так часто здесь погибают. Все это — происки злых духов.

Шел около 400 *ли*, прибыл в прежнее государство Духоло⁶⁵⁴. Страна давно опустела, все города заброшены. Отсюда шел на восток около 100 *ли*, прибыл в прежнее государство Чжэмотона, которое [ныне] является областью Немо⁶⁵⁵. Стены города высокие и мощные, но жизнь людей здесь прекратилась. Отсюда прошел на северо-восток около 1000 *ли*, прибыл в прежнее государство Нафобо, которое [ныне] является областью Лоулань⁶⁵⁶.

[Итак, здесь] представлены горы и долины, собраны сведения о почвах окраинных земель и для разных стран ясно определены нравы, которые бывают суровые или мягкие в зависимости от воздействия стихий воды и земли. Деятельность или бездеятельность [в нравах людей] непостоянны, их устремления несхожи; это поистине трудно исчерпывающе изучить и невозможно рассказать до конца. Однако путешествие в этом несовершенном труде в общих чертах описано; здесь изложено все, что было увидено и услышано, дабы осталась память о том, что достойно стремления.

⁶⁵⁷Воистину, когда приходит солнце, все купается в его милостях; там, куда достигло его воздействие, все взирают с благоговением на его добродетель, и весь мир объединяется под сенью Поднебесной. И так ли одинок посланник, что отправился в путь по почтовой дороге длиной во многие тысячи *ли*?

Комментарий

¹ *Чанъань* 長安 — во времена Фа-сяня столица государства Поздняя Цинь (381–417); большой город, процветавший еще в эпоху империи Хань; совр. Сиань.

² *Книги винаи* (люй цзан 律藏) — тексты «Винаяпитаки», первой из трех частей буддийского канона («Трипитака»). «Винаяпитака» посвящена теме монашеского поведения, установлениям буддийской общины.

³ ...*во второй год правления Хун-ши, в год цзи-хай*... — под девизом Хун-ши 弘始 с 399 г. правил Яо-син. Однако циклический знак *цзи-хай* 己亥 соответствует первому, а не второму году этого правления.

⁴ Все спутники Фа-сяня, как и он сам, имели монашеские имена (Фа-сянь 法顯 — «прославляющий Учение», Хуй-цзин 慧景 — «блистающий мудростью», Дао-чжэн 道整 — «безупречный в Пути», Хуй-ин 慧應 — «знамение мудрости» и Хуй-вэй 慧鬼 — «великий в мудрости»).

⁵ *Ганьгуй* 乾歸 — правитель государства Западная Цинь (385–431), возникшего после распада империи Ранняя Цинь.

⁶ «*Летнее сидение*» (*ся цзо* 夏坐) — время монашеских сборов для молитв, сосредоточения и совершенствования в Учении, предполагающее прекращение передвижений. Сюань-цзан упоминает этот термин (см. примеч. 373), однако предпочитает ему выражение *ань цзюй* 安居 — «тихая жизнь», «отшельническая жизнь» (встречающееся, впрочем, и у Фа-сяня, примеч. 38), надо полагать, потому, что он видел в термине *ся цзо* 夏坐 несоответствие сезону, в который это происходило в Индии (сезон дождей).

⁷ *Жу-тань* 褥檀 — правитель государства Южное Лян (397–414), возникшего после распада империи Ранняя Цинь.

⁸ *Горы Янлоу* 養樓 — соответствие не найдено.

⁹ *Чжанъе* 張掖 — г. Чжанъе, на пути из Сиани (Чанъани) в Дуньхуан, доныне сохранил это название.

¹⁰ *Данапати* (dānapati, *таньюэ* 檀越) — совершающий даяние (dāna, *тань* 檀) в пользу буддийской общины.

¹¹ *Дуньхуан* 燉煌 — был основан как форпост Ханьской империи на пути в Западный Край. В настоящее время особенно известен благодаря исследованиям «Пещер тысячи будд», давшим богатейшие материалы по истории буддизма и его искусства.

¹² *Песчаная Река* (Шахэ 沙河) — пустыня Такла-Макан или ее часть.

¹³ *Страна Шаньшань* 鄯鄯 — располагалась к югу от оз. Лобнор; древнее название — Лоулань 樓蘭, но с I в. до н.э., когда она стала объектом ханьских завоеваний, именовалась Шаньшань [Legge 1965: 12–13, примеч. 3; Малявкин 1989: 196; Боровкова 2001: 125–127].

¹⁴ *Ханьская земля* (Хань ди 漢地) — обычное обозначение Китая у Фа-сяня.

¹⁵ *Учение* (dharma, *фа* 法) — «Учение Будды», «Закон Будды».

¹⁶ *Монахи* — в тексте Фа-сяня: *сэн* 僧, у Сюань-цзана — *сэнту* 僧徒. *Сэн* 僧 — усеченная транскрипция санскр. saṅgha, полная — *сэнцзя* 僧伽.

¹⁷ «Малая колесница» (hīṇayāna, *сяошэн* 小乘) — одно из двух основных направлений буддизма; название «хинаяна» употребляется главным образом в традиции махаяны, иное наименование — стхавиравада.

¹⁸ *Шраман* (śramaṇa, *шамэнь* 沙門) — буддийский монах.

¹⁹ *Страна Уи* 烏夷 — была отождествлена Т. Уоттерсом с Карашаром, правда с некоторым сомнением [Watters 1879–1880: 115]. Судя по тому, что в описании Фа-сяня Уи предстает значительным центром, это и должен быть Карашар (Яньци 焉耆 — в китайских хрониках [Малявкин 1989: 220–221]; Ацини 阿耆尼 — у Сюань-цзана, см. примеч. 242).

²⁰ *Страннические кельи* — в тексте: *син дан* 行堂 (в другой версии текста: *син тан* 行堂 — «келья в монастыре для странствующих монахов», что более понятно).

²¹ *Гаочан* 高昌 — древний город-крепость в 35 км к юго-западу от Турфана [Малявкин 1989: 211]; местонахождение известно по сохранившимся развалинам.

²² *Хотан* — в тексте Фа-сяня: Юйтянь 于闐. Один из древнейших центров буддизма в Синьцзяне. В «Цзю Тан шу» (40, 3) дается такое же название, у Сюань-цзана — Цюйсаданьна 瞿薩旦那 (цз. XII).

²³ «Большая колесница» (mahāyāna, *дашэн* 大乘) — махаяна, одно из двух основных направлений буддизма.

²⁴ *Ступа* — в тексте Фа-сяня передано переводом: *та* 塔, у Сюань-цзана — *судупо* 卒堵波.

²⁵ *Монахи «общины четырех стран света»* — *сыфан сэн* 四方僧, т.е. члены буддийской сангхи.

²⁶ ...в монастыре... — в тексте: сангхарама (saṅghārāma, *сэнцзялань* 僧迦藍), у Сюань-цзана чаще — *цзялань* 伽藍.

²⁷ *Гомати* (Gomatī — «богатый коровами») — Цзюймоди 瞿摩帝.

²⁸ *Страна Цзеча* 竭叉 — видимо, располагалась в горах Каракорума, как можно понять из дальнейшего описания пути Фа-сяня, который придет туда несколько позже Хуй-цзина. В идентификации Цзеча исследователи значительно расходятся. Так, Э. Шаванн отождествлял Цзеча с Кашгаром, что уводило бы Фа-сяня совсем по другому маршруту; с этим согласился и А. Стейн [Chavannes 1903b: 432; Stein 1907: I, 48]. Однако паломник описывает эту область как горную страну и попадает отсюда в Толи (примеч. 42) и Удяну, что возможно только следуя через Каракорум.

²⁹ «Шествие статуи» — *син сян* 行像.

³⁰ «Семь драгоценностей» (saptaratna, *ци бао* 七寶) — в данном случае семь драгоценных камней; ср. «семь драгоценностей» чакравартина — примеч. 591.

³¹ *Бодхисаттва* (bodhisattva, *нуса* 菩薩) — согласно учению махаяны, существо, достигшее состояния бодхи, однако оставшееся в мире людей, чтобы привести их к спасению.

³² *Дэва* (deva, *тянь* 天) — божество-небожитель; общий образ как для брахманской, так и для буддийской культуры. Среди дэвов главными почитателями Будды считались Шакра (Индра) и Брахма.

³³ *Новый Царский монастырь* — название дано, видимо, переводом: *ван синь сы* 王新寺.

³⁴ *Цзибинь* 尉賓 — с ханьского времени обычно так называли Кашмир [Малявкин 1989: 229], а в танских источниках, как отмечает Э. Шаванн, Цзибинь — название Капиши (совр. Афганистан) [Chavannes 1903a].

³⁵ *Страна Цзыхэ* 子合 — в определении местонахождения страны испытывали затруднение все переводчики [Legge 1965: 21]. Ясно по тексту, что Фа-сянь направляется к тому месту, где повернет на юг к горным перевалам. Т. Уоттерс предлагал локализовать Цзыхэ в районе Ташкургана [Watters 1879–1880: 134–135], позже ее располагали в районе Каргалыка [Малявкин 1989: 278]. Если мы предполагаем, что Фа-сянь шел через перевал Хундже-раб, то он, действительно, должен был двигаться по пути, где ныне расположены Каргалык и Ташкурган.

³⁶ *Горы Цунлин* 葱嶺 — (в переводах Бичурина — Луковые Горы) часто упоминаются в китайских географических сочинениях. Сюань-цзан, как следует из его текста, подразумевает под этим названием Тянь-Шань, по крайней мере его западную часть, как одно целое с Памиром. У Сюань-цзана мы встретим для Памира название «Большой Цунлин» (Да Цунлин 大蔥嶺) в описании «страны Цзюймито» (см. с. 161). В тексте Фа-сяня название «Цунлин» 葱嶺 употребляется применительно к горам Каракорума.

³⁷ *Страна Юймо* 於摩 — находилась на пути паломника, когда он только вошел в горы Каракорума, повернув на юг из Кашгарии. Видимо, это все, что можно сказать, и в литературе нет определенных отождествлений.

³⁸ «*Отрешенная жизнь*» (ань цзюй 安居) — буддийские монахи в определенное время года собирались для совместных упражнений в Учении. В Индии это происходило в сезон дождей, в Китае — в жаркий период.

³⁹ *Панчапариад* (pañcapariśad, паньчжэюэши 般遮越師, у нянь да хуй 五年大會) — то же, что мокшамахапариад, см. примеч. 338.

⁴⁰ *Патра* (pātra, бо 鉢) — чаша буддийского монаха для сбора подаяния.

⁴¹ *Циньская земля* (Цинь ту 秦土) — одно из обозначений Китая у Фа-сяня.

⁴² ...*небольшое государство, называемое Толи* (陀歷小國)... — мы считаем возможным помещать его на левой стороне Инда, восточнее переправы, через которую идет путь в Удьяну (подробнее см. наши замечания на с. 13).

⁴³ *Архат* (arhat, лохань 羅漢) — тот, кто достиг нирваны. Достижение состояния архата происходило через продвижение по ступеням совершенствования (см. «четыре плода», примеч. 320).

⁴⁴ *Небеса Тушита* (Tuṣita, Душидо 覩史多) — в буддийской мифологии небесный мир, в котором обитает бодхисаттва Майтрейя.

⁴⁵ *Бодхисаттва Майтрейя* (Милэ пуса 彌勒菩薩) — Будда будущего, обитающий ныне на небесах.

⁴⁶ *Река Синьтоу* 新頭 — название Инда у Фа-сяня (у Сюань-цзана — Синь 信).

⁴⁷ «*Девять комментаторов*» (цзю и 九譯) — авторы географических трактатов о землях, расположенных за пределами западной границы Ханьской империи.

⁴⁸ *Чжан Цянь* 張騫 возглавлял известное посольство ханьского императора в Восточный Туркестан (II в. до н.э.); *Гань Ин* 甘英 был послом ханьского императора в Римскую империю и дошел до Каспийского моря.

⁴⁹ *Нирвана* (nirvāṇa) — в тексте Фа-сяня: *неюань* 涅槃, в тексте Сюань-цзана: *непань* 涅槃.

⁵⁰ *Чжоуский Пин-ван* (周氏平王) — правил в VIII в. до н.э. Таким образом, Фа-сянь относит жизнь Будды к необычайно древнему времени.

⁵¹ *Шакья* (Śākya, Шицзя 釋迦) — Будда Шакьямуни.

⁵² «*Три сокровища*» (triratna, *сань бао* 三寶) — Будда, дхарма (Учение), сангха (буддийская община), или «три защиты», которые должен принять тот, кто становится последователем Будды.

⁵³ Согласно китайским буддийским преданиям, пророческий сон ханьского императора Мин-ди 漢明帝 (I в. н.э.) побудил его послать людей в Туркестан за буддийскими текстами.

⁵⁴ *Страна Удяна* (Udyana) — в тексте Фа-сяня: Учжан 烏長, у Сюань-цзана — Учжанна 烏仗那. Удяна располагалась севернее Гандхары, в долине р. Сват [Cunningham 1996: 68–69]. Санскритское слово udyana означает «сад» (страна славилась как цветущий и плодородный край). Сведения об Удяне — с разными вариантами передачи ее названия, анализ которых был начат в работе Шаванна [Chavannes 19036], — приводятся во многих китайских источниках [Малявкин 1989: 245–246]; Сюань-цзан подробно повествует об этой стране в цз. III.

⁵⁵ *Срединная Страна* (Чжунго 中國) — в тексте Фа-сяня так обозначается Индия.

⁵⁶ ...называются сангхарамами. — См. примеч. 26.

⁵⁷ *Бхишу* (bhikṣu — букв. «нищий», *бицю* 比丘) — буддийский монах.

⁵⁸ *Нагара* — см. примеч. 75.

⁵⁹ *Страна Сухэдо* 宿呵多 — находилась, как следует из текста, в нижнем течении Свата, между Удяной и Гандхарой, и упоминается только у Фа-сяня. Каннингхэм предположил, что это название передает имя царя Шибики — героя упоминаемой ниже Фа-сянем джатаки [Cunningham 1996: 69]; его имя, впрочем, приводит лишь Сюань-цзан (см. примеч. 466).

⁶⁰ ...отрезал мясо, чтобы выкупить голубя... — более подробно передает содержание джатаки Сюань-цзан (джатака о царе Шибике, см. с. 198). Эта же джатака о царе Шиби имеется в тибетском «Дзанлундо» [Сутра о мудрости и глупости 2002: 33–36].

⁶¹ ...достижения просветления... — в тексте Фа-сяня: *чэн дао* 成道; здесь *дао* 道 соответствует bodhi («просветление», «пробуждение»).

⁶² *Страна Гандхара* (Gāndhāra) — в тексте Фа-сяня: Цзяньтовэй 健陀衛, у Сюань-цзана — Цзяньтоло 健駄邏. Страна располагалась в нижнем течении р. Кабул до впадения его в Инд; эта крайняя северо-западная область древней Индии вследствие своего положения «на входе» в Индию неоднократно подвергалась завоеваниям и разного рода культурным влияниям. В начале нашей эры Гандхара стала важным центром буддизма и буддийского искусства.

⁶³ *Дхармавивардхана* (Dharmavivardhana, Фа-и 法益), сын царя Ашоки (Аюй 阿育) — более известен под именем Куналы, героя «Куналаваданы» (легенду см. у Сюань-цзана, цз. III, с. 204–206).

⁶⁴ ...даровал человеку свои глаза... — краткое замечание об этой джатаке имеется и у Сюань-цзана (цз. III, с. 192; см. также примеч. 435). См. также в «Джатакамале» (II, джатака о Шиби) и в палийских джатаках (№ 499). Воз-

можно, воспоминание об этом сюжете в связи с описанием Такшашилы на-
веяно легендой о Кунале.

⁶⁵ *Страна Такшашила* (Takṣaśilā) — в тексте Фа-сяня: Чжушашило 竺刹尸羅, у Сюань-цзана — Дачашило 呾叉始羅. Такшашила — крупный городской центр древней Индии. Для того чтобы попасть в Такшашилу из Гандхары, нужно было пересечь Инд, и Фа-сянь, по всей видимости, туда не ходил, так как совершил переправу через Инд значительно южнее. В кратком рассказе о Такшашиле паломник лишь упоминает связываемые с этими местами джатаки и описание дальнейшего пути продолжает от Гандхары.

⁶⁶ ...«отсечение головы» — в тексте: *цзе тоу* 截頭. Из этого перевода названия города можно видеть, что Фа-сянь в названии Чжушашило 竺刹尸羅 (Takṣaśilā) воспринимает *шило* 尸羅 как санскр. śīras — «голова». Такое понимание названия дает Фа-сяню возможность увязать его с упоминаемым здесь сюжетом джатаки о бодхисаттве, отдавшем свою голову.

⁶⁷ ...Здесь Будда, когда еще жил в облике бодхисаттвы, подарил человеку свою голову... — упоминание об этой джатаке имеется и у Сюань-цзана (цз. III, с. 204; с. 293, примеч. 493); в «Дивьявадане» (XXXII) это действие совершает царь Чандрапрабха [Feer 1897: 154].

⁶⁸ ...отдал свое тело, чтобы накормить голодного тигра. — Намек на известную джатаку о тигрице, которая имеется в «Джатакамале» (I), «Дзанлундо»; см. также у Сюань-цзана (цз. III, с. 207; с. 293, примеч. 502).

⁶⁹ *Страна Пуруша* (Puruṣa) — в тексте Фа-сяня: Фолоуша 佛樓沙. Страна названа по г. Пурушапура (Булушабуло 布路沙布邏 у Сюань-цзана). Пурушапура (совр. Пешавар; см. также примеч. 416), важный городской центр Гандхары, находился на южном берегу р. Кабул. Из текста не вполне можно понять, как соотносится «страна Пуруша» и «страна Гандхары».

⁷⁰ *Джамбудвипа* (Jambudvīpa, Яньфути 閻浮提) — в буддийской космологии материк, населенный людьми.

⁷¹ Похожую легенду о строительстве ступы Канишкой см. у Сюань-цзана (цз. II, с. 187–188); это известная пешаварская «ступа Канишки», раскопанная в начале XX в. (примеч. 426, см. также Введение, с. 7).

⁷² *Юэчжи* 月氏 — китайское название кушан.

⁷³ «Белые одежды» (*бай-и* 白衣) — в данном случае «простой народ».

⁷⁴ *Ушниша* (uṣṇīṣa, *дингу* 頂骨 — букв. «теменная кость») — один из отличительных знаков-лакшан на теле Будды, выступ на черепе; важнейшая «реликвия тела» Будды.

⁷⁵ *Страна Нагара* (Nagara) — в тексте Фа-сяня: Нацзе 那竭, у Сюань-цзана — Нацзелохэ 那揭羅曷 (Nagarahāra). Страна (Нагаркот у Бируни [XXV, 130; XLIX, 207]) располагалась на территории совр. провинции Нангархар на востоке Афганистана, в среднем течении р. Кабул. Путь из Нагары на восток вел через Хайберский проход, с юга ее ограничивали «Малые Снежные горы» (см. примеч. 86). Древняя Нагара привлекала паломников благодаря множеству реликвий Будды, сохранявшихся в здешних монастырях.

⁷⁶ *Город Сило* 醯羅 (см. также примеч. 414) — Хидда (совр. Хада), небольшой городок, расположенный к югу от Джелалабада (Афганистан); здесь находятся многочисленные развалины древних буддийских ступ [Cunningham 1996: 38].

⁷⁷ *Вихара* (vihāra, *цзиньшэ* 精舍) — монашеская обитель; также возможен перевод «монастырь» (ср. примеч. 319).

⁷⁸ *Старшие домохозяева* — в тексте: *цзюйши чжанчжэ* 居士長者 («старшие из *цзюйши*»). Перевод дается исходя из контекста, обычное же значение *цзюйши* 居士 — «ученый муж, не занятый государственными делами».

⁷⁹ *Ступа Вимокии* (Vimokṣa) — в тексте: *цзето-та* 解脱塔 («ступа освобождения»).

⁸⁰ *Будда Дипанкара* (Dīpāṅkara — «несущий свет») — в тексте Фа-сяня: Дин-гуан 定光, у Сюань-цзана — Жань-дэн 然登. Будда Дипанкара считался одним из предшественников Будды Шакьямуни; речь идет о воплощении Будды в образе юноши Мегхи, который бросил цветы на дорогу под ноги Дипанкаре.

⁸¹ ...посох Будды с оловянными кольцами... — в тексте: *ян-чжан* 錫杖 («оловянный посох»).

⁸² *Сандал гоширша* (gośirśa) — *нютоу чжаньтань* 牛頭栴檀 (букв. «бычья голова»); считалось, что этот сорт сандала добывался на легендарной горе Бычья Голова; также Gośirśa — имя одного из нагов.

⁸³ *Сангхати* (saṅghati) — в тексте: *сэнцзячжи* 僧迦抵; верхняя накидка от дождя и ветра, одна из трех частей одежды буддийского монаха.

⁸⁴ ...знаками... — в тексте: *сянхао* 相好, соответствует санскр. lakṣhaṇa. Знаки Будды — тридцать два отличительных знака на теле Будды.

⁸⁵ *Пратьекабудда* (pratyekabuddha) — в тексте Фа-сяня: *бичжифо* 辟支佛, в тексте Сюань-цзана: *ду цзюэ* 獨覺 («одинокый в своем знании»); будда, достигший просветления лишь для себя самого и не открывший его людям.

⁸⁶ *Малые Снежные Горы* — Сяосюэшань 小雪山 (совр. хребет Спингар), как следует из текста, охватывали «страну Нагару» с юга. Паломник, повидимому, находится в районе Хайберского прохода (ныне здесь проходит граница между Афганистаном и Пакистаном).

⁸⁷ *Страна Лои* 羅夷 — название не имеет достоверных аналогий; паломник находится на пути между Хайберским переходом и Банну.

⁸⁸ *Страна Бана* 跋那 — как считается, соответствует современному Банну в Пакистане [Legge 1965: 41].

⁸⁹ *Страна Питу* 毗荼 — древняя Бхеда, совр. Бхера на берегу Джелама [Cunningham 1996: 130–131]. Таким образом, выйдя из Банну и переправившись через Инд, Фа-сянь попадает в Пенджаб. Отсюда до Матхуры он совершит большой переход, не сообщая никаких сведений.

⁹⁰ *Страна Матхура* (Mathurā) — в тексте Фа-сяня: Мотоуло 摩頭羅, у Сюань-цзана — Мотуло 秣菟羅. Матхура — большой городской центр древней Индии на р. Джамна, упоминается и в античных источниках [Cunningham 1996: 314–315].

⁹¹ *Река Пуна* 蒲那 — очевидно, р. Джамна.

⁹² *Чандалы* (caṇḍāla, *чжаньтуло* 旃荼羅) — «неприкасаемые», низшая социальная группа в Индии.

⁹³ *Шарипутра* (Śāriputra) — в тексте Фа-сяня: Шэли-фу 舍利弗, где *шэли* 舍利 соответствует санскр. śāliṛa, *фу* 弗 — putra; у Сюань-цзана — Шэли-цзы

舍利子, где *putra* передано переводом. Шарипутра — один из ближайших учеников Будды Шакьямуни.

⁹⁴ *Маудгальяна* (Maudgalyāna, Мулянь 目連) — один из учеников Будды.

⁹⁵ *Ананда* (Ānanda, Анань 阿難) — любимый ученик Будды.

⁹⁶ ...*абхидхармы, винаи и сутры*. — *Апитань* 阿毗曇, *люй* 律, *цзин* 經; три раздела буддийского канона («Трипитаки»).

⁹⁷ *Брахман* (brāhmaṇa, *поломэнь* 婆羅門) — представитель высшей, жреческой варны, хранившей традицию священных текстов и ритуала.

⁹⁸ *Махакашьяпа* (Mahākāśyapa, Дацзяшэ 大迦葉) — один из первых учеников Будды, обращенный вскоре после первой проповеди в Варанаси (см. примеч. 195).

⁹⁹ *Бхикуни* (bhikṣuṇī, *бицюни* 比丘尼) — буддийская монахиня.

¹⁰⁰ *Шраманера* (śrāmaṇera, *шами* 沙彌) — послушник, недавно принятый в общину.

¹⁰¹ *Рахула* (Rāhula, Лоюнь 羅云) — в данном случае сын Будды Шакьямуни и последователь его Учения.

¹⁰² *Махаяна* — здесь в тексте: *мохэянь* 摩訶衍; ср. примеч. 23.

¹⁰³ *Праджняпарамита* (prajñāpāramitā, *божэболоми* 般若波羅蜜) — махаянская «запредельная мудрость», одно из средств достижения нирваны; персонифицировалась в образе почитаемого божества.

¹⁰⁴ *Манджушири* (Mañjuśrī) — в тексте: *Вэньшушили* 文殊師利, далее также *Маньшушили* 曼殊室利.

¹⁰⁵ *Страна Энцизяши* 僧伽施 — Каннингхэм отождествляет это столь почитаемое паломниками место, где Будда спускался с небес, с селением Санкиса на северо-востоке от Каннауджа и описывает холм, на котором сохранились остатки древних строений [Cunningham 1996: 311–312].

¹⁰⁶ «*Небеса тридцати трех*» (Trayastrimśās, *даоли-тянь* 忉利天) — небесный мир, заселенный дэвами во главе с Индрой. Как повествует «Буддхаচারита» (XX, 1668–1675), Будда поднялся на небеса после проповеди, которая была обращена к посетившему его в монастыре Джетавана царю Кошалы Прасенаджиту.

¹⁰⁷ *Ануруддха* (Anuruddha, Аналуй 阿那律) — родственник и последователь Будды Шакьямуни, которому приписывался особый дар видеть на далекие расстояния.

¹⁰⁸ *Утпала* (Utpala) — в тексте Фа-сяня: Юболо 優鉢羅; ср. примеч. 589.

¹⁰⁹ *Чакравартин* (cakravartin, *чжуаньлунь-ван* 轉輪王) — «царь, вращающий колесо [Учения]»; идеальный царь-буддист, способствующий распространению буддийского Учения.

¹¹⁰ ...*до желтых родников* (хуанцюань 黃泉)... — согласно комментарию Легга, это означает «до водоносного слоя» [Legge 1965: 50]. Однако *хуанцюань* 黃泉 может иметь значение «мир мертвых».

¹¹¹ *Три будды прошлого* (гоцуй сань фо 過去三佛) — имеются в виду три будды, предшествовавшие Шакьямуни: Кракуччханда, Канакамуни, Кашьяпа. Далее в тексте также встречается выражение «четыре Будды прошлого» (вместе с Шакьямуни).

¹¹² *Монастырь Большой Холм* — Да фэнь 大墳 (букв. «Большой могильный холм»).

¹¹³ *Город Каньякубджа* (Kāṇyakubja) — в тексте Фа-сяня: Цзижаои 罽𑖀夷, у Сюань-цзана — Цзежоцзюйшэ 羯若鞠闍 (примеч. 592). В древней Индии Каньякубджа — один из важнейших городских центров; совр. Каннаудж.

¹¹⁴ ...о бренности бытия, о страдании, о пустоте... — в тексте: у-чан 無常, ку 苦 (соотв. санскр. duḥkha), кун 空 (соотв. санскр. śūnya).

¹¹⁵ *Али* 阿梨 — селение, название которого не отождествлено.

¹¹⁶ *Страна Шачжи* 沙祇 — была отождествлена Каннингхэмом с древнеиндийским городом Сакетой, известным по индийским и античным источникам; Каннингхэм упоминает и руины города, сохранившиеся в окрестностях Файзабада [Cunningham 1996: 338–343].

¹¹⁷ Очевидно, что направление на юг от Сакеты, указанное здесь Фа-сянем, ошибочно (должно быть — на север).

¹¹⁸ *Страна Кошала* (Kośala/Kosala, Цзюйсало 拘薩羅) — историческая область на севере древней Индии и, по преданию, место длительного пребывания Будды.

¹¹⁹ *Город Шравасты* (Śrāvastī, Шэвэй 舍衛) — древняя столица Кошалы, располагавшаяся на южном берегу р. Рапти в окрестностях совр. Балрампура.

¹²⁰ *Прасенаджит* (Prasenajit, Босыни 波斯匿) — царь Кошалы (V в. до н.э.).

¹²¹ *Махапраджapati* (Mahāprajāpati, Даайдаогу 大愛道故) — согласно преданию, первая монахиня-бхикшуни, тетка Будды.

¹²² *Судатта* (Sudatta, Сюйда 須達) — основатель монастыря Джетавана, житель Шравасты, олицетворение щедрости буддиста-мирянина.

¹²³ *Ангумалья* (Aṅgulimāla, Янцзюэмо 鷲掘魔) — здесь один из персонажей буддийского предания, последователь Будды; в «Буддхачарите» (XXI, 1678–1679), однако, это название селения, где Будда обращал жителей после своего возвращения с небес.

¹²⁴ *Паринирвана* (parinirvāṇa, паньниюань 般尼洹) — окончательная нирвана, завершающая земную жизнь.

¹²⁵ ...почтенный *Судатта построил вихару*. — Согласно преданию, Судатта выкупил в саду Джеты землю для монастыря, покрыв ее золотыми монетами (Буддхачарита XVIII).

¹²⁶ *Вихара Джетавана* (Jetavana, Чжиюань цзиньшэ 祇洹精舍) — была подарена Будде Судаттой (см. примеч. 122). Название монастыря означает «Роща Джеты» (Судатта выкупил сад для постройки монастыря у царевича Джеты); здесь Будда прожил много лет.

¹²⁷ *Мать Вайшакха* (Vaiśakhā, Пишэцхой 毗舍佉) — супруга Судатты, почитаемая как покровительница монахинь.

¹²⁸ *Дэвадатта* (Devadatta, Дяода 調達) — родственник и, первоначально, последователь Будды, ставший впоследствии его противником и выдвинувший свою доктрину; отрицательный персонаж буддийского предания.

¹²⁹ *Вирудхака* (Virūdhaka) — в тексте Фа-сяня: Люли-ван 琉璃王, у Сюань-цзана — Пилушицзя 毗盧釋迦 (см. примеч. 479); царь Кошалы, совершивший нападение на шакьев.

¹³⁰ *Дувэй* 都維 — название трудно восстановить.

¹³¹ *...сын встретился с отцом...* — имеется в виду встреча Будды со своим отцом; эпизод, общий для биографий будд.

¹³² *Напидзя* 那毗加 — название трудно восстановить.

¹³³ *Будда Кракуччанда* (Kracucchanda, Цзюйлоуцинь 拘樓秦) — один из «трех будд прошлого».

¹³⁴ *Будда Канакамуни* (Kanakamuni, Цзюйнашэмоуни 拘那含牟尼) — один из «трех будд прошлого».

¹³⁵ *Город Капилавасту* (Kapilavastu, Цзявэйловэй 迦維羅衛) — по преданию, место рождения Будды Шакьямуни; столица шакьев, обитавших к востоку от Шравастии. Каннингхэм помещал Капилавасту на притоке р. Рапти северо-западнее совр. Горакхпура [Cunningham 1996: 348–350].

¹³⁶ *Царь Шуддходана* (Śuddhodana, Бай-цзин-ван 白淨王) — отец Будды Шакьямуни.

¹³⁷ *Царевич и мать* — будущий Будда Шакьямуни и его мать Майя.

¹³⁸ *...верхом на белом коне...* — более известен иной вариант легенды: будущий Будда входит в чрево матери в образе белого слона.

¹³⁹ *...увидев больного человека, повернул назад свою колесницу...* — одно из четырех событий, побудивших будущего Будду к перемене судьбы. По преданию, выехав на прогулку в лес, он встречается старика, больного, затем похороны, нищего аскета; узнав таким образом о существовании страданий, он принимает решение об уходе из отцовского дома. По «Буддхачарите» (III, 224–234), после каждой поразившей его встречи он «поворачивает назад колесницу».

¹⁴⁰ *...Асита* (Asita, Аи 阿夷) опознал царевича... — риши Асита предсказал будущее младенца Сиддхартхи, который впоследствии станет Буддой Шакьямуни (Буддхачарита I, 70–71). Услышав о том, что царевичу предстоит уход из дома, родители оградили его от печальных впечатлений.

¹⁴¹ *Нанда* (Nanda, Наньто 難陀) — двоюродный брат Сиддхартхи.

¹⁴² *Упали* (Upālī, Юболи 優波離) — один из учеников Будды, отличавшийся особым знанием правил вины. Видный деятель первого собора. У Сюань-цзана почти такая же транскрипция (Юболи 優波釐).

¹⁴³ *Плод* (phala, го 果) — достижение буддистом более высокого состояния (например, состояния архата, будды), получаемого в результате заслуг.

¹⁴⁴ *Шротаапанна* (śrotāpanna, сюйтоюань 須陀洹) — первый из «четырех плодов», см. примеч. 320.

¹⁴⁵ *...то самое царское поле, где царевич, сидя под деревом, глядел на пахарей.* — По преданию, царевич — будущий Будда — встал на путь, ведущий к просветлению, после того как узнал о страданиях людей. Одним из таких впечатлений было поле, на котором трудились измученные пахари (Буддхачарита V, 329–335).

¹⁴⁶ *Лумбини* (Lumbinī, Луньминь 論民) — роща в окрестностях Капилавасту, в которой родился будущий Будда.

¹⁴⁷ *...обрели просветление...* — чэн дао 成道, *...повернули Колесо Учения...* — лунь фа-лунь 輪法輪, *...проповедовали и одолели в споре иноверцев...* — шо фа, лунь-и вай-дао 說法, 論議外道, *...вознесения на «небеса тридцати трех»...* — шан Даоли-тянь 上仞利天.

¹⁴⁸ Страна Рама (Rāma, полное название Rāmagrāma) — Ланьмо 藍莫; находилась между Капилавасту и Кушинагарой, вблизи р. Рапти.

¹⁴⁹ Когда явился в мир царь Ашока, то захотел вскрыть восемь ступ и построить 84 000. — Согласно буддийскому преданию (наиболее подробно этот эпизод пересказан в «Дивьявадане», «Махапаринирванасутре»), сразу после паринирваны мощи Будды были поделены между восемью царями, построившими над ними восемь ступ. Ашока же вскрыл семь из них, разделил эти мощи на 84 000 частей и построил соответствующее число ступ. Лишь одна из восьми ступ осталась нетронутой — ступа в Раме, охраняемая нагами (Буддхачарита XXVIII, 2296–2299), о которой и говорит в данном случае Фа-сянь.

¹⁵⁰ ...отослал конюха Чандаку и белого коня. — Эпизод окончательного расставания будущего Будды с отцовским домом. Тайно покинув дом и отъехав на некоторое расстояние, он отправляет назад своего верного слугу и коня, надевает одежду нищего странника и уходит в одиночестве (Буддхачарита VI).

¹⁵¹ Кушинагара (Kusinagara, Цзюйинацзе 拘夷那竭) — древний город, почитаемый как место паринирваны Будды. Его местонахождение определяют на одном из левых притоков р. Рапти вблизи г. Касия.

¹⁵² Река Найранджана (Nairāṇjanā, Силянъдань 希連禪) — небольшая река Хираньявати, приток Ганга.

¹⁵³ Субхадра (Subhadra, Сюйба 須跋) — по преданию, обрел просветление в момент паринирваны Будды (Буддхачарита XXVI, 1984).

¹⁵⁴ Ваджрапани (Vajrapāṇi, Цзиньган-лиши 金剛力士) — бодхисаттва с ваджрой (цзиньган 金剛), золотой палицей, в руках; воинственный охранитель буддийского Учения.

¹⁵⁵ Золотой Жезл (цзинь чу 金杵) — то же, что цзиньган 金剛, ваджра, оружие бодхисаттвы Ваджрапани.

¹⁵⁶ Личчавы (licchavi, личэнь 梨車) — союз племен северных соседей Магадхи.

¹⁵⁷ Страна Вайшали (Vaiśālī, Пишэли 毗舍離) — названа по г. Вайшали, столице личчавов, которая располагалась на востоке от р. Гандак.

¹⁵⁸ Согласно легенде, помещенной ниже, личчавы получили половину мощей Ананды (см. с. 134).

¹⁵⁹ Амбали (Āmbapālī или Āmrpālī, Аньполо 菴婆羅) — жительница Вайшали, обращенная Буддой; последний период его жизни в саду Амрапали описывается в «Буддхачарите» (XXII, 1749–1782).

¹⁶⁰ Бхадракальпа (bhadrakalpa, сянь-цзе 賢劫) — «благая кальпа», период времени, длящийся ныне.

¹⁶¹ Тогда архаты и соблюдающие винаю бхикшу — всего 700 монахов — составили «Винайпитаку». — Имеются в виду события, связанные со вторым собором, проходившим в Вайшали, по преданию, в IV в. до н.э.

¹⁶² Страна Магадха (Magadha) — в тексте Фа-сяня: Моцзе 摩竭, у Сюань-цзана — Моцзето 摩揭陀 (см. примеч. 508) — область в среднем течении Ганга, центр, вокруг которого в середине I тыс. до н.э. сформировалась империя Маурьев; во времена Фа-сяня Магадха была центральной территорией империи Гупт.

¹⁶³ *Царь Аджаташатру* (Ajātaśatru, Адуши-ван 阿闍世王) — правил в Магадхе в 493–461 гг. до н.э.

¹⁶⁴ *Самадхи* (samādhi, дин 定, цидин 寂定) — состояние глубокой медитации.

¹⁶⁵ *Город Паталипутра* (Pāṭaliputra, Баляньфу 巴連弗) — столица Магадхи; во времена путешествия Фа-сяня Паталипутра была столицей гуптских правителей; совр. Патна.

¹⁶⁶ *Гора Гридхракута* (Gr̥dhraḥkūṭa — «Гора Коршуна», Цидуцзюэ 耆闍崛). Буддийское предание повествует о том, что после ухода из дома будущий Будда перешел Ганг и в одиночестве посетил гору Гридхракута (Буддхачарита X, 777–778).

¹⁶⁷ *Радхасвамин* (Rādhāsvāmin, Лотасыми 羅汰私迷) — имя восстановлено предположительно.

¹⁶⁸ *Месяц цзяньмао* 建卯 — второй месяц по лунному календарю.

¹⁶⁹ [Некогда] *царь Ашока, разрушив семь ступ, построил 84 000.* — См. примеч. 149.

¹⁷⁰ *Нили* 泥梨 — название этого небольшого населенного пункта имеется только у Фа-сяня, и его трудно восстановить.

¹⁷¹ *Панчашикха* (Pañcaśikha, Паньчжэтань 般遮彈) — один из гандхарвов (полубожеств-музыкантов, которые услаждали слух дэвов).

¹⁷² Фа-сянь намекает на происхождение «Сутры из 42 статей» («Сы ши эр чжан цзин» 四十二章經), особенно популярной в Китае.

¹⁷³ *Наланда* (Nālanda) — Налощьюло 那羅聚落. Наландские монастыри (в окрестностях совр. Раджгира) во времена Фа-сяня и Сюань-цзана составляли крупный центр буддийской культуры и образования.

¹⁷⁴ *Новый город Раджагриха* — Ваншэ синь чэн 王舍新城 (Ваншэ 王舍 — перевод названия Rājagṛha — «дом царя»). Столица Магадхи при первых Маурьях, в ту эпоху, к которой относят жизнь Будды; совр. Раджгир.

¹⁷⁵ *Царь Бимбисара* (Bimbisāra, Пинша-ван 萍沙王) — правитель Магадхи в 545–493 гг. до н.э.

¹⁷⁶ *Ашваджит* (Aśvajit, Эби 頗鞞) — по преданию, один из пяти последователей Будды, обращенных им во время первой проповеди в Бенаресе. Речь идет о том эпизоде, когда Ашваджит был направлен Буддой в Ражагриху, где он и встретил Шарипутру и Маудгальяну и обратил их в буддизм (Буддхачарита XVII, 1381–1392).

¹⁷⁷ *Ниргрантхаджнати* (Nirgranthajñāti, Ницзянь-цзы 尼犍子) — один из противников Будды, стоявший у истоков джайнизма.

¹⁷⁸ *Здесь же царь Аджаташатру напоил допьяна черного слона, желая погубить Будду.* — Согласно обычной версии, это сделал завистливый Дэвадатта (Буддхачарита XXI).

¹⁷⁹ ...*Дживака* (Jīvaka, Чжэцзю 耆舊) *построил вихару в саду Амбана-ли...* — см. примеч. 159.

¹⁸⁰ *Небесный дух Пишуна* (Piśuna, тяньмо 天魔波旬) — одно из имен Мары, демона-искусителя.

¹⁸¹ *Дэвадатта... сбросил на Будду камень...* — одно из злодеяний завистника Дэвадатты, совершенное в период проповедничества Будды (Буддхачарита XXI, 1713–1725).

¹⁸² *Каранда* (Kaṇḍa, Цзяланьто 迦蘭陀) — бамбуковая роща, которая была подарена Будде царем Бимбисарой; здесь он пребывал в окружении первых учеников (Буддхачарита XVII, 1380–1381).

¹⁸³ *Шмашана* (śmaśāna, *шимошэна* 尸磨賒那) — это санскритское слово означает просто «кладбище». Далее Фа-сянь дает перевод: «кладбище брошенных мертвецов», по-видимому осуждая практиковавшийся в Индии обычай, при котором трупы оставляли на земле.

¹⁸⁴ *Пещера Пиппала* (Pippala) — Биньболо 賓波羅.

¹⁸⁵ *Пещера Чэньди* 車帝 — в соответствии с указанными событиями предания (имеются в виду события первого собора), это должна быть пещера Шраттапарна (Sṛātaraṇa), хотя китайское название здесь иное.

¹⁸⁶ *Город Гайя* (Gayā, Цзяе 伽耶) — находился в южной части Магадхи (совр. Бодх-Гая); почитается как место просветления Будды, важнейшего события в истории буддизма.

¹⁸⁷ ...*бодхисаттва некогда шесть лет соблюдал аскезу.* — Вблизи Гайи будущий Будда Шакьямуни в сообществе пяти подвижников (его будущих учеников) шесть лет предавался самоистязанию (Буддхачарита XII, 1000–1006), которое впоследствии не одобрял.

¹⁸⁸ ...*дэва подал ветвь дерева Будде, вошедшему в воду для омовения, и помог ему выбраться из озера.* — Здесь идет речь о том периоде жизни Будды, когда он предавался аскезе; будучи в истощении, он не мог сам выбраться из воды, совершив омовение (Буддхачарита XII, 1016–1017).

¹⁸⁹ ...*женщина по имени Грамика (Мицзя 彌家) поднесла Будде рисовой каши на молоке.* — Один из значимых эпизодов, предшествовавших просветлению Будды Шакьямуни, — вкушение пищи после длительного воздержания. По «Буддхачарите» (XII, 1018–1022), рисовую кашу поднесла девушка Нанда, дочь пастуха.

¹⁹⁰ *Дерево бодхи (пути-шу 菩提樹)* — дерево, под которым, согласно преданию, произошло «просветление», «пробуждение» (bodhi, *пути* 菩提) Шакьямуни, который таким образом стал Буддой («просветленным», «пробужденным»).

¹⁹¹ *Тут прилетели пятьсот зеленых птичек, трижды сделали круг над бодхисаттвой и удалились.* — Эти детали эпизода просветления совпадают с санскритскими версиями биографии Будды (Буддхачарита XII, 1029).

¹⁹² *Царь демонов (Мо-ван 魔王)* — демон Мара, искушавший Будду перед просветлением.

¹⁹³ *Дерево ньягродха (nyagrodha) — ницзюйлюй-шу 尼拘律樹, Ficus indica.*

¹⁹⁴ ...*пятьсот торговцев подали ему хлеб и мед.* — Ср. с сюжетом Сюаньцзана о двух старцах из Балха, совершивших подношение Будде (с. 163).

¹⁹⁵ ...*обратил Кашьяпу с братьями...* — имеется в виду событие, случившееся вскоре после просветления Будды. Обретя первых последователей в Варанаси, Будда отправляется в пещеру, где риши Кашьяпа совершал жертвоприношения, и проповедовал ему (Буддхачарита XVI, 1301–1322).

¹⁹⁶ ...*мальчик подал Будде горсть земли.* — Эпизод, который лежит в основе сюжета «Памшупраданы» (Дивьявадана XXVI).

¹⁹⁷ *Яма (Yama, Янь-ло 閻羅)* — индийское божество смерти, хранитель юга.

¹⁹⁸ *Восемь обетов поста* (ба цзечжсай 八戒齋) — составляющие поста, которые должен был соблюдать мирянин, принимающий буддизм: отказ от убийства, воровства, прелюбодеяния, лжи, употребления опьяняющих напитков, удобного ложа, увеселений, питания в произвольное время.

¹⁹⁹ *Гора Гурупада* (Gurupāda — «Петушиная Нога») — Цзицзу 鷄足(山).

²⁰⁰ *Страна Каши* (Kāśī, Цзяши 迦尸) — область древней Индии со столицей в Варанаси, располагавшаяся выше по течению Ганга по отношению к Магадхе.

²⁰¹ *Город Варанаси* (Vārāṇasī, Болонай 波羅奈) — для буддистов место первой проповеди Будды; совр. Варанаси (Бенарес) на Ганге.

²⁰² *Парк Оленей Отшельника* (Шаньжэнь лу е юань 仙人鹿野苑) — место первой проповеди Будды. Обычное название — «Оленья Роща» (Mṛgadāva).

²⁰³ ...*Каундинью* (Kaundinya, Цзюйлинь 拘隣) с его пятью людьми... — имеются в виду первые слушатели проповеди Будды, ставшие его первыми учениками.

²⁰⁴ *Шраман Готама* (Gotama, Цюйтань 瞿曇) — Будда.

²⁰⁵ *Дракон Элапатра* (Elāpatra) — в тексте Фа-сяня: Илобо 翳羅鉢, у Сюань-цзана — Илободало 醫羅鉢咄邏; известен в буддийском предании как нага — хранитель сокровища (см. примеч. 491, 492).

²⁰⁶ *Страна Каушамби* (Kauśāmbī, Цзюйшаньми 拘睢彌) — названа Фа-сянем по городу Каушамби, располагавшемуся на р. Джамне несколько выше места ее впадения в Ганг. Каушамби был крупным городским центром древней Индии и часто упоминался в древнеиндийской литературе. Неясно по тексту, ходил ли Фа-сянь в Каушамби, поскольку в дальнейшем он говорит, что из Варанаси вернулся в Паталипутру.

²⁰⁷ *Гхоширавана* (Ghoṣiravana — «Сад Гхоширы», Цюйшило-юань 瞿師羅園) — сад, подаренный Будде мирянином Гхоширой.

²⁰⁸ *Страна Дакишина* (Dakṣiṇa, Дачэнь 達嚧) — Декан. Из текста следует, что Фа-сянь там не был, и дальнейший маршрут описывается от Варанаси.

²⁰⁹ *Паравата* (Pārāvata — «горлица») — Полоюз 波羅越; это название сам Фа-сянь переводит как гэ 鴿 — «голубь».

²¹⁰ *Махасангхика* (mahāsaṅghika, мохэсэнди-бу 摩訶僧祇部) — последователи раннебуддийской школы махасангхика. См. примеч. 211, 453.

²¹¹ ...«*Великая община*»... — здесь в тексте: *дачжун-бу* 大衆部 — название школы махасангхиков, переданное переводом (у Сюань-цзана обычна такая передача названия; см. также примеч. 453).

²¹² *Гатха* (gāthā, цзи 偈) — четверостишие в буддийском каноническом тексте.

²¹³ *Сарвастивада* (sarvāstivāda) — в тексте Фа-сяня: *саподо чжун* 薩婆多衆, в тексте Сюань-цзана: *шоичею-бу* 說一切有 («говорящие, что все существуют»); одна из школ раннего буддизма, относящаяся к хинаяне.

²¹⁴ ...*санскритские тексты и санскритский язык*... — в тексте: *фань-шу* 梵書, *фань-янь* 梵語.

²¹⁵ *Страна Чампа* (Campā, Шаньбо 瞻波) — названа по г. Чампа, который был крупным портом на Ганге. Совр. г. Бхагалпур.

²¹⁶ *Страна Тамралипти* (Tāmraliptī, Домолиди 多摩梨帝) — названа по городу-порту Тамралипти, который находился в устье Ганга.

²¹⁷ *Симхала* (Simhala, Шицзы 師子) — древнее название Цейлона. В цз. XI Сюань-цзан обстоятельно пересказывает объясняющую название страны легенду о царе — потомке льва (simha — «лев»); см. также с. 51–52.

²¹⁸ *Жемчужины мани* (maṇi, мони 摩尼) — жемчужины, обладавшие большой сакральной ценностью.

²¹⁹ ...увидел... *белый шелковый веер*. — Т.е. Фа-сянь увидел предмет, привезенный из Китая.

²²⁰ ...*торговцы [из страны] Сабао* (薩薄商人). — Очевидно, сабейские (аравийские) купцы (из страны Саба).

²²¹ *Четыре отдела общины (сы бу чжун 四部衆)* — монахи, монахини, миряне и мирянки.

²²² *Асанкхьякальпа* (asaṅkhyeyakalpa, асэнди-цзе 阿僧祇劫) — «длительная» кальпа. Четыре такие кальпы, в течение которых происходит разрушение и восстановление мира, составляли махакальпу.

²²³ Он *вынул глаз и отдал другому человеку, отрезал свою плоть и выкупил голубя, отделил голову и отдал ее в дар, бросился на съедение голодной тигрице, не покусился собственным мозгом — и таким образом всячески страдал ради живых существ*. — Имеются в виду сюжеты джатак.

²²⁴ *Вихара Абхаягири* (Abhayagiri, Увэйшань 無畏山) — крупный буддийский центр на Ланке.

²²⁵ ...*пятисот воплощений бодхисаттвы*... — т.е. Будда Шакьямуни в предыдущих перерождениях, о которых повествуют джатаки.

²²⁶ *Судана* (Sudāna, Суйдана 須大拏) — последнее воплощение будущего Будды, перед тем как он родился в облике Сиддхартхи-Гаутамы; *Сама* (Sāma — восстановление имени можно оставить под вопросом, поскольку оно не вполне соответствует транскрипции Шаньбянь 睽變) — также одно из воплощений.

²²⁷ *Чайтя* (Caitya) — Чжити 支提.

²²⁸ *Махавихара* (Mahāvihara, Мохэпихэло 摩訶毗訶羅) — большой монастырь на Ланке.

²²⁹ *Махишасака* (mahīśāsaka) — в тексте Фа-сяня: *мишатай-бу* 彌沙塞部, в тексте Сюань-цзана: *хуади-бу* 化地部; древнейшая хинаянская школа буддизма.

²³⁰ «*Диргхагама*» (Dīrghāgama, «Чан ахань» 辰阿含) и «*Самьюттагама*» (Saṃyuktāgama, «Цза ахань» 雜阿含) — хинаянские сутры, действительно впервые доставленные в Китай Фа-сянем.

²³¹ «*Самьюттасанчапитака*» (Saṃyuktasaṃcaṇipīṭaka, «Цза цзан» 雜藏) — трудно сопоставить с конкретным текстом.

²³² *Кундин* (kuṇḍin, цзюньчи 君墀) — сосуд для воды.

²³³ *Гуаньшизинь* 世音觀 — китайское имя бодхисаттвы Авалокитешвары.

²³⁴ *Чангуан* 辰廣 — область на юге Шаньдуна.

²³⁵ *Растение лилу* 藜蘆 — Легг предположил, что второй иероглиф ошибочен и стоит вместо *хо* 藿, и переводил по отдельности *ли* 藜 и *хо* 藿, понимая это словосочетание как «пища бедняков» (лебеда и ботва гороха), однако в тексте все-таки стоит *лу* 蘆, и в таком случае перевод — чемерица черная (*лилуцай* 藜蘆菜).

²³⁶ «Мы — ученики Будды» (我是佛弟子). — Охотники не могли быть буддистами.

²³⁷ Цзинь 晋 — династия Восточная Цзинь (317–420).

²³⁸ ...направился на юг, в столицу... — в Нанкин (столица Восточной Цзинь).

²³⁹ В год цзя-инь (甲寅), на 12-й год правления И-си (義熙)... — очевидно, 414 г., поскольку Фа-сянь указывает, что был в странствиях 15 лет. 414 г. — год цзя-инь, однако 10-й год правления И-си.

²⁴⁰ Заключительная часть текста написана другим, неизвестным автором в ином, довольно вычурном стиле.

²⁴¹ ...из прежнего владения Гаочан... — владение (地 地 — «территория») Гаочан 高昌 названо здесь «прежним», что свидетельствует о том, что окончательный вариант текста Сюань-цзана составлялся после 640 г., когда Гаочан был подчинен Тай-цзуном и эти территории вошли в состав Танской империи.

²⁴² Страна Ацини 阿耆尼 — соответствует государству Яньци (Карашар), известному по географическим трактатам «династийных историй» («Цзю Тан шу», «Синь Тан шу»; см. также [Малевкин 1989: 45, 207]). Вариант названия, предложенный Сюань-цзаном, в других источниках не встречается; Т. Уоттерс пытался объяснить эту китайскую транскрипцию, исходя из реконструируемого им санскритского названия Agni, которое могло употребляться в монашеской среде города [Watters 1904–1905: I, 46–47].

²⁴³ Неясно, столица или страна окружена горами. Скорее всего, имеется в виду город, судя по аналогичному описанию у Бичурина [Бичурин 1960: 558].

²⁴⁴ ...индийской... — в отличие от своего предшественника Фа-сяня, называвшего Индию Тяньчжу 天竺, как это было принято в китайской географической традиции, Сюань-цзан дает название в виде транскрипции — Иньду 印度.

²⁴⁵ Правителем Яньци до 644 г. являлся Лун-туичжи, состоявший в союзе с тюрками. В 644 г. был свергнут танскими войсками [Цзю Тан шу 40, 3; Малевкин 1989: 45, 207–208].

²⁴⁶ В стране нет порядка, и законы не установлены (國無綱紀。法不整肅。). — Формулировка характерна для «династийных историй» и явно заимствована из них.

²⁴⁷ «Три чистых [вида мяса]» (сань цзин 三淨) — согласно представлениям буддистов, мясо, «чистое» в трех отношениях: монах не должен был, во-первых, видеть, как убивали животное; во-вторых, слышать об этом; в-третьих — подозревать, что его убили для монаха [Watters 1904–1905: I, 54–55]. Сюань-цзан, как приверженец махаяны, должен был отрицательно относиться к употреблению какого-либо мяса монахами.

²⁴⁸ «Постепенное Учение» (цзянь цзяо 漸教) — т.е. хинаяна, как учение, которое постепенно ведет к истине, в отличие от махаяны — «мгновенного Учения» (дунь цзяо 頓教) [Soothill 1998: 424–425].

²⁴⁹ Цюйчжи 屈支 — страна известна по китайским источникам начиная с ханских «историй», важнейший центр на притяньшаньском пути через Синьцзян; совр. Куча.

²⁵⁰ Правителем Кучи в то время был некий Бай, который в 648 г. был подчинен тюркским правителем, вассальным по отношению к Танскому государ-

ству [Цзю Тан шу 40, 3; Малявкин 1989: 44, 204; Watters 1904–1905: I, 80]. Ниже Сюань-цзан упоминает об этом событии, хотя он посетил Кучу значительно ранее. Видимо, это связано с тем, что «Записки» составлялись уже после окончания паломничества.

²⁵¹ *Храм дэвов* — *тяньцы* 天祠; здесь *тянь* 天 соответствует санскр. deva («божество», «небожитель»). В «Записках» Сюань-цзана обычно *тяньцы* — индуистский храм; здесь, очевидно, имеется в виду просто небуддийский храм.

²⁵² *Туцзюэсцы* (туцзюэ 突厥) — тюрки.

²⁵³ *Чжаохули* 昭怙釐 — транскрипция названия монастыря, которое трудно восстановить; несколько вариантов предложил Т. Уоттерс, однако в виде самых осторожных предположений [Watters 1904–1905: I, 62–63].

²⁵⁴ *День поста* — *чжай-жи* 齋日.

²⁵⁵ «*Шествие статуи*» (*син сян* 行像) — подробное описание праздника имеется у Фа-сяня (см. с. 116–117).

²⁵⁶ *Монастырь Ашэлиэр* 阿奢理貳 — транскрипция названия; Уоттерс предположил, что оно соответствует санскритскому āścala — «чудесный» [Watters 1904–1905: I, 63–64].

²⁵⁷ «*Четыре [рода] вещей*» (*сы ши* 四事) — вещи, которыми имел право обладать буддийский монах: 1) монашеская одежда; 2) еда и питье; 3) монашеские лежа, сиденья, утварь; 4) лекарственные средства. Именно эти предметы следовало приносить в дар общине.

²⁵⁸ *Страна Балуцзя* 跋祿迦 (Bāluka) — соответствует государству Гумо (расположенному к западу от Кучи) «династийных историй», отождествляемому с современным Аксу; такая же транскрипция названия присутствует в «Синь Тан шу» [Малявкин 1989: 190]. Уоттерс предположил, что Bāluka — санскритский перевод тюркского названия страны (Watters 1904–1905: I, 65).

²⁵⁹ ...*подошел к Ледяной Горе* (Линшань 凌山). — Здесь Сюань-цзан миновал перевал Музарт, держась того пути, который связывал Аксу и Кульджу, где находится Пик Победы (его Ледяная Гора).

²⁶⁰ *Большое Чистое Озеро* (Дацинчи 大清池) — оз. Иссык-Куль.

²⁶¹ *Город Сушэцуй* 素葉水, или *Сушэ* 素葉, — должен был находиться на р. Чу в районе г. Токмак.

²⁶² *Северные варвары* — *ху* 胡, общее название для северных по отношению к Китаю народов.

²⁶³ *Страна Цзешуанна* 羯霜那 — описывается Сюань-цзаном далее, на пути от Самарканда к Железным Воротам; см. с. 159–160 и примеч. 288.

²⁶⁴ *Сули* 率利 — под этим названием Сюань-цзан объединяет земли от Иссык-Куля до Шахрисабза, т.е. область, прилегающую с севера к Тохаристану и отделенную от него горами. Уоттерс прослеживает аналогии у И-цзина и в арабских источниках (Сулика) [Watters 1904–1905: I, 71–72].

²⁶⁵ *Прибыл к Тысяче Родников* (Цяньцюань 千泉). — Направление движения Сюань-цзана, а также расположение этой территории (горы, покрытые снегом, — на юге, с трех других сторон — равнина) и ее протяженность (220 ли) указывают на южную часть Чуйской долины. Здесь располагается

«карасучная зона» с многочисленными родниками, протянувшаяся вдоль предгорий Киргизского хребта.

²⁶⁶ *Снежные Горы* (Сюэшань 雪山) — здесь, очевидно, имеются в виду просто «горы, покрытые снегом»; по расположению — Киргизский хребет.

²⁶⁷ *Каган* — слово передано транскрипцией *кэхань* 可汗.

²⁶⁸ *Город Далосы* 咄邏私 — легко отождествляется с современным Таласом. Очевидно, из Чуйской долины паломник попал сюда по перевалам — через Сусамырскую долину.

²⁶⁹ *Китайцы* — в тексте: *чжунгожэнь* 中國人.

²⁷⁰ *Байшуй* 白水(城) — «Белые Воды». Сэн-Мартен [Julien 1857: I, 275] отождествлял этот город с Исфиджабом (совр. Сайрам); Уоттерс [Watters 1904–1905: I, 83–84] предлагал отождествление его с Аксу (совр. Белые Воды). Однако расстояние от Таласа до Белых Вод не соответствует указанному Сюань-цзаном.

²⁷¹ *Город Гунъюй* 恭御 — судя по последующему движению Сюань-цзана, располагался к северу от Бостандыка, непосредственно за Угамским хребтом.

²⁷² *Страна Нучицзянь* 笈赤建 — еще Сен-Мартен предложил отождествление Нучицзянь с Нуджкентом арабских источников [Julien 1857: I, 276]. Судя по описанию Сюань-цзана, эта область располагалась к востоку от Ташкента, была богата виноградниками, пышной растительностью; такая характеристика позволяет искать Нучицзянь в районе Бостандыка, что не противоречит и сведениям арабских авторов, помещавших Нуджкент посередине между Таласом и Ходжентом.

²⁷³ *Чжэши* 赭时 — обычно отождествляют с Даджем (Ташкент; см. [Watters 1904–1905: I, 85–87]).

²⁷⁴ *Страна Фэйхянь* 怛捍 — Фергана. Нам кажется очевидным, что Сюань-цзан там не был и охарактеризовал страну по расспросным данным. Уоттерс предположил, что южное направление от Ферганы к Судулисэна (примеч. 275), указываемое Сюань-цзаном, является ошибочным. Однако при выпадении Ферганы из маршрута слова «отсюда шел на юг» приобретают смысл «от Ташкента шел на юг», и таким образом ошибка исключается.

²⁷⁵ *Страна Судулисэна* 率堵利瑟那 — по описанию, располагалась к западу от Сырдарьи в том районе, где река поворачивает от Бекабада на север. Сен-Мартеном [Julien 1857: I, 278] и Уоттерсом [Watters 1904–1905: I, 89–90] собраны упоминания об этом владении в арабских и китайских источниках.

²⁷⁶ ...вошел в Большую Песчаную Пустыню (Дашацзи 大沙磧)... — Сюань-цзан следовал через Голодную и Джизакскую степи.

²⁷⁷ *Страна Самоцзянь* 颶秣建 — Самарканд. В китайских «династийных историях» обычно дается название Кан («Суй шу», «Бэй ши»). «Тан шу» также упоминает Самоцзянь.

²⁷⁸ *Хуские страны* (Ху го 胡國) — т.е. страны северных варваров (см. примеч. 262).

²⁷⁹ *Чжэцзесцы* (чжэцзе 赭羯) — Уоттерс предполагал, что это жители окрестностей Самарканда, отличавшиеся высоким ростом и силой [Watters 1904–1905: I, 94].

²⁸⁰ *Страна Мимохэ* 弭秣賀 — упоминается и в других китайских сочинениях: в «Тан шу» — Мимохэ, в других «историях» — Ми 弭. Сюань-цзан по-

мещает Мимохэ к юго-востоку от Самарканда, не указывая расстояния, в горах. Согласно «Тан шу», эта местность находилась на расстоянии 100 *ли* к юго-востоку от Самарканда. Таким образом, Мимохэ располагалась в горах Зеравшанского хребта в районе Ургута.

²⁸¹ *Страна Цзебудана* 劫布旦那 — Сюань-цзан неопределенно указывает ее местонахождение «к северу отсюда». Сен-Мартен и вслед за ним Бил отождествляли Цзебудана с Кебудом арабских источников; Уоттерс, однако, отметил, что «отсюда» означает не «от Мимохэ», а «от Самоцзянь», и был склонен искать Цзебудана в районе совр. Митана. Действительно, описание владений, начиная с Мимохэ, не может соответствовать маршруту Сюань-цзана. Судя по всему, автор описывает окрестности Самарканда в порядке восток — север — запад. Поэтому его слова следует понимать как «к северу от Самоцзянь», а не от предыдущей по тексту «страны»; то же относится и к двум следующим «странам».

²⁸² *Страна Цюйшуанницзя* 屈霜你迦 — Сюань-цзан продолжает свой обзор с точкой отсчета в Самоцзянь, прослеживая теперь западное направление — к Бухаре. Сен-Мартен восстанавливает это название как Кошания, Уоттерс — как Кушанник и помещает страну к северо-западу от Самарканда [Watters 1904–1905: I, 97]. Судя по расстоянию, это место находилось на середине пути из Самарканда в Бухару. Возможно, однако, что Сюань-цзан имел в виду юго-западный путь в Бухару — через Касан. Расстояние от Самарканда до Касана соответствует указанному Сюань-цзаном расстоянию до Цюйшуанницзя.

²⁸³ *Страна Хэхань* 喝捍 — по описанию, находилась вблизи Бухары. Уоттерс пытался восстановить это название (соотносимое с Хэгань, упоминаемым в «Тан шу») как Каган.

²⁸⁴ *Страна Бухэ* 捕喝 — обычно отождествляется с Бухарой. «Тан шу» оценивает расстояние от Хэгань до Бухары в 100 *ли*, а не 400, что более правдоподобно. Ошибка могла произойти оттого, что Бухара находилась далеко в стороне от маршрута Сюань-цзана.

²⁸⁵ *Страна Фади* 伐地 — находилась на пути из Бухары в Хорезм. «Жизнеописание Сюань-цзана» [Beal 1911] дает другое расстояние от Бухары до Фади — 100 *ли* (текст «Записок» — 400 *ли*). Если прав Уоттерс, помещавший Фади в районе Дарган-Ата [Watters 1904–1905: I, 99], то более приемлемо расстояние в 400 *ли*.

²⁸⁶ *Страна Холисимицзя* 貨利習彌伽 — обычно отождествляется с Хорезмом. Юго-западное направление от Фади явно ошибочно, что отмечалось многими авторами [Watters 1904–1905: I, 99]. «Тан шу» правильно указывает северо-западное направление.

²⁸⁷ *Река Фочу* 縛芻 — Амударья (Пяндж), древний Окс.

²⁸⁸ *Из страны Самоцзянь шел на юго-запад 300 ли с лишним. Прибыл в страну Цзешуанна.* — Сюань-цзан вновь переходит к описанию своего реального маршрута, об этом говорит возвращение к отсчету «от Самоцзянь» в тексте. Здесь он попадает в долину Кашкадарьи. *Цзешуанна* 羯霜那 (Кеш, совр. Шахрисабз) упоминается и в «Тан шу», также в связи с Железными Воротами.

²⁸⁹ *Железные Ворота* (Темэнь 鐵門) — некогда находились в ущелье, в настоящее время известном под названием Бухханхон. Здесь проходил важный торговый путь из Согда в Тохаристан, по которому и следовал паломник.

²⁹⁰ *Страна Духоло* 覩貨邏 — Тукхара (Tukhāra), Тохаристан; ее описание под тем же названием присутствует и в «Бэй ши», «Суй шу», «Тан шу» (см. примеч. 605).

²⁹¹ *Боласы* 波刺斯 — в «династийных историях» обычно *Босы* 波斯 — Персия [Малявкин 1989: 235].

²⁹² *Большие Снежные Горы* (Дасюэшань 大雪山) — под этим названием (далее также встречается Сюэшань 雪山) Сюань-цзан обычно подразумевает горы Гиндукуша и Памира как одно целое.

²⁹³ *Ланьбо* 濫波 — Лагман, описание этой области Сюань-цзан дает в цз. II (примеч. 368).

²⁹⁴ *Страна Дами* 咄蜜 — Термез. Дальнейший путь Сюань-цзана шел, очевидно, к левобережной Бактрии, «Жизнеописание» [Beal 1911] утверждает, что из Духоло он отправился в *Хо* 活 (Кундуз; см. примеч. 607).

²⁹⁵ *Страна Чизяньна* 赤鄂衍那 — такого названия в других источниках нет, но оно соответствует, очевидно, Шиханьна в «Синь Тан шу» (область Чаганиан [Малявкин 1989: 299]). В.В. Бартольд помещал Чаганиан в долине Сурхандарьи выше Термеза [Бартольд 1963: 122–125]. Начиная с этой страны, следующее описание территорий вдоль Амударьи в сторону Памира и в обратном направлении, до Кундуза, составлено по опросным данным.

²⁹⁶ *Страна Хулумо* 忽露摩 — Х. Юл считал это название транскрипцией названия «Гарма» [Yule 1873: 96]; Э. Шаванн помещал здесь (между верховьями Сурхандарьи и Кафирнигана) Хулунь, предполагая, что это транскрипция названия «Ахарун» [Chavannes 1903a: 276].

²⁹⁷ *Сису* 奚素 — некий князь тюрков [Chavannes 1903a: 276; Малявкин 1989: 292].

²⁹⁸ *Страна Сумань* 愉漫 — судя по описанию, Сумань находилась уже на р. Кафирниган, что соответствует стране Шумань, которую Бартольд помещал в верхней части долины Кафирнигана [Бартольд 1963: 124–125].

²⁹⁹ *Страна Цзюйхэяньна* 鞠和衍那 — соответствует названию Цзююэдэ-цзянь в «Синь Тан шу»; это место отождествляют с Кувадианом (совр. Кабодин в нижнем течении Кафирнигана [Малявкин 1989: 303]).

³⁰⁰ *Страна Хуша* 鑿沙 — Вахш, по предположению Юла [Yule 1873: 97]; Сен-Мартен располагал Хуша слишком далеко, отождествляя ее с Ошем [Julien 1857: I, 291]; это название (Хоша/Воша, по «Синь Тан шу») анализировал Шаванн, который также помещал страну на р. Вахш [Chavannes 1903a: 276–277].

³⁰¹ *Страна Кэдола* 珂咄羅 — такое название присутствует в «Синь Тан шу» как вариант названия Гудо — государства, располагавшегося на Вахше, севернее совр. Курган-Тюбе [Малявкин 1989: 274]. Каннингхэм предложил отождествление Кэдола с Хутталем арабских источников [Cunningham 1996: 483].

³⁰² *Страна Цзюймито* 拘謎陀 — соответствует Цюйми в «Синь Тан шу» [Малявкин 1989: 287]; Каннингхэм вслед за Шаванном отождествлял это ме-

сто с Комедом арабских авторов, а также «долиной комедов» (*vallis comedorum*) Птолемея [Cunningham 1996: 484; Chavannes 1903a: 279]. Данная область располагалась между реками Вахш и Дарваз.

³⁰³ Страна *Шицини* 尸棄尼 — по утверждению Сюань-цзана, находилась по другую сторону Пянджа по отношению к Цзюймито (он говорит о переправе на юго-запад от Цзюймито и далее на юг от переправы располагает Шицини), что указывает на район Шугнана. Уоттерс, в свою очередь, заметил, что природные условия Шугнана не соответствуют описываемым Сюань-цзаном в цз. XII и что эти неточности, видимо, произошли из-за того, что описание велось по расспросным данным ([Watters 1904–1905: II, 282]; см. также [Малявкин 1989: 277]).

³⁰⁴ Страна *Дамоситэди* 達摩悉鐵帝, страна *Бодочуанна* 鉢鐸創那, страна *Иньбоцзянь* 淫薄健, страна *Цюйланна* 屈浪拏, страна *Сымодало* 呬摩咄羅, страна *Болхэ* 鉢利曷, страна *Цилисэмо* 訖栗瑟摩, страна *Хэлоху* 曷邏胡, страна *Алини* 阿利尼, страна *Мэнцзянь* 瞢健 — Сюань-цзан перечисляет страны, находившиеся к востоку от его пути из Термеза в Балх; теперь он мысленно движется на юг от Шицини и затем на восток до «страны Хо» (Кундуз). Автор вновь вернется к этим названиям в описании обратного пути (цз. XII), когда он действительно шел через большинство этих областей (см. примеч. 610–619). По поводу перечисляемых здесь владений существует большая литература; они были рассмотрены в работах Каннингхэма, Сен-Мартена, Юла, Уоттерса. Подробный обзор этих исследований имеется в работе Мандельштама [Мандельштам 1957: 111–119], в которой не учтены лишь замечания Уоттерса.

³⁰⁵ Страна *Хо* 活 — Кундуз. Сюань-цзан часто указывает Хо в качестве ориентира, поэтому правильное его отождествление приобретает большое значение. Каннингхэм отождествил Хо с Хульмом, отчего возникли и другие ошибки. Х. Юл отождествил Хо с Кундузом [Yule 1873: 99], то же утверждал и Шаванн [Chavannes 1903a: 275]. В «Синь Тан шу» говорится о «племени хо», обитавшем в этих местах [Малявкин 1989: 277]. В данном случае не вполне ясно, шел ли Сюань-цзан из Термеза в Хо или же сразу направился в Балх, перечисляя Хо вместе с последующими странами, лежавшими пока в стороне от маршрута.

³⁰⁶ Страна *Косидо* (閻悉多 — видимо, здесь в тексте ошибка: стоит *янь* 閻 вместо *ко* 闊, в цз. XII — правильный вариант 閻悉多), а также страна *Аньдалофо* 安咄邏縛 (Андараб) — перечисляются автором для ориентировки. Он шел через эти области на обратном пути (подробнее см. комментарий к цз. XII, примеч. 604, 606).

³⁰⁷ Страна *Фоцзялан* 縛伽浪 — предлагается отождествление с Багланом [Beal 1884–1886: I, 108].

³⁰⁸ Страна *Хэлусиминьцзянь* 紇露悉泥健 — располагалась на территории совр. провинции Саманган (Афганистан) [Beal 1884–1886: I, 108].

³⁰⁹ Страна *Хулинь* 忽懷 — Хульм [Yule 1873: 101], что соответствует г. Хуньмо в «Синь Тан шу» [Chavannes 1903a: 275; Малявкин 1989: 250].

³¹⁰ Страна *Фохэ* 縛喝 — Балх, древний город Бактры, крупный центр буддийской культуры в Бактрии. Название города имело много вариантов в китайских источниках [Малявкин 1989: 237–238].

³¹¹ *Малая Раджагриха* — Сяованшэ 小王舍(城). См. примеч. 174.

³¹² *Навасангхарам* (Nāvasaṅghārāma — «новый монастырь») — в тексте: Нафосэнцзялань 納縛僧伽藍.

³¹³ *Авторы шастр* — здесь в тексте: цзо лунь чжэ ши 作論諸師 (обычный для Сюань-цзана термин — лунь ши 論師).

³¹⁴ ...зуб Будды (*Фо я* 佛牙)... — один из наиболее распространенных видов реликвий Будды. Наряду с такими реликвиями, как волос, ключица и т.п., относилась к śaṅgīradhātu — «телесным реликвиям», «мощам», в отличие от paṇibhogikadhātu — «реликвии предметов личного пользования» (патра, метелка, кувшин для умывания). Все виды реликвий часто встречаются у Сюань-цзана.

³¹⁵ *Растение каша* (kaśa) — цзяшиэ цао 迦奢艸, Saccharum Spontaneum.

³¹⁶ *Праздник, устраиваемый в шестой день (люй чжэй 六齋)* — имеется в виду upavasatha — день накануне очередной фазы луны, еженедельный.

³¹⁷ ...[принявшие защиту] *Закона и вместе с мирянами...* — в тексте: фасу 法俗, т.е. монахи и миряне.

³¹⁸ ...с «алмазной» *обмазкой* (金剛泥塗)... — т.е. с твердой, как алмаз, или же блестящей, как алмаз, штукатуркой.

³¹⁹ *Обитель* — в тексте: цзиньлу 精廬. Бил полагал, что речь идет о вихаре, Уоттерс толкует — «храм». Несмотря на терминологический анализ, приводимый Уоттерсом [Watters 1904–1905: I, 11], перевод «храм» кажется неудачным, так как из текста следует, что это место сбора и проживания монахов, прибывших из других стран. Поскольку слово «вихара» Сюань-цзан передает иным образом, мы даем перевод, близкий к дословному, — «обитель».

³²⁰ *«Четыре плода»* (сы го 四果) — степени святости, которые может обрести буддист: śrotāpatti (предполагающая несколько перерождений — «возвращений» до достижения просветления), anāgāti (возвращение один раз [в следующем рождении]), sakṛdāgāti (невозвращение), arhattva (состояние архата).

³²¹ *Город Тивэй* 提謂 и *город Боли* 波利 — за этими названиями скрываются имена людей. Уоттерс находит их в других китайских текстах в качестве транскрипций имен Трапуша и Бхаллика; персонажи с этими именами (два старца) фигурируют в легенде, аналогичной той, которую Сюань-цзан связывает с этими городами. Эта легенда о Трапуше и Бхаллике, от которых идет начало культа почитания ступ, была широко распространена в буддийском мире. Возможно, Сюань-цзан переносит название ступы на город, где она находилась («город, [где находится ступа] Трапуши»). Отсюда — некоторые недоразумения: так, И.П. Минаев предполагал, что Боли — это Балука.

³²² *Оленья Роща* (Луюань 鹿園) — соответствует санскр. Mṛgadāva (место первой проповеди Будды Шакьямуни вблизи Бенареса).

³²³ *Владыка Мира* (Ши цзунь 世尊) — обычный эпитет Будды.

³²⁴ ...о *заслугах...* — в тексте: фу 福 (обычное значение — «счастье»), в тексте Сюань-цзана употребляется в значении «результат деяний», «заслуга».

³²⁵ *«Пять заповедей»* (pañcaśīlā, у цзе 五戒) — воздержание от убийства, кражи, прелюбодеяния, лжи, крепких напитков. Этих заповедей должен был придерживаться буддист, принявший «три защиты» (Будды, дхармы, сангхи).

³²⁶ «Десять добродетелей» (daśaśīla, *ши шань* 十善) — воздержание от убийства, кражи, прелюбодеяния, лжи, клеветы, грубых слов, болтовни, жадности, недоброжелательности, еретических воззрений. Эти принципы составляли обет, который давался при вступлении в общину.

³²⁷ *Уттарасанга* (uttarāsaṅga, *юйдолосэн* 鬱多羅僧) — оплечная одежда, одна из трех частей одежды монаха (средняя).

³²⁸ *Санкашика* (saṅkakṣikā, *энсици* 僧鄰崎) — широкий пояс, надеваемый монахом поверх уттарасанги.

³²⁹ Порядок сооружения ступы аналогичен: ступенчатое основание, купол, шпиль.

³³⁰ *Учение Шакьи* — в тексте: *Шицзя фа* 釋迦法. Шакья — Будда Шакьямуни.

³³¹ *Страна Жуймото* 銳秣陀 — Жюльен восстанавливал название как Djumadha [Julien 1857: I, 34], Шаванн соответствующее название Жуйми из «Синь Тан шу» отождествлял с селением Joumathan, находящимся к востоку от Джаузджана [Chavannes 1903a: 278]. От Жуймото до Далацзянь включительно у Сюань-цзана дается описание стран в стороне от маршрута (в Цзечжи, по указанию самого автора, он приходит непосредственно из Балха).

³³² *Страна Хушицзянь* 胡寔健 — Э. Шаванн и вслед за ним другие исследователи за этим названием усматривали Гузган [Chavannes 1903a: 278]; совр. провинция Джаузджан.

³³³ *Страна Далацзянь* 咄刺健 — ее расположение, указанное Сюань-цзаном, ни в каком приближении не может соответствовать предлагавшимся отождествлениям (Э. Шаванн отождествлял Долэцзянь китайских «историй» с Талуканом [Chavannes 1903a: 278]; А.Г. Малявкин предлагал также отождествление с Тальканом в Хорасане [Малявкин 1989: 304–305]). Далацзянь Сюань-цзана располагается на северо-западе от Джаузджана, что уводит на совсем другие территории и скорее, как нам представляется, указывает на Джаладжан, находящийся к западу от Бактрии.

³³⁴ *Боласы* 波刺斯 — Персия, как и в трактатах «династийных историй».

³³⁵ *Страна Цзечжи* 揭職 — название восстанавливалось как Gachi или Gaz, находящийся к югу от Балха [Watters 1904–1905: I, 115; Малявкин 1989: 274].

³³⁶ *Страна Фаньяньна* 梵衍那 — Бамиан; подробные сведения о Фаньяньна см. [Малявкин 1989: 235–236].

³³⁷ *Локоттавада* (lokottaravāda, *шочуши-бу* 説出世部) — «говорящие, что [Будда] выше мира»; школа, известная только по источникам северного буддизма, ответвление махасангхиков.

³³⁸ *Мокшамахапаришад* (mokṣamahāpariṣad, *учжэ дахуй* 無遮大會) — «большое собрание, [посвященное] мокше (mokṣa, *учжэ* 無遮 — „освобождение“); буддийский праздник, устраивавшийся раз в пять лет.

³³⁹ *Суварначакравартин* (suvarṇaśakravartin, *узиньлунь-ван* 金輪王 — букв. «царь Золотого Колеса») — великий царь, владыка мира, покровительствующий буддизму.

³⁴⁰ *Шанакава* (Śāṇakavāsa, Шанноцзяфоса 商諾迦縛娑) — это имя известно только в литературе северного буддизма.

³⁴¹ ...травы шанака (śāṇaka). — В тексте: 商諾迦艸 шанноцзя цао («растение шанноцзя»).

³⁴² ...в день окончания «отрешенной жизни» (ань цзюй 安居)... — имеется в виду праздник правагапа (см. примеч. 358).

³⁴³ Уход от мира (чу цзя 出家, санскр. pravrajya) — церемония приема в общину, в результате которой вступающий становился послушником (шраманерой).

³⁴⁴ ...принял полный постриг (цзюй цзе 具戒)... — имеется в виду церемония посвящения (upasaṃpadā), в результате которой послушник становился монахом.

³⁴⁵ Кашая (kaṣāya, цзяша 袈裟) — красно-желтая монашеская одежда.

³⁴⁶ ...с концом Учения (фа цзинь 法盡)... — по предсказанию Будды Шакьямуни, конец эпохи его Учения должен был наступить через 500 лет после паринирваны.

³⁴⁷ ...вступил в Снежные Горы... — путь паломника из Бамиана в Капишу лежал через перевал Шибар, т.е. через южные отроги Гиндукуша.

³⁴⁸ Черный Хребет (Хэйлинь 黑嶺) — Уоттерс предположил, что здесь имеются в виду просто горы, не покрытые снегом. Судя по дальнейшему описанию Сюань-цзана, располагающего Черный Хребет по трем сторонам Капиши, кроме северной, под этим названием фигурируют хребет Хингиль (на юго-западе) и отроги Гиндукуша (на востоке).

³⁴⁹ Цзябиши 迦畢試 — Капиша (Kapiṣa), совр. провинция Каписа (Афганистан). Сопоставление Цзябиши Сюань-цзана и сведений античных авторов приведено у Каннингхэма [Cunningham 1996: 16–18]; в танское время распространенное китайское название этой области — Цибинь [Малявкин 1989: 229].

³⁵⁰ Кшатрий (kṣatriya, шадили 刹帝利) — представитель второй, воинской варны древнеиндийского общества.

³⁵¹ ...иноверцев... — и дао 異道 — «иной путь», «иные верования», т.е. не-буддизм, не-буддисты. С. Бил не совсем удачно переводил это выражение как «еретики».

³⁵² ...те, кто обмазываются золой (тухуй 塗灰)... — приверженцы шиваитской секты пашупата (pāśupata).

³⁵³ Те, кто ходят обнаженными, — дигамбары (джайнская секта); те, кто окрашивают головы связками черепов, — одна из шиваитских сект (капалики).

³⁵⁴ Племена... — в тексте: фань 番 — «потомки», «тибетцы».

³⁵⁵ Восточная Река (Дунхэ 東河) — не вполне ясно, о какой реке идет речь. Если, как предполагают, это Хуанхэ, то подтверждается версия о том, что заложники прибыли из Шулэ (Кашгара, см. след. примеч.).

³⁵⁶ ...послали ему заложников. — История о Канишке и заложниках рассказывается Сюань-цзаном в двух местах текста — здесь, в описании Капиши, и в описании «страны Чжинапуди» (цз. IV), той самой, где заложники проводили зиму. В «Жизнеописании Сюань-цзана» [Beal 1911] говорится только об одном заложнике — сыне китайского императора. Факт отъезда из страны Шулэ (Кашгара) члена правящей династии ко двору правителя юэчжи отмечается также в «Хоу Хань шу»; этот человек, по имени Чэньпань, был тепло

принят здесь, а затем вернулся в родную страну, где получил власть по наследству. Совпадение этих сведений вызвало интерес в исследовательской литературе, вылившийся в дискуссию о том, откуда все-таки были присланы заложники, о которых идет речь у Сюань-цзана ([Narain 1968; Zürcher 1968]; подробное изложение дискуссии содержится в монографии Л.А. Боровковой [Боровкова 2005: 234–260]).

³⁵⁷ *Восточные ся* 東夏 — китайцы.

³⁵⁸ Праздник «великой радости» (да син фахуй 大興法會) — монашеский праздник окончания сезона дождей (pavarāṇa).

³⁵⁹ Великий царь духов (Да-шэнь-ван 大神王) — вероятно, имеется в виду Ваджрапани, соответствующий Индре (Шакре). На это указывает и изображение птицы на шапке (птица — один из атрибутов Ваджрапани [Getty 1928: 50]), а также то, что гнев божества сопровождают гром и землетрясение. А. Гетти выделяет особую форму (garuda form) изображения Ваджрапани — с крыльями или головой птицы.

³⁶⁰ Якши (yakṣa, яоча 藥叉) — индийские мифические существа, территориальные духи, связанные с почитанием гор и деревьев.

³⁶¹ Мощи (śarīra, шэли 舍利) — «реликвии тела» Будды (частицы праха, кость и т.п.), помещаемые в реликварий ступы.

³⁶² Город Субидофалацы 蘇蔽多伐剌祠 — Жюльен считал это слово транскрипцией названия Sphitavaras [Julien 1857: I, 46], Бил — Svetavaras [Beal 1884–1886: I, 122]. Нам кажутся убедительными доводы Уоттерса, рассматривавшего последний иероглиф цы 祠 как не транскрипционный, поскольку он малоупотребителен в такой роли и скорее всего имеет собственное значение — «храм». По мнению Уоттерса, «названием города могло быть Svetavat-alaya, т.е. „Жилище Индры“, или „Храм Индры“» [Watters 1904–1905: I, 126]. Можно высказать и сомнение в том, что это вообще название города. Мы уже сталкивались с тем, что Сюань-цзан дает городам названия, которые были именами персонажей легенды, связанной со строительством ступ в этих городах (примеч. 321). Видимо, он переносит названия ступ на города. Таким же образом и в этом случае возможен смысл «город, [в котором находится] храм Шветавата».

³⁶³ Гора Алунао 阿路猱, гора Чунасыло 櫛那呖羅 — предлагаются соответствия Aguna и Sunasira [Beal 1884–1886: I, 123; Watters 1904–1905: I, 127]. В цз. XII (с. 236) упоминается легенда об этих горах.

³⁶⁴ Страна Цаоцзюйто 漕矩吒 — Сюань-цзан прошел через эту страну на обратном пути (см. примеч. 594, см. также с. 235).

³⁶⁵ ...мощи... — в тексте: гужоу шэли 骨肉舍利 — «мощи (śarīra) костей и плоти».

³⁶⁶ Гора Пилусара (Pīlusāra — «сила слона», Билосоло 比羅娑洛) — название согласуется с рассказываемой здесь легендой.

³⁶⁷ Пиндака (Piṇḍaka — «кусочек пищи», Биндоцуй 鞞鐸佉) — название монастыря связано с эпизодом угощения Будды и архатов.

³⁶⁸ Страна Ланьбо 濫波 — отождествляется с областью Лагман в Афганистане, что подтверждается и сравнением его названия со свидетельствами ан-

тичных источников, и указанным у Сюань-цзана расположением страны [Cunningham 1996: 36–37]. Предложенное в книге Л.А. Боровковой отождествление Ланьбо с Кабулом [Боровкова 2005: 243–244], повлекшее за собой также «перемещение» далеко на запад стран Цзябиши и Фаньяньна, не выглядит аргументированным.

³⁶⁹ *Шэньду* 身毒, *Сяньдоу* 賢豆, *Иньду* 印度 — варианты транскрипции для Sindhu.

³⁷⁰ Поскольку страна поделена на части, можно также говорить «земли Пяти Индий». — Название «Пять Индий» (У Иньду 五印度), встречающееся и далее в тексте, означает «вся Индия» и отражает мифологический образ; деление Индии на пять частей не имело реальных оснований.

³⁷¹ «Ход» (син 行) — соответствует санскр. агуна.

³⁷² Весенние месяцы: чайтра (caitra) — *чжидало* 制旦羅, вайшакха (vaiśākha) — *фэйшэцзюй* 吠舍佉, джештха (jyeṣṭha) — *шисэчжа* 逝瑟吒. Летние месяцы: ашадха (aśāḍha) — *эша* 頽沙茶, сравана (sravana) — *шилофана* 室羅伐拏, бхадрапада (bhadrapadā) — *подадобото* 般達羅鉢陀. Осенние месяцы: ашваюджа (aśvayuj) — *эшифукуиэ* 頽溼縛庫閼, карттика (karttikā) — *цзяцзидицзя* 迦刺底迦, маргаширша (mārgaśīrṣa) — *вэйцзяшило* 未伽始羅 (правильно *моцзяшило* 末伽始羅). Зимние месяцы: пушья (puṣya) — *баоша* 報沙, магха (maghā) — *моцзюй* 磨祛, пхалгуна (phalguna) — *полэцзюйна* 頗勒婁拏.

³⁷³ «Летнее сидение» (цзо ся 坐夏) — ср. с ся цзо 夏坐 у Фа-сяня (примеч. 6); «зимнее сидение» (цзо ла 坐臘) — возможен также перевод «сидение в конце года».

³⁷⁴ «Утреннее сиденье» (чжао цзо 朝坐) — по-видимому, сиденье для совершения обрядов (возможен перевод «трон»).

³⁷⁵ *Каушея* (kauśeya, *цзяошэсе* 僑奢邪) — ткань из шелка дикого шелко-пряда.

³⁷⁶ *Кшаума* (kṣauma, *чумо* 葛摩) — льняная ткань.

³⁷⁷ *Камбала* (kambala, *циньболо* 顛鉢羅) — шерстяная ткань.

³⁷⁸ *Карала* (karāla, *хэлал* 褐刺縊) — шкура дикого зверя.

³⁷⁹ «Внешний путь» (*вай-дао* 外道) — небуддийские учения.

³⁸⁰ ...украшают себя связками из черепов...; ...вообще не носят одежды и предстают в нагом виде. — См. примеч. 353.

³⁸¹ *Облачений шраманов, утвержденных Законом*, — только три... — видимо, в тексте ошибка, поскольку далее перечисляются только два вида одежды.

³⁸² *Нивасана* (nivasana, *нифосена* 泥縛些那) — то же, что уттарасанга (см. примеч. 327).

³⁸³ *Чжаньтань* 旃檀 — сандаловое дерево.

³⁸⁴ *Юйцзинь* 鬱金 — Curcuma longa, высоко ценившееся растение, из которого готовили пряность.

³⁸⁵ *Нилапита* (nīlapita — «царские анналы») — *нилобича* 尼羅蔽茶.

³⁸⁶ «У мин да лунь» 五明大論 — «великие шастры пяти наук». У мин 五明 (pañcavidyā) — «пять наук», перечисляемых далее.

³⁸⁷ «Шэн мин» 聲明, «Шэн мин лунь» 聲明論 — śabdavidyā, грамматика. В главке «Гандхара» Сюань-цзан употребляет это название вместо «Вьякараны» (Vyākaraṇa), написанной Панини.

³⁸⁸ «Цяо мин» 巧明 — śilpakarmasthānavidyā, математика.

³⁸⁹ «Ифан мин» 醫方明 — cikitsāvidyā, медицина.

³⁹⁰ «Инь мин» 因明 — hetuvidyā, логика.

³⁹¹ «Нэй мин» 內明 — adhyātmavidyā, философия.

³⁹² «Пять колесниц» (у иэн 五乘) — пять видов перерождений, обусловленных действием кармы, — перерождений среди: 1) людей; 2) дэвов; 3) последователей Будды; 4) пратьекабудд; 5) будд и бодхисаттв.

³⁹³ «Четыре «Фэйто лунь» 四吠陀論 — четыре веды (фэйто 吠陀), четыре самхиты.

³⁹⁴ «Шоу» 壽 («долголетие, вечность») — здесь соответствует названию Ригведы (Rgveda). Объяснение содержания текста Ригведы и последующих самхит исходит здесь лишь из перевода названия и свидетельствует о том, что автор не был знаком с этими текстами.

³⁹⁵ «Сы» 祠 («жертвоприношение») — соответствует названию Яджурведы (Yajurveda).

³⁹⁶ «Пин» 平 («умиротворение») — соответствует названию Самаведы (Sāmaveda).

³⁹⁷ «Шу» 術 («искусность») — видимо, соответствует названию Атхарваеды (Atharvaveda).

³⁹⁸ «Чистые люди» (цзин жэнь 淨人) — т.е. монахи.

³⁹⁹ «Покинуть дом» — т.е. стать монахом.

⁴⁰⁰ Вайшья (vaiśya, фэйшэ 吠奢) — представитель третьей варны древнеиндийского общества (земледельцы, ремесленники, купцы).

⁴⁰¹ Шудра (śūdra, шуто 戍陀) — представитель четвертой варны древнеиндийского общества. Шудры по традиции считались слугами; в отличие от трех высших варн (брахманов, кшатриев и вайшьев), они не причислялись к дваждырожденным — ариям, прошедшим обряд посвящения.

⁴⁰² ...три вида ордалий... — в тексте, очевидно, ошибка, поскольку далее перечисляются четыре вида ордалий.

⁴⁰³ Лишь один из десяти таковых не доводит до конца своего дикого замысла. — В переводе этой фразы (十有其一。未盡鄙見。) есть значительные расхождения у разных авторов. Бил перевел «Rarely one of these may be seen not yet dead on the borders (of the river)», видимо трактуя здесь цзинь 盡 как «край», «берег», в то время как Уоттерс, понимая это слово как «исполнять», «выполнять до конца» («carry out»), соединяет его с последующим би цзянь 鄙見 («contemptuous views»), что выглядит более убедительно [Beal 1884–1886: I, 142; Watters 1904–1905: I, 175].

⁴⁰⁴ ...четвертое — «поле взращивания заслуг»... — т.е. земли для пожертвований монастырям и т.п. В данном случае фу 福 — «заслуга» в понимании буддиста, приобретаемая благими делами и пожертвованиями.

⁴⁰⁵ Амалака (āmalaka, аньмэйло 菴沒羅) — миробалан, амла (amla, аньмило 庵弭羅) — тамаринд, мадхука (madhuka, модуцзя 末杜迦) — солодка, бхадра (bhadrā, бадало 跋達羅) — возможные самые разные растения [Monier-Williams 1997: 745–746], капиттха (kapittha, цзебита 劫比他) — плод дерева Feronia elephantum, амра (āmra, амоло 阿末羅) — манго, тиндука (tinduka, чжэньдучзя 鎮杜迦) — плоды эбенового дерева, удумбара (udumbara, утань-

бало 鳥曇跋羅) — инжир, моча (моса? маочжэ 茂遮) — возможны разные растения, в том числе банан [Monier-Williams 1997: 835], нарикела (nārikela, налицило 那利薊羅) — кокос, панаса (panasa, поносо 般棲娑) — плоды хлебного дерева.

⁴⁰⁶ Хуньто 葦陀 — растение трудно отождествить.

⁴⁰⁷ Страна Нагара (Нацзелохэ 那揭羅曷; у Фа-сяня — Нацзе 那竭) — транскрипция восстанавливается как Nagarahāra, подробнее см. примеч. 75.

⁴⁰⁸ Бодхисаттва Шакья (Шицзя пуса 釋迦菩薩) — будущий Будда Шакьямуни.

⁴⁰⁹ Дипанкара Будда — Жань-дэн 然登 («Будда Горящих Ламп», перевод имени Dīpāṅkara). Согласно буддийской традиции, жил в одну из прошлых калп. Когда он родился, зажглось множество светильников. По легенде, Сумати, жрец царя Варанаси, почтил Будду Дипанкару дарением цветов и расстелил перед ним свои волосы, а впоследствии стал Буддой Шакьямуни.

⁴¹⁰ На восточном его берегу, в скале — огромная пещера. — В «Жизнеописании Сюань-цзана» [Beal 1911] содержится интересный рассказ о посещении им этой пещеры. Его всячески отговаривали идти туда, так как путь к пещере изобиловал опасностями. Однако желание увидеть своими глазами тень Будды было так велико, что Сюань-цзан один пошел туда; описывается его встреча с разбойниками, путь по пещере и то, как после длительного чтения сутр он увидел тень. Посещение пещеры в рассказе заканчивается обращением разбойников.

⁴¹¹ Гопала (Gopāla — «пастух», Цюйболо 瞿波羅) — имя дракона связано с последующей легендой, где он первоначально выступает в роли пастуха.

⁴¹² Знак колеса (луньсян 輪相) — один из телесных признаков Будды, знак на его ступне в виде «дхармачакры» — Колеса Учения (символ первой проповеди Будды Шакьямуни и продолжающегося времени дхармы-Учения).

⁴¹³ «Скандхадхату[аятана-сутра]» (Skandhadhātu[āyatana-sūtra]) — «Юнь-цзе» 蘊界. Здесь или название сутры приведено в сокращенном виде (полностью было бы «Юнь цзе чу цзин» 蘊界處經, см. примеч. 586), или же смысл фразы (說蘊界) — «проповедовал о скандхах и дхату».

⁴¹⁴ Город Сило 醯羅 — см. также примеч. 76. Название интерпретировалось по-разному. Уоттерс предлагал «Hilā which was probably a local pronunciation for Śilā», где śilā — «скала», что соответствует характеру местности [Watters 1904–1905: I, 190]. Каннингхэм видел здесь вариант Hidda, в котором предполагал «a transposition of Haddi, a bone», что должно было иметь связь с хранимой здесь реликвией ушниши [Cunningham 1996: 38–39]; совр. г. Хада к югу от Джелалабада.

⁴¹⁵ Страна Гандхара (Цзяньтоло 健駄邏; у Фа-сяня — Цзяньтовэй 犍陀衛, см. примеч. 62). Сюань-цзан считает ее восточной границей р. Инд, т.е. включает сюда земли лишь в долине р. Кабул, в нижнем его течении до впадения в Инд, без окрестностей совр. Равалпинди, которые относят к этой древней области [Low 1976: 76].

⁴¹⁶ Пурушанпура (Puruṣapura, Булушабуло 布路沙布邏) — важный культурный и политический центр древней Гандхары, совр. Пешавар («the Parshawar

of later writers, the Purushavar of Alberuni, and the Peshawer of modern times» [Watters 1904–1905: I, 201; Cunningham 1996: 40, 66]). У Фа-сяня — название Фолоуша 佛樓沙 (примеч. 69).

⁴¹⁷ *Нараянадэва* (Nārāyaṇadeva, Налоянь-тянь 那羅延天) — одно из божеств древнеиндийского пантеона (инкарнация Вишну), почитаемое и в буддизме; не вполне ясно, почему «дэва» перечисляется среди буддийских авторов. Уоттерс предположил, что Сюань-цзан здесь имеет в виду легендарного автора соответствующей дхармашастры или же ассоциирует с Нараяной кого-либо из буддийских философов [Watters 1904–1905: I, 202].

⁴¹⁸ *Бодхисаттва Асанга* (Asaṅga, У-чжу 無著) — автор основополагающих текстов махаянской школы йогачара, работавший в IV в. [Warder 1970: 436–442].

⁴¹⁹ *Бодхисаттва Васубандху* (Vasubandhu, Ши-цинъ 世親) — существуют разногласия по вопросу о принадлежности «трудов Васубандху» — в частности, известной «Абхидхармакоши» — тому или иному из трех авторов с этим именем; согласно традиции, Васубандху (IV–V в.) был младшим братом Асанги [Warder 1970: 444–447].

⁴²⁰ *Дхарматрата* (Dharmatrāta, Фа-цзю 法救) — автор школы сарвастивада (I в. н.э.); труды его не сохранились [Warder 1970: 345].

⁴²¹ *Маноратха* (Manoratha, Жу-и 如意) — согласно традиции, передаваемой и самим Сюань-цзаном, учитель Васубандху, живший, соответственно, в IV в. (о восстановлении его имени из китайских форм см. примеч. 431).

⁴²² *Парива* (Pārśva, Сецзуньчжэ 脇尊者, далее также Болишифо 波栗縛) — автор школы сарвастивада (I–II в. н.э.; см. также примеч. 427).

⁴²³ Фа-сянь застал в процветании монастырь, в котором хранилась патра Будды, и описал культ патры (Фо го цзи XII).

⁴²⁴ *Пиппала* (биболо 卑鉢羅) — священное дерево. По мнению Каннингхэма, это огромное дерево было известно здесь вплоть до XVI в. [Cunningham 1996: 67].

⁴²⁵ 996 будд — 1000 будд без тех четырех, что уже являлись в мир, т.е. будды будущего.

⁴²⁶ ...*ступа, построенная царем Канишкой*. — Об этой ступе, которая «превосходит [своей красотой] все, что ни есть в Джамбудвипе», рассказывает и Фа-сянь, приводит он и легенду о строителе-Канишке (Фо го цзи XII). Каннингхэм утверждал, что следов этой ступы не сохранилось [Cunningham 1996: 68], однако А. Фуше, обследовавший в соответствии с указаниями паломников окрестности Пешавара (во время экспедиции 1895–1897 гг.), отождествил со «ступой Канишки» использовавшиеся в качестве каменоломни руины Shāh-jī-dhērī [Foucher 1902: 6–10]. Впоследствии это отождествление было подтверждено раскопками Д.Б. Спунера в 1908–1909 гг. и Х. Харгривса в 1910–1911 гг. [Spooner 1908–1909], показавшими принадлежность ступы к кушанскому времени; найденный Спунером реликварий, имеющий надпись с упоминанием имени Канишки, известен как памятник гандхарского искусства [Franz 1965: илл. 100–103].

⁴²⁷ *Почтенный Бок* (Сецзуньчжэ 脇尊者) — имя Паршвы здесь выражено переводом (pārśva — «бок»), как того требует контекст передаваемого предания, призванного объяснить это имя.

⁴²⁸ «Желания [одного из] трех миров» (*сань цзе юй* 三界欲) — т.е. «мира желаний», первого из буддийских «трех миров» (*triloka, сань цзе* 三界).

⁴²⁹ «Шесть священных способностей» (*ṣaḍabhiññā, люй шэнь тун* 六神通): 1) *divyaśakṣus* — способность мгновенно охватить взором видимый мир, мир форм; 2) *divyaśrotra* — способность слышать все, что слышим; 3) *paracitta-jñāna* — способность знать помышления всех существ; 4) *pūrvanivāsaṇusmṛti-jñāna* — способность знать все прежние рождения существ; 5) *īddhi-sātkṛiṃyā* — способность пребывать в любом месте; 6) *āśravakṣaya-jñāna* — способность уничтожать заблуждения.

⁴³⁰ «Три проникновенных знания» (*trividyā, сань мин* 三明 или *сань мин чжи* 三明智) — знание о том, что 1) все не вечно (*anitya, у-чан*); 2) все есть страдание (*duḥkha, ку*); 3) все лишено «я» (*anātman, у-во*).

⁴³¹ *Маноратха* (*Manoratha* — «желание», букв. «колесница мысли»; Мону-хэлита 末笈曷利他) — у Уоттерса транскрипция этого имени выглядит как Монухэлита (видимо, в издании, которым он пользовался, стоял иероглиф 刺), что более соответствует переводному варианту имени Жу-и 如意, который присутствует далее в тексте легенды. Согласно словарю Сутхилла, имя Жу-и переводится как «according to desire» и соответственно восстанавливается как *Manoratha* [Soothill 1998: 211], что более убедительно, чем предлагаемое Билом *Manorhita*, хотя последний вариант более соответствует транскрипции Монухэлита. Оба варианта имени Сутхилл соотносит с учеником Васубандху, 22-м патриархом махаяны, автором «Вибхаша-шастры», однако Уоттерс возражал против этого сопоставления, основанного на свидетельствах тибетских текстов, связывавших деятельность Маноратхи с Южной Индией и иным временем [Watters 1904–1905: I, 212].

⁴³² *Страна Шравасты* (*Śrāvastī, Шилофасиди* 室邏伐悉底) — описывается в цз. V.

⁴³³ *Васумитра* (*Vasumitra, Фасумидало* 伐蘇蜜咄羅) — седьмой из патриархов буддизма; деятельность Васумитры Сюань-цзан относит ко времени Канишки, связывая с его именем проведение собора в Кашмире (см. цз. III, с. 210–212).

⁴³⁴ Указанную здесь ступу Фуше предположительно отождествлял с руинами *Bālā-Nisār* к северу от древнего Пушкалавати, которые он обследовал [Foucher 1902: 12–15]. Позднейшие раскопки Маршалла и Фогеля в 1903 г., обнаружили здесь лишь фундаменты древней крепости.

⁴³⁵ Здесь автор намекает на джатаку о царе Шиби, отдавшем свои глаза (паллийская джатака № 499, Джатакамала II, Фо го цзи X; см. также примеч. 64).

⁴³⁶ *Владыка дэвов* (Тянь-ди 天帝) — Шакра, Индра.

⁴³⁷ «Тихое угасание» (*цзи ме* 寂滅) — нирвана.

⁴³⁸ ...*ступа, где Шакья Татхагата обратил мать духов*... — Фуше [Foucher 1902] обозначал ее как *Nāriṭī-stupa* и находил в *Sare-Makhē-dhērī*, в 2 км от селения Каравар; по его сведениям, окрестные жители приносили сюда больных детей, которые получали исцеление от земли, взятой из руин.

⁴³⁹ *Бодхисаттва Шанмоцзя* 商莫迦 — имя может быть восстановлено как *Śamaka* (у Феера — *Śyamaḥka*). Бил находит соответствующую джатаку о юноше *Śama* среди изображений в Санчи [Beal 1884–1886: I, 161], Феер — аналогии в «Махавасту» (XXX) и «Лалитавистаре» (XIII) [Feer 1897: 154].

⁴⁴⁰ *Город Балуша 跋虜沙* — Каннингхэм первоначально отождествил его с Palodheri [Cunningham 1996: 44], однако Фуше (называя город Varṣapura) настаивал на другом варианте, предложенном также Каннигэмом — Shabbaz-Garhi, основываясь на своих исследованиях окрестностей этого города, в ходе которых он нашел места, соответствующие описаниям Сюань-цзана. Расположение этого населенного пункта на дороге из Пешавара в Унд также делает последнее предположение более вероятным.

⁴⁴¹ Передаваемый здесь и далее (примеч. 442) сюжет — подвиги царевича Суданы — соответствует известной джатаке о Вишвантаре (палийская джатака № 547, Джатакамала IX), проявившем необыкновенную щедрость: он отдает просителям главное сокровище своего царства — чудесного белого слона, за что подвергается изгнанию; затем отдает свое последнее имущество — коня, колесницу и в конце концов детей и жену. Ступу на «месте дарения слона» Фуше отождествляет с осмотренными им следами древних строений [Foucher 1902: 25–26]. Иное, чем в индийских джатаках, имя царевича, видимо, представляет собой вариант, имеющий характер эпитета (sudāna — «щедрость»).

⁴⁴² *Гора Дандолоцзя 彈多落迦* — название восстанавливается как Daṇḍaloka; Фуше, скрупулезно исследовавший эти места, связанные, по Сюань-цзану и Сун-юну, с джатакой о Вишвантаре, отождествляет Дандалоку с горой Mēkha-sanda (санскр. Mahiṣī-śandau). Осмотрев гору, он обнаружил пещеру с двумя камерами, которую сравнивает с той, что видел Сюань-цзан, а также ступу и даже камни с красным налетом, особенно ярко проявляющимся после дождя, — это напомнило ему «красную землю», что осталась после пролития крови детей [Foucher 1902: 26–30]. А.Г. Малявкин сопоставляет это название с Таньтэ — горами, упоминаемыми в «Бэй шу» [Малявкин 1989: 296].

⁴⁴³ ...отдал брахману своего сына с дочерью. — Перевод Жюльена и Биля «продал» [Julien 1857: I, 122–123; Beal 1884–1886: I, 162], исходящий из обычного значения употребленного здесь глагола *май 賣*, вызвал претензии Уоттерса к переводчикам [Watters 1904–1905: I, 218], а Фуше подумал, что ошибся Сюань-цзан [Foucher 1902: 25, примеч. 2]. Вишвантара-Судана не мог «продать» детей, его подвиг заключался именно в щедром даянии; однако слово *май 賣* вполне допускает и подходящий перевод — «щедро отдавать».

⁴⁴⁴ *Город Удакабханда* (Udakabhāṇḍa, Удоцзяханьча 烏鐸迦漢茶) — предложенная Жюльеном [Julien 1857: I, 125] идентификация Удоцзяханьча Сюань-цзана и Udabhāṇḍa «Раджатарангини» (транскрипция Сюань-цзана предполагает скорее вариант Udakabhāṇḍa) не подвергалась сомнениям со стороны позднейших исследователей (кроме Уоттерса [Watters 1904–1905: I, 223]) и действительно выглядит очевидной — по тому описанию географического положения города, которое дает паломник: направление пути, расположение на правом берегу Инда. Таким образом, Удакабханда Сюань-цзана — это Удабханда у Калхасы, Вайханд у Бируни (XVIII, 101; XXV, 130) и позднейший Унд, расположенный несколько выше впадения Кабула в Инд [Foucher 1902: 38]. Описание города у Сюань-цзана как процветающего от торговли, получающего «редкости всех стран света», соответствует такому отождествлению.

⁴⁴⁵ *Селение Полодуло 婆羅覬邏* — Жюльен, опираясь на традицию, считающую местом рождения Панини селение *Salātura*, предположил ошибку в написании транскрипции: *по* вместо *ша* (близкие по написанию иероглифы) [Julien 1857: I, 127]. Однако Т. Уоттерс предложил другое объяснение этого названия, найдя в «Жизнеописании Сюань-цзана» [Beal 1911] фразу «риши Панини из города Поломэньдуло в Гандхаре Северной Индии», где *поломэнь* — обычная транскрипция слова «брахман», и таким образом получается смысл «город брахмана», т.е. брахмана Панини [Watters 1904–1905: I, 223–224].

⁴⁴⁶ *Риши Панини* (Pāṇini, Бонини 波你尼) — автор грамматического трактата, который стал первым научным трудом по санскриту (V–IV в. до н.э.).

⁴⁴⁷ «Шэн мин лунь» 聲明論 — «Вьякарана» (Vyākaraṇa), «Грамматика».

⁴⁴⁸ *Шлока* (śloka, сун 頌) — строфа санскритского текста.

⁴⁴⁹ *Брахмачарин* (brahmācārin, фаньчжи 梵志) — ученик брахмана; в древней Индии жизнь брахмачарина — первая из четырех ашрам (āśrama), периодов жизни ария.

⁴⁵⁰ *Шастра* (śāstra, лунь 論) — трактат; в буддийской литературе шастры входили в раздел абхидхармы.

⁴⁵¹ См. примеч. 384.

⁴⁵² *Река Субхавасту* (Subhavastu, Супофасуду 蘇槃伐率堵) — совр. р. Сват, левый приток Кабула.

⁴⁵³ *Имеются пять школ*: 1) *дхармагупта* (фами-бу 法密部); 2) *махишасака* (хуади-бу 化地部); 3) *кашьяпия* (иньгуан-бу 飲光部); 4) *сарвастивада* (шоу-цзю-бу 說一切有部); 5) *махасангхика* (дачжун-бу 大眾部) — первые четыре школы принадлежали хинаянскому направлению буддизма; из них древнейшей, выделившейся уже после первого собора, считается махишасака, к которой восходят сарвастивада, дхармагупта и кашьяпия. На основе учения школы махасангхика развивались принципы махаяны. Ср. примеч. 211, 213.

⁴⁵⁴ *Город Мэнхэли* 瞿揭釐 — Каннингхэм отождествлял его с селением Manglora в верховьях Свата ([Cunningham 1906: 69; Foucher 1902]); название соответствует Manglaur, Mañgalapura на карте Фуше [Foucher 1902].

⁴⁵⁵ ...*Будда, приняв облик риши Кшанти* (ṛṣi Kṣānti, Жэньжу-сянь 忍辱僊), *был расчленен царем Цзели*. — Напоминаемая читателю история соответствует джатаке XXXVIII «Джатакамалы» («О Кшантивадине») и палийской джатаке № 313. Имя царя Цзели 羯利, расчленившего тело риши, восстанавливается как Kālī [Beal 1884–1886: I, 168].

⁴⁵⁶ *Вступил в пределы Великих Гор* (Дашань 大山). — Паломник находится вблизи Гималаев, к востоку от совр. хребта Хиндураджд.

⁴⁵⁷ *Дракон Апалала* (Apālāla, Абололо 阿波邏羅) — Уоттерс [Watters 1904–1905: I, 229] комментирует восстановление его имени на основании китайского перевода этого имени У-даогань — «Без-соломы» (соответствует санскр. apālāla). Неясно, почему Феер причислил рассказ об Апалале к джатакам [Feer 1897: 154]: Будда здесь не выступает в образе прежде рожденного бодхисаттвы, и данный сюжет не имеет соответствий среди индийских джатак. Эпизод с обращением Апалалы упоминается в «Буддхачарите» (XXI, 1711).

⁴⁵⁸ *Цзинчжи* 競祇 — Жюльен восстанавливал имя как Gaṅgi [Julien 1857: I, 134].

⁴⁵⁹ *Овладев истоком реки Байшуй (白水)*... — очевидно, что это та же река Байшуй («Белая река»), что и в конце данной легенды, поэтому перевод Била («white stream») неуместен; здесь присутствует просто название реки.

⁴⁶⁰ *Гора Сило 鹽羅* — судя по описанию, горная местность к югу от долины Свата в той ее части, где река течет в западном направлении.

⁴⁶¹ Эта джатака не имеет аналогов в индийских сборниках джатак, но присутствует в «Аваданашатаке» (III, 35; соответствие найдено Феером [Feer 1897: 154, 158]). Здесь восстанавливаются подробности, которых не дает Сюань-цзан: бодхисаттва, носивший имя Surūpa, выслушал первую половину гатхи из уст якиши, в облике которого выступал Индра, и отдал свое тело на съедение этому якше ради того, чтобы услышать вторую половину. Уоттерс указывает на параллели в текстах китайского канона [Watters 1904–1905: I, 232].

⁴⁶² *Монастырь Махавана (Mahāvāna — «большой лес»)* — в тексте два варианта передачи названия: Мохэфана 摩訶伐那, Далинь 大林.

⁴⁶³ *Царь Сафодада 薩縛達達* — имя восстанавливается как Sarvadā или Sarvadada [Beal 1884–1886: I, 170; Watters 1904–1905: I, 233]. Феер нашел аналог этой джатаки в повествовании «Кармашатаки» (X, 2) о царе Махендрасене [Feer 1897: 154].

⁴⁶⁴ *Монастырь Моюй 摩愉* — неясно, почему Жюльен и Бил дали транскрипцию Мосу [Julien 1857: I, 136; Beal 1884–1886: I, 124], что вызвало недоумение еще Уоттерса; он предложил вариант Mayūkha — «луч», «свечение», что согласуется с передаваемым здесь преданием [Watters 1904–1905: I, 233].

⁴⁶⁵ Параллель этой джатаки отмечена Феером и затем Уоттерсом [Сутра о мудрости и глупости 2002: 32–33; Feer 1897: 154, 158–159; Watters 1904–1905: I, 234]. В «Дзанлундо» бодхисаттва, сделавший из своей кости перо, а из крови — чернила, носит имя Утпала.

⁴⁶⁶ *Шибика (Śibika)* — в тексте: Шипицзя 尸毗迦; см. примеч. 59–60, а также с. 119–120.

⁴⁶⁷ *Долина Шаньнилошэ 珊尼羅闍* — отмечена на карте Фуше как долина правого притока Свата, однако по тексту — скорее левый. Указываемый в тексте маршрут выводит к долине с юго-востока: идя «на северо-запад... вошел в долину Шаньнилошэ»; кроме того, паломник не говорит здесь о переправе через реку (что постоянно присутствует в окружающем тексте) и при дальнейшем передвижении остается еще на восточном берегу.

⁴⁶⁸ *Монастырь Сабаошадхи 薩褒殺地* — С. Жюльен [Julien 1857: I, 137] на основании китайского комментария восстановил название как Sarpauśhadhi (Sarpauśadhi — «змея-лекарство»), что согласуется с преданием об Индремее, исцелившем людей.

⁴⁶⁹ Джатака об Индре перекликается с легендой «Аваданашатаки» (III, 31) о царе, превратившемся в рыбу, тело которой исцелило людей [Feer 1897: 159–160], а также с рассказами «Дзанлундо» [Сутра о мудрости и глупости 2002: 173–174].

⁴⁷⁰ *Ступа Сумо 蘇摩* — Жюльен предлагает название Sūma («вода»), считая, что в джатаке речь идет о «водяном змее» [Julien 1857: I, 138]. Проще, наверное, видеть в Сумо имя легендарного змея.

⁴⁷¹ Речь идет о предыдущей джатаке (примеч. 470).

⁴⁷² Передаваемой здесь Сюань-цзаном джатаке о бодхисаттве-царе павлинов не найдено аналогов.

⁴⁷³ *Большая река* (да хэ 大河) — судя по данным ориентирам, речь идет о р. Сват.

⁴⁷⁴ *Лусидацзя* 盧醯咄迦 — название восстанавливается как Rohitaka — «красный» [Beal 1884–1886: I, 172; Watters 1904–1905: I, 237–238].

⁴⁷⁵ *Цы-ли* 慈力 («Сила любви») — китайская версия имени Maitrībala. Упоминаемая здесь джатака о насыщении пяти якш телом царя соответствует восьмой джатаке Арья Шуры («О Майтрибале», Джатакамала VIII), не имеющей аналогов среди джатак палийского канона, а также джатаке из «Дзанлундо» [Сутра о мудрости и глупости 2002: 67–68].

⁴⁷⁶ *Ступа Эбудо* 遏部多 — предположительно Adbhuta — «чудесная» [Beal 1884–1886: I, 172], что соответствует преданию о ее чудесном возникновении.

⁴⁷⁷ *Бодхисаттва Гуаньцзыцзай* 觀自在 — китайское имя Авалокитешвары.

⁴⁷⁸ ...*подошли к горе Ланьболу* 藍勃盧. — Паломник находится в горах за верховьями Свата.

⁴⁷⁹ *Царь Вирудхака* (Virūdhaka) — Пилушицзя 毗盧釋迦 [Beal 1884–1886: I, 173; Watters 1904–1905: I, 315].

⁴⁸⁰ *Шакьи* (ишицзя 釋迦) — народ, к которому принадлежал Будда Шакьямуни.

⁴⁸¹ Начало истории изгнания четырех шакьев из Капилавасту подробно излагается Сюань-цзаном в цз. VI («Капилавасту»).

⁴⁸² *Шакья* — в тексте: иш-чжун 釋種 — «потомок рода шакьев».

⁴⁸³ *Город Кушинагара* (Kūśinagara, Цзюйши 拘尸) — место паринирваны Будды; здесь пагага («город») передано переводом.

⁴⁸⁴ ...*между деревьями соло*... — место паринирваны Будды; *соло* 娑羅, *соло-иш* 娑羅樹 — дерево шорея (*Shorea robusta*).

⁴⁸⁵ *Река Далило* 達麗羅 — исследователи сопоставляют ее название с названием «страны Толи» у Фа-сяня (подробнее см. с. 13).

⁴⁸⁶ См. примеч. 384.

⁴⁸⁷ *Милосердный бодхисаттва (цы-иш пуса* 慈氏菩薩) — имеется в виду Майтрейя.

⁴⁸⁸ *Архат Мадхьянтика* (Madhyāntika, Мотяньдицзя 末田底迦) — его имя связывали с распространением Учения школы сарвастивада в Кашмире.

⁴⁸⁹ *Страна Болуло* 鉢露羅 — Каннингхэм отождествлял Болуло с Bolor, с Βύλται Птолемея и с «modern Balti» [Cunningham 1996: 70–71]. Совр. селение Балтит на р. Хунза (приток Гилгита) находится высоко в горах Каракорума. Разные китайские транскрипции названия приведены у А.Г. Малявкина [Малявкин 1989: 227–228]. Сюань-цзан дает описание местности как расположенной «посреди Больших Снежных Гор», вытянутой с востока на запад, и автор «Географии» также размещает ее вдоль долины Инда между горами Деосаи и Каракорумом. Неизбежно возникает сомнение, действительно ли паломник совершил столь длительный поход (туда и обратно) через горную страну лишь для того, чтобы убедиться, что здесь «люди по характеру грубы и жестоки... с виду дики и неопрятны», а монахи «в учености не совершенствуются»; кроме того, этот путь уводил бы обратно в Кашгарию.

⁴⁹⁰ *Такиашила* — *Дачашило* 担叉始羅; см. также примеч. 65.

⁴⁹¹ *Дракон Элапатра* (Elāpatra, Илободало 醫羅鉢呬邏) — известен в индийском предании как хранитель сокровища (см. след. примеч.). Китайские версии легенды о бхикшу Элапатре, превратившемся в дракона, пересказывает Уоттерс [Watters 1904–1905: I, 242–243]: раздраженный бхикшу поломал священное дерево Elā (*Ило* 醫羅) и не внял увещаниям Будды Кашьяпы, за что в будущем рождении принял облик дракона.

⁴⁹² «*Четыре великих сокровища*» (сы да бао цзан 四大寶藏) — священные сокровища, каждое из которых охраняется своим стражем:

atha catvāro mahārājās caturmahānidhīsthāḥ |
Piṅgalaś ca Kalingeṣu Mithilāyārī ca Pāṇḍukaḥ |
Elāpatraś ca Gāndhāre Śaṅkha Vārāṇasīpure ||

Вот четыре махараджи, стерегущие четыре великих сокровища:
Пингала в Калинге, Пандука в Митхиле,
Элапатра в Гандхаре и Шанкха в Варанаси (Дивьявадана III).

⁴⁹³ Джатака об отсечении головы известна из текста «Дивьяваданы» (XXXII); соответствующий сюжет есть и в «Джанлундо» [Сутра о мудрости и глупости 2002: 143–151; Feer 1897: 154.], упоминается он и у Фа-сяня (XI).

⁴⁹⁴ *Саутрантика* (sautrāntika, *цзин-бу* 經部) — школа раннего буддизма, признававшая главным образом авторитет «Сутрапитаки» и не признававшая «Абхидхармапитаку».

⁴⁹⁵ Наиболее известная версия легенды о Кунале (Kunāla, Цзюйланьна 拘浪拏) излагается в «Дивьявадане» (XVII).

⁴⁹⁶ *Чандала* (caṇḍāla, *чжаньтуло* 旃荼羅) — «неприкасаемый». В данном случае лишь чандала, уделом которого была нечистая работа, мог выполнить такое поручение, как ослепление царевича.

⁴⁹⁷ *Bīna* (vīṇā, *кунхоу* 箏篥) — индийский струнный музыкальный инструмент.

⁴⁹⁸ *Двенадцать нидан* (nidāna, *ши-эр инь юань* 十二因緣) — двенадцать звеньев причинно-зависимого происхождения (dvādaśāṅga pratītyasamutpāda): неведение (avidyā), склонности, подсознательные движения (saṃskāra), сознание (vijñāna), имя и форма (nāmarūpa), шесть чувств (ṣaḍāyatana), прикосновение (sparśa), ощущения (vedanā), желания, страсти (trṣṇā), привязанность (upādāna), существование (bhava), рождение (jāti), смерть (jarāmaraṇa).

⁴⁹⁹ ...пустыню, что находится к северо-востоку от Снежных Гор. — Не ясно, о какой пустыне идет речь, поскольку название Снежные Горы (Сюэ-шань 雪山) Сюань-цзан применяет к разным горным массивам.

⁵⁰⁰ *Страна Сэнхэбуло* 僧訶補羅 — название восстанавливается как Симхапура (Siṃhapura) [Beal 1884–1886: I, 184]; подробнее о ее расположении см. с. 20–22.

⁵⁰¹ ...первоучитель «белых одежд», иноверцев (白衣外道本師)... — имеется в виду первоучитель джайнов Махавира.

⁵⁰² *Некогда Махасаттва* (Mahāsattva, Мохэсадо 摩訶薩埵), в облике царского сына, на этом месте отдал свое тело на съедение тигру. — Наиболее

известная версия джатаки о тигрице содержится в «Джатакамале» (I), где бодхисаттва, однако, принимает облик не царевича, а благочестивого брахмана: увидев во время прогулки с учеником тигрицу, от голода готовую пожрать своих детей, он отдает ей на съедение свое тело. Более близкая к упомянутой Сюань-цзаном версия присутствует в «Дзанлундо»: бодхисаттва в облике царевича ранит себя острой веткой и кормит тигрицу кровью, а затем она съедает его тело; здесь у царевича такое же имя, как в тексте Сюань-цзана, — Mahāsattva [Сутра о мудрости и глупости 2002: 38–40].

⁵⁰³ *Страна Улаши* 烏剌尸 — Ураса, упоминаемая Панини (IV, 154); о ее местонахождении см. с. 21–22.

⁵⁰⁴ *Кашимир* — Цзяшимило 迦溼彌羅. В китайских текстах чаще встречается Цзибинь 罽賓 [Малявкин 1989: 229].

⁵⁰⁵ *Срединная страна* (Чжунго 中國) — в данном случае Чжунго является переводом санскр. Madhyadeśa, обозначающего земли в среднем течении Ганга.

⁵⁰⁶ «*Восемь путей к освобождению*» (aṣṭa-vimokṣa, ба цзето 八解脱) — восемь стадий сосредоточения, необходимых для достижения бодхи («пробуждения»).

⁵⁰⁷ *Критыи* (санскр. kṛtya) — в тексте: цилидо 訖利多; вид демонических существ.

⁵⁰⁸ *Магадха* (Magadha, Моцзето 摩揭陀) — подробному описанию страны посвящены цз. VIII–IX.

⁵⁰⁹ ...уверовал в «*три сокровища*»... — т.е. принял буддизм.

⁵¹⁰ *Монахи-архаты* — лохань-сэн 羅漢僧; *монахи-еретики* — фаньфу-сэн 凡夫僧.

⁵¹¹ ...те, кто обрел «*священный плод*» (шэнго 聖果)... — т.е. те, кто достиг бодхи («просветления»); ...те, кто связаны (*цзефу* 結縛)... — связаны путями страстей, находясь во власти земных привязанностей.

⁵¹² ...те, кто «не в обучении»... — у-сюэ жэнь 無學人; у-сюэ 無學 (aśaikṣa) — вышедшие из стадии обучения (четвертая стадия после трех стадий учения), достигшие архатства; ...те, кто еще «в обучении»... — ю-сюэ жэнь 有學人; ю-сюэ 有學 (śaikṣa) — уровень, включающий три первые стадии достижения архатства.

⁵¹³ «*Три сокровищницы*» — «Трипитака», тексты буддийского канона, состоявшие из трех разделов (см. примеч. 96).

⁵¹⁴ *Царь хотел отправиться в родную страну*... — скорее всего, Сюань-цзан имеет в виду Гандхару и древнюю Пурушапуру, с которой он связывает деятельность Канишки как царя-чакравартина, правителя большой империи.

⁵¹⁵ ...вблизи Раджагрихи, в каменных кельях, где Махакашьяпа проводил собор. — Имеется в виду первый буддийский собор, состоявшийся, согласно традиции, после паринирваны Будды в Раджагрихе.

⁵¹⁶ *Почтенный Васумитра* — в тексте: Ши-ю 世友. Легенда о его испытании — аналог легенды об испытании Ананды на первом соборе.

⁵¹⁷ *Четыре [вида] живых существ* (catur-yoni, сы шэн 四生) — jarāyuja (рождающиеся живьем), aṇḍaja (появляющиеся из яиц), saṃsvedaja (рождающиеся в воде), auparāduka (рождающиеся путем превращения).

⁵¹⁸ «Абхидхармавибхаша-шастра» (Abhidharmavibhāṣā-śāstra) — «Апидамо пипоша лунь» 阿毗達磨毗婆沙論. «Абхидхармавибхаша-шастра» была переведена Сюань-цзаном.

⁵¹⁹ Выходя из страны через западные ворота, он преклонил колена, обратившись на восток и на запад, и вновь передал в дар монахам эту страну. — Царь Канишка совершает обряд дарения общине, воспроизводя действия, выполняемые при почитании ступы: вход через восточные ворота и выход через западные. В следующем предании царь страны Сымодало «передает страну обожим монахов» по такому же обряду (с. 213).

⁵²⁰ Царь [страны] Сымодало... — в тексте: 親貨邏國呬摩咄羅王, где можно понять Сымодало 呬摩咄羅 как имя царя, правителя страны Духоло. Однако в цз. XII Сымодало встречается в качестве названия страны, что дает основания трактовать это словосочетание именно как «царь страны Сымодало» [Beal 1884–1886: I, 195; Watters 1904–1905: I, 279]. См. также примеч. 617.

⁵²¹ Царь [страны] Сюэшанься 雪山下王 — здесь название Сюэшанься 雪山下 — то же, что Сымодало 呬摩咄羅 (примеч. 520); в данном случае название выражено переводом.

⁵²² «Дхарма драконов» (лун-фа 龍法) — любопытное выражение, параллельное 佛法 佛-фа — «дхарма (Закон, Учение) Будды».

⁵²³ Сангхабхадра (Saṅghabhadra, Сэнцзябатоло 僧伽跋陀羅) — подробнее о нем как о противнике Васубандху Сюань-цзан рассказывает в цз. IV (с. 228–231, см. также примеч. 568), где имя Сангхабхадры дается в виде перевода («Благой в сангхе» — Чжун-сянь 衆賢).

⁵²⁴ Автор шастр Соэзяндило 索建地羅 — имя восстанавливается как Скандхила (Skandhila) [Watters 1904–1905: I, 280].

⁵²⁵ ...стал носить «крашеную одежду». — Т.е. стал монахом.

⁵²⁶ Автор шастр Фодило 佛地羅 — Жюльен восстанавливал имя как Bodhila [Julien 1857: I, 186], однако ближе переводу имени (Цзюэ-цзюй 覺取) толкование Била — Buddhātara [Beal 1884–1886: I, 162]; возможно, еще ближе было бы Bodhitara (исходя из цзюэ 覺, bodhi).

⁵²⁷ «Цзи чжэнь лунь» 集眞論 — по Жюльену [Julien 1857: I, 186], «Tattvasamśaya-śāstra», другие авторы не дают восстановления названия.

⁵²⁸ Страна Баньнуцо 半斂磋 — судя по расстоянию и направлению движения, это совр. Пунч (по Каннингхэму — Punats [Cunningham 1996: 107–108]) в Кашмире.

⁵²⁹ Фрукты амалака, удумбара, моча — см. примеч. 405.

⁵³⁰ Страна Хэлошэбуло 曷邏闐補羅 — название восстанавливали как Rājapura и отождествляли с совр. Раджаури в Кашмире [Cunningham 1996: 108–109; Watters 1904–1905: I, 284]. Первая часть этого топонима (хэлошэ 曷邏闐), действительно, употребляется как транскрипция составляющей «раджа», например в названии Раджагриха.

⁵³¹ Чжэцзя 磽迦 — название гипотетически было восстановлено как Takka. Каннингхэм сравнивал его с Takkadeśa в «Раджатарангини» [Cunningham 1996: 126; Monier-Williams 1997: 429] и искал этот древний город к северо-востоку от Санглы [Cunningham 1996: 162]. Сюань-цзан располагает страну на большом пространстве от Инда до р. Биас — во всяком случае, она должна была занимать Северный Пенджаб.

⁵³² *Река Пибошэ* 毗播奢 — Биас, как можно понять из краткого замечания Каннингхэма [Cunningham 1996: 125], а также в соответствии с транскрипцией и указанными Сюань-цзаном ориентирами.

⁵³³ *Руда латуни* (тоу-ши 銅石) — желтая медь.

⁵³⁴ *Одежду... называют каушея* (цзяошэсе 僑奢邪)... — см. примеч. 375.

⁵³⁵ *Город Шэцзело* 奢羯羅 — древняя Сакала (Sākala «Махабхараты» [Cunningham 1996: 125]).

⁵³⁶ ...*царь по имени Махиракула* (Mahirakula, Мосилоцзюло 摩邏邏矩羅)... — царь гуннов-эфталитов, совершавших разрушительные нападения на гуптское государство. Судя по тому, что, согласно Сюань-цзану, он воевал с Баладитьей (см. примеч. 538), он жил в начале V в. Имя Махиракула может иметь вариант Mihirakula (и mahira, и mihira — «солнце» [Monier-Williams 1997: 803, 818]), однако китайская транскрипция (мо- 摩) предполагает все-таки та- в начале имени.

⁵³⁷ ...*в Пяти Индиях...* — см. примеч. 370.

⁵³⁸ *Царь Магадхи Баладитья* (Bālāditya, Полоадедо-ван 婆羅阿迭多王) — один из последних представителей династии Гупт, время правления которого относят к началу V в.

⁵³⁹ *«Львиный трон»* — т.е. царский трон (поскольку «лев» — символ царской власти). Сюань-цзан говорит об этом в цз. II (см. с. 174).

⁵⁴⁰ *Страна Чжинапуди* 至那僕底 — установление ее расположения вызывает затруднения. Каннингхэм, восстанавливая название как Cīnapati, безоговорочно соотносил этот топоним с Патти (город к востоку от Джаландхара [Cunningham 1996: 169]). Однако именно эта часть транскрипции (пуди) совершенно не соответствует такому сопоставлению, что было справедливо отмечено Уоттерсом, который склонен был видеть здесь bhukti [Watters 1904–1905: I, 292–293]. Кроме того, хотя г. Патти расположен в указанном Сюань-цзаном направлении от Джаландхара, тем не менее его местонахождение не вписывается в предшествующую часть маршрута. Обращает на себя внимание, что при движении от Раджаури до Джаландхара, которое совершал паломник, он должен был пересечь р. Чинаб, название которой напрашивается на сравнение с Чжинапуди. Таким образом, неясно, насколько название Чжинапуди связано с пребыванием здесь китайских заложников.

⁵⁴¹ *Вассальные племена... в знак покорности прислали ему заложников.* — Та же история рассказывается в цз. I (примеч. 356).

⁵⁴² *Поскольку в этой стране заложники проводили зиму, стали говорить: «чинабхукти».* — В тексте: чжинапуди 至那僕底 — транскрипция cīnabhukti («жалованное владение ханьцев»).

⁵⁴³ *«Чинани»* (cīnāni) — чжинани 至那你; «чинараджапутра» (cīnarāja-putra) — чжиналошэфудало 至那羅闍弗咄羅.

⁵⁴⁴ *Монастырь Тамасавана* (Tamasāvana, Дамосуфана 荅秣蘇伐那) — название восстанавливается благодаря употребляемому далее переводу «Темный лес» [Beal 1884–1886: I, 208; Watters 1904–1905: I, 294–295]. Такое название имеется и в «Дивьяване» в «истории Куналы» (Divyāvadāna 1886: 399).

⁵⁴⁵ *Катьяна* (Kātyāyana, Цзяюяньна 迦多衍那, I в. до н.э.) — другой вариант его имени — Kātyāyanīputra; его сочинение «Abhidharmajñānaprasthā-

na-sāstra) («Фа чжи лунь» 發智論) впоследствии было переведено Сюань-цзаном.

⁵⁴⁶ *Шэланьдало* 閻爛達羅 — соответствует названию г. Джаландхара (совр. Джаландхар) в Пенджабе [Cunningham 1996: 115–118].

⁵⁴⁷ ... «обмазывающиеся золой». — См. примеч. 352.

⁵⁴⁸ *Цзюйлудо* 屈露多 — соответствует названию древнего народа kulūta [Monier-Williams 1997: 296]; Каннингхэм считал, что страна располагалась в долине р. Биас, хотя по расстоянию, указанному Сюань-цзаном, она должна находиться дальше от Джаландхара, в горах.

⁵⁴⁹ ...вблизи *Снежных Гор* [Сюэшань 雪山]... — Сюань-цзан находится в предгорьях Гималаев.

⁵⁵⁰ *Страна Лохуло* 洛護羅 — Сюань-цзан дает очень большое расстояние до этой страны, расположенной, видимо, далеко в горах, за Гималаями.

⁵⁵¹ *Страна Молосо* 秣羅娑 — о расположении этой далекой страны можно сказать лишь то же, что и о предыдущей «стране Лохуло»; направление также указывается на север, за горные хребты.

⁵⁵² *Страна Шэдотулу* 設多圖盧 — восстанавливая название как Satadru, Каннингхэм в соответствии с указанными паломником размерами страны располагал ее по южную сторону р. Сатледж, к югу от г. Лудхияна [Cunningham 1996: 122–124], что примерно соответствует южной половине провинции Пенджаб.

⁵⁵³ *Страна Болиедало* 波理夜咄羅 — название восстанавливается как Парьятра, или город Virāṭa «Махабхараты» [Monier-Williams 1997: 982]; А. Каннингхэм помещал город к северу от Джайпура [Cunningham 1996: 284–290].

⁵⁵⁴ *Страна Матхура* — Мотуло 秣菟羅; см. также примеч. 90.

⁵⁵⁵ См. примеч. 405.

⁵⁵⁶ *Упагунта* (Uragupta, Убоцудо 鄔波毬多) — один из патриархов северного буддизма; по преданию, он разоблачал Мару в его злодеяниях [Сутра о мудрости и глупости 2002: 289–296].

⁵⁵⁷ *Страна Стханешвара* (Sthāneśvara, Сатанишифало 薩他泥溼伐羅) — совр. Тханесар [Cunningham 1996: 276–278; Watters 1904–1905: I, 315].

⁵⁵⁸ «Три пути мрака» — в тексте: *сань минту* 三冥途. Мир мрака — буддийская страна мертвых.

⁵⁵⁹ *Монастырь Цзюйхуньту* (или *Цзюйхуньча*) 俱昏荼 — предлагались варианты Gokaṇṭha и Govinda [Beal 1884–1886: I, 217; Watters 1904–1905: I, 316].

⁵⁶⁰ *Страна Сулуциньна* 率祿勤那 — судя по описанию паломника, располагалась между Тханесаром и верховьями Ганга. Каннингхэм восстанавливал название как Srughna [Cunningham 1996: 90–291], Воттерс предлагал варианты Srukkin, Srughin [Watters 1904–1905: I, 317].

⁵⁶¹ *Страна Симхала* (Simhala, Чжишицзы 執師子) — описывается в цз. XI, см. примеч. 217.

⁵⁶² *Дхармы* (dharma, фа 法) — в буддийской философии элементы сознания (психики), несущие в себе определенные качества. Учение о «сущности дхарм» (фасин 法性) — одна из ключевых доктринальных проблем буддизма (см. примеч. 590).

⁵⁶³ *Страна Модибуло* 秣底補羅 — Каннингхэм, вслед за Сэн-Мартеном, отождествлял это место с г. Мадавар вблизи Биджнаура [Cunningham 1996:

293]. Однако описываемая Сюань-цзаном страна находилась восточнее, а не южнее Хардвара, что заставило Уоттерса сомневаться в таком отождествлении [Watters 1904–1905: I, 322].

⁵⁶⁴ *Гунапрабха* (Guṇaprabha) — Цюйнаболабо 瞿拏鉢剌波, далее имя дается в переводе — Дэ-гуан 德光. Один из учеников Васубандху; название созданной им шастры («Бьянь чжэн лунь» 辯眞論) восстанавливалось по-разному: «Tattvavibhaṅga-śāstra», «Tattvasatya-śāstra» и «Tattvasaṇḍeśa-śāstra» [Watters 1904–1905: I, 324].

⁵⁶⁵ «*Вибхаша-шастра*» (Vibhāṣā-śāstra, «Пипоша лунь» 毗波沙論) — философское сочинение Катьянипутры, переведенное на китайский язык в 383 г.

⁵⁶⁶ *Дэвасена* (Devasena) — Типосина 提婆犀那; далее в тексте имя дается в переводе — Тянь-цзюнь 天軍.

⁵⁶⁷ *Самадхи «растущее проникновение»* (фатун дин 發通定) — медитация, ведущая к «открытости сознания».

⁵⁶⁸ *Сангхабхадра* (Saṅghabhadra) — Чжун-сянь 衆賢; ср. примеч. 523.

⁵⁶⁹ «*Цзюйшэ бао лунь*» 俱舍雹論 — не вполне ясное название шастры; понятно, что *цзюйшэ* 俱舍 соответствует kośa, а из содержания рассказываемой истории можно видеть, что под kośa подразумевается «Абхидхармакоша-шастра», которой данное сочинение противопоставлено. Последний элемент названия — *бао* 雹 — означает «град», так что это название, по предположению Т. Уоттерса, может иметь смысл «разгром Абхидхармакоши» [Watters 1904–1905: I, 326].

⁵⁷⁰ ...все равно что *взять палец в руку* (жэо чжи чжу чжан 若指諸掌) — т.е. это сделать очень легко.

⁵⁷¹ См. примеч. 405.

⁵⁷² *Вималамитра* (Vimalamitra) — Пимоломидоло 毗末羅蜜多羅; далее в тексте имя дается в переводе — У-гоу-ю 無垢友.

⁵⁷³ *Город Муюйло* 摩裕羅 — описывается как находящийся у «Ворот Ганга», т.е. у Хардвара. Каннингхэм отождествляет его с развалинами г. Маяпура [Cunningham 1996: 295–296].

⁵⁷⁴ *Пуньяшала* (puṇyaśālā, бэньжаншэло 奔攘舍羅) — «дом заслуг», приют для странников; содержание такого приюта дает заслуги его покровителю.

⁵⁷⁵ *Страна Полосимобуло* 婆羅吸摩補羅 — название с определенностью восстанавливается как Brahmapura [Cunningham 1996: 299], однако вопрос о ее расположении нельзя назвать решенным. Каннингхэм располагал ее к северо-востоку от Хардвара, по левую сторону р. Алакнанды [там же: 299–300], считая северное направление от «Ворот Ганга» ошибочным, так как путешественнику пришлось бы снова перейти Ганг. Однако при указании направления автор говорит «отсюда», и, по замечанию Т. Уоттерса [Watters 1904–1905: I, 329–330], неясно: от последнего упоминаемого места или в целом из страны Модибуло; в последнем случае северное направление, указывающее на горный район к северу от верховьев Ганга, вполне возможно.

⁵⁷⁶ *Страна Суфаланацуйдало* 蘇伐剌拏瞿咄邏 — название восстанавливается как Suvarṇagotra (suvarṇa — «золото»). Для этой страны даются слишком далекие ориентиры (к северу от Брахмапуры, на востоке — Тибет, на севере — Хотан, на западе — некая страна Саньбохэ). Помещенная в таком неопределенном пространстве посреди Гималайских гор, эта страна, где добывали

золото и где правили женщины, трудно поддается локализации, и Уоттерс с уверенностью считал ее мифической [Watters 1904–1905: I, 330]. Однако ее описание имеется и в «Синь Тан шу», где эта страна обретает более реальные черты [Малявкин 1989: 88–89]. Утверждается, что страна расположена в горах, в долине р. Канъянь, отождествить которую также трудно. Судя по перечисленным посольствам от китайских властей, поддерживавших связи с этим государством, оно, конечно, реально существовало [Малявкин 1989: 284].

⁵⁷⁷ *Восточная Страна Женщин* (Дунной 東女) — в «Синь Тан шу» также указывается этот вариант названия страны Суфаланацойдало [Малявкин 1989: 284].

⁵⁷⁸ *Страна Туфань* 土番 — земля, где живут тибетцы (*фань* 番), Тибет.

⁵⁷⁹ *Страна Юйтянь* 于闐 — Хотан, обычная передача названия в «династийных историях»; в цз. XII Сюань-цзан употребляет название Цюйсаданьна 瞿薩旦那.

⁵⁸⁰ *Страна Саньбохэ* 三波訶 — упоминается в «Синь Тан шу» тоже как сосед Суварнаготры, однако иных сведений о ней не найдено [Малявкин 1989: 284].

⁵⁸¹ *Страна Цюйтишуанна* 瞿毗霜那 — Каннингхэм вслед за Жюльеном восстанавливал название как Govisana и помещал ее столицу у г. Кашипур в верхнем течении Рамганги [Cunningham 1996: 300].

⁵⁸² *Страна Эсичидало* 聖醯掣旦羅 — Каннингхэм восстанавливал это название как Ahicchattra (древняя столица Панчалы) и располагал ее в окрестностях г. Аонла на левой стороне Ганга [Cunningham 1996: 303, 305].

⁵⁸³ *Самматия* (saṃmatīya, *чжэньлян* 正量) — одна из раннебуддийских школ «малой колесницы», отличавшаяся особым учением о личности.

⁵⁸⁴ *Дэва Ишвара* (Īśvara, Цзыцзай 自在) — здесь Шива.

⁵⁸⁵ *Страна Пилошаньна* 毗羅刪拏 — чтобы попасть сюда из Эсичидало (Ахичхатры), Сюань-цзан переправился через Ганг и шел на юго-запад. Следовательно, он находится на правом берегу Ганга; Каннингхэм считал, что это место расположено в районе г. Сорон [Cunningham 1996: 306–311].

⁵⁸⁶ «*Юнь цзе чу цзин*» 蘊界處經 — Бил предположительно восстанавливал название сутры как «Скандхадхатуупастхана-сутра» (Beal 1884–1886: I, 229); действительно, первые два элемента обычно соответствуют skandha (*юнь* 蘊) и dhātu (*цзе* 界), однако третьим словом чу 處 буддисты переводили слово āyatana, и, таким образом, это «Skandhadhātuāyatana-sūtra».

⁵⁸⁷ *Страна Цзебита* 劫比他 — соответствует «стране Сэнцзяши» 僧伽施國 Фа-сяня, который, так же как и Сюань-цзан, посещает ее ради паломничества к месту «нисхождения Будды с небес». Таким образом, Цзебита (восстанавливаемое Уоттерсом как Kapitha [Watters 1904–1905: I, 335]) — это Санкашья (Sāṅkāśya) древней Индии и Санкиса Каннингхэма [Cunningham 1996: 311–312], располагавшаяся к северо-востоку от Каннауджа (см. также примеч. 105).

⁵⁸⁸ *Зал Саддхарма* (saddharma, *шаньфа тан* 善法堂 — «зал благого Учения») — согласно представлениям буддизма, располагался в юго-западной части «небес тридцати трех».

⁵⁸⁹ *Утпалаварни* (Utpalavarṇī) — Ляньхуа-сэ 蓮華色. История монахини Утпалаварни рассказывается в тибетском «Дзанлундо» [Сутра о мудрости и глупости 2002: 167–172].

⁵⁹⁰ ...все постигаемое — пустота дхарм (фа кун 法空), и все имеющее форму — тело дхармы (фа-шэнь 法身). — Одно из основных утверждений махаянских школ мадхьямаки и йогачары (см. примеч. 562).

⁵⁹¹ «Семь драгоценностей» (saptaratna, ци-бао 七寶) — в данном случае семь символов-атрибутов чакравартина: золотое колесо, драгоценный камень, благородная женщина, прекрасная лошадь, прекрасный слон, прекрасный вельможа, прекрасный полководец.

⁵⁹² Страна Каньякубджа (Kānyakubja, Цзежоцзюйшэ 羯若鞠閼) — совр. Каннаудж на Ганге (см. примеч. 113). Подробное описание этой области Сюань-цзан дает в цз. V.

⁵⁹³ Страна Цзепаньто 劫盤陀 — здесь (в подзаголовке) транскрипция отличается от транскрипции в тексте (см. примеч. 629).

⁵⁹⁴ Страна Цаоцзюйто 漕矩吒 — у Каннингхэма отождествляется с Арахозией античных авторов [Cunningham 1996: 33–36]. В китайских хрониках упоминается также под названием Цао 漕 [Малявкин 1989: 239–240]. На территории совр. Афганистана древней стране Цаоцзюйто примерно соответствует провинция Газни.

⁵⁹⁵ Хэсина 鶴悉那 — город отождествлялся исследователями с Газни или древним городом Забал в окрестностях Газни [Watters 1904–1905: II, 265]. Хэсина упоминается и в «Синь Тан шу» как столица государства Цао [Малявкин 1989: 239].

⁵⁹⁶ Хэсало 鶴薩羅 — Каннингхэм отождествляет с Гузаристаном [Cunningham 1996: 33–34].

⁵⁹⁷ См. примеч. 384.

⁵⁹⁸ Трава хингу (hiṅgu) — синцуй 興瞿, ферула вонючая (*Ferula assafoetida*).

⁵⁹⁹ Ломоиньду 羅摩印度 — по Каннингхэму, р. Хельманд [Cunningham 1996: 35].

⁶⁰⁰ Дэва Чуна 嚩那天神 — см. легенду в цз. I («страна Капиша», с. 167–168).

⁶⁰¹ Страна Фулишисатанна 弗栗恃薩儼那 — вторая часть названия страны (-сатанна) всеми авторами восстанавливается как -sthāna. У Каннингхэма это Kophene — Кабул [Cunningham 1996: 28–29]. Фулишисатанна 弗栗恃薩儼那 упоминается и в «Синь Тан шу» [Малявкин 1989: 85, 276]. Судя по движению паломника, он находится севернее Кабула; именно здесь, двигаясь на север, он пересекает маршрут своего пути в Индию, описанный в цз. I, и проходит между Бамианом и Капишей.

⁶⁰² Город Хубина 護苾那 — упоминается также в «Синь Тан шу» [Малявкин 1989: 85, 276]; согласно наиболее общепринятой точке зрения, это Кабул [Watters 1904–1905: II, 267].

⁶⁰³ Хребет Полосина 婆羅犀那 — название Полосина не имеет достоверной интерпретации (у Жюльена — Bālasena, Varasena [Julien 1857: II, 190]). Двигаясь на север от Кабула, Сюань-цзан приближается к Гиндукушу. Поскольку его дальнейший путь лежит на Андараб, то он мог перейти горы либо через перевал Саланг, либо через перевал Хавак (Уоттерс переводит его именно через Хавак, хотя это неочевидно [Watters 1904–1905: II, 268]).

⁶⁰⁴ Страна Аньдалофо 安坦羅縛 — Андараб (совр. провинция Баглан), по единодушному мнению всех авторов. Под таким же названием упоминается в

«Синь Тан шу» и других китайских географических текстах [Малявкин 1989: 276]. Древнее название восстанавливается как *Antarava*, *Antarabhava* [Watters 1904–1905: II, 269].

⁶⁰⁵ *Страна Духоло 覩貨邏* — см. примеч. 290. Территория, подвластная древней Тукхаре, вырисовывается по описаниям других «стран» Сюань-цзана (в основном в цз. XII), который всегда указывает, какие области ей подчинены.

⁶⁰⁶ *Страна Косидо 闊悉多* — древний Хост (совр. Хост-ва-Фиринг); отождествление предложено еще Э. Шаванном [Chavannes 1903a: 275].

⁶⁰⁷ *Страна Хо 活* — двигаясь от Хоста на северо-запад, Сюань-цзан должен был попасть в Кундуз, с которым обычно и отождествляют столицу страны Хо [Yule 1873: 99; Watters 1904–1905: II, 271; Chavannes 1903a: 155, 275].

⁶⁰⁸ ...на севере доходит до Горячего моря и Тысячи родников... — *Горячее море* (Жэхай 熱海) — судя по соседству с «тысячей родников», видимо, Иссык-Куль (см. также примеч. 260); *Тысяча родников* (Цяньцюань 千泉) — описываются в цз. I (примеч. 265).

⁶⁰⁹ *Страна Уша* — см. примеч. 631.

⁶¹⁰ *Страна Мэнцзянь 瞢健* — попытки локализации этой «страны» были предприняты в работах Сэн-Мартена и Юла [Saint Martin 1857: 417; Yule 1873: 105–106]. Паломник находится в районе совр. г. Талукан.

⁶¹¹ *Страна Алини 阿利尼* — названию трудно найти соответствия. Здесь паломник идет от Талукана на север и приближается к Пянджу.

⁶¹² *Страна Хэлоху 曷邏胡* — располагалась между реками Кундуздарьей и Кокчей [Watters 1904–1905: II, 273].

⁶¹³ *Страна Цилизмо 訖栗瑟摩* — отождествляют с Кишимом [Yule 1873: 107; Watters 1904–1905: II, 274].

⁶¹⁴ *Страна Болихэ 鉢利曷* — ее помещают между городами Рустак и Файзабад [Watters 1904–1905: II, 274].

⁶¹⁵ *Страна Сымодало 呬摩咄羅* — располагалась в среднем течении р. Кокчи. Исходя из китайского комментария (*Сюэшань ся* 雪山下 — «подножие Снежных Гор»), Уоттерс восстанавливал название как *Himatala* [Watters 1904–1905: II, 275]. Этому месту не находят ясных отождествлений, однако, как нам кажется, по расположению и названию ему соответствует г. Имтала в Бадахшане (Афганистан).

⁶¹⁶ *Страна Бодочуанна 鉢鐸創那* — большинством авторов, начиная с Каннингхэма и Шаванна, отождествляется с Бадахшаном в районе нижнего течения Кокчи [Yule 1873: 109–110; Watters 1904–1905: II, 277–278; Мандельштам 1957: 64, 131].

⁶¹⁷ *Страна Иньбоцзянь 淫薄健* — находилась в верховьях Кокчи в районе р. Вардудж [Yule 1873: 110; Cunningham 1996: 248].

⁶¹⁸ *Страна Цюйланна 屈浪拏* — отождествлена Юлом с Кураном арабских авторов [Yule 1873: 110–111]. В «Синь Тан шу» приводится название Цзюй-лань [Малявкин 1989: 243]. Судя по передвижению паломника, располагалась в верховьях р. Кокчи.

⁶¹⁹ *Страна Дамоситэди 達摩悉鐵帝* — располагалась в районе Вахана [Saint Martin 1857: 425; Yule 1873: 111–112]. В «Синь Тан шу» Дамоситэди приравнивается к Хуми 胡蜜 и Бохэ 鉢和 [Малявкин 1989: 227].

⁶²⁰ *Город Хуньтодо* 昏馱多 — отождествляют с Цяньдуном 鉗敦 (западная часть Вахана), упоминаемым в «Бэй шу» [Малявкин 1989: 80, 266]. Еще Сэн-Мартен отождествлял его с г. Хандуд в долине Пянджа [Saint Martin 1857: 425].

⁶²¹ *Страна Шицини* 尸棄尼 — лежала в стороне от маршрута Сюань-цзана. Она упоминается и в цз. I, но теперь паломник находится гораздо ближе к ней (см. примеч. 303); отождествляется с Шугнаном, по предложению Юла [Yule 1873: 113]. В «Синь Тан шу» — это страна Шини, помещаемая в долине р. Гунт [Малявкин 1989: 277].

⁶²² *Страна Шанми* 商彌 — сведения о стране Шанми (Шэми 賒彌 в «Синь Тан шу») и обзор исследований достаточно подробно приведены у А.Г. Малявкина [Малявкин 1989: 243–244]. Обычно ее помещают в районе Читрала.

⁶²³ *Долина Бомило* 波謎羅 — название связывают с Боми 播蜜 в «Тан шу» и позднейшим «Памир» [Klaproth 1836: 43; Yule 1873: 115; Watters 1904–1905: II, 284; Мандельштам 1957: 120; Малявкин 1989: 277]. С этим согласуется и рассказ о «драконьем» озере (см. примеч. 625).

⁶²⁴ *Долина расположена между двумя грядками Снежных Гор...* — здесь имеются в виду горы Памир.

⁶²⁵ *В долине Бомило есть большое драконье озеро...* — в верховьях р. Памир действительно есть большое высокогорное (ок. 4000 м) озеро — оз. Зоркуль.

⁶²⁶ *Птицы-мандаринки* — юаньян 鴛鴦; *гуси* — хуньянь 鴻鴈 (дикий гусь), *цзяэ* 鴛鴦 (дикий гусь) и *сушуан* 鸕鶿 (дикий гусь с зеленым оперением).

⁶²⁷ *Река Сидо* 徙多 — не вполне ясно ее расположение. Этот отрезок пути Сюань-цзана, как признает А.Г. Малявкин [Малявкин 1989: 277], вопреки предположениям А.М. Мандельштама (который считал, что паломник перешел через Сарыкульский хребет [Мандельштам 1957: 120]), не вполне ясен и требует дальнейшего анализа.

⁶²⁸ *Страна Болуло* 鉢露羅 — см. цз. III, с. 203, а также примеч. 489.

⁶²⁹ *Страна Цепанто* 揭盤陀 (в подзаголовке Сюань-цзана дана другая транскрипция, см. примеч. 593) — отождествляется с территорией в районе Ташкурвана в Восточном Туркестане, в долине Сарыкола [Мандельштам 1957: 104]. Упоминается во многих китайских источниках под названиями Кэпаньто, Хэпаньто и др. [Малявкин 1989: 219–220].

⁶³⁰ *Чинадэваготра* (Cīnadēvagotra, Чжинатипоцойдало 至那提婆瞿咄羅) — «род ханей и дэвы». Далее в тексте приводится легенда, объясняющая это название (с. 244–245).

⁶³¹ *...прибыл в страну Уша* 烏戛. — Паломник находится несколько южнее Кашгара; Уша отождествляется с г. Янгисаром [Малявкин 1989: 277].

⁶³² *Страна Цюйша* 佉沙 — Кашгар (обычное отождествление по китайским хроникам).

⁶³³ *Страна Чжоуцзюйцзя* 訶句迦 — не найдено соответствия. Остается констатировать, что паломник находится на пути из Кашгара в Хотан.

⁶³⁴ *...виноград...* — в тексте: *ботао* 葡萄; видимо, это ошибка: стоит *бо* 葡 — «редька» вместо *пу* 葡 (похожие иероглифы); должно быть *путао* 葡萄 — «виноград».

⁶³⁵ Страна Цюйсаданьна 瞿薩旦那 (Kustana) — древний Хотан.

⁶³⁶ Когда у сына царя Ашоки во время его пребывания в стране Такиашиле вырвали глаза... — имеется в виду легенда о Кунале, см. цз. III, с. 204–206, а также примеч. 495.

⁶³⁷ В знаменах и барабанах у них было равенство... — т.е. силы их войск были равны.

⁶³⁸ От той земляной груди, которая вскормила дитя, и произошло название этой страны. — Сюань-цзан исходит из своего варианта названия страны — Цюйсаданьна 瞿薩旦那, транскрибирующего санскр. Kustana, где ku — «земля», «страна», stana — «женская грудь».

⁶³⁹ «Три мира» (triloka, сань цзе 三界) — мир желаний (kāmadhātu), мир форм (rūpadhātu), мир не-форм (arūpadhātu).

⁶⁴⁰ Гора Гошринга (Gośṛṅga) — в тексте: Цюйшилиньца 瞿室餒伽.

⁶⁴¹ Самадхи «угасание сознания» (месинь дин 滅心定) — состояние полного успокоения, наступающее при достижении нирваны.

⁶⁴² Монастырь Диргхабхавана (Dīrghabhavana) — Дицзяпофона 地迦婆縛那, по предложению Била [Beal 1884–1886: II, 492].

⁶⁴³ Город Боцзяи 勃伽夷 — отождествлений не найдено.

⁶⁴⁴ Рис цзо (酢米) — неясно, какой «сорт» имеется в виду; цзо 酢 — букв. «благодарение» (например, богам).

⁶⁴⁵ ...перейдя через Снежные Горы... — обычно название «(Большие) Снежные Горы» у Сюань-цзана соответствует Гиндукушу (примеч. 292) и Памиру. В данном случае не совсем ясно, какие горы имеются в виду, поскольку здесь описывается путь от Хотана до Кашмира, который мог проходить и через Каракорум, и через Памир и Гиндукуш.

⁶⁴⁶ Монастырь Соможо 娑摩若 — название предположительно восстанавливается как samajñā [Beal 1884–1886: II, 494; Watters 1904–1905: II, 297].

⁶⁴⁷ Монастырь Луши 鹿射 — название не отождествлено; возможно, оно связано с именем принцессы, о которой идет речь в легенде.

⁶⁴⁸ Восточная страна (Дунго 東國) — Китай (в эпоху Тан).

⁶⁴⁹ Город Пимо 媲摩 — название не отождествлено.

⁶⁵⁰ ...царя Утоянна 鄔陀衍那, правителя страны Цзяошанми 犍賞彌. — Царь Удаяна (Udayana), правитель Каушамби (о нем рассказывается в цз. V).

⁶⁵¹ Город Хэлаолоцзя 曷勞落迦 — Бил предлагает самые разные варианты названия (Ragha, Ourgha) [Beal 1884–1886: II, 498]. Трудно найти соответствия.

⁶⁵² Город Нижан 尼壤 — столица государства Цзинцзюе, упоминаемого в танских династийных историях и располагавшегося в оазисе Ния [Малявкин 1989: 183–184].

⁶⁵³ Большая [Пустыня] Текучих Песков 大流沙 — паломник находится в юго-восточной части пустыни Такла-Макан.

⁶⁵⁴ Духоло 覩貨邏 — см. примеч. 290. Страна Духоло осталась довольно далеко на западе; по-видимому, в данном случае речь идет о том, что эти земли были ее владениями.

⁶⁵⁵ ...прежнее государство Чжэмотона 折摩馱那, которое [ныне] является областью Немо 湼末. — Одно из названий государства Цзюймо 且末, рас-

полагавшегося в районе совр. г. Черчен [Малявкин 1989: 182–183]. В танских династийных историях не говорится об отождествлении с областью Немо.

⁶⁵⁶ ...прежнее государство Нафобо 納縛波, которое [ныне] является областью Лоулань 樓蘭. — Вариант названия области Шаньшань, переименованной в Лоулань (Шаньшань упоминается у Фа-сяня — см. примеч. 13; история вопроса изложена у А.Г. Малявкина [Малявкин 1989: 196]).

⁶⁵⁷ Здесь начинается заключительный текст, который отличается стилистически и, по-видимому, был добавлен другим автором. Т. Уоттерс считает весь этот пассаж интерполяцией (начиная со слов «[Итак, здесь] представлены...»), но, как нам представляется, эти строки совершенно соответствуют стилю Сюань-цзана по структуре фразы и содержанию.

Список сокращений

ВДИ	—	Вестник древней истории. М.
ЗВОРАО	—	Записки Восточного отделения (Имп.) Русского археологического общества. СПб.
НА	—	Народы Азии и Африки. М.
ASI	—	Archaeological Survey of India
BEFEO	—	Bulletin de l'École française d'Extrême-Orient. Hanoï (Paris–Saïgon)
JA	—	Journal asiatique. P.
JRAS	—	Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland. L.
PTS	—	Pali Texts Society
SBE	—	Sacred Books of the East
JASB	—	Journal and Proceedings of the Asiatic Society of Bengal. Calcutta

Библиография

- Арья Шура.* Гирлянда джатак, или Сказания о подвигах бодхисаттвы. Пер. с санскр. А.П. Баранникова и О.Ф. Волковой. М., 2000.
- Бартольд В.В.* Сочинения. Т. I. М., 1963.
- Бичурин Н.Я. (Иакинф).* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.—Л., 1950, т. 2.
- Бичурин Н.Я. (Иакинф).* Собрание сведений по исторической географии Восточной и Срединной Азии. Чебоксары, 1960.
- Боровкова Л.А.* Царства «западного края» во II—I веках до н.э. (Восточный Туркестан и Средняя Азия по сведениям из «Ши цзи» и «Хань шу»). М., 2001.
- Боровкова Л.А.* Кушанское царство по древним китайским источникам. М., 2005.
- Васильев В.П.* Буддизм, его догматы, история и литература. Т. 3. История буддизма в Индии. СПб., 1869.
- Лисевич И.С.* Литературная мысль Китая на рубеже древности и средних веков. М., 1979.
- Маявкин А.Г.* Историческая география Центральной Азии. Новосибирск, 1981.
- Маявкин А.Г.* Танские хроники о государствах Центральной Азии. Новосибирск, 1989.
- Мандельштам А.М.* Материалы к историко-географическому обзору Памира и припамирских областей. Сталинабад, 1957.
- Медведев Е.М.* Города Северной Индии в VI—VII вв. (по данным Сюань Цзана). — Страны и народы Востока. М., 1972, вып. XIV.
- Минаев И.П.* Буддизм. Материалы и исследования. Вып. 1. СПб., 1887.
- Пропп В.Я.* Морфология сказки: М., 1969.
- Самозванцева Н.В. (Александрова).* Формирование представлений об истории в буддийской традиции Индии. — Буддизм. История и культура. М., 1989.
- Сталь-Гольштейн А.* Сюань Цзан и результаты современных археологических исследований. — ЗВОРАО. 1910, т. XX.
- Сутра о мудрости и глупости (Дзанлундо).* Пер. с тибет., введ. и коммент. Ю.М. Парфионовича. М., 2002.
- Шефер Э.* Золотые персики Самарканда. Книга о чужеземных диковинах в империи Тан. М., 1981.
- Бань Гу.* Хань шу (История Хань). — Эршисы ши. Т. 2. Шанхай, 1958.
- Сюань-цзан.* Дай Тан си юй цзи. Пекин: Вэньсюэ гуцзи каньсин шэ бяньцзибу: 1955.
- Фань Е.* Хоу Хань шу (История Поздней Хань). — Эршисы ши. Т. 3. Шанхай, 1958.
- Auboyer J.* Le Trône et son symbolisme dans l'Inde ancienne. P., 1949.
- Bareau A.* La construction et le culte des stupa d'après les Vinayapitaka. — BEFEO. 1962.

- Bareau A.* Les sectes Bouddhiques du Petit Véhicule. Saigon, 1955.
- Bechert H.* The Beginnings of Buddhist Historiography: Mahavamsa and Political Thinking. — Religion and Legitimation of Power in Sri Lanka. Cambersburg, 1978.
- Benisti M.* Études sur le stupa dans l'Inde ancienne. — BEFEO. 1960.
- Bloss L.W.* The Buddha and the Naga. A Study in Buddhist Folk Religiosity. — History of Religions. 1973, vol. 13, No. 1.
- Burnouf E.* Introduction à l'histoire du Bouddhisme Indien. P., 1876.
- The Çatapatha-Brāhmaṇa in the Mādhyandina-çākha. Ed. by A. Weber. Lpz., 1924.
- Chavannes E.* Documents sur les Tou-kiue (Turks) Occidentaux. St. Pétersbourg, 1903.
- Chavannes E.* Voyage de Song Yun dans l'Udyana et le Gandhara. — BEFEO. 1903, t. III.
- Coomaraswamy A.K.* The Origin of the Buddha Image. New Delhi, 1972.
- Cunningham A.* The Ancient Geography of India. Delhi, 1996 (1st ed. Calcutta, 1871).
- Cunningham A.* Verification of the Itinerary of Hwan Thsang through Afghanistan and India. — JASB. 1848, t. XVII.
- Devahuti D.* Harsha: A Political Study. Delhi, 1983.
- The Digha Nikaya. Ed. by T.W. Rhys Davids and J.E. Carpenter. Vol. 1–3. L., 1900–1911.
- The Dīpavaṃsa: An Ancient Buddhist Historical Record. Ed. and transl. by H. Oldenberg. L., 1879.
- The Divyāvadāna. A Collection of Early Buddhist Legends. Transl. by E.B. Cowell and R.A. Neil. Cambridge, 1886.
- Dutt S.* Buddhist Monks and Monasteries of India. L., 1963.
- Eitel E.J.* Handbook for the Student of Chinese Buddhism. Honkong–Shanghai, 1870.
- Foë kouë ki, ou Relation des royaumes bouddhiques: voyage dans la Tartarie, dans l'Afghanistan et dans l'Inde, exécuté à la fin du IV-e siècle, par Chī Fă Hian. Traduit du chinois et commenté par M. Abel Rémusat. Ouvrage posthume, revu, complété et augmenté d'éclaircissements nouveaux par M.M. Klaproth et Landresse. P., 1836.
- Fa-hsien.* A Record of the Buddhistic Countries. Peking, 1957.
- Fa-hsien.* The Travels of Fa-hsien (399–414) or Record of the Buddhistic Kingdoms. Re-transl. by H.A. Giles. L., 1956.
- Feer M.R.* Les Jātakas dans les mémoires de Hiouen-Tsang. — Congrès international des orientalistes. Sect. I. P., 1897.
- Fleet J.F.* The Yojana and the Li. — JRAS. 1906.
- Fleet J.F.* The Tradition about the Corporeal Relics of Buddha. — JRAS. 1906–1907.
- Foucher A.* Note sur l'itinéraire de Hiuen-Tsang du Gandhara. — Congrès international des orientalistes. P., 1897.
- Foucher A.* Notes sur la géographie ancienne du Gandhara. Hanoi, 1902.
- Franz H.* Buddhistische Kunst Indiens. Lpz., 1965.

- Getty A.* The Gods of Northern Buddhism. Oxf., 1928.
- Gonda J.* Ancient Indian Kingship from the Religious Point of View. Leiden, 1966.
- Hazra K.L.* Buddhism in India as Described by the Chinese Pilgrims A.D. 399–689. New Delhi, 1983.
- Heesterman J.S.* The Ancient Indian Royal Consecration. Mouton, 1957.
- Hiouen-thsang.* Mémoires sur les contrées occidentales, traduit du sanskrit en chinois, en l'an 648 par Hiouen-thsang et du chinois en français par S. Julien. Vol. I–II. P., 1857.
- Hobogirin. 1978.
- Jayaswal K.P.* An Imperial History of India in a Sanskrit Text (700 B.C. — 770 A.D.). Lahore, 1934.
- Joshi L.* Studies in the Buddhistic Culture of India (during the 7th and 8th Centuries A.D.). Delhi, 1967.
- Klaproth J.* Aperçu du voyage de Hiouan Thsang, prêtre bouddhiste chinois dans l'Asie moyenne et l'Inde. — Nouvelles Annales des Voyages. 1836, t. 1.
- The Life of Hiuen-Tsiang. By the Shaman Hwui Li. With an Introduction containing an Account of the Works of I-Tsing by Samuel Beal. L., 1911.
- The Lalita Vistara, or Memoirs of the Early Life of Sakya Sinha. Ed. by Rajendra-lala Mitra. Calcutta, 1853–1877.
- La Lalita Vistara. Tr. par Ph. Ed. Foucaux. P., 1884–1892.
- Low B.Ch.* Historical Geography of Ancient India. Delhi, 1976.
- The Mahāvamsa. Ed. by W. Geiger. L., 1908 (PTS).
- The Mahāvamsa or the Great Chronicle of Ceylon. Transl. by W. Geiger. L., 1964.
- Mitra R.S.* The Decline of Buddhism in India. Calcutta, 1954.
- Monier-Williams M.A.* Sanskrit-English Dictionary. Delhi, 1997.
- Narain A.K.* The Date of Kanishka. — Papers on the Date of Kanishka. Leiden, 1968.
- Pargiter F.E.* Ancient Indian Historical Tradition. Oxf., 1922.
- Przyluski J.* La Légende de l'Empereur Açoka dans les textes indiens et chinois. P., 1923.
- Przyluski J.* Le Concile de Rajagṛha. Introduction à l'histoire des canons et des sectes bouddhiques. P., 1926.
- Ray R.A.* Buddhist Saints in India. A Study in Buddhist Values and Orientations. N.Y.–Oxf., 1994.
- A Record of Buddhistic Kingdoms. Being an Account by the Chinese Monk Fa-hien of his Travels in India and Ceylon (A.D. 399–414) in Search of the Buddhist Books of Discipline. Transl., annot. and with a Korean Recension of the Chinese Text by James Legge. N.Y., 1965 (1st ed. Oxf., 1886).
- Religion and Legitimation of Power in Sri Lanka. Cambersberg, 1978.
- Rhys Davids T.W.* Hiouen Thsang and the Four Vedas. — JRAS. 1890.
- Rhys Davids T.W.* Açoka and the Buddha-relics. — JRAS. 1901.
- Śatapatha-Brāhmaṇa. Transl. by J. Eggeling. Delhi, 1963 (SBE. Vol. 41).
- Senart M.E.* Essai sur la légende du Buddha, son caractère et origine. — JA. 1875, sér. 7, t. VI, n. 5.
- Sewell R.* Further Notes on Early Buddhist Symbolism. — JRAS. Vol. XX.
- Sharma B.* Cakra: the Symbol of Dharma. Bangalore, 1980.

- Sinha B.Ch.* Serpent Worship in Ancient India. New Delhi, 1979.
- Si-yu-ki.* Buddhist Records of the Western World. Transl. by S. Beal. Vol. I-II. L., 1884-1886.
- Smith V.A.* The Early History of India from 600 B.C. to the Muhammedan Conquest. Oxf., 1964.
- Snodgrass A.* The Symbolism of the Stupa. N.Y., 1985.
- Soothill W.E.* A Dictionary of Chinese Buddhist Terms. Delhi, 1998.
- Specht M.E.* Études sur l'Asie Centrale, d'après les historiens chinois. — JA. 1879, sér. 6, t. 12.
- Spooner D.B.* Excavations at Shāh-jī-kī-dhērī. — ASI. 1908-1909.
- Stein A.* Ancient Khotan: Detailed Report of Archaeological Explorations in Chinese Turkestan. Vol. I-II. Oxf., 1907.
- Stein A.* From Svat to the Gorges of the Indus. — Geographical Journal. 1942, t. 200.
- Viennot O.* Le Culte de l'arbre dans l'Inde ancienne. Textes et monuments brahmaniques et bouddhiques. P., 1954 (Annales du Musée Guimet. Bibliothèque d'études. T. LIX).
- Vogel J.* Indian Serpent-lore or the Nagas in Hindu Legend and Art. L., 1926.
- Vost W.* The Lineal Measures of Fa-hian and Yuan Chwang. — JRAS. 1903.
- Vost W.* Identifications in the Region of Kapilavastu. — JRAS. 1906.
- Warder A.K.* Indian Buddhism. Delhi, 1970.
- Watters T.* Fa-Hsien and His English Translators. — China Reviews. 1879-1880.
- Watters T.* On Yuan Chwang's Travels in India (629-645 A.D.). Vol. I-II. L., 1904-1905 (Oriental Translation Fund, New Series. Vol. XIV-XV).
- Weinstein St.* Imperial Patronage in the Formation of the T'ang Buddhism. — Perspectives on the T'ang. New Haven-London., 1973.
- Wright A.F.* T'ang T'ai-tsung and Buddhism. — Perspectives on the T'ang. New Haven-London, 1983.
- Yule H.* Notes on Hwen Thsans Account of the Principalities of Tokharistan. — JRAS. 1873, t. VI.
- Zürcher E.* The Buddhist Conquest of China. Leiden, 1959.
- Zürcher E.* The Yueh-chih and Kanishka in the Chinese Sources. — Papers on the Date of Kanishka. Leiden, 1968.

Список литературы, использованной в комментарии

- Бартольд 1963 — *Бартольд В.В.* Сочинения. Т. I. М., 1963.
- Бичурин 1960 — *Бичурин Н.Я. (Иакинф)*. Собрание сведений по исторической географии Восточной и Срединной Азии. Чебоксары, 1960.
- Боровкова 2001 — *Боровкова Л.А.* Царства «западного края» во II–I веках до н.э. (Восточный Туркестан и Средняя Азия по сведениям из «Ши цзи» и «Хань шу»). М., 2001.
- Боровкова 2005 — *Боровкова Л.А.* Кушанское царство по древним китайским источникам. М., 2005.
- Малавкин 1989 — *Малавкин А.Г.* Танские хроники о государствах Центральной Азии. Новосибирск, 1989.
- Мандельштам 1957 — *А.М. Мандельштам*. Материалы к историко-географическому обзору Памира и припамирских областей. Сталинабад, 1957.
- Сутра о мудрости и глупости 2002 — Сутра о мудрости и глупости (Джанлун-до). Пер. с тибет., введ. и коммент. Ю.М. Парфионовича. М., 2002.
- Beal 1884–1886 — Si-yu-ki. Buddhist Records of the Western World. Transl. by S. Beal. Vol. I–II. L., 1884–1886.
- Beal 1911 — The Life of Hiuen-Tsang. By the Shaman Hwui Li. With an Introduction containing an Account of the Works of I-Tsing by Samuel Beal. L., 1911.
- Chavannes 1903a — *Chavannes E.* Documents sur les Tou-kiue (Turks) Occidentaux. St. Pétersbourg, 1903.
- Chavannes 1903b — *Chavannes E.* Voyage de Song Yun dans l'Udyana et le Gandhara. — BEFEO. 1903, t. III.
- Cunningham 1996 — *Cunningham A.* The Ancient Geography of India. Delhi, 1996.
- Divyāvadāna 1886 — The Divyāvadāna. A Collection of Early Buddhist Legends. Transl. by E.B. Cowell and R.A. Neil. Cambridge, 1886.
- Feer 1897 — *Feer M.R.* Les Jātakas dans les mémoires de Hiouen-Thsang. — Congrès international des orientalistes. Sect. I. P., 1897.
- Foucher 1902 — *Foucher A.* Notes sur la géographie ancienne du Gandhara. Hanoi, 1902.
- Franz 1965 — *Franz H.* Buddhistische Kunst Indiens. Lpz., 1965.
- Getty 1928 — *Getty A.* The Gods of Northern Buddhism. Oxf., 1928.
- Julien 1857 — *Hiouen-thsang*. Mémoires sur les contrées occidentales, traduit du sanskrit en chinois, en l'an 648 par Hiouen-thsang et du chinois en français par S. Julien. Vol. I–II. P., 1857.
- Klaproth 1836 — *Klaproth J.* Aperçu du voyage de Hiouan Thsang, prêtre bouddhiste chinois dans l'Asie moyenne et l'Inde. — Nouvelles Annales des Voyages. 1836, t. 1.
- Legge 1965 — A Record of Buddhistic Kingdoms. Being an Account by the Chinese Monk Fa-Hien of his Travels in India and Ceylon (A.D. 399–414) in Search

- of the Buddhist Books of Discipline. Transl., annot. and with a Corean Recension of the Chinese Text by James Legge. N.Y., 1965 (1st ed. Oxf., 1886).
- Low 1976 — *Low B.Ch.* Historical Geography of Ancient India. Delhi, 1976.
- Monier-Williams 1997 — *Monier-Williams M.A.* Sanskrit-English Dictionary. Delhi, 1997.
- Narain 1968 — *Narain A.K.* The Date of Kanishka. — Papers on the Date of Kanishka. Leiden, 1968.
- Saint Martin 1857 — *Saint Martin L. Vivien de.* Mémoire analytique sur la carte de l'Asie Centrale et de l'Inde. — *Hiouen thsang.* Mémoires sur les contrées occidentales, traduit du sanskrit en chinois, en l'an 648 par Hiouen-thsang et du chinois en français par S. Julien. P., 1857, vol. II.
- Soothill 1998 — *Soothill W.E.* A Dictionary of Chinese Buddhist Terms. Delhi, 1998.
- Spooner 1908–1909 — *Spooner D.B.* Excavations at Shāh-jī-kī-dhērī. — ASI. 1908–1909.
- Stein 1907 — *Stein A.* Ancient Khotan: Detailed Report of Archaeological Explorations in Chinese Turkestan. Vol. I–II. Oxf., 1907.
- Warder 1970 — *Warder A.K.* Indian Buddhism. Delhi, 1970.
- Watters 1904–1905 — *Watters T.* On Yuan Chwang's Travels in India (629–645 A.D.). Vol. I–II. L., 1904–1905 (Oriental Translation Fund, New Series. Vol. XIV–XV).
- Watters 1879–1880 — *Watters T.* Fa-Hsien and His English Translators. — China Reviews. 1879–1880.
- Yule 1873 — *Yule H.* Notes on Hwen Thsang's Account of the Principalities of Tokharistan. — JRAS. 1873, t. VI.
- Zürcher 1968 — *Zürcher E.* The Yueh-chih and Kanishka in the Chinese Sources. — Papers on the Date of Kanishka. Leiden, 1968.

Указатель имен*

Абель-Ремюза Ж.П. 4

Авалокитешвара (Avalokiteśvara, Афолуцзидишифало 阿縛盧枳低洩伐羅) 124, 149, 199, 273

Гуаньшиинь 觀世音 149, **273**

Гуаньцзыцзай 觀自在 167, 214, 292

Аджаташатру (Ajātaśatru, Адуши 阿闍世) 72, 80, 93, 134, 136, 137, **270**

Амбапали, Амрапали (Āmbarāṇi, Āmrapālī, Аньполо 菴婆羅) 133, 137, **269**, 270

Ананда (Ānanda, Ананьто 阿難陀, Анань 阿難) 55, 80, 81, 93, 100, 120, 124, 133, 134, 137, 138, 165, 186, 209, 223, **266**, 269, 294

Ангулималья (Aṅgulimālya, Янцзюэмо 鷲掘魔) 41, 128, **267**

Ануруддха (Anuruddha, Аналюй 阿那律) 125, **266**

Апалала (Apālāla, Абололо 阿波邏羅) 47, 48, 84, 196, 197, 201, **290**, 291

Асанга (Asaṅga, У-чжу 無著) 186, **287**

Асита (Asita, Аи 阿夷) 103, 131, **268**

Ашвагхоша (Aśvaghōṣa, Ма-мин 馬鳴) 245

Ашваджит (Aśvajit, Эби 頻鞞) 137, 270

Ашока (Aśoka, Аюй 阿育, У-ю 無憂) 6, 14, 18, 43, 46, 53, 57–59, 62–65, 68, 71, 72, 77–84, 90, 93, 99, 105, 107, 120, 125, 132, 134–136, 140, 170 184, 191–193, 198, 199, 203, 204, 206–210, 220–223, 226, 232–234, 236, 237, 245, 249, 263, 269, 270, 303

Бай 274

Баладитья (Bālāditya, Полоадедо 槃羅阿迭多) 217–219, **296**

Бао-юнь 寶雲 87, 115, 116, 121

Баро А. 8, 35

Бартольд В.В. 278, 281

Бехерт Х. 61

Бимбисара (Bimbisāra, Пинша 萍沙) 137, **270**, 271

Бил С. 4, 5, 277, 280, 282, 283, 285, 288, 289, 291, 299, 303, 304

аль-Бируни 254, 289

Бичурин Н.Я. 262, 274

Блосс Л.У. 48, 49, 52

Боровкова Л.А. 283–284

Брахмадэва (Brahmadeva, Фань-тянь 梵天) 175

Брахмараджа (Brahmarāja, Фань-ван 梵王) 192, 234

Бхаллика (Bhallika, Боли 波利) 280

Бхима-дэви (Bhīmādevī, Пимо-тяньной 毗摩天女) 193

Ваджрапани (Vajrapāṇi, Цзиньган-лиши 金剛力士) 132, 196, **269**, 283

Вайшакха (Vaiśakhā, Пишэцзюй 毗舍佉) 129, **267**

Вайшравана (Vaiśravaṇa, Пишамэнь 毗沙門) 162, 249, 250

Вайрочана (Vairocana, Пилучжэна 毗盧折那) 251

* Иероглифические написания даны только для имен, встречающихся в текстах переводов.

Васубандху (Vasubandhu, Ши-цинъ 世親) 7, 186, 189, 190, 191, 220, 229–231, **287**, 288, 295, 298
 Васумитра (Vasumitra, Фасумидало 伐蘇蜜咄羅, Ши-ю 世友) 109, 191, 211, 212, **288**, 294
 Виджая 44, 51, 52, 57, 61, 64
 Викрамадитъя (Vikramāditya, Пициломоадедо 毗訖羅摩阿迭多, Чао-жи 超日) 190, 191
 Вималамитра (Vimalamitra, Пимоломидоло 毗末羅蜜多羅, У-роу-ю 無垢友) 230, 231, **298**
 Вирудхака (Virūḍhaka, Пилушицзя 毗盧釋迦, Люли-ван 琉璃王) 41, 130, 131, 199, **267**, 292
 Вост У. 6
 Вьенно О. 8
 Гань Ин 甘英 13, 119, **262**
 Ганьгуй 乾歸 115, **260**
 Гетти А. 283
 Гопала (Gopāla, Цюйболо 瞿波羅) 47, 48, 84, 105, 107, 184, **286**
 Готама (Gotama, Цюйтанъ 瞿曇) 142, **272**
 Грамика (Grāmikā, Мицзя 彌家) 14, 40, 138, **189**
 Гуаньцзыцзай см. Авалокитешвара
 Гуаньшинь см. Авалокитешвара
 Гунамати (Guṇamati) 43
 Гунапрабха (Guṇaprabha, Цюйнаболабо 瞿拏鉢刺波, Дэ-гуан 德光) 228, **298**
 Гхоша (Ghoṣa, Цюйша 瞿沙) 206
 Гхошира (Ghoṣira, Цюйшило 瞿師羅) 272
 Дао-чжэн 道整 15, 24, 38, 102, 115, 116, 119, 121, 128, 143, 260
 Джайлз Г. 4
 Джаясена 94, 95
 Джета (Jeta, Чжи 祇) 267
 Дживака (Jīvaka, Чжэцзю 耆舊) 137, 270
 Дипанкара (Dīpāṅkara, Дин-гуан 定光, Жань-дэн 然登) 105, 107, 122, 183, **265**, 286
 Дуттхагамани 57, 61
 Дхармавивардхана см. Кунала
 Дхармагупта (Dharmagupta, Дамоцзюди 達摩瞿諦) 146
 Дхарматрата (Dharmatrāta, Дамодалодо 達磨咄邏多, Фа-цзю 法救) 186, 191, **287**
 Дэва (Deva, Типо 提婆) 227, 245
 Дэвадатта (Devadatta, Дяода 調達) 129, 130, 137, 138, **267**, 270
 Дэванампиятисса 59, 61
 Дэвасена (Devasena, Типосина 提婆犀那, Тянь-цзюнь 天軍) 228, **298**
 Жу-танъ 褥檀 115, 260
 Жюльен С. 5, 281, 283, 289–291, 295, 299, 301
 Индра см. Шакра
 И-си 義熙 157, 274
 И-цзин 275
 Ишвара (Īśvara, Ишифало 伊溼伐邏, Цзыцзай 自在), автор 192
 Ишвара (Īśvara, Ишифало 伊溼伐邏, Цзыцзай 自在), дэва 233, 299
 Махешвара (Maheśvara, Дацзыцзай 大自在) 193, 233
 Шива (Śiva) 299

Канакамуни (Kanakamuni, Цзюйнашэмоуни 拘那含牟尼) 131, 266, **268**
 Канишка (Kaṇiṣka, Цзиницзя 罽膩伽, Цзянисэцзя 迦膩色迦) 7, 14, 20, 46, 48, 51, 57, 62–65, 68, 81, 83, 106, 107, 120, 166, 168, 169, 185, 186, 189, 191, 195, 210, 212, 220, 264, 282, 287, 288, 294
 Каннингхэм А. 7, 13, 20–22, 263, 266–268, 278, 279, 282, 286, 287, 289, 290, 292, 295–300, 302
 Катъяяна (Kātyāyana, Цзядожняна 迦多衍那) 221, **296**
 Катъянипутра см. Катъяяна
 Каундинья (Kauṇḍīnya, Цзюйлинь 拘隣) 142, **272**
 Кашьяпа (Kaśyapa, Цзяшэбо 迦葉波), Будда 81, 130, 140, 142, 163, 196, 203, 247, 266, 293
 Кашьяпа (Kaśyapa, Цзяшэбо 迦葉波), ученик Будды 139, 141, 271
 Махакашьяпа (Mahākāśyapa, Дацзяшэ 大迦葉) 108, 124, 138, 211, **266**, 294
 Клапрот Ю. 4, 42
 Кракуччанда (Kṛakucchanda, Цзюйлоуцинъ 拘樓秦) 131, 266, **268**
 Кумараджива (Kumārajīva) 25
 Кумаралабдха (Kumāralabdha, Цзюймололодо 拘摩羅邏多, Тун-шоу 童受) 204, 245
 Кунала (Kunāla, Цзюйланьна 拘浪拏) 204, 263, 264, 293, 297, 303
 Дхармавивардхана (Dharmavivardhana, Фа-и 法益) 120, **263**
 Кшанти (Kṣānti, Жэньжу 忍辱) 196, 290
 Легг Дж. 4, 13, 266, 273
 Лун-туичжи 274
 Мадхьянтика (Madhyāntika, Мотьяндицзя 末田底迦) 49, 64, 65, 76, 202, 209, **292**
 Майтрейя (Maitreya, Милэ 彌勒) 13, 95, 96, 118, 119, 142, 147, 148, 204, 212, 262, 292
 Майтрибала (Maitrībala, Цы-ли 慈力) 292
 Майя (Māyā) 94, 98, 137
 Малявкин А.Г. 289, 292, 302, 304
 Мандельштам А.М. 279, 302
 Манджушри (Mañjuśrī, Маньшушили 曼殊室利, Вэньшушили 文殊師利) 124, 135, 223, **266**
 Маноратха (Manoratha, Монухэлига 末笈曷利他, Жу-и 如意) 186, 190, 191, **287**, **288**
 Мара (Māra, Мо-ван 魔王) 270, 271, 297
 Пишуна (Piśuna, Босюнъ 波旬) 137, **280**
 Маршалл Дж. 288
 Маудгальяяна (Maudgalyayāna, Мулянь 目連) 124, 125, 137, 138, 226, 266, 270
 Махамаудгальяяна (Mahāmaudgalyayāna, Да-мулянь 大目連) 124
 Махавира (Mahāvīra) 293
 Махадэва (Mahādeva, Мохэтипо 摩訶提婆) 124
 Махакашьяпа см. Кашьяпа
 Махамаудгальяяна см. Маудгальяяна
 Махапраджapati (Mahāprajāpati, Даайдаогу 大愛道故) 41, 128, 131, **267**
 Махасаттва (Mahāsattva, Мохэсадо 摩訶薩埵) 207, **293–294**
 Махасудассана (Mahāsudassana) 54, 55, 57, 80
 Махендрасена (Mahendrasena) 291
 Махешвара см. Ишвара
 Махинда (Mahinda) 56, 61, 66

Махиракула (Mahirakula, Мосилоцзюйло 摩醯邏矩羅) 217–219, **296**
 Минаев И.П. 7, 280
 Мин-ди 明帝 119, 263
 Мудгалапутра (Mudgalaputra, Мотэцзялоцзы 沒特伽羅子) 223, 224
 Мучилинда (Mucilinda, Вэнь-линь 文鱗) 139, 46, 48
 Нагарджуна (Nagārjuna, Лун-мэн 龍猛) 245
 Намучи (Namuci) 52
 Нанда (Nanda, Наньто 難陀), родственник Будды 103, 131, **268**
 Нанда (Nanda, Наньто 難陀), девушка 271
 Нараянадэва (Nārāyaṇadeva, Налоянь-тянь 那羅延天) 186, 287
 Ниргрантнаджнати (Nirgranthajñātī, Ницзянь-цзы 尼健子) 270
 Обуайе Ж. 8
 Панини (Pāṇini, Бонини 波你尼) 193, 194, 284, **290**, 294
 Парджитер Ф. 63
 Паршва (Pārśva, Болишифо 波栗溼縛, Сечжунчжэ 脇尊者) 108, 186, 189, 195, 210, 211, **287**
 Пин-ван 平王 119, 263
 Пишуна см. Мара
 Прасенаджит (Prasenajit, Босыни 波斯匿) 128, 266, **267**
 Пропп В.Я. 48
 Птолемей 21, 279, 292
 Пурна (Pūrṇa, Булана 布刺拏) 216
 Пурнамайтраянипутра (Pūrṇamaitrāyaṇīputra, Буланамэйдалияньнифудало 布刺拏梅呬麗衍尼弗呬羅) 223
 Пшылуски Ж. 8
 Радхасвамин (Rādhāsvāmin, Лотасыми 羅汰私迷) 135, **270**
 Рахула (Rāhula, Лохуло 邏怛邏, Лохуло 羅怛羅), сын Будды 124, 223, 224, **226**
 Рахула (Rāhula, Лохуло 邏怛邏, Лохуло 羅怛羅), чиновник 90, 91, 167
 Рис-Дэвидс Т.У. 6, 56
 Сангхабхадра (Saṅghabhadra, Сэнцзябатоло 僧伽跋陀羅, Чжун-сянь 衆賢) 215, 228–231, **295**, 298
 Сен-Мартен 5, 276–278
 Сиддхартха (Siddhārtha) 268, 273
 Симхала 52
 Сихабаху 51, 57
 Смит В. 6, 8
 Скандхила (Skandhila, Соцзяньдило 索建地羅) 215, **295**
 Спехт М. 6
 Спунер Д. 7, 20, 287
 Сталь-Гольштейн А. 6
 Стейн А. 6, 21
 Субхадра (Subhadra, Сюйба 須跋) 132, **269**
 Субхути (Subhūti, Субуди 蘇部底) 235
 Судана (Sudāna, Сюйдана 須大拏) 146, 192, **273**, 289
 Судатта (Sudatta, Сюйда 須達) 41, 128, 129, **267**
 Сумати (Sumati) 286
 Сундари (Sundarī, Суньтоли 孫陀利) 129
 Сун-юн 289

Сутхилл У. 288
 Сышэху 肆葉護 162
 Сэн-цзин 僧景 87, 115, 121
 Сэн-шао 僧紹 115, 117
 Сюань-цзан 玄壯 3–10, 13, 17–24, 26–28, 30–37, 39–40, 43, 44, 46–48, 51–53, 57–59, 61, 63–65, 68, 70, 73, 76, 81, 83–85, 88–95, 100, 101, 104, 106, 108, 109, 111, 152, 260–270, 272–284, 286–304
 Тай-цзун 36, 274
 Таранатха 58, 62, 65, 68
 Трапуша (Traṇuṣa, Тивэй 提謂) 280
 Удайна (Udayana, Утояньна 鄔陀衍那) 257, 303
 Уоттерс Т. 4–6, 13, 18, 261, 262, 274–277, 279, 280, 282, 283, 285–291, 293, 296–301, 304
 Упагупта (Uragupta, Убоцуюдо 鄔波毬多) 224, **297**
 Упали (Uṇāli, Юболи 優波釐, Юболи 優波離) 131, 223, **268**
 Утпала (Uṭpala, Юболо 優鉢羅) 125, 126, **266**, 291
 Утпалаварни (Ляньхуа-сэ 蓮華色) 234, 235, 266, **299**
 Уттарасена (Uttarasena, Шан-цзюнь 上軍) 198, 201, 202
 Фа-сьнь 法顯 3, 5, 8, 10–15, 20, 24, 37–43, 53, 58, 59, 68, 115–117, 119, 121–123, 127–129, 137, 141, 143–145, 147–151, 260–267, 269–275, 284, 286–288, 292, 293, 299, 304
 Феер М. 8, 44, 288–291
 Фоидло 佛地羅 216, **295**
 Фогель Дж. 8, 288
 Фуше А. 6, 20, 21, 287–291
 Харгривс Х. 287
 Харша (Harṣa) 8, 37, 39
 Хейстерман Дж. 60
 Хуй-вэй 慧鬼 24, 115, 116, 260
 Хуй-ин 慧應 24, 115, 260
 Хуй-цзин 慧景 14, 24, 87, 115–117, 119, 121, 123, 260, 261
 Хуй-цзянь 慧簡 115, 116
 Цзели-ван 羯利王 (Kalirāja) 196, 290
 Чандака (Candaka, Чэни 車匿) 132, 269
 Чандрапрабха (Candraprabha, Чжаньдалоболопо 戰達羅鉢刺婆) 204, 264
 Чанчамана (Cañcamaṇā, Чжаньчжэмона 旃遮摩那) 129
 Чжан Цянь 張騫 13, 25, 119, **262**
 Чжи-янь 智嚴 115, 116
 Чин-хо 44
 Чуна 稠那 167, 236, 300
 Чэньпань 282
 Шаванн Э. 6, 11, 261, 263, 278, 279, 281, 301, 302
 Шакра (Śakra, Ди-ши 帝釋, Тянь-ди 天帝) 81, 83, 99, 119, 120, 125, 126, 129, 136, 192, 198, 234, 261, 283, 288
 Шакья (Śākya, Шицзя) 48, 101, 105, 119, 165, 183, 186, 187, 191, 192, 196, 203, 223, 247, 258
 Шакьямуни (Śākyamuni, Шицзя 釋迦) 14, 19, 33, 96, 126, 130, 147, 148, 164
 Шанакаваса (Śāṇakavāsa, Шанноцзяфосо 商諾迦縛娑) 100, 101, 165, **281**
 Шанмоцзя 商莫迦 192, **288**

Шарипутра (Śāriputra, Шэлифу 舍利弗, Шэли-цзы 舍利子) 124, 136–138, 223, 224, 226, **265**, 266, 270

Шибика (Śibika, Шипицзя 尸毗迦), Шиби 91, 198, 263, 291

Шива см. Ишвара

Шилабхадра 24, 43

Шуддходана (Suddhodana, Бай-цзин 白淨) 14, 103, 131, 141, 268

Шэху 葉護 162

Эйтель Э. 5

Элапатра (Elāpatra, Илобо 翳羅鉢, Илободало 翳羅鉢旦那) 46, 48, 142, 203, 272, **293**

Экашринга (Ekaśṛṅga, Ду-цзюэ 独角) 193

Юл Х. 7, 278, 279, 281, 301, 302

Яма (Yama, Янь-ло 閻羅) 140, **271**

Яо-син 260

Указатель географических названий*

Айодхья (Ayodhyā), страна 29
Аксу см. Балущзя
Аксу см. Байшуй
Алакнанда, река 296
Али 阿梨, селение 127, 267
Алини 阿利尼, страна 161, 235, 238, 279, **301**
Алунао 阿路猯, гора 167, 168, 236, **283**, 300
Амаравати, город 99
Амударья см. Фочу
Аньдалофо 安咄羅縛, Андараб, страна/город 161, 235, 237, 279, **300–301**
Андхра (Andhra), страна 30
Аонла, город 299
Аравийское море см. Южное море
Афганистан 17, 18, 262, 264, 265, 279, 282, 283, 300, 302
Ацини 阿耆尼, Яньци, страна 17, 152, 261, **274**; см. также Карашар
Баглан, провинция 279, 300
Бадахшан, провинция см. Бодочуанна
Байшуй 白水, Аксу, Белые Воды, город 17, 157, **279**
Байшуй 白水, река 48, 196, 197, **291**
Бактры см. Фохэ
Бактрия 278; см. также Фохэ
Балрамपुर, город 267
Балтит, город 292
Балуцзя (跋祿迦, Bālūkā), Аксу, Гумо, страна/город 17, 152, 155, **275**, 276
Балуша 跋虜沙, город 192, 193, 289
Балх см. Фохэ
Баляньфу см. Паталипутра
Бамиан см. Фаньяньна
Бана 跋那, страна 123, 265
Банну, город 265; см. также Бана
Баньнуцо 半笈磋, страна 22, 195, 216, **295**; см. также Пунч
Бекабад, город 276
Белые Воды см. Байшуй
Бенарес см. Варанаси
Биас см. Пибошэ
Биджнаур, город 298
Билосоло 比羅娑洛 см. Пилусара
Биньболо 賓波羅 см. Пиппала
Бодочуанна 鉢鐸創那, Бадахшан, страна 19, 161, 235, 239, 240, 279, 301, **302**
Бодх-Гая см. Гайя
Боласы 波剌斯, Босы, страна 159, 278

* Иероглифические написания даны только для названий, встречающихся в текстах переводов.

Боли 波利, город 70, 163, **280**
 Болиедало 波理夜咀羅, Парьятра, страна 29, 216, 223, **297**
 Болихэ 鉢利曷, страна 161, 235, 239, 279, **301**
 Болонэй см. Варанаси
 Болуло 鉢露羅, страна 21, 28, 195, 203, 243, **292**, 302
 Большая Песчаная Пустыня (Дашацзи 大沙磧) 158, **276**
 Большие Снежные Горы (Дасюэшань 大雪山) 159, 161, 164, 203, 232, 237, 238, **278**, 292, 303
 Большое Чистое Озеро (Дацинчи 大淸池), Чистое Озеро (Цинчи 淸池), Горячее Море (Жэхай 熱海), Иссик-Куль 17, 155, 156, 238, **275**, **301**
 Бомило 波謎羅, Боми, Памир, река 19, 243, **302**
 Бостандык, город 276
 Босы см. Боласы
 Бохэ см. Дамоситэди
 Боцзяи 勃伽夷, город 252, **303**
 Булушабуло см. Пурушапура
 Бусэццелофади см. Пушкалавати
 Бухганхон, ущелье 278
 Бухара, город 277
 Бухэ 捕喝, страна/город 152, 158, 159, **277**; см. также Бухара
 Бхагалпур, город 272
 Бхархут, селение 99
 Бхеда, город 265; см. также Питу
 Бхера, город 265; см. также Питу
 Вайханд см. Удакабханда
 Вайшакха (Vaiśākha), страна 29
 Вайшали (Vaiśālī, Пишэли 毗舍離), страна 18, 29, 33, 93, 95, 103, 133, 134, 147, **269**
 Ваншэ см. Раджагриха
 Варанаси (Vārāṇasī, Болонэй 波羅奈), Бенарес, страна/город 15, 18, 29, 33, 42, 43, 48, 54, 58, 78, 95, 109, 141, 143, 266, 270, 271, **272**, 280, 286, 293
 Вардудж, река 19, 302
 Вахан, город 19, 301
 Вахандарья, река 19
 Ваханский хребет 19
 Вахш, страна 278
 Вахш, река 278, 279
 Восточная река (Дунхэ 東河) 166, **282**
 Восточная страна (Дунго 東國) 255, 257, 303
 Восточная Страна Женщин (Дунной 東女) 232, 299; см. также Суфаланацуйдало
 Воша см. Хуша
 Вриджи (Vṛjī), страна 29
 Гаочан 高昌, область 116, **261**, 274
 Газни, провинция 18, **300**
 Гайя (Gaṇḍā, Цзяе 伽耶), Бодх-Гая, город 14, 42, 71, 85, 88, 138, **271**
 Ганг (Цзя 伽, Цзинцзя 競伽), река 10, 14, 15, 18, 24, 33, 38, 127, 133, 141, 144, 180, 210, 226, 231, 233, 269, 270, 272, 294, 297–300
 Гандак, река 269

Гандхара (Gāndhāra, Цзяньтовэй 健陀衛, Цзяньтоло 健駄邏), страна 6, 14, 18, 20, 21, 28, 42, 43, 48, 81, 95, 120, 147, 166, 168, 171, 186, 210, 219, **263**, 264, 284, **286**, 290, 293
 Гилгит, река 292
 Гилгит, город 11
 Гималаи, горы 290, 297, 298
 Гиндукуш, горы 14, 18, 19, 278, 282, 300, 303
 Голодная степь 276
 Горакхпур, город 268
 Горячее Море см. Большое Чистое Озеро
 Гошринга (Gośṛṅga, Цюйшилиницзя 瞿室餒伽), гора 252, **303**
 Гридхракута (Gṛdhrakūṭa, Цидуцзюэ 耆闍崛), гора 102, 134, 137, **270**
 Гудо, страна 278
 Гумо см. Балущя
 Гунт, река 279, 302
 Гуньюй 恭御, город 157, **276**
 Гуньюйто 恭御陀 30
 Гурупада (Gurupāda, Цзицзу 鷄足), гора 141, **272**
 Гхасипура (Ghasipura), страна 29
 Дадж, город 276
 Дакшина (Dakṣiṇa, Дачэнь 達嚧), страна 142, 143, **272**
 Далацзянь 咄刺健, Долэцзянь, страна 152, 163, **281**
 Далило 達麗羅, река 13, 21, 22, 202, **292**; см. также Толи
 Далосы 咄邏私, Талас, страна/город 17, 156, 157, 276
 Дами 咄蜜 страна/город 152, 160, **278**; см. также Термез
 Дамоситэди 達摩悉鐵帝, Хуми, Бохэ, страна 19, 235, 240, 279, **301**
 Дандолоцзя 彈多落迦, гора 192, **289**
 Дарваз, река 279
 Дарган-Ата 277
 Дасюэшань см. Большие Снежные Горы
 Дацинчи см. Большое Чистое Озеро
 Дачашило см. Такшашила
 Дачэнь см. Дакшина
 Дашаши см. Большая Песчаная Пустыня
 Декан 272
 Деосаи, горы 292
 Джайпур, город 297
 Джаландхар, город 296, 297
 Джамна см. Яньмоуна
 Джаузджан, провинция 281
 Джелалабад, город 264, 286
 Джелам, река 265
 Джизакская степь 276
 Долэцзянь см. Далацзянь
 Домолиди см. Тамралипти
 Дравида (Draviḍa), страна 30
 Дунго см. Восточная Страна
 Дунной см. Восточная Страна Женщин

Дунхэ см. Восточная Река
 Дуньхуан 燉煌, город 11, 115, **260**
 Духоло 覩貨邏, Тукхара (Tukhāra), страна 18, 19, 28, 159, 164, 165, 212, 213, 237–240, 242, 243, 259, 278, 295, 301, 303; см. также Тохаристан
 Дханакаатака (Dhanakataka), страна 30
 Епоти 耶婆提, страна 149; см. также Ява
 Железные Ворота (Темэнь 鐵門) 17, 159, 238, 275, 277, **278**
 Жуйми, страна 281
 Жуймото 銳秣陀, страна 152, 163, **281**
 Жэхай см. Большое Чистое Озеро
 Зеравшанский хребет 277
 Зоркуль, озеро 19, **302**
 Имтала, город 301
 Инд (Синь 信, Синьду 信度, Синьтоу 新頭), река 11, 13, 14, 18, 21, 22, 73, 118, 123, 125, 186, 193, 202, 203, 206, 207, 217, 220, 262–265, 286, 289, 292, 296
 Индия (Иньду 印度, Поломэнь 般羅門, Сяньдоу 賢豆, Тяньчжу 天竺, Шэньду 身毒) 171, 274, **284**
 Пять Индий (У Иньду 五印度) 171, 217, 221, 225, 231, 245, **284**
 Иньбоцзянь 淫薄健, страна 19, 61, 235, 240, 279, **302**
 Иссук-Куль см. Большое Чистое Озеро
 Исфиджаб, город 276
 Кабул, город 18, 284, 300, 301; см. также Хубина
 Кабул, река 18, 263, 264, 286, 289, 290
 Кабодиен, Кувадиан, город 278
 Каган см. Хэхань
 Калинга (Kaliṅga), страна 30
 Камарупа (Kāmarūpa), страна 30
 Кан, город 276
 Каньякубджа (Kānyakubja, Цижаои 罽賔夷, Цзежоцзюйшэ 羯若鞠闍), Каннаудж, город 14, 18, 29, 48, 127, 235, 266, **267**, 300
 Каньянь, река 299
 Капилавасту (Kapilavastu, Цзявэйловэй 迦維羅衛), город 6, 14, 18, 29, 71, 103, 131, 132, **268**, 269, 292
 Каписа, провинция 282
 Капиша (Kapiṣa, Цзябиши 迦畢試), страна 18, 28, 30, 48, 51, 90, 108, 152, 165, 166, 182, 183, 186, 203, 236, 237, 262, **282**, 284, 300; см. также Цибинь
 Каракорум, горы 11, 261, 262, 292, 303
 Каранда (Karaṇḍa, Цзяланьто 迦蘭陀), роща 137, 271
 Карашар 17, 261, 274; см. также Ацини
 Карнасуварна (Karnasuvarna), страна 30
 Каргалык, город 262
 Касан, город 277; см. также Цюйшуанницзя
 Касия, город 269
 Каспийское море 262
 Каушамби (Kauśāmbī, Цзюйшаньми 拘睢彌), страна/город 29, 30, 48, 142, **272**, 303
 Кафирниган, река 278
 Кашгар 11, 19, 20, 261, 282, 302; см. также Цюйша
 Кашгария, страна 11, 262, 292

Каши (Kāśī, Цзяши 迦尸), страна 141, **272**
 Кашипур, город 299
 Кашкадарья, река 277
 Кашмир (Kāśmīra, Цзяшимило 迦溼彌羅) 18, 20–22, 29, 48, 49, 51, 63, 64, 68, 181, 194, 195, 203, 206, 208, 216, 219, 228, 230, 251–253, 262, 288, 292, **294**, 295, 303; см. также Цзибинь
 Кебуд см. Цзебудана
 Кеш, город 277; см. также Цзешуанна
 Киргизский хребет 17, 276
 Кишим, город 18, 301
 Кокча, река 19, 301, 302
 Косидо 關悉多 страна/город 18, 161, 235, 237, 279, **301**; см. также Хост-ва-Фиринг
 Коуши, город 36
 Кошала (Kośala, Цзюйсало 拘薩羅), страна 14, 30, 128, 266, **267**
 Кошания см. Цюйшуанницзя
 Кувадиан см. Кабодиен
 Кульджа, город 275
 Кундуз, город 18, 278, 279, 301; см. также Хо
 Кундуздарья, река 301
 Куран, область 301
 Курган-Тюбе, город 278
 Куча см. Цюйчжи
 Кушанник см. Цюйшуанницзя
 Кушинагара (Kušinagara, Цзюйнацзе 拘夷那竭, Цзюйши 拘尸), город 14, 18, 29, 42, 93–95, 132, 202, **269**, **292**
 Кэдола 珂咄羅, страна 152, 161, **278**; см. также Хутталь
 Кэпаньто см. Цепаньто
 Лагман, провинция 278, 283
 Ланка, остров, страна 15, 38, 56, 61, 64, 75, 76, 79, 95, 273
 Ланьбо 濫波, страна 28, 159, 170, 171, 182, 216, 278, **283**, 284
 Ланьболу 藍勃盧, гора 199, 292
 Ланьмо см. Рама
 Лао 牢, гора 150
 Ледяная Гора (Линшань 凌山) 155, **275**; см. также Пик Победы
 Лобнор, озеро 260
 Лои 羅夷, страна 123, **265**
 Ломоиньду 羅摩印度, река 235, **300**
 Лоулань см. Шаньшань
 Лохуло 洛護羅, страна 222, **297**
 Лудхияна, город 297
 Луковые Горы см. Цунлин
 Лумбини (Lumbinī, Луньминь 論民), роца 42, 71, 191, **268**
 Луюань см. Оленья Роца
 Магадха (Magadha, Моцзе 摩竭, Моцзето 摩揭陀), страна 14, 18, 29, 33, 35, 43, 48, 83, 93, 134, 209, 217, **269**, 270–272, 294
 Мадавар, город 298
 Мадхьядеша см. Срединная Страна
 Малакута (Malakūṭa), страна 30

Малая Раджагриха (Сяованшэ 小王舍), город 161, **280**
 Малые Снежные Горы (Сяосюэшань 小雪山) 14, 122, 264, **265**
 Матхура (Mathurā, Мотоуло 摩頭羅, Мотуло 秣菟羅), страна 14, 29, 123, 216, 223, **265**, 297
 Маяпура, город 298; см. также Моюйло
 Мимохэ 弭秣賀, Ми, страна 152, 158, **276**, 277
 Митан, город 277; см. также Цзебудана
 Модибуло 秣底補羅, страна 217, 227, 232, **297**, 299
 Молосо 秣羅娑, страна 222, **297**
 Мотоуло см. Матхура
 Мотуло см. Матхура
 Моцзе см. Магадха
 Моцзето см. Магадха
 Моюйло 摩裕羅, город 231, **298**; см. также Маяпура
 Музарт, перевал 275
 Мэнхэли 瞢揭釐, город 13, 196, 197–199, 202, **290**
 Мэнцзянь 瞢健, страна 161, 235, 238, 239, 279, **301**
 Нагара (Nagara, Нацзе 那竭), Нагарахара (Nagarahāra, Нацзелохэ 那揭羅曷) страна 14, 28, 47, 53, 76, 94, 97, 103, 104, 107, 108, 119, 121, 122, 171, 183, 263, **264**, 265, 286
 Нагарджуниконда 99
 Найранджана (Nairañjanā, Силянъдань 希連禪), река 132, 269
 Нанкин, город 274
 Нафобо 納縛波, страна 259, **304**
 Нацзе см. Нагара
 Нацзелохе см. Нагара
 Немо см. Чжэмотона
 Непал 29
 Нижан 尼壤, город 259, **304**
 Нили 泥梨, город 136, **270**
 Ния, город 303
 Нуджкент, город 276
 Нуцизянь 笈赤建, страна/город 152, 157, **276**; см. также Нуджкент
 Одра (Oḍṛa), страна 30
 Оленья Роша (Mṛgadāva, Луюань 鹿園) 70, 163, 272, **280**
 Пакистан 17, 265
 Памир, горы 18, 19, 262, 278, 302, 303
 Памир, река см. Помило
 Парьятра см. Болиедало
 Паталипутра (Pāṭaliputra, Балянъфу 巴連弗), Патна, город 14, 15, 18, 24, 38, 52, 72, 90, 134, 141, 143, **270**, 272
 Патти, город 296
 Пенджаб, провинция 21, 265, 296, 297
 Персия, страна 278, 281
 Песчаная Река (Шахэ 沙河), пустыня 89, 115, 123, 150, **260**; см. также Такла-Макан
 Пешавар, город 7, 14, 264, 286, 287, 289; см. также Пурушапура
 Пик Победы, гора 275; см. также Ледяная Гора
 Пибошэ 毗播奢, Биас, река 217, 295, **296**, 297

Пилошаньяна 毗羅刪拏, страна 217, 233, **299**
 Пилусара (Pīlusāra, Билосоло 比羅娑洛), гора 170, **283**
 Пимо 婁摩, город 257, 303
 Пиппала (Pippala, Биньболо 賓波羅), пещера 138, **271**
 Питу 毗荼, страна/город 123, 265; см. также Бхеда, Бхера
 Пишэли см. Вайшали
 Полодуло 婁羅覩邏, селение 193, 194, **290**
 Поломэнь см. Индия
 Полосина 婁羅犀那, хребет 18, 237, **301**
 Полосимобуло 婁羅吸摩補羅, страна/город 217, 232, **298**
 Праяга (Prayāga), страна 29
 Пуна 菴那, река 123, **265**
 Пундравардхана (Puṇḍravardhana), страна 30
 Пунч 22, 295; см. также Баньнуцо
 Пуруша (Puruṣa, Фолоуша 佛樓沙), страна 120, 121, **264**; см. также Пурушапура
 Пурушапура (Puruṣapura, Булушабуло 布路沙布邏), город 14, 87, 94, 264, **286**, 294;
 см. также Пуруша, Пешавар
 Пушкалавати (Puṣkalāvati, Бусэцзелофади 布色羯邏伐底), город 191, 288
 Пяндж см. Фочу
 Раджагриха (Rājagṛha, Ваншэ 王舍), Раджгир, город 8, 14, 136, 211, **270**, 294, 295
 Раджаури, город 295, 296
 Рама (Rāma, Ланьмо 藍莫), Рамаграма (Rāmagrāma), страна 14, 29, 72, 132, **148**
 Рамганга, река 299
 Рапти, река 267–269
 Сабао 薩薄, страна 145, **273**
 Сайрам, город 276
 Сакала (Sākala), город 296; см. также Шэцзело
 Сакета, город 267
 Саланг, перевал 300
 Саманган, провинция 279
 Самарканд, город 17, 32, 275–277
 Саматата (Samatata), страна 30
 Самоцзянь 峯林建, город 152, 158, 159, **276**, 277; см. также Самарканд, Кан
 Санкашья см. Сэнцзяши
 Санкиса, город 266, 300
 Санчи 79, 288
 Саньбохэ 三波訶, страна 232, 298
 Сарыкульский хребет 302
 Сатанишифало см. Стханешвара
 Сатледж, река 297
 Сват см. Субхавасту
 Сиань см. Чанъань
 Сидо 徙多, река 243, 244, 246, **302**
 Сило 醯羅, город 106, 121, 185, **264**, 286; см. также Хада, Хидда
 Сило 醯羅, гора 197, 291
 Силянъдань см. Найранджана
 Симхала (Sinhala, Шицзы 師子, Чжишицзы 執師子), страна 15, 95, 144, 147, 227,
273, 298

Симхапура см. Сэнхэбуло
 Синь см. Инд
 Синьду см. Инд
 Синьтоу см. Инд
 Синьцзян, провинция 11, 17, 19, 20, 261, 274
 Снежные Горы (Сюзшань 雪山) 14, 19, 51, 57, 62, 118, 123, 156, 163–165, 168, 171, 182, 206, 222, 243, 249, 252, 276, 278, 282, 293, 297, 301, 302, 303,
 Согд, страна 278
 Сорон, город 299
 Спингар, хребет 265
 Срединная Страна (Чжунго 中國), Мадхьядеша (Madhyadeśa) 38, 39, 73, 119, 123, 130, 135, 138, 143, 145, 173, 245, **263**, 294
 Стханешвара (Sthāneśvara, Сатанишифало 薩他泥溼伐羅), Тханесар, страна/город 18, 29, 217, 224, 226, **297**
 Субидофалацы 蘇蔽多伐剌祠 город 167, **283**
 Субхавасту (Subhāvastu, Супофасуду 蘇嬰伐宰堵), Сват, река 11, 18, 43, 47, 196, 263, **290**, 291, 292
 Суварнаготра см. Суфаланацойдало
 Судулисэна 宰堵利瑟那, страна 152, 157, **276**
 Сули 宰利, Сулика, страна 160, 275
 Сулуциньяна 宰祿勤那, страна 29, 217, 226, **297**
 Сумань 愉漫, Шумань, страна 152, 160, **278**
 Супофасуду см. Субхавасту
 Сурхандарья, река 278
 Суфаланацойдало 蘇伐剌拏瞿咄邏, Суварнаготра (Suvarṇagotra), страна 232, **298–299**; см. также Восточная Страна Женщин
 Сухэдо 宿呵多, страна 119, **263**
 Сушэшуй 素葉水, Сушэ 素葉, город 156, **275**
 Сымодало 呬摩咄羅, страна 19, 161, 235, 239, 279, 295, **301**
 Сырдарья, река 276; см. также Шэ
 Сэнхэбуло 僧訶補羅, Симхапура (Sinhapura), страна 195, 206, **293**
 Сэнцзяши 僧伽施, Санкашья (Sāṅkāśya), страна 42, 48, 58, 98, 125, **266**, 299, 300
 Сюзшань см. Снежные Горы
 Сяньдоу см. Индия
 Сяованшэ см. Малая Раджагриха
 Сяосюэшань см. Малые Снежные Горы
 Такла-Макан, пустыня 260; см. также Песчаная Река
 Такшашила (Takṣaśilā, Чжушашило 竺刹尸羅, Дачашило 咄叉始羅) страна/город 14, 18, 21, 22, 28, 43, 91, 120, 195, 203–205, 207, 245, 246, 249, **264**, 293, 303
 Талас см. Далосы
 Талукан, Талькан, город 281, 301
 Тамралипти (Tāmraliptī, Домолиди 多摩梨帝), город 15, 18, 30, 144, **272**
 Ташкент, город 276
 Ташкурган, город 19, 262, 302
 Темэнь см. Железные Ворота
 Термез, город 17, 30, 278, 279
 Тивэй 提謂, город 70, 163, **280**
 Токмак, город 275

Толи 陀歷, страна 11, 13, 118, 261, **262**, 292; см. также Далило
 Тукхара см. Духоло
 Турфан, город 261
 Туфань 土番, страна 232, **299**
 Тохаристан, страна 7, 28, 275, 278; см. также Духоло
 Тханесар см. Стханешвара
 Тысяча Родников (Цяньцюань 千泉) 17, 156, 238, **275**, 301
 Тяньчжу см. Индия
 Тянь-Шань, горы 17, 262
 Угамский хребет 276
 Удакабханда (Udakabhāṇḍa, Удоцзяханьча 烏鐸迦漢茶), Удабханда, Унд, Вайханд, город 22, 193, 195, 203, **289**
 Удьяна (Udyana, Учжан 烏長, Учжанна 烏仗那), страна 11, 13, 14, 18, 21, 28, 43, 47, 52, 91, 119, 195, 198, 201, 202, 261–263
 Уи 烏夷 страна 115, 116, **261**
 Улаши 烏剌尸, Ураса, страна 21, 22, 29, 195, 208, **294**
 Унд см. Удакабханда
 Ураса см. Улаши
 Ургут, город 277
 Учжан см. Удьяна
 Учжанна см. Удьяна
 Уша 烏鍛, страна 20, 235, 238, 246, **303**
 Фади 伐地, страна 152, 159, **277**
 Файзабад, город 267, 301
 Фаньяньна 梵衍那, Бамиан, страна 17, 25, 53, 152, 164, **281**, 282, 284, 300
 Фолоуша см. Пуруша
 Фохэ 縛喝, Балх, Бактры, страна/город 17, 25, 30, 70, 75, 152, 161, 163, 271, **279**, 281; см. также Бактрия
 Фочу 縛芻, Амударья, Пяндж, река 19, 159, 160, 161, 238, 240, 241, 243, **277–279**, 301, 302
 Фоцзялан 縛伽浪 страна 152, 161, **279**
 Фулишисатанна 弗栗恃薩儼那, страна 235, 236, **300**
 Фэйхань 忸捍, страна 152, 157, **276**
 Фергана 276
 Хавак, перевал 18, 300
 Хада, город 264, 286; см. также Сило
 Хайберский проход, перевал 14, 264, 265
 Хандуд см. Хуньтодо
 Ханьская земля (Хань ди 漢地) 115, 116, 129, 144, 145, 147–150, **260**
 Хардвар, город 298
 Хаямукха (Hāyatukha), страна 29
 Хельманд, река 300
 Хидда, город 264; см. также Сило
 Хингиль, хребет 282
 Хиндураджд, хребет 290
 Хираньявати, река 269
 Хираньяпарвата (Hiranyaparvata), страна 30
 Хо 活 страна, город 18, 161, 235, 237, 238, 278, 279, 301; см. также Кундуз

Хорасан, город 281
 Хорезм, страна 277
 Ходжент, город 276
 Холисимичзя 貨利習彌伽, страна 159, 277
 Хост-ва-Фиринг, город 301; см. также Косидо
 Хотан (Юйтянь 于闐, Цюйсadanьна 瞿薩旦那) страна/город 11, 20, 25, 33, 34, 95, 116, 147, 232, 235, 248, 252–255, 257, 259, **261**, 298, 302
 Хоша см. Хуша
 Хубина 護苾那, город 236, **301**; см. также Кабул
 Хулинь 忽懷, Хульм, страна/город 152, 161, **279**
 Хулумо 忽露摩, Хулунь, страна 152, 160, **278**
 Хуми см. Дамоситэди
 Хунджераб, перевал 11, 262
 Хунза, река 11, 292
 Хуньмо, страна 279
 Хуньтодо 昏駄多, Хандуд, город 241, **302**
 Хуские страны (Ху го 胡國) 158, **276**
 Хутталь 278; см. также Кэдола
 Хуша 鑊沙, Хоша, Воша, страна 152, 160, **278**
 Хушицзянь 胡寔健, страна 152, 163, **281**
 Хэгань см. Хэхань
 Хэйлинь см. Черный Хребет
 Хэлаолоцзя 曷勞落迦, город 258, **304**
 Хэлоху 曷邏胡, страна 161, 235, 238, 279, **301**
 Хэлошэбуло 曷邏闐補羅, страна/город 29, 195, 216, 295
 Хэлусиминыцзянь 紇露悉泐健, страна 152, 261
 Хэпаньто см. Цепаньто
 Хэсало 鶴薩羅, город 235, **300**
 Хэсина 鶴悉那, город 235, **300**; см. также Газни
 Хэхань 喝捍, Хэгань, Каган, страна 152, 158, **277**
 Цаоцзюйто 漕矩吒, Цао, страна 167, 168, 235, 236, 283, **300**
 Цепаньто 竭盤陀, Кэпаньто, Хэпаньто, страна 19, 243, 244, 246, 247, **302**
 Цзебита 劫比他, страна 29, 100, 217, 233, **299**
 Цзевудана 劫布旦那, Кебуд, страна 152, 158, **277**; см. также Митан
 Цзежоцзюйшэ см. Каньякубджа
 Цзеча 竭叉, страна 11, 116, 117, **261**
 Цзечжи 揭職, страна 26, 152, 163, **281**
 Цзечжувачжило 羯朱囄祇羅, страна 30
 Цзешуанна 羯霜那, страна 152, 159, 275, **277**; см. также Кеш, Шахрисабз
 Цзибинь 罽賓, страна 117, **262**, 282, 294; см. также Капиша, Кашмир
 Цзижаои см. Каньякубджа
 Цзинцзя см. Ганг
 Цзицзу см. Гурупада
 Цзыхэ 子合, страна 11, 117, **262**
 Цзюйинацзе см. Кушинагара
 Цзюйлань см. Цюйланна
 Цзюйлудо 屈露多, страна 29, 216, 222, **297**
 Цзюймито 拘謎陀, Цюйми, страна 152, 161, 262, **278**, 279

Цзюймо см. Чжэмотона
 Цзюйсало см. Кошала
 Цзюйхэяньна 鞠和衍那, Цзююэдэцзянь, страна 278
 Цзюйшаньми см. Каушамби
 Цзюйши см. Кушинагара
 Цзююэдэцзянь см. Цзюйхэяньна
 Цзя см. Ганг
 Цзябиши см. Капиша
 Цзявэйловэй см. Капилавасту
 Цзяланьто см. Каранда
 Цзяньтовэй см. Гандхара
 Цзяньтоло см. Гандхара
 Цзяши см. Каши
 Цзяшимило см. Кашмир
 Цзяэ см. Гайя
 Цидуцзюэ см. Гридхракута
 Цилисэмо 訖栗瑟摩, страна 161, 235, 238, 239, 279, **301**
 Цинчи см. Большое Чистое Озеро
 Цунлин 葱嶺, Луковые Горы 11, 17, 19, 117, 118, 155, 157, 159, 161, 166, 238, 239, 243, 244, 246, 262
 Цюйланна 屈浪拏, Цзюйлань, страна 19, 161, 235, 240, 279, **301**
 Цюйми см. Цзюймито
 Цюйпишуанна 瞿毗霜那, страна 217, 232, **299**
 Цюйсаданьна см. Хотан
 Цюйчжи 屈支, Куча, страна/город 17, 30, 32, 152, 153, 155, 252, **274, 275**
 Цюйша 佉沙, Шулэ, страна 19, 235, 243, 244, 247, 248, **303**; см. также Кашгар
 Цюйшилиницзя см. Гошринга
 Цюйшуанницзя 屈霜你迦, Кошания, Кушанник, страна 152, 158, **277**; см. также Касан
 Цяньцюань см. Тысяча Родников
 Чаганиан см. Чизяньна
 Чампа (Samṣā, Шаньбо 瞻波), страна/город 18, 30, 144, **272**
 Чангуан 辰廣, область 150, **273**
 Чанъань 長安, Сиань, город 11, 24, 115, 150, **260**
 Черный Хребет (Хэйлинь 黑嶺), горы 165, 170, 182, 183, **282**
 Черчен, город 304
 Чжанье 張掖, город 115, **260**
 Чжинапуди 至那僕底, страна 29, 216, 220, 282, **296**
 Чжишицзы см. Симхала
 Чжоцзюйцзя 斡句迦, страна 20, 235, 248, **302**
 Чжунго см. Срединная Страна
 Чжушашило см. Такшашила
 Чжэмотона 折摩駄那, Немо 涅槃, Цзюймо, страна 259, **303–304**
 Чжэцзя 磤迦, страна 29, 216, 217, 229, **296**
 Чжэши 赧时, страна 152, 157, **276**
 Чинаб, река 296
 Чистое Озеро см. Большое Чистое Озеро
 Читрал, город 302

Чиэяньна 赤鄂衍那, Чаганиан, Шиханьна, страна 152, 160, **278**
Чола (Cola), страна 30
Чу, река 275
Чунасыло 櫛那呬羅, гора 167, 168, 236, **283**, 300
Шанми 商彌, Шэми, страна 19, 235, 242, **302**
Шаньдун, провинция 273
Шаньнилошэ 珊尼羅閣, долина 198, **291**
Шаньбо см. Чампа
Шаньшань 鄯鄯, Лоулань 樓蘭, страна 115, 259, **260**, 304
Шахрисабз, город 277; см. также Цзешуанна
Шахэ см. Песчаная Река
Шачжи 沙祇 страна/город 127, 267
Шини, страна 279, 302
Шиханьна см. Чиэяньна
Шицзы см. Симхала
Шицини 尸棄尼, страна 19, 161, 235, 242, **279**, **302**
Шравасты (Śrāvastī, Шэвэй 舍衛), город 18, 29, 41, 42, 128, 130, 131, 190, **267**, 268, 288
Шулэ см. Цюйша
Шугнан, город 279, 302
Шумань см. Сумань
Шэ 葉, река 157; см. также Сырдарья
Шэвэй см. Шравасты
Шэдотулу 設多圖盧, страна 29, 216, 222, **297**
Шэланьдало 閼爛達羅, страна 216, 221, **297**
Шэми см. Шанми
Шэньду см. Индия
Шэцзело 奢羯羅, город 217, 220, 229, 296; см. также Сакала
Эна 頽那, гора 148
Эсичидало 埜醯掣咀羅, страна 29, 217, 233, **299**
Южно-Аличурский хребет 19
Южное море (Наньхай 南海), Аравийское море 125
Юймо 於摩, страна 11, 117, **262**
Юйтянь см. Хотан
Ява 15; см. также Елоти
Янгисар, город 20, 303
Янлоу 養樓, горы 115, 260
Яньмоуна 閼牟那, Ямуна, Джамна, река 226, 265, 272
Яньци см. Ацини
Яркенд, река 20

Указатель терминов, встречающихся в текстах переводов

- абхидхарма (abhidharma, *апитань* 阿毗曇) 124, 223, 266
- архат (arhat, *алохань* 阿羅漢, *лохань* 羅漢) 49, 100, 118, 122, 127, 134, 137, 138, 141, 143, 146, 147, 162, 165, 168, 170, 184, 194, 195, 202, 206, 209–212, 215, 221, 222, 224, 226, 228, 231, 242, 246, 247, 249, 251–256, 258, **262**, 269, 292, 294
- асанкхьеякальпы (asaṃkhyeyakalpa, *асэнди-цзе* 阿僧祇劫) 146, **273**
- бодхи (bodhi, *путти-шу* 菩提樹), дерево 70, 88, 139, 141, 145, 163, 187, 206, **271**
- бодхисаттва (bodhisattva, *нуса* 菩薩) 116, 118–120, 122, 135, 138, 139, 146, 147, 167, 170, 183, 186, 189, 191, 192, 197–199, 202, 204, 214, 220, 223, 224, 227–230, **261**, 262, 264, 271, 273, 286–288, 292
- «Большая колесница» (mahāyāna, *дашэн* 大乘) 73, 116, 117, 135, 166, 177, 182, 192, 193, 196, 203, 207, 208, 214, 215, 222, 224, 228, 231, 233, 236, 238, 249, **261**
- брахман (brāhmaṇa, *поломэн* 婆羅門) 106, 124, 125, 127, 128, 130, 135, 136, 143, 149, 168, 169, 171, 174, 175, 177, 182, 185, 189, 192, 194, 195, 197, 225, 226, **266**, 289
- брахмачарин (brahmacārin, *фаньчжи* 梵志) 194, **290**
- бхадракальпа (bhadrakalpa, *сянь-цзе* 賢劫) 88, 96, 134, 148, 184, 221, **269**
- бхишну (bhikṣu, *бицю* 比丘) 83, 119, 134, 135, 137, 138, 140, 141, 145, 147, 149, 203, 207, 228, 241, 247, **263**, 269
- бхишнуни (bhikṣuṇī, *бицюни* 比丘尼) 124–126, 223, 234, 235, **266**
- вайшья (vaiśya, *фэйшэ* 吠舍) 177, 182, 223, **285**
- виная (vinaya, *люй* 律) 15, 24, 38, 115, 124, 134, 139, 144, 152, 153, 207, 223, 260, 266, 269
- «внешний путь», «внешние учения» (*вай-дао* 外道) 28, 33, 34, 108, 174, 190, 191, 221, 223, 226, 232, 233, **284**
- «восемь обетов поста» (*ба цзечжэй* 八戒齋) 141, **272**
- «восемь путей к освобождению» (aṣṭa-vimokṣa, *ба цзето* 八解脱) 209, **294**
- гатха (gāthā, *цзи* 偈) 143, 197, **272**
- гоширша (gośirśa, *нютоу чжэсаньтань* 牛頭栴檀), сандал 97, 122, 128, **265**
- данапати (dānapati, *таньюэ* 檀越) 58, 115, 126, **260**
- «десять добродетелей» (daśaśīla, *ши шань* 十善) 70, 163, **281**
- Джамбудвипа (Jambudvīpa, Яньфути 閻浮提) 14, 19, 43, 81, 90, 96, 120, 125, 136, 140, 148, 231, 235, 237, 238, 243, **264**, 287
- дхармагупта (dharmagupta, *фами-бу* 法密部) 196, **290**
- дхармы (как элементы сознания) (dharmā, *фа* 法) 227, 235, **297–298**, 300
- дэва (deva, *тянь* 天) 14, 40, 81, 93, 95, 96, 99, 103, 108, 116, 119, 120, 125, 126, 129–131, 134–136, 138, 139, 141, 147, 148, 153, 162, 166, 175, 180, 182, 183, 186, 191–193, 196, 199, 207, 213, 216, 217, 220–224, 226, 227, 231–236, 241, 245, 249, 252, 255, **261**, 271, 275, 288, 299, 300
- «желания [одного из] трех миров» (*сань цзе юй* 三界欲) 189, 215, **288**
- кашья (kaśāya, *цзяша* 袈裟) 76, 100, 165, 197, 247, **282**
- кашьяпия (kāśyāpiya, *иньгуан-бу* 飲光部) 196, **290**
- кшатрий (kṣatriya, *шадили* 刹帝利) 165, 174, 177, 178, 182, **282**

локоттаравада (lokottaravāda, *шочуши-бу* 說出世部) 164, **281**
 «малая колесница» (hīnayāna, *сяошэн* 小乘) 26, 73, 115, 116, 119, 120, 123, 126, 127, 142, 155, 161, 163, 164, 173, 189, 191, 192, 220, 221, 223, 224, 226–228, 232, 233, 238, 244, 247, 248, **261**
 махасангхика, махасангхики (mahāsaṅghika, *мохэсэнди-бу* 摩訶僧祇部, *дачжун-бу* 大眾部) 143, 196, 216, 237, **272**, 290
 махаяна (mahāyāna, *мохэянь* 摩訶衍) 124, **266**
 махишасака (mahīśāsaka, *мишатай-бу* 彌沙塞部, *хуади-бу* 化地部) 148, 196, **273**, 290
 мокшамахапаришад (mokṣamahāpariṣad, *учжэ дахуй* 無遮大會) 90, 164, 165, **281**
 мощи (śarīra, *шэли* 舍利) 91, 93, 130, 132–134, 136, 167, 170, 186, 187, 198, 202, 208, 214, 215, 220, 221, 223, 226, 230, 254, 255, **283**
 «небеса тридцати трех» (Trayastrīṅśa, *даоли-тянь* 忉利天) 42, 98, 99, 125, 128, 131, 234, **266**, 268
 «небеса Тушита» (Tuṣita, *Душидо* 覩史多) 95, 118, 147, 202, 228, **262**
 нивасана (nivasana, *нифосена* 泥縛些那) 174, **284**
 нирвана (nirvāṇa, *неюань* 涅槃, *непань* 涅槃) 39, 71, 81, 119, 120, 124, 125, 127, 138–140, 142, 162, 164, 173, 186, 190, 198, 202, 209, 210, 212, 221, 247, **263**
 «тихое угасание» (*цзиме* 寂滅) 165, 192, **288**
 «обмазывающиеся золой»; те, кто обмазываются золой (pāśupata, *тухуй* 塗灰) 166, 221, 233, 250, **282**
 «община четырех стран света» (*сыфан сэн* 四方僧) 116, 221, **261**
 «отрешенная жизнь» (*ань цзюй* 安居) 100, 117, 124, 149, 151, 159, 165, 173, **262**, 282
 панчапаришад (pañcapariṣad, *паньчжэюэши* 般遮越師, *у нянь дахуй* 五年大會) 117, **262**
 паринирвана (parinirvāṇa, *бониюань* 般尼洹) 41, 42, 71, 93, 102, 128, 130–134, 136, 138, 146, 226, **267**
 патра (pātra, *бо* 鉢) 87, 88, 94–96, 100, 109, 118, 120, 121, 133, 139, 146–148, 165, 186, **262**
 «плод» (phala, *го* 果) 70, 83, 89, 91, 131, 138, 162, 163, 194, 195, 198, 211, 212, 219–221, 224, 249, **268**, 280
 «священный плод» 162, 189, 211, 228, 241, **294**
 праджняпарамита (prajñāpāramitā, *божэболоми* 般若波羅蜜) 124, **266**
 пратьекабудда (pratyekabuddha, *бичжифо* 辟支佛, *ду цзюэ* 獨覺) 122, 127. 134, 141, 142, 165, **265**
 пуньяшала (puṇyaśālā, *бэньжэшиэло* 奔攘舍羅) 232, 246, **298**
 «пять заповедей» (pañcaśīlā, *у цзе* 五戒) 70, 163, **280**
 Пять Индий см. Указатель географических названий, с. 321, Индия
 «пять колесниц» (*у шэн* 五乘) 175, **285**
 «пять наук» (pañcavidyā, *у мин* 五明) 211, 284
 Саддхарма (saddharma, *шаньфа тан* 善法堂), зал 234, **300**
 самадхи (samādhi, *дин* 定, *цзи дин* 寂定) 93, 100, 134, 165, 184, 196, 207, 215, 234, 246, 247, 249, **270**
 «растущее проникновение» (*фатун дин* 發通定) 228, **298**
 «угасание сознания» (*месинь дин* 滅心定) 252, **303**
 самматия (saṃmatīya, *чжэньлян-бу* 正量部) 233, 234, **299**
 сангхарам (saṅghārāma, *цзялань* 伽藍, *эньцзялань* 僧伽藍) 119, **261**, 263

сангхати (saṅghatī, *сэнцзячжи* 僧迦胝) 70, 94, 100, 122, 131, 163, 165, 174, 185, **265**
санкакшика (saṅkakṣikā, *сэнцзеци* 僧却崎) 70, 163, **281**
сарвастивада (sarvāstivāda, *саподо чжун* 薩婆多衆, *шоицею-бу* 說一切有部) 26, 143, 152, 153, 155, 163, 196, 221, 227, 228, 230, 244, 247, 248, **272**, 290
саутрантика (sautrāntika, *цзин-бу* 經部) 204, 245, **293**
«семь драгоценностей» (драгоценных камней) (saptaratna, *ци-бао* 七寶) 99, 106, 116, 121, 122, 125, 139, 145, 185, 261
«семь драгоценностей» [чакравартина] (saptaratna, *ци-бао* 七寶) 235, **300**
Суварначакравартин (suvarṇasakravartin, *цзиньлунь-ван* 金輪王) 165, **281**
сутра (sūtra, *цзин* 經) 15, 40, 94, 95, 119, 124, 137, 143, 144, 147, 148, 150, 152–154, 173, 177, 189, 215, 223, 231, 266
те, кто обмазываются золой см. «обмазывающиеся золой»
«тихое угасание» см. нирвана
три будды прошлого (*гоцюй сань фо* 過去三佛) 126, **266**
«три мира» (triloka, *сань цзе* 三界) 251, **303**
«три проникновенных знания» (trividya, *сань мин* 三明 или *сань мин чжи* 三明智) 189, 206, 211, **288**
«три пути мрака» (*сань минту* 三冥途) 225, **297**
«три сокровища» (triratna, *сань бао* 三寶) 119, 120, 141, 148, 151, 154, 164, 165, 169, 195, 203, 209, 210, 216, 218, 221, 236, 240, 244, 248, **263**, 294
«три сокровищницы» (triṣṭaka, *сань цзан* 三藏) 211, 212, 231, **294**
«три чистых [вида мяса]» (*сань цзин* 三淨) 152, 153
уттарасанга (uttarāsaṅga, *юйдолосэн* 鬱多羅僧) 70, 163, **281**
ушниша (uṣṇīṣa, *дингу* 頂骨) 121, 122, 170, 185, **264**
чакравартин (cakravartin, *чжуаньлунь-ван* 轉輪王) 83, 125, 191, 234, 235, **266**
чандала (caṇḍāla, *чжаньтуло* 旃荼羅) 83, 124, 205, **265**, 293
четыре будды прошлого (*гоцюй сы фо* 過去四佛), четыре будды (*сы фо* 四佛) 127, 137, 144, 186, 191, 220, 221, 223, 232, 233, 234, **266**
«четыре великие ступы» (*сы да та* 四大塔) 42, 71, 120, 139
«четыре великих сокровища» (*сы да бао цзан* 四大寶藏) 204, **293**
«четыре [вида] живых существ» (catuṣ-yoni, *сы шэн* 四生) 209, 212, 218, 251, **294**
«четыре отдела общины» (*сы бу чжун* 四部衆) 128, 145, 147, **273**
«четыре [рода] вещей», «четыре вещи» (*сы ши* 四事) 154, 210, **275**
«четыре плода» (*сы го* 四果) 162, **280**
«чистые люди» (*цзин жэнь* 淨人) 177, 234, **285**
шастра (śāstra, *лунь* 論) 28, 126, 161, 177, 186, 189–192, 194, 211, 212, 215–217, 221, 226, 228–231, 245, 280, 284, **290**, 295
«шесть священных способностей», «шесть способностей» (ṣaḍabhijñā, *люй шэнь тун* 六神通, *люй тун* 六通) 189, 209, 211, 215, **288**
шлока (śloka, *сун* 頌) 194, 212, 229, 249, **290**
шраман (śramaṇa, *шамэнь* 沙門) 115–117, 119, 125, 126, 130, 135, 142–144, 146, 149, 150, 174, 180, 182, 190, 194, 203, 213–215, 241, 242, 249, 254, **261**, 272, 284
шраманера (śrāmaṇera, *шамми* 沙彌) 124, 132, 168, 207, 215, 252, 253, **266**
шротапанна (śrotāpanna, *сюйтоюань* 須陀洹) 131, 138, **268**
шудра (śūdra, *шутто* 戍陀) 178, 227, **285**
якша (yakṣa, *яоча* 藥叉) 108, 167, 199, 208, 211, 212, **283**

Список текстов, упоминаемых в переводах

- «Абхидхармавибхаша-шастра» (Abhidharmavibhāṣā-śāstra) — «Апидамо пипоша лунь» 阿毗達磨毗婆沙論.
- Абхидхармаджнянапрастхана-шастра (Abhidharmajñānaprasthāna-śāstra) — «Фа чжи лунь» 發智論.
- «Абхидхармакоша-шастра» (Abhidharmakośa-śāstra) — «Апидамо цзюйшэ лунь» 阿毗達摩俱舍論.
- «Абхидхармапитака» (Abhidharmapiṭaka) — «Апидамо цзан» 阿毗達磨藏.
- «Абхидхармапракаранапада-шастра» (Abhidharmaprakaraṇapāda-śāstra) — «Чжун ши фэнь апидамо лунь» 衆事分阿毗達磨論.
- «Ви́бхаша-шастра» (Vibhāṣā-śāstra) — «Пипоша лунь» 毗婆沙論.
- «Винайавибхаша-шастра» (Vinayavibhāṣā-śāstra) — «Пинае пипоша лунь» 毗奈耶毗婆沙論.
- «Вьякарана» (Vyākaraṇa) — «Шэн мин лунь» 聲明論.
- «Винайпитака» (Vinayaṭīkā) — «Пинае цзан» 毗奈耶藏, «Люй цзан» 律藏.
- «Диргхагама» (Dīrghāgama) — «Чан ахань» 辰阿含.
- «Ньяянусара-шастра» (Nyāyānusāra-śāstra) — «Шунь чжэн ли лунь» 順正理論.
- «Парамартхасатья-шастра» (Paramārthasatya-śāstra) — «Шэн иди лунь» 勝義諦論.
- «Паринирванасутра» (Parinirvāṇa-sūtra) — «Паньниюань цзин» 槃泥洹經.
- «Пракаранападави́бхаша-шастра» (Prakaraṇapādavibhāṣā-śāstra) — «Чжун ши фэнь пипоша лунь» 衆事分毗婆沙論.
- «Самьюктабхидхарма-шастра» (Saṃyuktābhidharma-śāstra) — «Цза апидамо лунь» 雜阿毗達磨論.
- «Самьюктабхидхармахридаяшастра» (Saṃyuktābhidharmahrīdaya-śāstra) — «Апидамо мин чжэн лунь» 阿毗達磨明證論, «Цза апитань син» 雜阿毗曇心.
- «Самьюктагама» (Saṃyuktāgama) — «Цза ахань» 雜阿含.
- «Самьюктасанчаяпитака» (Saṃyuktasañcayaṭīkā) — «Цза цзан» 雜藏.
- «Сиддхавасту» (Siddhavastu) — «Ши эр чжан» 十二章.
- «Сутрапитака» (Sūtrapīṭaka) — «Судалань цзан» 素呾攢藏.
- «Скандхадхатуаяатана-сутра» (Skandhadhātuāyatana-sūtra) — «Юнь цзе чу цзин» 蘊界處經.
- «Таттвасамчхая-шастра» (Tattvasaṃchaya-śāstra) — «Цзи чжэнь лунь» 集真論.
- «Таттва(?)-шастра» (Tattva(?)śāstra) — «Бянь чжэн лунь» 辯真論.
- «Упадеша-шастра» (Upadeśa-śāstra) — «Убодишо лунь» 鄔波第鑠論.
- «Цзюйшэ бао лунь» 俱舍雹論 — Kośa(?)śāstra.
- «Шурангама [сутра]» (Śūrāṅgama[-sūtra]) — «Шоулэньянь [цзин]» 首楞嚴[經].

Summary

The time of Chinese pilgrimages to India has been recorded in the voluminous and substantial texts of the pilgrims themselves, which comprise an entire variety of impressions about the countries they visited. In the Buddhist canon, these are, first, Fa Xian's records (*Fo guo ji*: “Records of the Buddhist Countries”), who travelled to India at the beginning of the 5th c., and, especially, the comprehensive book by Huan Zang, who travelled in the 7th c. and left the *Da Tang xi yu ji*: “Records of the Western Lands [Compiled under the Rule] of the Great T'ang Dynasty”.

The monograph is devoted to the source and historical and cultural analysis of Chinese pilgrim texts; it addresses the issues connected with source studies through the prism of culturological approach. The reading and interpretation of the sources is quite difficult. The authors adhere to the ancient text tradition and literary canons, hence the indirect correlation between text and reality.

Then first chapter of the study (**Creating a pilgrim's text**) analyzes the sources for the formal creation of a pilgrim's text, and mainly the correlation between the Chinese tradition of describing geographical localities (the Western lands) and the inevitable transformation of the tradition in a Buddhist text. The pilgrim, following a path laid down by imperial messengers and Buddhist preachers, synthesized the both textual traditions. Yet the meaning of his journey, which differs from that of a Confucian geographical treatise and retraces backwards the path of the Buddhist preachers, created new semantics and new values for the text, which called for a new structure and for the development of the genre of pilgrim's reports. Having taken up the principle of brief “report” structured in accordance with predefined uniform principles, which is typical of geographical treatises, Huan Zang brings it to its logical limit, building up a sequence of “signs”, modifying the meanings thereof and giving his own reasons for the scheme in accordance with his vision of geographical space. The text following the “report” about a country is characterized mainly by a large amount of narratives which relate the events from Buddhist legend and center around the holy sites. Comparison of the legends quoted by Huan Zang or Fa Xian with Sanskrit or Pali texts allows to show, in particular, the fluctuation of genre borders for the Buddhist literature that circulated in various parts of India. Hence, it seems possible to raise the issues connected with the development of Buddhist tradition as based on the study of a pilgrim's text in

comparison with Sanskrit and Pali literature. In a text by a Chinese pilgrim, relating a legend means first and foremost expressing a cultural tradition, which is endowed with an age-old heritage, with its own specific relations within Indian culture and its own genetic links to older strata within that culture. This is the subject of the second chapter of the monograph, **Legends of the Nagas and Buddhist historiography**. The “geographical” approach to Buddhist legend makes up for the neglected geographical aspect in Indian texts; also, the “non-historicity” of the latter — at least, the sparsity of geographical data in the Indian tradition — calls for additional material or at least an explanation in the rich collection of legends (local or literary) that is represented in pilgrims’ writings. The present work analyzes several Buddhist narratives connected with kingdom and kingship, which were especially important for the evolution of historical tradition. The emphasis on royal symbolism in Buddhism enables this semantic potential to develop, within Buddhism, into a principle of building up a “history” that makes use of the previous semantics as well. These approaches to historiography can also be seen in Huan Zang’s book, which preserves the structure of Indian legends, especially evident in his “history” of Kashmir.

The “records” of Chinese pilgrims to India offer specific opportunities for religious study of early Buddhism, which are the subject of the third chapter of the monograph, **Space semantics in Buddhist culture and the pilgrim’s text**. The exceptionally wide vision of the Buddhist world characteristic of pilgrim literature, and especially of Huan Zang’s text which is all-encompassing in its intent, also provides for a wide overview of Buddhist culture of the time — the notions expressed in ritual practice, in legend, in architecture, in cult and monastic artifacts that show the unity and interpenetration of semantics and allow for a broad survey of Buddhist culture in the relevant period, with the Stupa having the most important role and accumulating the spatial and axiological images of Buddhist culture. The orientation of the pilgrim’s text, as well as of the pilgrim’s way, towards the image of the Stupa, which is surrounded by its own cult and legend, allows the authors to track the semantic situation, its trends and the genesis of cultural stereotypes.

The final part of the monograph includes a **commented translation** of Fa Xian’s text and chapters 1–4, 12 by Huan Zang.

Оглавление

Введение	3
Предварительные замечания: карта путешествий китайских паломников	11
Глава I	
Создание паломнического текста	24
Глава II	
Легенды о нагах и буддийская историография	45
Глава III	
Семантика пространства в культуре буддизма и текст паломника	69
Заключение	112
Переводы	
<i>Фа-сянь.</i>	
Записки о буддийских странах (Фо го цзи)	115
<i>Сюань-цзан.</i>	
Записки о западных странах, [составленные в правление] великой [династии] Тан (Дай Тан си юй цзи)	
Цзюань I. Тридцать четыре страны	152
Цзюань II. Три страны	171
Цзюань III. Восемь стран	195
Цзюань IV. Пятнадцать стран	216
Цзюань XII. Двадцать две страны	235
Комментарий	260
Список сокращений	305
Библиография	306
Список литературы, использованной в комментарии	310
Указатель имен	312
Указатель географических названий	318
Указатель терминов, встречающихся в текстах переводов	330
Список текстов, упоминаемых в переводах	333
Summary	334

ISBN 978-5-02-018408-4

9 785020 184084